ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

http://www.voennoepravo.ru

№ 4 (86) 2024

Редакционный совет

1. **Бараненков Вячеслав Вячеславович,** доктор юридических наук, профессор
2. **Глухов Евгений Александрович,** кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры ФГКВУ ВО «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии»
3. **Ермолович Ярослав Николаевич,** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
4. **Корякин Виктор Михайлович,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права ФГВКУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России
5. **Маликов Сергей Владимирович,** доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета
6. **Свининых Евгений Анатольевич,** доктор юридических наук, доцент
7. **Сморчкова Лариса Николаевна,** доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН
8. **Туганов Юрий Николаевич,** доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии
9. **Холиков Иван Владимирович,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **Эл 77-4305** от 16.01.2001 г.
Номер **ISSN: 2074-1944**

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Решением президиума Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 26 апреля 2019 г. издание с 7 мая 2019 г. по 28 февраля 2023 г. было включено в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук** по группе научных специальностей 20.00.00 — Военные науки
С 4 сентября 2023 г. издание включено в указанный Перечень по группе научных специальностей 6.0.0 — Военные науки (№ 903 Перечня по состоянию на 10.06.2024)

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
http://www.voennoepravo.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений ……..…….. 6

Правовое обеспечение национальной безопасности

1. **Боброва О.Г.**
Оборона Государственной границы Российской Федерации в системе военной безопасности: международно-правовой аспект ……9
2. **Редкоус В.М.**
Общая характеристика правового положения органов национальной безопасности Республики Таджикистан ……..... 22
3. **Синяева Н.А., Самодуров Д.И.**
Военная безопасность в Арктике в связи с расширением НАТО в Северной Европе …….....……..…. 33
4. **Чучулаева А.И.**
Правовое регулирование военной безопасности как фактора обеспечения национальной безопасности …….....…… 41

Теория и история военного права

5. **Белый П.Ф.**
История регулирования вооруженных конфликтов …..... 49
6. **Кахкцян А.С.**
Метод военного права Республики Армения …..….....……..…… 56

Военно-административное право

7. **Беда Н.В., Кириченко Н.С.**
О некоторых правовых режимах, вводимых в целях обеспечения безопасности населения (военно-правовой анализ) …… 61
8. **Корякин В.М.**
Правовое обеспечение специальной военной операции и его место в общей системе всестороннего обеспечения боевых действий ……..…..….. 66
9. **Минтягов С.А.**
Концептуально-правовые основы организации правоохранительной деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации ……78

Военные аспекты гражданского права

10. **Федоров П.Е.**
Проблема нулевой рентабельности привнесенных расходов исполнителя по государственному оборонному заказу ……..…… 85

Военная служба. Статус военнослужащих

11. **Глухов Е.А.**
Повышенная опасность характера военной службы для жизни и здоровья военнослужащих как составляющая их правового статуса 91
12. **Джамалов Ю.Д., Харитонов С.С.**
Вопросы реализации на практике норм о денежном довольствии военнослужащих и отдельных выплатах: военно-судебная практика …….....…… 97
13. **Цуциев С.А.**
Система обеспечения безопасности военной службы в аспекте обобщающей теории гигиенического нормирования …….....…… 104
14. **Шарифзода П.Р.**
Правовое регулирование воинской обязанности и военной службы в Республике Таджикистан 110

Судебная и прокурорская деятельность

15. **Анисимов В.С., Бабоян Г.С.**
Инновационные подходы к прокурорскому надзору в цифровую эпоху **122**
16. **Наумов П.Ю., Утюганов А.А., Мелентьев И.С.**
Заметки о подсудности споров об обжаловании сотрудниками войск национальной гвардии Российской Федерации решений (заключений), вынесенных по итогам проведения военно-врачебной экспертизы **126**

Уголовное право и криминология

17. **Борисов А.В.**
К вопросу о понятии и классификации преступлений против военной службы **133**
18. **Загубный Д.Ю.**
Уголовно-правовая характеристика самовольного оставления части или места службы ... **138**
19. **Иванов А.Л., Ермолович Я.Н.**
Убийство с особой жестокостью: практические вопросы квалификации **147**
20. **Мозговой Я.С.**
Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами: анализ механизма преступления **155**
21. **Никонович С.Л., Тищенко А.О.**
Проблемы квалификации мародерства в условиях проведения специальной военной операции и чрезвычайного положения **161**
22. **Смирнов Д.В., Харитонов С.С.**
Некоторые вопросы военно-судебной практики применительно к квалификации преступлений **167**
23. **Чукин Д.С., Фартуков Д.Н.**
Нарушение обязанностей по несению караульной службы как должностное преступление **173**

Уголовный процесс и криминалистика

24. **Гирько С.И., Харченко С.В.**
Роль и значение различных учетов в раскрытии и расследовании преступлений **179**
25. **Шестак В.А., Шудегова Ю.Ю.**
Перспективы внедрения электронного уголовного дела в уголовное судопроизводство **184**

Военные проблемы международного права

26. **Баймышев В.Г.**
Об особенностях формирования института международно-правовой ответственности международных организаций в современных условиях **190**
27. **Белый П.Ф.**
Понятие и признаки комбатантов **199**
28. **Свининых Е.А., Яковлев М.А.**
Правовой режим буферной зоны как средства защиты гражданского населения от применения военной силы и предупреждения вооруженного конфликта между сопредельными государствами: зарубежный опыт **205**
29. **Шаковец О.В., Ломакина Т.В.**
Расширение НАТО в Северной Европе: перспективы обеспечения региональной безопасности **221**

Рецензии на военно-правовые издания

30. **Иванов В.Ю.**
Социальные гарантии участникам специальной военной операции:
первый общедоступный учебник для широкого круга читателей …… **229**
31. **Сынков Н.Е.**
Формирование правовой культуры военнослужащих на основе
традиционных духовно-нравственных ценностей **234**

Указатель сокращений

абз. — абзац

БВС — Бюллетень Верховного Суда

БПЛА — беспилотный летательный аппарат

ВВС — Военно-воздушные силы

ВКС — Воздушно-космические силы

ВМС — Военно-морские силы

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВПК — военно-промышленный комплекс

ВСУ — Вооруженные силы Украины

ВУ — Военный университет имени князя Александра Невского Минобороны России

ВЭД — внешнеэкономическая деятельность

ГИБДД — Государственная инспекция безопасности дорожного движения

ГИАЦ — Главный информационно-аналитический центр

ГДР — Германская Демократическая Республика

гл. — глава

ГОЗ — государственный оборонный заказ

ГПВ — Государственная программа вооружений

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ДОВСЕ — Договор об ограничении обычных вооружённых сил в Европе

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЕАЭС — Евразийский экономический союз

ЕС — Европейский Союз

ЗРК — зенитный ракетный комплекс

ИЦ — информационный центр

ИИ — искусственный интеллект

КБ — конструкторское бюро

КНДР — Корейская Народно-Демократическая Республика

МГП — международное гуманитарное право

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минэкономразвития России — Министерство экономического развития Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

МККК — Международный комитет Красного Креста

млн. — миллион

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

ОВД — органы внутренних дел

ОДКБ — Организация договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

п. — пункт

ПВО — противовоздушная оборона

ПРО — противоракетная оборона

подп. — подпункт

РАН — Российская Академия Наук

РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы

РИД — результаты интеллектуальной деятельности

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РТ — Республика Таджикистан

руб. — рубль, рублей

РЭБ — радиоэлектронная борьба

СВО — специальная военная операция

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СПС — справочная правовая система

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УВП ВС РФ — Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УГиКС ВС РФ — Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГАОУ ВО — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

ФГБУН — федеральное государственное бюджетное учреждение науки

ФГБУ — федеральное государственное бюджетное учреждение

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКОУ ВО — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУЗ — федеральное государственное казенное учреждение здравоохранения

ФКУ — федеральное казенное учреждение

ФРГ — Федеративная Республика Германия

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ХАМАС — палестинская исламистская (суннитская) террористическая политическая и военная организация, управляющая Сектором Газа.

ЦАХАЛ — Армия обороны Израиля

ч. — часть

ЭКЦ — экспертно-криминалистический центр

Правовое обеспечение национальной безопасности

Оборона Государственной границы Российской Федерации в системе военной безопасности: международно-правовой аспект

© **Боброва Ольга Геннадьевна**,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий 20 кафедрой (военного права) ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. Статья посвящена проблеме уточнения юридического статуса и правового положения Государственной границы как стратегического элемента системы военной безопасности Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции, в том числе выдвинута и обоснована необходимость применения правовой характеристики таких элементов системы обеспечения военной безопасности Государственной границы, как оборона, защита и охрана. Автором предложены проекты нормативных новелл, принятие которых позволит усовершенствовать осуществление совместной обороны государственной границы в рамках функционирования единого оборонного пространства Союзного государства России и Белоруссии, а также внести необходимые изменения в правовой статус их субъектов, привлекаемых к обороне.

Ключевые слова: Вооруженные Силы; пограничные органы; Государственная граница Российской Федерации; военная безопасность; специальная военная операция; оборона; Союзное государство.

Defense of the State Border of the Russian Federation in the military security system: international legal aspect

© **Bobrova O.G.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the 20th Department (Military Law) of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the problem of clarifying the legal status and legal position of the State Border as a strategic element of the military security system of the Russian Federation in the context of a special military operation, including the need to apply the legal characteristics of such elements of the military security system of the State border as defense, protection and protection. The author proposes draft normative novels, the adoption of which will improve the implementation of joint defense of the state border within the framework of the functioning of the unified defense space of the Union State of Russia and Belarus, as well as make the necessary changes to the legal status of their subjects involved in defense.

Keywords: Armed Forces; border authorities; State border of the Russian Federation; military security; special military operation; defense; Union State.

Актуальность вопросов правового обеспечения военной безопасности государственной границы и приграничных территорий, совершенствования их обороны в условиях современных вооруженных конфликтов находятся в центре внимания ведущих специалистов науки военного права.

Так, например, профессор В.М. Корякин, рассматривая особенности правового

регулирования реализации режима военного положения на территории приграничных субъектов Российской Федерации, считает, что в целях выполнения задач по защите государственной границы Российской Федерации, по борьбе с диверсионно-разведывательными формированиями иностранных государств и незаконными вооруженными формированиями следует также возложить на оперативные штабы субъектов Российской Федерации, на территориях которых введен средний уровень реагирования, дополнительно возложены полномочия по обеспечению согласованности применения на территориях указанных субъектов Российской Федерации сил и средств Вооруженных Сил Российской Федерации, Росгвардии, МЧС России, органов внутренних дел Российской Федерации и органов федеральной службы безопасности, а также сил и средств соответствующих субъектов Российской Федерации[1].

Вполне обоснованной представляется точка зрения профессора Е.Н. Яковца о таких важнейших элементах национальной безопасности страны в условиях проведения СВО, как пограничная и таможенная безопасность. Кроме того, принципиально важной является его идея о возрождении пограничных войск, которые должны будут прикрыть юго-западные, западные, северо-западные и северные рубежи России, «где формируется новый «санитарный кордон» из враждебных государств». При этом сформулирован важнейший тезис о комплексной природе правового механизма противодействия угрозам военной безопасности на приграничных территориях. В соответствии с этим вектор усилий, ориентированных на противодействие им, должен иметь как внешнюю, так и внутреннюю составляющие и опираться на взаимодействие различных правоохранительных органов, спецслужб, войсковых подразделений и добровольческих формирований[2].

Вопросы обеспечения безопасности приграничных территорий посредством создания зон безопасности рассмотрены в работах доктора юридических наук М.А. Рыльской[3], связанных с формулировкой особенностей правовой природы зон безопасности, оккупированных и санитарных зон в соответствии с нормами и доктриной Международного гуманитарного права.

Классификация буферных зон в зависимости от цели их создания, а также особенности правового режима буферных зон освещены в работах Е.А. Свининых и М.А. Яковлева[4].

Проблемы военной безопасности Союзного государства Беларуси и России, исходящие, в том числе с подконтрольных США приграничных территорий Польши и Прибалтийских государств, сформулированы в исследованиях В.Г. Когута , Н.И. Уткина и В.М. Шеншина[5].

Важный аспект о парирования различных угроз военной безопасности России в условиях развернутой против нашей страны гибридной войны[6], предполагающей сочетание военных и невоенных мер, в том числе

[1] Корякин В.М. Правовое положение органов государственной власти и управления на территориях, где введено военное положение и (или) прилегающих к зоне вооруженного конфликта // Военное право. 2024. № 2(84). С. 38—47.

[2] Яковец Е.Н. О некоторых мерах, связанных с противодействием диверсионно- террористическим угрозам в условиях проведения специальной военной операции с целью демилитаризации и денацификации Украины // Военное право. 2024. № 3(85). С. 35—42.

[3] Рыльская М.А. Оккупация территории: особенности современного толкования правовых конструкций // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 27—32. Рыльская М.А. Нейтрализованные зоны, санитарные и безопасные местности в условиях вооруженного конфликта: юридические критерии и возможности создания // Вестник военного права. 2023. № 3. С. 7—12.

[4] Свининых Е.А., Яковлева М.А. Буферные зоны, создаваемые в период вооруженных конфликтов и после их окончания: понятие, виды, правовой режим // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 3(320). С. 24—32.

[5] Когут В.Г., Уткин Н.И., Шеншин В.М. Основные тенденции развития военно-политической обстановки вокруг Союзного государства Беларуси и России в контексте ее влияния на состояние национальной безопасности в военной сфере // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 5(322). С. 83—88.

[6] Холиков И.В. Современные военные угрозы: динамика трансформации и способы противодействия // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 6(323). С. 98—107.

экономических (торговых и таможенных), которые непосредственно связаны с обеспечением военной безопасности (например, санкционный режим в отношении импортных комплектующих для оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации) инициирует профессор И.В. Холиков, утверждая что «вопросы феномена гибридной войны, развязанной коллективным Западом против Российской Федерации, в условиях кризиса системы существующего мирового правопорядка»[1] предопределяет необходимость изменение парадигмы минимизации угроз военной безопасности России.

Итак, следует констатировать, что правовая категория «военная безопасность Российской Федерации» как «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой её применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять» в условиях СВО в полном объеме относима к обстановке на Государственной границе Российской Федерации и внешних границах союзного государства. Отмечается эскалация угроз военной безопасности, исходящих с приграничных территорий противника. Она является следствием многолетней последовательной целенаправленной милитаризации приграничных территорий Украины и реализуется в виде:

— регулярных обстрелов из тяжелых систем вооружения, ударных БПЛА (например, с учетом использования противником ретрансляторов, дальность применения FPV дронов может достигать 10—15 км) гражданского населения и объектов инфраструктуры приграничных и тыловых субъектов Российской Федерации;

— нападений на военнослужащих и гражданское население диверсионно-разведывательных групп;

— разрушении пограничной инфраструктуры и ликвидации военнослужащих пограничных органов и приданных им сил;

— проведением терактов и диверсий на объектах гражданской и военной инфраструктуры, включая особо важные объекты.

Также противник предпринимает меры невоенного характера (подп. «а» п. 15 Военной доктрины Российской Федерации, п. 7 Военной доктрины Союзного государства), направленные на уничтожение российской и белорусской экономики[2], в первую очередь оборонно-промышленного комплекса, в том числе:

— торговую блокаду (запрет на совершение внешнеэкономических сделок, включая куплю-продажу, страхование, международную перевозку, оказание услуг в международной торговле, с российскими участниками ВЭД по приобретению и импорту оборудования, электроники, которые могут быть использованы в военной, аэрокосмической и приборостроительной промышленности, а также в технологическом и энергетическом секторах);

— таможенную блокаду торговли стратегически важными товарами; запрет на совершение таможенных операций в отношении товаров, ввозимых и вывозимых с территории Российской Федерации как участника ЕАЭС, путем введения усиленного экспортного контроля и применение вторичных санкций к иностранным (не американским, не европейским) поставщикам комплектующих (в первую очередь, из Китая) и контрагентам российских юридических лиц из ЕАЭС (из Армении, Казахстана, Киргизии);

— пограничную блокаду (закрытие пунктов пропуска через государственные границы иностранных государств; противоправные действия в отношении пересекающих государственные границы иностранных государств граждан Российской Федерации, попытка их вербовки иностранными спецслужбами, незаконное изъятие транспортных средств международной перевозки, на которых осуществляется поставка импортных комплектующих).

Нагрузка на участки государственной границы, находящиеся вдали от зоны боевых

[1] Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38.

[2] ЕС распространил на Белоруссию некоторые антироссийские санкции. https://ria.ru/20240629/sanktsii-1956303593.html (дата обращения: 27.06.2024).

действий, кратно возросла в связи с перераспределением товарно-транспортных потоков. Состояние пограничной и таможенной инфраструктуры на указанных участках не во всех случаях отвечает требованиям обеспечения экономической, транспортной, миграционной, иных видов безопасности.

Таким образом, противник в лице коллективного Запада применяет в военном конфликте военную силу в сочетании с финансово-экономической и политической формами борьбы против России и Белоруссии. Следовательно, проведение СВО предопределило необходимость разработки правовых основ системы обеспечения безопасности государственной границы, которая включает не только военные методы и участие ключевых элементов военной организации государства, но и невоенные меры для обеспечения ее безопасности. Именно поэтому сегодня необходима система скоординированных мер по обеспечению военной безопасности государственных границ Союзного государства органами государственного и военного управления (п. 4 Военной доктрины Союзного государства).

Указанные угрозы позволяют говорить о ключевой роли обеспечения контура безопасности государственных границ в системе военной безопасности Союзного государства в условиях проведения СВО.

Важно подчеркнуть, что обеспечение пограничной безопасности в теории и практике рассматривалось начиная с 2000-х гг. до настоящего времени преимущественно как элемент государственной безопасности, недостаточно сопряженный с безопасностью военной. Выдвинутый тезис подтвержден как господствующими теоретическими подходами, так и содержанием межведомственных нормативных правовых актов в указанной предметной области. Начало и ход СВО свидетельствует о недопустимости такого подхода, который ставит под угрозу обеспечение суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности государственной границы, само суверенное существование Российской Федерации как государства-цивилизации[1] и полноправного члена международного сообщества, обладающего международной правосубъектностью.

Парадигма защиты и охраны государственной границы, которая характерна для мирного времени, утратила свою релевантность в условиях СВО в первую очередь на тех участках государственной границы, где идут боевые действия, которые сопряжены с зоной вооруженного конфликта (граница с Украиной), а также вблизи которых созданы милитаризованные зоны государств-членов НАТО (граница Российской Федерации с Норвегией, Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, США).

Перечисленные факторы предопределяют необходимость пересмотра системы правового обеспечения военной безопасности военными и невоенными методами в пограничном пространстве в условиях гибридизированного вооруженного конфликта. В частности, речь идет о необходимости теоретической разработки правового института обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации, включающего ее оборону (в первую очередь), защиту, охрану.

Как показывает проведенный системно-правовой и формально-догматический анализ, законодательство, регулирующее исследуемые отношения, отличается пробельностью и коллизионностью. Отсутствие системной и динамичного развивающейся правовой основы обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации в условиях современных вооруженных конфликтов, в свою очередь, не позволяет органам государственного управления, субъектам правоотношений адекватно реагировать на новые вызовы и угрозы в сфере военной безопасности.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»; Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г.; Сургуладзе В.Ш. Россия — государство-цивилизация: к вопросу о концептуальном видении роли страны в доктринальных документах государственного стратегического планирования // Власть. 2023. № 5. С. 7—19.

Федеральный конституционный закон «О военном положении», Федеральный закон «Об обороне», Закон Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации», Федеральный закон «О безопасности» , Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 174 «Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации», Военная доктрина, Стратегия национальной безопасности и иные нормативно-правовые акты Российской Федерации не образуют системного подхода к правовому обеспечению военной безопасности Государственной границы, территории приграничных субъектов, тыловых субъектов Российской Федерации в мирное время, в угрожаемый период и во время вооруженного конфликта. В п. 15 Военной доктрины России лишь упоминаются меры невоенного характера; в п. 13 Концепции внешней политики России от 31 марта 2023 г. говорится о том, что целью гибридной войны США и их союзников против России выступает всемерное ослабление России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности[1].

Указанные факторы предопределили необходимость постановки и научного осмысления вопроса о роли и месте обеспечения безопасности Государственной границы России в системе военной безопасности в частности и национальной безопасности суверенного российского государства в целом.

Обстановка на Государственной границе Российской Федерации с 2010 г. развивается в контексте угроз военного характера. До указанного периода она характеризовалась в основном наличием угроз национальной (государственной) безопасности. При этом военные меры были лишь одним из элементов обеспечения системы, направленной на противодействие угрозам национальной безопасности.

Переход военных опасностей в состояние военных угроз на Государственной границе Российской Федерации и на приграничных территориях детерминировал необходимость проведения СВО как акта упреждающей самообороны в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Таким образом, можно утверждать, что защита Государственной границы Российской Федерации, ее территориальной целостности и неприкосновенности в период проведения СВО возможна исключительно с привлечением ключевых элементов военной организации государства (подп. «к» п. 8 Военной доктрины) — Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, которые осуществляют свою деятельность военными методами для вооруженной защиты Российской Федерации.

При этом концепция защиты и охраны Государственной границы, существовавшая ранее и закрепленная нормами Закона о Государственной границе, Закона об обороне, Основ государственной пограничной политики, Стратегии национальной безопасности, Военной доктрины в условиях специальной военной операции и современных вооруженных конфликтов не может выступать политико-правовой и организационно-правовой основой и требует кардинального пересмотра. Как показал опыт специальной военной операции, комплексный ответ на угрозы военной и государственной безопасности действующими правовыми средствами дать практически невозможно. В этой связи Министр обороны Российской Федерации А.Р. Белоусов отметил, что «противник быстро учится, … необходимы упреждающие меры»[2].

Обеспечение защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации военными методами в условиях СВО предопределяет необходимость правового закрепления политико-правовыми нормами понятия «обеспечение безопасности Государственной границы Российской Федерации», включающего институт обороны, защиты и охраны Государственной границы,

[1] Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

[2] Белоусов назвал приоритеты на посту главы Минобороны. https://ria.ru/20240514/belousov-1945878693.html (дата обращения: 26.06.2024 г.)

обеспечения безопасности территории приграничных субъектов Российской Федерации и прилежащих (приграничных) территорий иностранного государства, которые являются источником военных угроз для неприкосновенности государственной границы, территориальной целостности Российской Федерации в особые периоды как элемента военной безопасности государства.

При этом обоснованными теоретическими предпосылками реализации указанных предложений служит тезис о том, что «оборона государства от возможного нападения иностранной державы является одной из важнейших функций государства. В современной военной теории оборона может включать в себя «упреждение», «упреждающий удар», «обезоруживающий удар» и другие эвфемизмы неспровоцированных наступательных военных действий»[1]. Военная безопасность определяется готовностью и способностью государства защищать свои интересы и суверенитет, противостоять военной агрессии и любым другим формам внешнего давления, в том числе, военного насилия или шантажа с позиции силы, а также пресекать попытки развязать гражданскую войну, межнациональные конфликты с применением насилия или террористической деятельности[2]. Таким образом построение системы безопасности государственной границы как элемента военной безопасности государства имеет в своей основе обладание «позитивной силой, способной превентивно или упреждающе сдерживать возможную агрессию»[3].

То же можно сказать о правовой природе совместной и коллективной обороны, построения единого оборонного пространства государственной границы и приграничных территорий, которая имеет историко-правовые предпосылки. Так, 9 октября 1992 г. было принято Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества независимых государств по обеспечению стабильного положения на их внешних границах[4]. В нем была отмечена заинтересованность в обеспечении стабильного положения на внешних границах государств-участников СНГ и в повышении ответственности в этом вопросе каждой из них в рамках Содружества. Безопасность государственных границ, достигаемая за счет координации, сотрудничества и оперативного взаимодействия погранвойск (войсковая компонента), служб государственной (национальной) безопасности, внутренних дел, таможенных органов, служб фитосанитарного контроля и консульских служб государств-участников Содружества, рассматривалась как средство обеспечения спокойной жизни и безопасности своих народов и государств и их территориальной целостности. Каждая из Сторон должна осуществлять надлежащие меры по обеспечению стабильного положения на внешних границах (ст. 2). В соглашении акцент сделан на превенцию кризисных ситуаций, тем более вооруженных конфликтов.

Пунктом 21.1. Военной доктрины Союзного государства в 2021 г. установлены правовые основы формирования единого пограничного пространства, осуществление охраны государственных границ государств-участников на основе единых принципов и требований.

Договором о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Корейской Народно-Демократической Республикой и Российской Федерацией[5] от 19 июня 2024 г. регламентировано развитие межрегиональ-

[1] Рыльская М.А. Военное право как универсальный инструмент обеспечения безопасности государства. Контроверзы предмета военного права в современных условиях // Доклад на межведомственной научно-практической конференции «Военное право в условиях современных вызовов и угроз». 24 апреля 2021 г. Москва, Военный университет.

[2] Там же.

[3] Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 31—47.

[4] Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества независимых государств по обеспечению стабильного положения на их внешних границах (от 9 октября 1992 г.) // Официальный портал правовой информации. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203003531&page=1&rdk=0&link_id=11#I0 (дата обращения: 26.06.2024 г.)

[5] Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК). http://www.kcna.kp/ru/article/q/848b072d48dcc965d89ce5f716e78e71.kcmsf (дата обращения: 26.06.2024 г.)

ного и приграничного сотрудничества в сферах, представляющих обоюдный интерес, исходя из его особой важности для расширения всего комплекса двусторонних отношений. Таким образом, обеспечение безопасности Государственной границы с историко-правовой и сущностной точки зрения выступает элементом военной безопасности России и ее военно-политических союзников, создает основу для совместной обороны государственных границ и приграничных территорий. Схожие тенденции наблюдаются в правовой системе недружественных государств и интеграционных объединений (Европейский Союз, НАТО).

Легальная дефиниция понятия оборона включает систему политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности её территории (п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне»). При этом важно отметить, что превентивный (упреждающий) рубеж обороны Вооруженных Сил Российской Федерации, пограничных органов, войск национальной гвардии в зоне СВО расположен на территории государства-агрессора, за пределами территории Российской Федерации. Такое положение дел традиционно сопровождает вооруженные конфликты. В XX в., например, зафиксировано участие пограничных войск в девятнадцати военных конфликтах, из них в восьми случаях они действовали за пределами государства[1]. Однако, сегодня выявлена коллизия между необходимостью развёртывания превентивного (упреждающего) рубежа обороны на приграничной территории государства-агрессора и отсутствием полномочий на осуществление пограничной деятельности на территории иностранного государства у военнослужащих пограничных органов ФСБ России.

Устранение указанной коллизии возможно путем внесения изменений в п. 1 ст. 1 Закона об обороне: «Государственная граница выступает отдельным объектом обороны наряду с самим суверенным существованием Российской Федерацией, ее целостностью и неприкосновенности ее территории, поскольку в обороне Государственной границы задействована территория государства-агрессора (зоны безопасности, демилитаризованные зоны)». Внесение изменений в п. 1. ст.1 Закона об обороне предопределяет необходимость внесения изменений в п. 5 этой же статьи (в части указания на пограничные органы как субъекты, привлекаемые к обороне)[2].

Значение предлагаемых изменений в Закон об обороне заключается в следующем:

1. Создание правовой основы для военнослужащих пограничных органов осуществлять должностные обязанности за пределами территории Российской Федерации — на подготовительном рубеже обороны государственной границы.

2. Закрепление оснований для получения статуса ветерана боевых действий, что было ранее затруднено в связи с тем, что военнослужащие пограничных органов считались исполняющими обязанности военной службы на территории Российской Федерации, а не на территории, на которой проходит денацификация и демилитаризация Украины как целей СВО.

3. Адаптация российского законодательства к условиям вооруженного конфликта. Для осуществления обороны Российской Федерации необходимо создание зон безопасности (демилитаризованных зон[3]) на территории иностранного государства-агрессора (п. 34 Военной доктрины). С позиции норм национального и международного права это может быть обосновано следующим образом:

3.1) нормы международного права: СВО — это упреждающая самооборона от действий государства-агрессора (ст. 51 Устава ООН) в связи с образованием им милитаризованной зоны вдоль Государственной границы Российской Федерации и Государственной границы Союзного государства.

[1] Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. На страже границ отечества. М.: Изд. «Граница», 2000. С. 3.

[2] До 2005 г. такое положение существовало; из п. 5 Федеральным законом от 7 марта 2005 г. № 15-ФЗ изъяли указание на пограничные войска федеральной службы безопасности.

[3] Рыльская М.А. Оккупация территории: особенности современного толкования правовых конструкций // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 27—32.

Как было указано ранее, такие зоны образуют государства-члены НАТО, например, в северо-западном регионе Европы. В рамках самообороны необходима демилитаризация таких зон (образование зон безопасности), которые расположены на территории и в акватории иностранного государства-агрессора вдоль российской Государственной границы. Предпосылками указанного тезиса является применение противником дальнобойных артиллерийских систем, ударных БПЛА, объявление военно-политическим руководством Украины морских портов Анапы, Новороссийска, Геленджика, Туапсе, Сочи и Тамани зоной военной угрозы[1]. Таким образом, такое положение дел детерминирует военные угрозы не только приграничным, но и тыловым территориям Российской Федерации и Союзного государства. Образование зон безопасности является жизненно необходимым для полноценного обеспечения военной безопасности в условиях исчерпания иных международно-правовых средств. Следовательно, зоны безопасности по своему правовому статусу могут быть рассмотрены как элемент самообороны государства от вооруженной агрессии;

3.2) нормы российского права: угрозы военной безопасности носят комплексный характер, сосредоточены вдоль государственной границы. По законодательству мирного времени пограничные органы воспринимаются исключительно как органы защиты и охраны государственной границы. Отказ от системы и структуры пограничных войск и войскового способа охраны Государственной границы существенно ослабил систему обеспечения военной безопасности России. Законодатель в тот исторический период избрал недостаточно обоснованный подход. Однако в условиях вооруженного конфликта парадигма защиты и охраны участков Государственной границы, прилегающих к зоне вооруженного конфликта, в особые периоды и в угрожаемый период, не отвечает требованиям обеспечения военной безопасности.

В связи с характером современных вооружённых конфликтов, гибридных атак, пограничной, таможенной и торговой блокады необходим не просто пересмотр парадигмы защиты и охраны Государственной границы, а рассмотрения концепции обеспечения безопасности, важное место в которой занимает ее оборона. Выделение Государственной границы как отдельного самостоятельного объекта обороны обусловлено ее первостепенным значением: оборона территории Российской Федерации (ст. 1 Закона об обороне) от вооруженного вторжения противника невозможна без обороны государственной границы. Для комплексного ответа на угрозы военной безопасности необходимо предоставить дополнительные полномочия военнослужащим пограничных органов путем внесения изменений в ст. 1 Закона об обороне о том, что объектом обороны выступает государственная граница. Подобный правовой механизм заложен в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в Законе об обороне: для защиты российских национальных интересов Вооруженные Силы и войска национальной гвардии могут действовать на территории иностранного государства.

Предлагаемые изменения в ст. 1 (п. 1) Закона об обороне предопределяют необходимость внесения изменений в п. 5 указанной статьи, поскольку деятельность военнослужащих пограничных органов отвечает признакам обороны, установленным в Законе об обороне. Внесение предложенных новелл согласуется с абз. 3 ст. 33 Закона о Государственной границе.

Таким образом, методологически решение проблемы обеспечения военной безопасности Государственной границы Российской Федерации предполагает сопряжение норм национального и международного права в условиях современных международных гибридных вооруженных конфликтов, а также межведомственное взаимодействие Вооруженных Сил, пограничных органов, войск национальной гвардии на территории для обеспечения безопасности приграничных

[1] Украина предупредила о «военной угрозе» в акватории шести российских портов. 5.08.2023.https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18451383?ysclid=lky7rpibgk498395150 (дата обращения: 26.05.2024 г.)

субъектов и государственной границы. Это же взаимодействие на территории иностранного государства требуется при обороне государственной границы.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Целенаправленная планомерная милитаризация государствами-членами НАТО сопредельного с Россией Украинского государства, образование милитаризованных зон вдоль российско-украинского участка государственной границы, эскалация военных угроз, исходящих с приграничной территории Украины, а также исчерпание международно-правовых средств для разрешения российско-украинского конфликта вынудило Россию начать специальную военную операцию как единственно возможное средство обеспечения собственной военной безопасности — акт упреждающей самообороны. Вынужденное проведение СВО направлено на разрешение противоречия между нарастающей военной угрозой, исходящей с территории Украины от НАТО, и вызвано необходимостью спасения жизней гражданского населения не только ДНР и ЛНР, но всей России.

2. Вопрос о правовой природе СВО как акта упреждающей самообороны носит фундаментальный правовой характер, поскольку:

1) СВО является прецедентом применения силы в международных отношениях в ответ на агрессию, являющуюся угрозой военной безопасности и суверенитета России. Следовательно, СВО выступает инструментом обеспечения суверенитета с использованием вооружённых средств и вооруженной борьбы;

2) СВО предопределяет вопрос легитимности применения силы в ответ на вооруженную агрессию в отношении населения ЛНР и ДНР, угнетённого и подвергнувшегося геноциду. Следовательно, СВО — это выражение борьбы цивилизованного мира (Россия, ее союзники, глобальный юг и восток) и нецивилизованного мира, который видит только силовые средства удержания своей гегемонии, активно применяет их, не считаясь с нормами международного права, с человеческими жертвами среди бесконечно географически далекого от него населения, которое он не считает субъектами права, достойными международно-правовой защиты;

3) СВО ставит вопрос об обоснованности ограничения применения силы, критериях ограничения, характеристиках (вооруженной) агрессии как основания для применения силы. В п. 4 ст. 2 Устава ООН закреплено, что все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций. В развитие указанной нормы была принята Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций[1], в которой многократно упомянут не запрет, а воздержание от угрозы силой или ее применения. Сложившееся накануне СВО положение дел прямо противоречило Преамбуле Устава ООН: «... создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права»; а также п. 1 ст. 1 Устава о том, что одна из целей ООН состоит в том, чтобы «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира». При этом исчерпание международно-правовых средств по урегулированию вооруженного конфликта на территории ЛНР и ДНР, угроза военной без-

[1] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 26.05.2024)

опасности России детерминировали ситуацию, при которой дальнейшее воздержание от применения силы в ответ на агрессию создавало реальную угрозу военной безопасности России, ее суверенитету и территориальной целостности.

3. Предпосылками начала СВО стал переход военной опасности в военную угрозу безопасности России (подп. «а» п. 12 Военной доктрины Российской Федерации): ввиду наращивания силового потенциала НАТО, приближения военной инфраструктуры стран-членов НАТО к Государственной границе Российской Федерации посредством милитаризации сопредельного государства Украина. Дальнейший ход СВО свидетельствует о существенной эскалации военных опасностей (подп. «а», «в» п. 12 Военной доктрины Российской Федерации): наращивание военной инфраструктуры, развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) стран — членов НАТО у северо-западного участка Государственной границы Российской Федерации путем дальнейшего расширения блока (Финляндия и Швеция), на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для политического и военного давления на Российскую Федерацию.

Таким образом, предпосылками начала СВО как акта самообороны стала милитаризация приграничной территории и возможность размещения вдоль Государственной границы России ракет малой и средней дальности, общеевропейской системы ПВО или угрозой ее применения. Предлагаемая парадигма обеспечения безопасности государственной границы создает механизм минимизации указанных внешних угроз.

4. СВО как современный вооруженный конфликт в рамках глобального противостояния России и стран коллективного Запада сочетает в себе применение военных (п. 14 Военной доктрины Российской Федерации, п. 8, п. 9 Военной доктрины Союзного государства) и невоенных (п. 15 Военной доктрины Российской Федерации) мер в пограничном пространстве Российской Федерации (на Государственной границе и на территории приграничных субъектов Российской Федерации). Основные угрозы военной безопасности России исходят с территории противника, прилегающей к Государственной границе России и районам вооруженного конфликта (подп. «а», «в» п. 14 Военной доктрины Российской Федерации): массированное применение ВСУ вооружений средней и малой дальности, в том числе ударных БПЛА, по военным и гражданским объектам, влекущие массовую гибель; теракты и диверсии, подготовленные ВСУ и совершенные членами незаконных вооруженных формирований под управлением ВСУ; уничтожение пограничной инфраструктуры и особо важных объектов. Среди невоенных мер можно особо выделить торговую, таможенную и пограничную блокаду в целях прекращение импорта в Россию комплектующих для предприятий оборонно-промышленного комплекса. При этом невоенные меры противника предопределяют значимые трудности в военно-экономическом обеспечении военной организации российского государства (например, усиление экспортного контроля со стороны США и ЕС в отношении китайских производителей комплектующих для БПЛА влечет наложение на них вторичных санкций и последующий отказ от поставок жизненно необходимых компонентов в Российской Федерации. Без этого Вооруженным Силам, войскам национальной гвардии, пограничным органам крайне затруднительно противостоять масштабному применению БПЛА противником).

5. Выявлена современная тенденция международного права — актуализация норм международных договоров о коллективной, совместной обороне, в том числе обороне государственных границ и приграничных территорий. Оборона государственной границы в ее международно-правовом измерении включает создание зон безопасности как элемента позитивной силы, т.е. «позитивной силы, которая структурирует и поддерживает организацию человеческого сообщества, действующей в интересах стабильности мирового сообщества в целом и

противостоящей обретающей мощь деструктивной силе»[1].

В настоящее время выстраивается во многом новая правовая модель международных отношений, за которой стоит сила, выраженная формулой: «Верховенство права в международных отношениях — залог всеобъемлющей стратегической стабильности и безопасности в XXI веке»[2]. Такой постулат предопределяет необходимость закрепления принципа адекватного и пропорционального применения силы вместо принципа воздержания от применения силы (п. 4 ст. 2 Устава ООН). Изменения в п. 4 ст. 2 будут работать во взаимоувязке со ст. 51, иначе полноценный правовой механизм не сложится. Опыт СВО свидетельствует, что такая правовая конструкция легитимизирует применение позитивной силы, которая после окончания Второй мировой войны вносила баланс в международные отношения. Ее разрушение привело к обострению глобального противостояния. При этом примат международного права под сомнение не ставиться. Напротив, легитимность позитивной силы его утверждает, поскольку агрессия в отношении государства предопределяет необходимость перехода к действиям в экстраординарном правовом режиме и применения принципа дерогации.

Указанный тезис подтвержден милитаризацией приграничных зон, идущей в разрез с договоренностями о нерасширении НАТО, и создающей чрезвычайную ситуацию, к которой нормы ординарных правовых режимов не применимы. Таким образом, милитаризация приграничных территорий соседнего государства порождает состояние актуализации военных опасностей и наступления угрожаемого периода, что в свою очередь, предопределяет необходимость введения экстраординарных мер — создание зон безопасности (демилитаризованных зон).

Необходимо отметить, что государства-учредители ООН, в первую очередь США, в послевоенный период многократно инициировали международные вооруженные конфликты, в нарушение ими же самими установленных норм Устава ООН. «Из этого можно сделать вывод, что соответствующие нормы рассчитаны на «стандартные и прогнозируемые» ситуации и не применимы к чрезвычайным ситуациям, затрагивающим жизненно важные интересы государств»[3]. Таким образом, можно утверждать, что образование зон безопасности (демилитаризованных зон) с экстраординарным правовым режимом военной безопасности — это ответ на кризисную ситуацию, характеризующуюся нарушение норм международного права и исчерпанием международно-правовых средств.

Создание зон безопасности (демилитаризованных зон) — это и есть выражение позитивной, сдерживающей силы, которая не дает разрастись вооруженному конфликту до масштабов войны. Россия выступает представителем интересов не только своих, но иных стран, которых не устраивает гегемония США. Наличие такой позитивной силы в СВО, подкрепленной иными способами воздействия (например, мирными средствами разрешения международных конфликтов и т.п.) дает возможность России выражать и защищать интересы тех государств глобального востока и юга, которые не согласны с противоправной гегемонией стран коллективного запада и предлагает «установление нового миропорядка, основанного на нормах права, а не на правилах»[4]. Таким образом, Россия в ходе СВО демонстрирует сочетание правопорядка и позитивной силы.

6. Международно-правовая система призвана упорядочить международные отношения, ввести их в русло предписаний, содержащихся в нормах международного права.

---

[1] Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 31—47.

[2] Выступление министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова на международной конференции «Вступая в XXI век: к примату права в международных отношениях» (2 ноября 2000 г.). mjil.ru›jour/article/download/1106/1010 (дата обращения: 26.05.2024 г.).

[3] Малеев Ю.Н. Указ. соч.

[4] Встреча Президента России с руководством МИД России. http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285 (дата обращения: 26.05.2024 г.)

Она является взаимосвязанным, взаимозависимым собранием принципов и норм, определяющим все важнейшие стороны международных отношений[1]. Исходя из указанных теоретических предпосылок, следует сказать, что система обеспечения безопасности государственной границы включает не только национальный нормативно-правовой компонент, но и взаимосвязанный с ним значительный международно-правовой компонент, опосредующий позитивную силу в соответствии с духом и буквой международного права, направленную на реализацию принципа воздержания от применения силы в международном праве как средства превенции вооруженных конфликтов, количество которых постоянно возрастает. Система обеспечения безопасности государственной границы имеет целью упорядочить международные отношения по вопросам минимизации военных опасностей и угроз государственной границы в частности и международной безопасности в целом.

Система обеспечения безопасности государственной границы в условиях вооруженного конфликта как элемента военной безопасности государства включает оборону государственной границы, создание зон безопасности, приданием им международно-правового статуса, действие на их территории:

— специального правового режима военной безопасности;

— осуществления механизма гуманитарного бартера (обмена);

— механизма взаимодействия Вооруженных Сил, пограничных органов и войск национальной гвардии, похожего на правовой режим контртеррористической операции, осуществляемый на территории зон безопасности);

— функционирование миротворческого контингента по обороне и защите государственных границ, обеспечения законности и правопорядка на приграничных территориях.

Таким образом, предлагаемая система обеспечения безопасности государственной границы имеет дуальную международно-правовую природу: с одной стороны, она опосредует позитивную силу, само существование которой в мирное время направлено на сдерживание и превенцию попыток противоборствующей стороны спровоцировать международный вооруженный конфликт с участием России. С другой стороны, в угрожаемый период и период вооруженного конфликта безопасность Государственной границы позволяет обеспечить суверенитет, территориальную целостность российского государства и его военно-политических союзников.

7. Таким образом, обеспечение безопасности Государственной границы Российской Федерации в условиях современных вооруженных конфликтов в целом и СВО в частности напрямую связано с обеспечением военной безопасности России. Обеспечение безопасности Государственной границы позволяет создать и поддерживать состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних военных угроз, связанных с применением военной силы и постоянным расширением ареала ее применения (сначала военные угрозы затрагивали территорию приграничных субъектов Российской Федерации, затем стали и тыловые — для малой и средней дальности; эскалация продолжается).

Кроме того, обеспечение безопасности государственной границы позволяет не только минимизировать внешние военные угрозы, но и обеспечить способностью им противостоять посредством использования комплекса национальных и международно-правовых инструментов:

— оборона государственной границы как самостоятельного объекта (в национальном законодательстве и актах наднационального права Союзного государства и Организации Договора о коллективной безопасности);

— зоны безопасности (в международном гуманитарном праве, в праве Союзного государства), предполагающие специальный правовой режим военной безопасности;

— взаимодействие Вооружённых Сил, пограничных органов, войск национальной гвардии (что находит отражение в нацио-

[1] Малеев Ю.Н. Указ. соч.

нальном законодательстве, в том числе межведомственных приказах, в международных договорах в рамках Союзного государства и Организации Договора о коллективной безопасности);

— функционирование миротворческого контингента (уточнение их правового статуса в Военной доктрине Союзного государства, правовых актах Организации Договора о коллективной безопасности);

— осуществление гуманитарного бартера (обмена) (закрепление его в нормах национального законодательства и международных договорах Союзного государства и Организации Договора о коллективной безопасности);

— обеспечение информационного противоборства (отражение указанных норм в национальном законодательстве, Военной доктрине Союзного государства, международных договорах и модельных законах Межпарламентской ассамблеи СНГ).

Библиография

1. Когут, В.Г. Основные тенденции развития военно-политической обстановки вокруг Союзного государства Беларуси и России в контексте ее влияния на состояние национальной безопасности в военной сфере / В.Г. Когут, Н.И. Уткин, В.М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 5(322). — С. 83—88.

2. Корякин, В.М. Правовое положение органов государственной власти и управления на территориях, где введено военное положение и (или) прилегающих к зоне вооруженного конфликта / В.М. Корякин // Военное право. — 2024. — № 2(84). — С. 38—47.

3. Малеев, Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы / Ю.Н. Малеев // Московский журнал международного права. — 2004. — № 3. — С. 31—47.

4. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. На страже границ отечества. —Москва: Издательство «Граница», 2000. — 134 с.

5. Рыльская, М.А. Оккупация территории: особенности современного толкования правовых конструкций / М.А. Рыльская // Вестник военного права. — 2023. — № 2. — С. 27—32.

6. Свининых, Е.А. Буферные зоны, создаваемые в период вооруженных конфликтов и после их окончания: понятие, виды, правовой режим / Е.А. Свининых, М.А. Яковлев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 3(320). — С. 24—32.

7. Холиков, И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 11(304). — С. 30—38.

8. Холиков, И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве / И.В. Холиков, А.В. Кудашкин // Пути к миру и безопасности. — 2023. — № 1(64). — С. 31—47.

9. Холиков, И.В. Современные военные угрозы: динамика трансформации и способы противодействия / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 6(323). — С. 98—107.

10. Яковец, Е.Н. О некоторых мерах, связанных с противодействием диверсионно- террористическим угрозам в условиях проведения специальной военной операции с целью демилитаризации и денацификации Украины / Е.Н. Яковец // Военное право. — 2024. — № 3(85). — С. 35—42.

Общая характеристика правового положения органов национальной безопасности Республики Таджикистан

© **Редкоус Владимир Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, член Комиссии по военному праву и правовому обеспечению национальной безопасности Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

Аннотация. Вопросы обеспечения национальной безопасности и его правового регулирования в государствах-участниках СНГ вызывают все больший интерес, прежде всего, в связи с усилением «многовекторности» реализации национальными государствами, образовавшимися после распада СССР, государственной политики в области обеспечения национальной безопасности. Проводниками реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности выступают, прежде всего, органы национальной безопасности, входящие, как правило, в систему исполнительных органов государства. Это касается и Российской Федерации, и государств-участников СНГ. Проведение сравнительных исследований в рассматриваемой области позволит оптимизировать законодательство об органах национальной безопасности, уточнить содержание основных понятий в области обеспечения национальной безопасности, а также задачи и функции органов национальной безопасности, обязанности и права органов, правовое положение их сотрудников. Все это в комплексе будет способствовать повышению эффективности правового обеспечения национальной безопасности в целом. В рамках данной статьи будут рассмотрены вопросы правового положения органов национальной безопасности Республики Таджикистан в соответствии с Законом Республики Таджикистан от 20 марта 2008 г. № 362 «Об органах национальной безопасности Республики Таджикистан».

Ключевые слова: безопасность; национальная безопасность; органы национальной безопасности; правовое положение; обязанности; права, основные направления деятельности; разведывательная деятельность; контрразведывательная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; пограничная деятельность; государственная охрана; сотрудники органов национальной безопасности.

General characteristics of the legal status of national security agencies of the Republic of Tajikistan

© **Redkous V.M.**,
Doctor of Law, Professor, leading researcher of the sector administrative law and administrative process Institute of State and Law RAS, Member of the Commission on Military Law and Legal Support national security of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia"

Resume. Issues of ensuring national security and its legal regulation in the CIS member states are of increasing interest, primarily due to the increasing “multi-vector” implementation of state policy in the field of ensuring national security by the national states formed after the collapse of the USSR. The conductors of the implementation of the state policy of ensuring national security are, first of all, the national security bodies, which are, as a rule, part of the system of executive bodies of the state. This applies to both the Russian Federation and the CIS member states. Conducting comparative studies in the area under consideration will allow optimizing the legislation on national security agencies, clarifying the content of basic concepts in the field of ensuring national security, as well as the tasks and functions of national security agencies, the responsibilities and rights of the agencies, and the legal status of their employees. All this together will help improve the efficiency of legal support for national security as a whole. Within the framework of this article, issues of the legal

status of the national security bodies of the Republic of Tajikistan will be considered in accordance with the Law of the Republic of Tajikistan dated March 20, 2008 No. 362 “On the national security bodies of the Republic of Tajikistan”.

Key words: safety; National security; national security agencies; legal status; responsibilities; rights, main areas of activity; intelligence activities; counterintelligence activities; operational-search activities; border activities; state security; national security officials.

Органы национальной безопасности, образованные в государствах-участниках СНГ, являются важнейшими субъектами административного права, так как они, как правило, входят в систему национальных органов исполнительной власти, реализуют государственно значимые задачи и функции в области обеспечения национальной безопасности, являющейся важнейшей областью государственного управления в любом государстве. Органы национальной безопасности также рассматриваются в контексте военной организации государства[1]. Несмотря на достаточно длительное самостоятельное существование, правовое положение большинства национальных органов безопасности в государствах СНГ нельзя считать до конца определенным.

Рассмотрим Закон Республики Таджикистан от 20 марта 2008 г. № 362 «Об органах национальной безопасности Республики Таджикистан» (далее — Закон РТ № 362). Российская Федерация единого законодательного акта об органах национальной безопасности России не имеет в силу особенностей построения российских органов национальной безопасности, базирующегося на принципах относительной децентрализации и функциональной определенности в области обеспечения национальной безопасности. В Российской Федерации к органам, наделенным компетенцией в области обеспечения национальной безопасности относятся органы федеральной службы безопасности[2]; органы внешней разведки[3]; органы государственной охраны[4], имеющие соответствующие правовых основы организации и деятельности.

Отметим, что правовое положение органов национальной безопасности регулируется не только нормами конституционного, административного, уголовного и уголовно-процессуального права, но и военного права[5], аккумулирующего в себе достижения вышеназванных отраслей применительно к формированию и деятельности государственной военной организации, обеспечению обороны и безопасности государства[6].

Органы национальной безопасности Республики Таджикистан (далее — ОНБ РТ, если не сказано иное) являются составной частью системы обеспечения национальной безопасности РТ и обеспечивают в пределах предоставленных им полномочий безопасность личности, общества и государства от внутрен-

[1] Корякин В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 47—54; Корякин В. М. Военная организация государства: эволюция структуры // Военный академический журнал. 2016. № 2(10). С. 12—22.

[2] Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»; Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации».

[3] Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке».

[4] Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»; Указ Президента Российской Федерации от 7 августа 2004 г. № 1013 «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации».

[5] Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10 (291). С. 2—10; Корякин В.М. Военное право как наука // Военное право. 2021. № 5(69). С. 9—21; Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Военная администрация : учеб. пос. для вузов / 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022.

[6] Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения — 2022») // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 79—88; Кобзарь-Фролова М.Н., Соколов А.Ю. Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения — 2022») : обзор // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 297—304.

них и внешних угроз. Достаточно классический подход, базирующийся на представлении о безопасности и включенности органов национальной безопасности в систему ее обеспечения. Общее руководство и контроль за деятельностью органов национальной безопасности РТ осуществляется Президентом Республики Таджикистан.

ОНБ РТ образуют единую централизованную систему, в которую входят: Государственный комитет национальной безопасности РТ (далее — ГКНБ); Пограничные войска РТ; Управления, службы, отделы, отделения, центры, группы Государственного комитета национальной безопасности РТ, а также управления, отделы и отделения по Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов (территориальные органы национальной безопасности РТ). ГКНБ в своем подчинении имеет предприятия, учебные заведения, военно-медицинские учреждения, авиационные подразделения, центры специальной подготовки, экспертные группы, подразделения специального назначения, иные учреждения и подразделения.

Традиционное для законов государств СНГ об органах безопасности положение: «в органах национальной безопасности РТ запрещается создание и деятельность политических партий, общественных объединений, преследующих политические цели, а равно ведение агитации их идеологии».

ГКНБ — это республиканский орган специального назначения, проводящий в пределах своей компетенции государственную политику в сфере обеспечения национальной безопасности и охраны Государственной границы РТ, осуществляющий регулирование и управление в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства и координирующий деятельность в этой сфере других республиканских органов государственного управления, а также непосредственно реализующий основные направления деятельности и задачи органов национальной безопасности РТ. Организация деятельности ГКНБ регулируется Положением о ГКНБ РТ, утверждаемым Правительством РТ.

Подчеркнуто, что ГКНБ — это республиканский орган специального назначения, что является следствием реализации им задач и функций обеспечения национальной безопасности.

Непосредственное руководство и управление оперативной деятельностью ГКНБ осуществляет Председатель, который назначается на должность и освобождается от должности Президентом Республики Таджикистан. Указ о назначении на должность и освобождении от должности Председателя представляется на утверждение совместного заседания Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли РТ.

Пограничные войска РТ являются составным подразделением ГКНБ и свою деятельность осуществляют на основании Закона РТ «О Пограничных войсках Государственного комитета национальной безопасности РТ».

Закон РТ № 362 содержит ст. 6, где закреплено, что «подразделения специального назначения создаются в целях пресечения террористических актов, диверсий и иных особо опасных преступных посягательств на личность, общества и государства».

Деятельность ОНБ РТ осуществляется на принципах: законности; уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина; гуманизма; единства системы органов национальной безопасности РТ, а также централизации управления ими; конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности; единоначалия; равенства всех перед законом; беспартийности.

Как в законах об органах безопасности Российской Федерации, так и в Законе РТ № 362, большое значение уделяется закреплению норм о соблюдении прав и законных интересов физических и юридических лиц и защите сведений об органах национальной безопасности

Так, в деятельности ОНБ РТ не допускается ограничение прав и свобод личности, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РТ. Лицо, полагающее, что ОНБ РТ, либо их должностными лицами нарушены его права и свободы, вправе обжаловать их действия в вышестоящий орган национальной безопасности РТ, прокуратуру или суд. Полученные в процессе деятельности ОНБ РТ сведения о частной жизни не могут сообщаться ОНБ РТ кому бы то ни было без письменного согласия физического лица,

за исключением случаев, предусмотренных законодательством РТ.

В случае нарушения сотрудниками ОНБ РТ законных прав и свобод личности руководитель соответствующего ОНБ РТ обязан принять меры по защите и восстановлению этих прав и свобод, возмещению нанесенного ущерба и привлечению виновных к установленной законодательством РТ ответственности. Должностные лица ОНБ РТ, допустившие злоупотребление властью или превышение служебных полномочий, несут ответственность, предусмотренную законодательством РТ.

Граждане РТ, принимаемые на военную службу (работу) в ОНБ РТ, а также допускаемые к сведениям, составляющим государственную тайну в деятельности ОНБ РТ, проходят процедуру оформления допуска к указанным сведениям, если иной порядок не предусмотрен законодательством РТ. Такая процедура включает также принятие обязательства о неразглашении государственной тайны.

Граждане РТ, допущенные к сведениям, составляющим государственную тайну в деятельности ОНБ РТ, в случае их разглашения или утери несут ответственность, предусмотренную законодательством РТ.

Документы и материалы, содержащие сведения о кадровом составе ОНБ РТ, лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации, тактике, принципах и средствах осуществления внешней разведки, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, подлежат хранению в архивах ГКНБ.

Уголовные дела, подследственные ОНБ РТ, после их рассмотрения в суде и вступления приговора в законную силу, подлежат хранению в архивах ГКНБ в порядке, определяемом межведомственными нормативными правовыми актами.

В отличие от российского законодательства об органах национальной безопасности, Закон РТ № 362 определяет как основные задачи, так и основные направления деятельности ОНБ РТ[1].

Основными задачами ОНБ РТ являются:

— защита независимости и территориальной целостности РТ, обеспечение национальной безопасности РТ в политической, экономической, военно-стратегической, научно-технической, информационной и экологической сферах;

— информирование Президента РТ и по его поручению соответствующих государственных органов и иных организаций по вопросам состояния национальной безопасности РТ;

— разработка и осуществление мероприятий по оказанию содействия государственным органам и иным организациям в реализации мер по политическому, социально-экономическому и научно-техническому развитию РТ;

— организация и осуществление в пределах своей компетенции внешней разведки;

— определение и реализация порядка, способов и методов проведения анализа коррупционных рисков в органах национальной безопасности;

— предупреждение, выявление и пресечение разведывательной, подрывной и иной враждебной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленной на причинение ущерба национальной безопасности РТ;

— борьба в пределах своей компетенции с терроризмом, организованной преступностью, контрабандой, незаконной миграцией, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия, ядерных материалов и их компонентов, а также иных объектов экспортного контроля;

— борьба с коррупционными правонарушениями и экономическими преступлениями коррупционного характера, связанные с преступлениями, подследственными ОНБ РТ;

— предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесены законодательством РТ к ведению ОНБ РТ;

[1] Правовое обеспечение национальной безопасности : учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. – 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2023.

— реализация предусмотренных законодательством РТ полномочий в сфере защиты государственных секретов;

— обеспечение государственных органов и иных организаций правительственной и оперативной связью, а также организация и обеспечение криптографической и инженерно-технической безопасности шифрованной, засекреченной и кодированной связи в РТ и организациях РТ, находящихся за ее пределами, осуществление государственного контроля над этой деятельностью;

— обеспечение охраны Государственной границы РТ на суше, в воздушном пространстве, на реках, озерах и иных водоемах, а также в пунктах пропуска через Государственную границу РТ;

— обеспечение безопасности и защиты объектов государственной охраны;

— иные задачи, предусмотренные нормативными правовыми актами РТ.

Основными направлениями деятельности ОНБ РТ являются: разведывательная деятельность; контрразведывательная деятельность[1]; борьба с террористической деятельностью и организованной преступностью; пограничная деятельность; государственная охрана отдельных должностных лиц государства, а также отдельных должностных лиц иностранных государств и международные организаций, временно пребывающих в республике; обеспечение безопасности особо важных государственных объектов, а также представительств иностранных государств и международных организаций; организация правительственной и оперативной связи. Иные направления деятельности ОНБ РТ могут быть определены законодательством РТ.

Деятельность ОНБ РТ, применяемые ими методы и средства не должны причинять вред личности, имуществу физических и юридических лиц, а также наносить ущерб окружающей среде. Сведения об организации, тактике, методах и средствах осуществления внешней разведки, контрразведывательной и иной деятельности ОНБ РТ относятся к государственным тайнам.

На первое место Закон РТ № 362 ставит разведывательную деятельность (ст. 13). Так, ОНБ РТ в пределах своей компетенции осуществляют разведывательную деятельность в политической, экономической, военно-стратегической, научно-технической, информационной и экологической сферах в соответствии с настоящим законом и другими нормативными правовыми актами РТ о разведывательной деятельности. Порядок использования негласных методов и средств при осуществлении разведывательной деятельности устанавливается в соответствии с нормативными правовыми актами ГКНБ.

Контрразведывательная деятельность — это деятельность ОНБ РТ в пределах своих полномочий по предупреждению, выявлению и пресечению разведывательной, подрывной и иной враждебной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленной на причинение ущерба национальной безопасности РТ.

Основаниями для осуществления ОНБ РТ контрразведывательной деятельности являются: наличие данных о признаках разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленной на причинение вреда национальной безопасности РТ; необходимость обеспечения безопасности социально-экономической сферы, объектов оборонного комплекса, транспорта и связи, других стратегических объектов, а также приоритетных научных разработок; необходимость обеспечения защиты сведений, составляющих государственную тайну; необходимость изучения (проверки) лиц, оказывающих или оказывавших содействие органам национальной безопасности РТ на конфиденциальной основе. Применение негласных методов и средств проведения оперативно-розыскных мероприятий при осуществлении контрразведывательной деятельности осуществляется в соответствии с законодательством РТ.

[1] Туганов Ю.Н. Петров И.В. Оперативно-розыскная, разведывательная и контрразведывательная деятельность: сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного законодательства // Военное право. 2017. № 1(41). С. 340—349.

В качестве самостоятельного направления деятельности выделена борьба с террористической деятельностью и преступностью (ст. 15). Так, установлено, что ОНБ РТ в соответствии с законодательством РТ осуществляют оперативно-розыскные мероприятия по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию террористической и экстремистской деятельности, организованной преступности, коррупционными правонарушениями и преступлениями и экономическими преступлениями коррупционного характера, связанные с преступлениями, подследственными органам национальной безопасности, контрабанды, незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия, ядерных материалов и их компонентов, а также иных объектов экспортного контроля, других преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесены законодательством РТ к ведению органов национальной безопасности РТ, а также по предупреждению, выявлению и пресечению деятельности организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций), организаций оказывающих им содействие, отдельных лиц и общественных объединений, ставящих своей целью насильственное свержение или изменение конституционного строя РТ, разжигание расовой, национальной и религиозной вражды или розни.

В борьбе с организованной преступностью ОНБ РТ взаимодействуют с другими правоохранительными органами в порядке, установленном законодательством РТ. Деятельность ОНБ РТ в сфере борьбы с организованной преступностью осуществляется в соответствии с законодательством РТ.

Направлениями пограничной деятельности являются:

— защита и охрана Государственной границы РТ в целях недопущения незаконного пересечения и противоправного изменения линии прохождения Государственной границы РТ, обеспечения соблюдения физическими и юридическими лицами режима Государственной границы РТ, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через Государственную границу РТ;

— служебно-боевая деятельность Пограничных войск, к которой относятся непрерывные, активные, согласованные и взаимосвязанные по месту и времени действия по обеспечению войсковой, оперативной (разведывательной, оперативно-розыскной), военно-технической, пограничо-представительской, информационно - аналитической, административной и других видов деятельности, осуществляемые на Государственной границе РТ, в пределах приграничной территории, в приграничных районах, зонах ответственности и пунктах пропуска через Государственную границу.

Оперативно-розыскные мероприятия и процессуально-следственные действия в пограничной полосе и на линии Государственной границы РТ со стороны других правоохранительных органов осуществляются по согласованию с ОНБ РТ в порядке, установленном законодательством РТ.

Деятельность в сфере правительственной и оперативной связи, осуществляемая ОНБ РТ, предполагает:

— организацию и обеспечение эксплуатации, безопасности, развития и совершенствования правительственной связи, иных видов специальной связи и систем специальной информации для государственных органов, в том числе в особый период;

— организацию и обеспечение криптографической и инженерно-технической безопасности, шифрованной связи в республике и ее учреждениях за рубежом;

— обеспечение высших органов государственной власти и других государственных органов специальной информацией.

Деятельность в сфере государственной охраны, ОНБ РТ, предполагает обеспечение безопасности и защиты объектов государственной охраны. Перечень объектов государственной охраны устанавливается в соответствии с законодательством РТ.

Третья глава Закона РТ № 362 устанавливает права и обязанности органов национальной безопасности Республики Таджикистан. На первое место корректнее было бы поставить обязанности ОНБ, а затем — права, так как общепризнано, что государственные органы, в том числе и ОНБ, исполняют, прежде всего, обязанности, а затем реализуют предо-

ставленные права и именно в том объеме, который необходим для исполнения той или иной конкретной обязанности или группы обязанностей. Однако это — дело юридической техники, а главное — точность формулирования обязанностей и прав, их кореллируемость, адекватность объема потребностям решения той или иной задачи в области обеспечения национальной безопасности, выполнимость имеющимися в наличии ресурсами.

Так, ОНБ РТ при выполнении возложенных на них задач в пределах своей компетенции вправе:

— осуществлять оперативно-розыскные мероприятия в соответствии с законодательством РТ;

— устанавливать на конфиденциальной основе отношения сотрудничества с лицами, давшими на то согласие;

— осуществлять проникновение в специальные службы и организации иностранных государств, проводящие разведывательную, подрывную и иную враждебную деятельность, направленную на причинение ущерба национальной безопасности РТ, а также в организованные преступные группы и преступные сообщества (преступные организации), организации, оказывающие им содействие;

— принимать решения по организации контртеррористических операций, обязательные для субъектов, непосредственно осуществляющих борьбу с терроризмом;

— осуществлять дознание и предварительное следствие по делам о преступлениях, которые законодательством РТ отнесены к ведению ОНБ РТ, иметь и использовать следственные изоляторы;

— при проведении профилактической работы по предупреждению и предотвращению преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесены законодательством РТ к ведению ОНБ РТ, выносить официальные предупреждения физическим лицам о недопустимости незаконных действий;

— получать безвозмездно от государственных органов, общественных объединений и иных организаций информацию и материалы, необходимые для выполнения возложенных на ОНБ РТ задач, иметь доступ к их информационным системам и базам данных в порядке, установленном законодательством РТ, за исключением случаев, когда законодательными актами РТ установлен запрет на их передачу;

использовать в случаях, не терпящих отлагательства, транспортные средства, принадлежащие государственным органам, общественным объединениям, иным организациям и физическим лицам (за исключением транспортных средств дипломатических представительств, консульств, других представительств иностранных государств и международных организаций) для предотвращения преступлений, преследования, задержания и перевозки лиц, совершивших преступление или подозреваемых в их совершении, доставки лиц, нуждающихся в срочной медицинской помощи, в организации здравоохранения и для проезда к месту происшествия, а также использовать в случае необходимости в служебных целях средства связи, принадлежащие государственным органам, общественным объединениям, иным организациям и физическим лицам. Причиненный материальный ущерб возмещается в полном объеме в соответствии с законодательством РТ;

— проверять у должностных и физических лиц документы, удостоверяющие личность, если имеются основания подозревать их в совершении преступлений, дознание и предварительное следствие по которым законодательными актами РТ отнесены к ведению ОНБ РТ, осуществлять задержание таких лиц;

— вызывать должностных лиц и иных физических лиц, получать от них объяснения по делам и материалам, находящимся в производстве ОНБ РТ;

— проводить научные исследования, проектные, экспертные, строи тельные и производственные работы самостоятельно и по договорам с государственными органами и иными организациями и физическими лицами, привлекать для этих целей специалистов;

— получать в порядке, установленном законодательством РТ, полосы (номиналы) радиочастот для исключительного использования их радиоэлектронными средствами и высокочастотными устройствами, применяемыми для нужд национальной безопасности РТ и правительственной связи;

— осуществлять контроль над использованием на территории РТ излучающих радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств любого назначения, запрещать использование излучающих радиоэлектронных средств, работающих с нарушением установленных правил обращения с информацией, содержащей государственные секреты;

— принимать предусмотренные законодательством РТ правовые, организационные, технические, программные, информационные и иные меры по предотвращению несанкционированного распространения сведений, составляющих государственные секреты;

— издавать в установленном порядке самостоятельно или совместно с другими государственными органами правовые акты по вопросам организации, обеспечения функционирования и безопасности правительственной, оперативной и закрытой связи государственных органов, а также в сфере защиты государственных секретов;

— осуществлять меры по зашифровке сотрудников ОНБ РТ их деятельности с использованием в этих целях свидетельств принадлежности к государственным органам и иным организациям, создавать организации, либо их подразделения, необходимые для обеспечения деятельности ОНБ РТ, изготавливать и использовать в целях легендирования личности сотрудника, деятельности и принадлежности подразделений ОНБ РТ, их помещений и транспортных средств, документы государственных органов и иных организаций, а также осуществлять в этих целях другие меры зашифровки;

— заключать с физическими и юридическими лицами договоры в целях использования принадлежащих им жилых и нежилых помещений в порядке, установленном законодательством РТ, и иные договоры, необходимые для обеспечения и осуществления деятельности ОНБ РТ;

— привлекать по согласованию с органами внутренних дел, органами и подразделениями по чрезвычайным ситуациям сотрудников этих органов и подразделений для зашифровки проводимых специальных мероприятий и для обеспечения выполнения задач ОНБ РТ;

— осуществлять меры по обеспечению собственной безопасности, включая защиту сил и средств органов национальной безопасности РТ, а также пресечение противоправных деяний специальных служб и организаций иностранных государств, организованных преступных групп, преступных сообществ (преступных организаций), организаций, оказывающих им содействие, а также и отдельных лиц, предотвращение их несанкционированного доступа к сведениям, защищаемым ОНБ РТ;

— создавать в установленном порядке специальные подразделения по борьбе с терроризмом и организованной преступностью;

— заключать с государственными органами и иными организациями договоры на поставку специальной техники, средств связи, вооружения, транспортных средств, военной техники, комплектующих узлов и деталей к ним, военно-технического имущества и других материальных средств в пределах выделенных на эти цели средств из республиканского бюджета и получать от них сведения, касающиеся выполнения ими договорных обязательств по поставке;

— приобретать необходимые для осуществления деятельности ОНБ РТ помещения, здания, сооружения и другое недвижимое имущество, а также пользоваться услугами электронной связи на территории РТ в порядке, установленном законодательством РТ;

— осуществлять государственное хранение оперативных, следственных и других материалов, относящихся к деятельности ОНБ РТ, определять порядок их учета, хранения и использования;

— иметь типографическое оборудование и печатное средство, изготавливать и издавать специальную литературу, учебные и наглядные пособия, относящиеся к деятельности ОНБ РТ;

— осуществлять взаимодействие со специальными службами, право охранительными органами и иными организациями иностранных государств, международными организациями, обмениваться с ними на взаимной основе оперативной информацией, специальными и иными средствами в порядке, установленном законодательством РТ;

— заключать международные договоры по вопросам взаимодействия со специальными службами, правоохранительными органами и

иными организациями иностранных государств, в порядке, установленном законодательством РТ;

— направлять официальных представителей ГКНБ РТ в иностранные государства по согласованию со специальными службами или правоохранительными органами этих государств, в целях повышения эффективности борьбы с преступлениями международного характера в порядке, установленном законодательством РТ;

— прикомандировывать сотрудников к органам государственной власти, международным организациям, членами которых является РТ, а также предприятиям оборонной промышленности в пределах лимитов, установленных Президентом РТ в порядке, установленном законодательством РТ.

Органы национальной безопасности РТ обязаны осуществлять деятельность, отнесенную законодательными актами РТ к их ведению. ОНБ РТ также обязаны:

— информировать Президента РТ и по его поручению, другие государственные органы об угрозах национальной безопасности РТ;

— предупреждать, выявлять и пресекать разведывательную, подрывную и иную враждебную деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленную на причинение ущерба национальной безопасности РТ, а также преступления, дознание и предварительное следствие по которым отнесены нормативными правовыми актами РТ к их ведению, осуществлять розыск лиц, совершивших указанные преступления или подозреваемых в их совершении;

— осуществлять борьбу с терроризмом и экстремизмом, контрабандой, а также организованной преступностью в государственных органах, предприятиях, учреждениях и других организациях независимо от форм собственности, затрагивающих интересы национальной безопасности государства;

— разрабатывать и осуществлять меры по контрразведывательному обеспечению органов и войск министерств и ведомств РТ;

— обеспечивать в пределах своих полномочий безопасность объектов социально-экономической сферы, оборонного комплекса, транспорта и связи, других стратегических объектов, а также приоритетных научных разработок;

— разрабатывать и реализовывать профилактические, режимные, организационные и иные меры предупреждения, выявления и пресечения террористической и экстремистской деятельности, создавать, совершенствовать и поддерживать в состоянии готовности ведомственную систему противодействия совершению актов терроризма;

— проводить дознание и предварительное следствие по делам о преступлениях, отнесенных законом к их ведению;

— проводить профилактическую работу по предупреждению и предотвращению преступлений, дознание и предварительное следствие по которым законодательными актами РТ отнесены к ведению ОНБ РТ;

— вести регистрацию и учет преступлений, дознание и предварительное следствие по которым законодательными актами РТ отнесены к ведению ОНБ РТ, лиц, их совершивших, а также лиц, проверяемых по подозрению в совершении таких преступлений, в порядке, установленном законодательством РТ;

— проводить в случаях, предусмотренных законодательством РТ, проверочные мероприятия в связи с принятием решений об оформлении (переоформлении) допуска к государственным секретам, о допуске к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды, об обеспечении безопасности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и лиц, оказывающих им содействие, об обеспечении защиты участников уголовного процесса;

— добывать и обрабатывать информацию об угрозах безопасности РТ в сфере защиты Государственной границы РТ, представлять ее Президенту РТ, информировать заинтересованные министерства и ведомства;

— координировать и руководить деятельностью, осуществляемой по обеспечению безопасности общественно-политических, религиозных и иных массовых мероприятий, проводимых на территории РТ, в которых участвует Президент РТ, другие высокопоставленные должностные лица РТ;

— выявлять на территории РТ излучения радиоэлектронных средств, работа которых

представляет угрозу национальной безопасности РТ, а также излучения, используемые в противоправных целях, осуществлять учет характеристик сигналов излучающих радиоэлектронных средств в пределах своей компетенции;

— участвовать в пределах своей компетенции в решении вопросов, касающихся въезда на территорию РТ и выезда за ее пределы граждан РТ, иностранных граждан и лиц без гражданства, а также режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РТ;

— осуществлять мероприятия по обеспечению боевой и мобилизационной готовности ОНБ РТ, вести подготовку их сил и средств к действиям при возникновении чрезвычайных ситуаций в республике или сопредельных с ней государствах в мирное время;

— участвовать в пределах своей компетенции в обеспечении режима чрезвычайного положения и режима военного положения;

— осуществлять кадровое обеспечение, в том числе организовывать подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров;

— обеспечить охрану дипломатических представительств РТ за рубежом, за счет военнослужащих срочной службы пограничных войск ГКНБ РТ.

Также в Законе РТ № 362 в рамках самостоятельных статей закреплены вопросы: применения сотрудниками оружия, специальных средств и физической силы; взаимодействие ОНБ РТ с другими государственными органами, общественными объединениями, организациями иностранных государственными организациями и физическими лицами.

Отдельная глава 4 Закона РТ № 362 посвящена правовому статусу сотрудников ОНБ РТ. В ней определены условия прохождения службы в ОНБ РТ, требования, предъявляемые к сотрудникам ОНБ РТ; урегулированы вопросы правовой и социальной защиты сотрудников ОНБ РТ[1].

Достаточно удачно сформулирована ст. 25 («Обеспечение личной безопасности сотрудников органов национальной безопасности Республики Таджикистан и членов их семей») Закона РТ № 362. Этот опыт можно признать положительным и использовать в российском законодательстве. Справедливо говорится именно о личной безопасности сотрудников ОНБ и членов их семей. В данной статье сказано, что ОНБ РТ обязаны обеспечить личную безопасность своих сотрудников и членов их семей от связанных со служебной деятельностью преступных посягательств на их жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество. Меры по обеспечению личной безопасности сотрудников ОНБ РТ и членов их семей применяются при наличии реальной угрозы их жизни, здоровью и собственности.

Установлено, что для обеспечения защиты жизни, здоровья и имущества сотрудников ОНБ РТ и членов их семей с учетом конкретных обстоятельств, применяются следующие меры: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача оружия сотрудникам ОНБ РТ, а членам их семей — специальных средств индивидуальной защиты и оповещение об опасности; временное помещение в безопасное место; перевод с согласия сотрудника и членов его семьи на другое место службы (работы) или изменение места учебы, либо переселение на другое место жительства; изменение паспортных данных и замена документов. Также закреплено, что в целях реализации мер личной безопасности ОНБ могут проводить оперативно-розыскные мероприятия в соответствии с законодательством РТ об оперативно-розыскной деятельности.

Обеспечение и средства ОНБ РТ регламентированы нормами пятой главы Закона РТ № 362.

Правовой статус органов безопасности в условиях построения демократического правового государства должен быть четким, определенным, позволяющим органам безопасности действовать быстро и эффективно при неукоснительном соблюдении законности, прав и свобод человека и гражданина, гуманизма и гласности.

Анализ положений Закона Республики Таджикистан от 20 марта 2008 г. № 362 «Об органах национальной безопасности Республики Таджикистан» показывает, что ряд его

[1] Туганов Ю.Н. Некоторые аспекты системы кадрового обеспечения государственной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 3. С. 30—32.

положений можно учесть при принятии решения о совершенствовании законодательства России в области организации и деятельности органов национальной безопасности нашей страны[1]. Это может касаться, например, четкого формулирования задач органов национальной безопасности применительно к каждому конкретному органу, уточнения полномочий органов национальной безопасности, направленных на реализацию возложенных на органы задач и функций, систематизации мер обеспечения личной безопасности сотрудников органов национальной безопасности и членов их семей.

Библиография

1. Виноградова, Е.В. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения — 2022») / Е.В. Виноградова, М.Н. Кобзарь-Фролова // Административное право и процесс. — 2022. — № 5. —— С. 79—88.

2. Кобзарь-Фролова, М.Н. Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022»): обзор / М.Н. Кобзарь-Фролова, А.Ю. Соколов // Правовая политика и правовая жизнь. — 2022. — № 1. — С. 297—304.

3. Корякин, В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития / В.М. Корякин // Вестник военного права. — 2016. — № 1. — С. 47—54.

4. Корякин, В.М. Военная организация государства: эволюция структуры / В.М. Корякин // Военный академический журнал. — 2016. — № 2(10). — С. 12—22.

5. Корякин, В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 10 (291). — С. 2—10.

6. Корякин, В.М. Военное право как наука / В.М. Корякин // Военное право. — 2021. — № 5(69). — С. 9—21.

7. Правовое обеспечение национальной безопасности : учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. — 2-е изд., пер. и доп. — Москва: Изд-во Юрайт, 2023. — 180 с.

8. Редкоус, В.М. Сравнительному правоведению в области обеспечения национальной безопасности — новые грани развития / В.М. Редкоус // Актуальные вопросы применения норм административного права («Кореневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) : Сб. науч. тр. VI Межд. науч.-практ. конф., Москва, 28 апреля 2022 г. / сост. Г.Н. Василенко. — М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 329-336.

9. Туганов, Ю.Н. Военная администрация: учеб. пос. для вузов / Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Юрайт, 2022. — 197 с.

10. Туганов, Ю.Н. Некоторые аспекты системы кадрового обеспечения государственной безопасности Российской Федерации / Ю.Н. Туганов // Вестник военного права. — 2017. — № 3. — С. 30—32.

11. Туганов, Ю.Н. Оперативно-розыскная, разведывательная и контрразведывательная деятельность: сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного законодательства / Ю.Н. Туганов, И.В. Петров // Военное право. — 2017. — № 1(41). — С. 340—349.

[1] Редкоус, В.М. Сравнительному правоведению в области обеспечения национальной безопасности — новые грани развития // Актуальные вопросы применения норм административного права («Кореневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) : Сб. науч. тр. VI Межд. науч.-практ. конф., Москва, 28 апреля 2022 г. / сост. Г.Н. Василенко. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 329—336.

Военная безопасность в Арктике в связи с расширением НАТО в Северной Европе

© **Синяева Нателла Александровна,**
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного университета
© **Самодуров Дмитрий Иванович,**
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного университета

Аннотация. В статье рассматриваются военная безопасность в Арктике в связи с расширением НАТО в Северной Европе. Проведен анализ расширения военного присутствия НАТО в Арктике. Обозначено значение для США и НАТО в целом членство Швеции и Финляндии в Альянсе. Рассмотрены вопросы активизации как различных военных проектов НАТО (учения и др.), так и особенно активизация сотрудничества с последней Швеции и Финляндии, особенно в Арктике.

Ключевые слова: НАТО; Финляндия; Швеция; гарантии безопасности; альянс; нейтралитет; неприсоединение; статус Арктики.

Military security in the Arctic in connection with the expansion of NATO in Northern Europe

© **Sinyaeva N.A.**,
PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law at the Military University
© **Samodurov D.I.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University

Annotation. The article discusses military security in the Arctic in connection with the expansion of NATO in Northern Europe. An analysis of the expansion of NATO's military presence in the Arctic has been carried out. The importance of Sweden and Finland's membership in the Alliance for the United States and NATO as a whole is indicated. The issues of activation of various NATO military projects (exercises, etc.), and especially the intensification of cooperation with the latter Sweden and Finland, especially in the Arctic, are considered.

Keywords: NATO; Finland; Sweden; security guarantees; alliance; neutrality; non-alignment; status of the Arctic.

Как известно, до недавнего времени Швеция и Финляндия проводили политику нейтралитета и неприсоединения, при этом выдвигая ряд инициатив по обеспечению международного мира и безопасности, в первую очередь между СССР (и его правопреемницей Российской Федерацией) и

США, в том числе и в Арктике[1]. Так, ещё в 1963 г. тогдашний Президент Финляндии У.К. Кекконен выдвинул инициативу по превращению Арктики в безъядерную зону[2]. В октябре 1987 г. к демилитаризации Арктики призвал М.С. Горбачёв. И действительно, в 1990-х гг. не только Россия[3], но и некоторые страны НАТО (например, Канада) стали сокращать своё военное присутствие в Арктическом регионе[4], хотя США уже тогда, пользуясь ослаблением России, предпринимали и противоположные шаги.

Всё изменилось начиная с конца 1990-х гг., когда блок НАТО (и особенно США и та же Канада) начал расширять своё военное присутствие в Арктике[5]. Тогда же завершившаяся десятилетием раньше, как известно, крахом и распадом СССР «холодная война» была воспринята Швецией и Финляндией (хотя отнюдь не только ими) как своего рода «конец истории» по Ф. Фукуяме, то есть полное, безоговорочное и главное — необратимое торжество Запада, что не могло не усилить уже имевшуюся во внешней политике обеих этих стран тенденцию к более активному сближению с НАТО[6], а в мае 2022 г. две страны подали заявку на вступление в Альянс.

Многие авторы отмечают, что первостепенное значение для США и НАТО в целом членство Швеции и Финляндии в Альянсе имеет не в арктическом контексте, а в плане обеспечения безопасности в Балтийском регионе. Тем не менее, и арктический аспект значения изменения статуса Стокгольма и Хельсинки со счетов сбрасывать нельзя.

Во всяком случае, США и их союзники считают, что именно вступление в Альянс этих двух стран существенно облегчит продвижение НАТО в Арктике, что является одной из важнейших целей новой Арктической стратегии США[7] (подробнее о последней и о действительной и потенциальной роли в ней Швеции и Финляндии речь ниже).

Здесь же мы отметим такой важный фактор, как участие обеих стран в NORDEFCO (Nordic Defense Cooperation), региональной военной организации, включающей себя все пять скандинавских стран (считая и Финляндию) и предполагающей сотрудничество в ряде важных с военной точки зрения отраслях[8]. Особенно важно участие Норвегии, которая позволяет США использовать находящиеся на её территории военные объекты для размещения формирований ВВС и ВМС. Имеет значение и то, что как раз три других участника NORDEFCO — Дания (через Гренландию), Исландия и Норвегия — имеют прямой выход к арктическим морям и в рамках сотрудничества готовы предоставить его и Швеции, и Финляндии.

При этом отмечается, что сейчас международное право не помешает США и НАТО разместить свои ракеты в Арктике: Вашингтон ещё 2 августа 2019 г. вышел из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД)[9]. Правда, при подаче за-

[1] Воронцов Г. The National Interest: Вступление Финляндии и Швеции в НАТО дестабилизирует Арктику // Life.ru. 15 мая 2022. URL: https://life.ru/p/1494418 (дата обращения 26.04.2024).

[2] Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Россия и Китай в Арктике. М.: Изд-во «Весь мир», 2022. С. 57.

[3] Комлева Е.В. и др. Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения. Новосибирск: Изд-во «Параллель», Ин-т истории СО РАН, 2017. С. 346—347.

[4] Володин Д.А. Канада: проблемы суверенитета в Арктике после «холодной войны» // Канада и Россия: северное измерение и вызовы национальной безопасности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. С. 58.

[5] Комлева Е.В. и др. Указ. соч. С.373—374.

[6] Андреев С. Пути разошлись: как Швеция и Финляндия в НАТО вступали // РСМД. 7 апреля 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/puti-razoshlis-kak-shvetsiya-i-finlyandiya-v-nato-vstupali/ (дата обращения: 18.04.2024).

[7] National Strategy for the Arctic Region 2022 // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

[8] Nordic Defense Cooperation Vision 2025 // Nordic Defense Cooperation. URL: https://www.nordefco.org/Files/nordefco-vision-2025-signed.pdf (дата обращения: 18.04.2022).

[9] Чем вступление Финляндии и Швеции в НАТО опасно для России? // Mash. 1 июля 2022. URL:

явки в НАТО правящая партия Швеции заявила, что военные базы Альянса и ядерное оружие не будут развёртываться на территории страны[1]. Но будет ли так всегда? А. Чеков обращает внимание на отсутствие каких-либо оговорок со стороны как Финляндии, так и Швеции, касающихся их участия в НАТО, в том числе и в Комитете ядерного планирования, куда как Стокгольм, так и Хельсинки также намерены войти[2].

При этом как ставшие уже «старыми» членами НАТО страны Балтии (их приняли 20 лет назад), так и Финляндия считают Арктику и Балтику единым геополитически и геостратегически регионом, что ещё более повышает ценность Финляндии в арктических стратегиях Альянса в плане возможности подключить к ним также прибалтийские государства[3]. Аналогичных взглядов придерживается и истэблишмент Швеции. Например, официальная точка зрения Шведского агентства по энергетике предполагает, что вступление станы в Альянс послужит делу укрепления безопасности как в Балтийском, так и в Арктическом регионах[4], что подразумевает тесную взаимосвязь первой и второй. Министр иностранных дел страны Т. Биллльстрём также тесно увязывает проблему безопасности на Балтике, в Арктике и в Северной Европе в целом[5]. А некоторые политологи (например, Э. Бьорлинг, идут ещё дальше, говоря, что на Швеции как бы соединяются Арктика, Балтика и Атлантический океан, при этом в первую очередь речь идёт о коллективной обороне именно Арктики[6].

Неудивительно, что в последние примерно десять лет оба государства играют всё возрастающую роль в решении арктических проблем «коллективного Запада». Неудивительно также, что в октябре 2022 (или 2023? — из контекста непонятно — Авт.) советник Госдепартамента США Д. Шолле заявил иностранным журналистам, что расширение НАТО за счёт Швеции и Финляндии приведёт к радикальным изменениям во всём стратегическом и концептуальном мышлении всей организации, а именно позволит последнему действовать более скоординированно и согласованно и усилит его военные позиции на Крайнем Севере[7].

Неудивительно в этой связи и то, что США поддержали приём двух стран в Альянс одними из первых[8]. Есть немалые основания связывать это с серьёзными изменениями в арктической политике США, подразумевающими создание предпосылок для

---

https://mash.ru/longread/153485/ (дата обращения 26.04.2024).

[1] Поплавская О. Чужое море. Как вступление Швеции и Финляндии в НАТО повлияет на безопасность России // Известия. 17 мая 2022. [Электронная версия]. URL: https://iz.ru/1335251/olga-poplavskaia/chuzhoe-more-kak-vstuplenie-shvetcii-i-finliandii-v-nato-povliiaet-na-bezopasnost-rossii (дата обращения 18.04.2024).

[2] Чеков А., Воротников В., Чечевишников А., Якутова У. Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России // Международная экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 10. С. 26.

[3] Файзеева М.Р., Попов Д.И. Арктическая политика Латвии: предпосылки формирования // Арктика и Север в контексте развития международных процессов. Архангельск: САФУ, 2022. С.12—17; Projects that strengthen cooperation in the Baltic Sea, Barents Sea and the Arctic regions // Ministry for Foreign Affairs of Finland. URL: https://um.fi/projects-that-strengthen-cooperation-in-the-baltic-sea-barents-sea-and-the-arctic-regions (дата обращения: 18.04.2024).

[4] Yttrande angående Promemorian Sveriges medlemskap i NATO (Ds 2022:24) // Energimyndigheten. URL: https://www.regeringen.se/4ac55f/contentassets/cae7491c2ef84def8347c85d419ce5fa/statens-energimyndighet.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

[5] Remarks by Minister for Foreign Affairs Tobias Billström at the Atlantic Council // Government Offices of Sweden. 08.12.2022. URL: https://www.government.se/speeches/2022/12/remarks-by-minister-for-foreign-affairs-tobias-billstrom-at-the-atlantic-council/ (дата обращения: 18.04.2024).

[6] Bjorling E. What Sweden's NATO accession means for Europe. URL: https://www.gisreportsonline.com/r/sweden-nato-accession/ (дата обращения 24.04.2024).

[7] Чеков А. и др. Указ. соч. С.25.

[8] U.S. will 'strongly support' NATO bids of Sweden and Finland, Blinken says // The Washington Post. 28.04.2022. URL: https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/28/nato-finland-sweden-blinken/(дата обращения: 18.04.2024).

успешности «нарастающего соперничества» в Арктике не только с Россией, но и со стремящимся в этот регион Китаем[1].

Усиливают свои арктические силы, естественно, и сами США. До недавнего времени их армия была «беспомощной» в высоких широтах[2]. Военная же инфраструктура России в Арктике очень сильна. Так, в подтверждение можно привести такой факт: в марте 2021 г. около Северного полюса поднялись на поверхность три российские субмарины, на борту у каждой из которых имелось по 16 многоцелевых баллистических ракет. Их целью было участие (совместно с некоторыми частями ВКС и сухопутных войск) в учениях «Умка-2021»[3]. И если ранее военное присутствие нашей страны в Арктике было сосредоточено в основном в районе Кольского полуострова, то с середины 2010-х гг. оно расширяется и на другие регионы Арктики, в том числе, например, на Землю Франца-Иосифа и район полюса[4].

Некоторые западные эксперты считают Северный флот России настолько сильным, что он способен при определённых условиях создать для НАТО проблемы с коммуникациями между Европой и Северной Америкой в ряде северных акваторий, вплоть до берегов Великобритании; такой точки зрения придерживается, например, часть экспертов агентства Reuters[5].

Впрочем, при нынешнем состоянии годных к использованию в Арктике сил Альянса, как отмечет, например, сотрудница Института Гудзона Л. Одгаард, даже и вступление в Альянс двух новых приполярных членов само по себе не может радикально улучшить относительно слабые позиции НАТО в этом регионе. Так, этот автор опасается, что российские атомные подводные лодки могут пройти между Шпицбергеном и Гренландией к побережью США. Причина в том, что США и даже северные члены НАТО (Канада, Дания, Швеция и Финляндия) долгие годы готовили свои армии и особенно флоты к действиям совсем на других театрах военных действий, ВМС же Норвегии и Исландии просто явно недостаточны (последняя вообще имеет только корабли береговой охраны). Завешается статья призывом к НАТО как можно быстрее укреплять свой арктический фланг[6].

Вопрос, однако, в том, насколько соответствуют истине такие опасения. Вспомним, что на протяжении последних 200 лет Запад всегда преувеличивал силу России. Как бы то ни было, США и НАТО действительно долго тянули с разработкой арктической стратегии. Достаточно сказать, что в документах, посвящённых концепции национальной безопасности США, данный регион упоминается в 2017 г. один раз, а в 2018 г. не упоминается вообще. Обнародованные в 2019 г. планы Пентагона по арктической стратегии представляли из себя разрозненные документы, к тому же имелись разногласия в планах различных видов вооруженных сил, не говоря уже об отсутствии координации с другими членами, в которых нет никаких конкретных планов по координации операций или ресурсов, не говоря уже о взаимодействии с другими членами Альянса, например, с Канадой. В совместном заявлении НАТО по итогам саммита 2021 г. «крайний север» (под каковым к тому же подразумеваются только незамерзающие регионы Арктики) тоже упоминается всего один раз[7]. Ещё и в 2022 г. этот регион оказался «в хвосте» в Стратегии национальной безопасности США, и снова без конкретики[8].

---

[1] National Strategy for the Arctic Region 2022.

[2] Комлева Е.В. и др. Указ. соч. С. 373—374.

[3] Херман А. Швеция и Финляндия помогут НАТО противостоять России в Арктике // ИноСМИ. 11 июня 2022. URL: https://inosmi.ru/20220611/arktika-254509234.html (дата обращения 26.04.2024).

[4] Комлева Е.В. и др. Указ. соч. С. 425—426; Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Указ. соч. С.49.

[5] Васильева М. Какие возможности получило НАТО после вступления Финляндии и Швеции // РБК. Политика. 3 апреля 2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/03/04/2024/660c0e429a79476520ce2871 (дата обращения 24.04.2024).

[6] Odgaard L. NATO is Unprepared for Russia's Arctic Threats // Foreign Policy. Jan 4, 2024. URL: https://foreignpolicy.com/2024/04/01/nato-russia-arctic-steadfast-defender-2024/ (дата обращения: 18.04.2024).

[7] Херман А. Указ. соч.

[8] Бржевская А. Названа выгода НАТО от присоединения Финляндии и Швеции: присутствие в Арктике // МК. 24 апреля 2024.

Однако теперь США и НАТО делают многое, чтобы преодолеть своё отставание от России в Арктике[1]. Это направление, по мнению ряда исследователей, становится одним из важнейших в военно-политической стратегии США[2]. И при этом большое внимание уделяется двум новым членам: как полагают в Вашингтоне, вступление Швеции и Финляндии в НАТО не просто «укрепит единство» в Арктике, но и помешает доминированию России[3]. Например, эксперты из Reuters полагают, что Финляндия сможет помешать действиям России, направленным против переброски подкреплений из США в Европу[4].

А на отмечавшемся недавно (4—5 апреля 2024 г.) 75-летии блока НАТО (на конференциях по этому случаю) ряд политологов полагали, что участие Швеции и Финляндии позволит НАТО доминировать в Арктике[5].

Правда, некоторые политики из двух новопринятых стран, например, известный финский дипломат Р. Нюберг, одно время занимавший должность посла в Москве, считают, что о прямой угрозе для России от вступления обеих стран НАТО нет, речь идёт лишь о «попутном ущербе». Мотивируется такая позиция тем, что обе страны уже давно сотрудничают с Альянсом, фактически же в военном почти всё останется по-старому, разве что крайний северо-восток Норвегии (Финмарк) будет теперь лучше защищён[6].

Даже если это (допустим) и так, то Г. Воронцов ещё в 2022 г. отмечал, что возможное расширение НАТО в Северной Европе сделает невозможным взаимодействие «коллективного Запада» с Россией в решении поблеем Арктики, каковых имеется немало[7]. Но при этом большинство западных военных и политических экспертов считает совсем иначе.

Так, например, Ева Бьёрлинг из Независимого аналитического центра, расположенного в не входящем в Альянс Лихтенштейне, пишет, что приём в последний интересующих нас двух стран изменит соотношение внутри НАТО в сторону большей самостоятельности и обороноспособности его европейской составляющей, соответственно повысив и роль последней; в первую очередь, повысится роль скандинавских государств, поскольку теперь в Альянс войдёт вся Скандинавия, а не только её «приатлантическая» окраина[8]. К этому можно добавить, что в первую очередь благодаря данному повысится роль стран Европы — членов НАТО в Арктике.

Последнее подтверждает и мнение экспертов Военно-морского института США, отмечающих важность такого фактора, как небольшое расстояние, отделяющее территорию Финляндии от железных и шоссейных дорог Кольского полуострова, что позволит в случае чего нанести тяжёлые, а в пределе — непоправимые потери (вплоть до полного уничтожения) российскому Северному флоту[9]; впрочем, из контекста цитируемого источника видно, что речь идёт не столько о самом флоте, сколько о его инфраструктуре. Но дело не только в географической близости и соответственно в повышении эффективности действия размещаемых в этих странах сил НАТО, но и в возможностях вооруженных сил самих Швеции и Финляндии.

Так, Финляндия планирует разместить первые из закупленных ею истребителей F-35 в г. Рованиеми, который от России отделяют всего 150 км и откуда (с находящейся там военной базы) уже осуществляются

[1] Комлева Е.В. и др. Указ. соч. С.373—374.
[2] Набиев Х.Х. Арктическая стратегия США: военно-политический аспект // Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современности: сборник научных статей / под. ред. О.В. Зарецкой. Архангельск: САФУ, 2022. С. 41—48.
[3] Херман А. Указ. соч.
[4] Васильева М. Указ. соч.
[5] Бржевская А. Указ. соч.
[6] Цит. по: Смирнов П.Е. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2023. Т.15. № 4. С. 56.
[7] Воронцов Г. Указ. соч.
[8] Bjorling E. Op. cit.
[9] Gorgemans E.B. Finland and Sweden will reinvigorate NATO's Navies // U.S. Naval Institute. Materials. Sept. 2023. Vol.149/9/1447. URL: https://www.usni.org/magazines/proceedings/2023/september/finland-and-sweden-will-reinvigorate-natos-navies (дата обращения 24.04.2024).

тренировочные полёты американских самолётов[1].

Мы видим, таким образом, что расширение НАТО за счёт Швеции и Финляндии — это серьёзный вызов безопасности России не только на Балтике, но и в Арктике. Между тем, нужно ли говорить о том, какое значение имеет Арктика для России, и не только исторически и геполитически, но и экономически? Достаточно сказать, что, по некоторым оценкам, в Арктике и прилегающих регионах Россия добывает 100% алмазов, 98% платиноидов, 90 % никеля и кобальта, 60 % меди, а на Ямале добывается 85 % газа и 14 % нефти и газоконденсата[2]; также 43 из почти 60 крупных месторождений нефти и газа, обнаруженных в Артике, находятся на землях или в водах России, тогда как в Канаде — 11, на Аляске — 6 и в Норвегии — 1[3].

Финляндия же, уже располагающая, помимо всего прочего, крылатыми ракетами американского производства класса «воздух — земля» AGM-158 JASSM, собирается приобрести усовершенствованный вариант таких ракет, с возможностью поражать цели на расстоянии до 980 км с истребителей F-35[4]. Этот фактор создаст угрозу не только предприятиям ВПК и транспортной инфраструктуре в Архангельской области[5], но и более чем 100 нефтегазоперспективным структурам, находящимся в Баренцевом море и Печорской губе[6].

Кроме того, благодаря «глобальному потеплению» и таянию льдов возрастает значение Северного Морского пути. Так, уже в 2017 г. ледяной покров в Северном ледовитом океане в сезон максимального расширения снизился до рекордно малых 5,57 млн. квадратных миль, а уже на середину 2030-х гг. некоторые климатологи предсказывают полное очищение океана ото льда летом. Другие, правда, считают, что это произойдёт минимум лет на десять позже[7], но, как бы то ни было, Арктика с экономической и торговой точки зрения становится значительно перспективнее, чем раньше. Соответственно, обострится и борьба за контроль над этим регионом.

Между тем, очевидно, что после вступления двух стран в Альянс произойдёт (отчасти уже происходит) активизация как различных военных проектов НАТО (учения и др.), так и особенно активизация сотрудничества с последней Швеции и Финляндии, особенно как раз в Арктике. Вот для примера мнение И. Крамника из ИМЭМО (Центр изучения стратегического планирования при этом Институте): противостояние Россия — НАТО в Арктике по напряженности и степени опасности способно превзойти даже эпоху «холодной войны»[8]; и, учитывая как расширение Альянса за счёт двух приполярных стран, так и активизацию его арктической стратегии, такая точка зрения выглядит вполне обоснованной. С учётом как этого фактора, так и сказанного выше о растущем значении Арктики, обоснованным представляется мнение многих американских экспертов о росте роли Арктического региона в военных приоритетах не только НАТО, но и России. Всё это не может не усугубить напряжённость в двусторонних отношениях[9].

И активизация НАТО уже налицо. Так, в марте 2024 г. более 20 тыс. военнослужащих НАТО, а также более 50 судов, включая подводные лодки, и более 100 самолетов из 13 стран, в том числе из двух новых членов, были задействованы в последнем этапе учений Nordic Response 2024 (Норвегия). В учениях же Nordic Response 2024 в целом приняли участие все без исключения

[1] Чеков А. и др. Указ. соч. С.24.
[2] Ципоруха М.И. Россия и русские в Арктике. М.: Изд-во «Патриот», 2012. С.179.
[3] Херман А. Указ. соч.
[4] Смирнов П.Е. Указ. соч. – С.49.
[5] Карпов А., Медведева А. Ответная реакция: какие меры вынуждена будет принять РФ после вступления Швеции и Финляндии в НАТО // RT на русском. – 4 декабря 2022. URL: https://russian.rt.com/world/article/1081881-finlyandiya-shveciya-nato-rossiya-bezopasnost (дата обращения 24.04.2023).
[6] Ципоруха М.И. Указ. соч. С.180.
[7] Херман А. Указ. соч.
[8] Крамник И. Новое расширение НАТО делает Арктику более опасным регионом // Независимая газета. 24 июля 2023 г.
[9] Mellen R., Moriarty D., Ledur J. Four maps explain how Sweden and Finland could alter NATO's security // The Washington Post. July 11, 2023.

члены Альянса, свыше 90 тыс. военнослужащих[1].

Росту активности НАТО в Арктике, помимо пока относительной её слабости в регионе, мешают (пока) и некоторые факторы бюрократического характера. Так, Финляндия, став членом организации, была приписана к нидерландскому Брунсуму, где размещается командование Альянса, ответственное за вступившие в НАТО бывшие страны «социалистического лагеря» (включая три бывшие республики СССР — страны Балтии), тогда как Норвегия относится к компетенции тех структур НАТО, которые ориентированы на обеспечение безопасности коммуникаций между европейской и американской частями организации, и в первую очередь с стороны Арктики, откуда, как уже говорилось, Северный флот России действительно может угрожать последним; командование этих структур размещается в США, в Норфолке. Что касается Швеции, то по неё в этом плане на момент написания цитируемой работы сведений не было. Но все эти препоны, как и чисто военные проблемы, не так уж трудно преодолеть, и сам автор цитируемой работы считает, что так и будет, что Арктику и Восточную Европу Альянс в дальнейшем будет рассматривать как единое целое[2].

Таким образом, как уже говорилось, сейчас Альянс делает многое, чтобы исправить невыгодную для себя ситуацию в Арктике[3]. И тут роль Швеции и Финляндии может оказаться очень важной, а в некоторых аспектах — решающей, возможно, даже незаменимой.

Например, знаменитая финская фирма «Wärtsilä», специализировавшаяся, помимо всего прочего, на строительстве ледоколов, вполне способна нарастить ледокольную мощь США[4], пока явно недостаточную, да и вообще Финляндия — мировой лидер в строительстве ледоколов[5]. Вплоть до 2022 г. Финляндия активно производила ледоколы для СССР, а потом для России: в частности, наша страна была основным импортёром финских дизельных ледоколов. В октябре 2022 г. Финляндия в одностороннем порядке прекратила это сотрудничество[6].

Что же касается Швеции, то некоторые западные эксперты считают, что именно её малошумный и высокоэффективный подводный флот станет решающим фактором в системе арктической обороны Альянса[7].

Есть мнение (в частности, так считает контр-адмирал В. Борисов), что именно конкуренция с Россией в Арктике, с учётом упоминавшегося роста значения последней) и есть главная причина вовлечения Финляндии и Швеции в НАТО. Так, в Вашингтоне считают, что имеющихся баз в Норвегии недостаточно, и видят выход из этой недостаточности в использовании военных аэродромов Финляндии и Швеции[8].

Кое-кто из экспертов НАТО считает, что Альянсу следует провести очередной саммит в каком-нибудь городе, относящемся к Арктическому региону, например, в норвежских городах Тромсё или Будё, как доказательство серьёзности намерений организации на этом направлении[9].

В итоге мы видим, что, если с международно-правовой точки зрения для новой арктической стратегии НАТО (с участием Швеции и Финляндии) после выхода США из договора РСМД нет никаких препятствий, то в военном, экономическом, геополитическом плане эта стратегия несёт ряд вызовов нашей стране. В данной ситуации Россия вынуждена отвечать на все эти дей-

---

[1] Цит. по: Смирнов П.Е. Указ. соч. С. 52—53.

[2] Бржевская А. Указ. соч.

[3] Комлева Е.В. и д. Указ. соч. С. 373—374.

[4] U.S. Looking to Acquire 10 Additional Icebreakers, Possibly from Finland // High North News. 14.07.2020. URL: https://www.highnorthnews.com/en/us-looking-acquire-10-additional-icebreakers-possibly-finland (дата обращения: 18.04.2024).

[5] Херман А. Указ. соч.

[6] Finland bans export of icebreaker to Russia // Marien Log. 05.10.2022. URL: https://www.marinelog.com/news/finland-bans-export-of-icebreaker-to-russia/(дата обращения: 18.04.2024).

[7] Напр.: Херман А. Указ. соч.

[8] Сокирко В. «Цель вступления Финляндии и Швеции в НАТО — контроль за российской Арктикой // Газета.ru. 13 мая 2022. URL: https://www.gazeta.ru/army/2022/05/13/14851754.shtml (дата обращения 26.04.2024).

[9] Херман А. Указ. соч.

ствия, противоречащие её Стратегии национальной безопасности, симметричными силовыми мерами, что, как отмечалось выше, уже и делается в течение последних как минимум десяти лет. Все перечисленные действия как НАТО в целом, так и двух его новых членов, если последние и дальше будут соблюдать субординацию в рамках Альянса, делают едва ли возможным улучшение отношений как с НАТО в целом, так и с Стокгольмом и Хельсинки в обозримом будущем.

Библиография

1. Володин, Д.А. Канада: проблемы суверенитета в Арктике после «холодной войны» / Д.А. Володин // Канада и Россия: северное измерение и вызовы национальной безопасности. — Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. — С. 57—69.

2. Воронцов, Г. The National Interest: Вступление Финляндии и Швеции в НАТО дестабилизирует Арктику / Г. Воронцов // Life.ru. — 15 мая 2022.

3. Комлева, Е.В. и др. Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения / Е.В. Комлева и др. — Новосибирск: Изд-во «Параллель», 2017. — 494 с.

4. Набиев, Х.Х. Арктическая стратегия США: военно-политический аспект / Х.Х. Набиев // Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современности : сборник научных статей / под. ред. О.В. Зарецкой. — Архангельск: САФУ, 2022. — С. 41—48.

5. Петровский, В.Е. Россия и Китай в Арктике / В.Е. Петровский, Л.В. Филиппова. — Москва: Изд-во «Весь мир», 2022. — 168 с.

6. Смирнов, П.Е. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе / П.Е. Смирнов // Балтийский регион. — 2023. — Т. 15. — № 4. — С. 42—61.

7. Файзеева, М.Р. Арктическая политика Латвии: предпосылки формирования // Арктика и Север в контексте развития международных процессов / М.Р. Файзеева, Д.И. Попов. — Архангельск: САФУ, 2022. — С. 12—17.

8. Ципоруха, М.И. Россия и русские в Арктике / М.И. Ципоруха. — Москва: Изд-во «Патриот», 2012. — 256 с.

9. Чеков, А. Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России / А. Чеков, В. Воротников, А. Чечевишников, У. Якутова // Международная экономика и международные отношения. — 2023. — Т. 67. — № 10. — С.19—29.

10. Gorgemans E.B. Finland and Sweden will reinvigorate NATO’s Navies // U.S. Naval Institute. — Materials. — Sept. 2023. — Vol.149/9/1447.

11. Mellen R., Moriarty D., Ledur J. Four maps explain how Sweden and Finland could alter NATO’s security // The Washington Post. — July 11, 2023.

Правовое регулирование военной безопасности как фактора обеспечения национальной безопасности

© **Чучулаева Анастасия Ивановна,**
юрист

Аннотация. В статье рассматривается феномен военной безопасности как элемент системы национальной безопасности. Особое внимание уделяется теоретико-правовой характеристике понятий военная и национальная безопасность, а также военных угроз. Обосновывается вывод о том, что в условиях современных вызовов и угроз, таких как международный терроризм, локальные конфликты и геополитическая нестабильность, вопросы правового регулирования военной безопасности приобретают особую значимость.

Ключевые слова: военная безопасность, национальная безопасность, безопасность, военные угрозы.

Legal regulation of military security as a factor of national security provision

© **Chukulaeva A.I.,**
Lawyer

Abstract. The article deals with the phenomenon of military security as an element of the national security system. The main focus is given to theoretical-legal characteristics of the concepts of military and national security as well as military threats. The conclusion, that in the context of modern challenges and threats, such as international terrorism, local conflicts and geopolitical instability, the issues of legal regulation of military security are of particular importance, is stipulated.

Keywords: military security, national security, security, military threats.

На сегодняшний день принцип разрешения возникающих споров мирными средствами, согласно которому государства и иные субъекты международного права должны стремиться к поиску мирных средств урегулирования возникающих споров, чтобы не подвергать международный мир и безопасность угрозе, установлен в качестве основополагающего для развития международных отношений[1]. Он был закреплен как один из важнейших в Уставе ООН еще в 1945 г. с момента возникновения организации, что положило начало новому историческому витку в развитие не только международного права, но и внутренних изменений в законодательствах современных государств[2]. Во времена холодной войны стремление к достижению мирового господства двумя сверхдержавами не раз достигало своего критического максимума в ходе их вмешательства в региональные и локальные конфликты, мир стоял на пороге новой разрушительной войны, однако каждый раз развязывание конфликта мирового масштаба удавалось избежать. Тем не менее с окончанием эпохи биполярной конфронтации США и СССР применение военной силы в международных отношениях не прекратилось. Все

[1] Устав Организации Объединенных Наций: принят 26 июня 1945 г. — Текст: электронный // Государственная система правовой информации: официальный интернет-портал правовой информации. URL [Электронный ресурс]: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010084&intelsearch (дата обращения: 02.06.2024).

[2] См. подробнее: Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51—62; Капустин А.Я., Авхадеев В.Р., Г.М. Азнагулова [и др.]. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права. М.: Инфра-М, 2023.

чаще в последнее время происходит значительное количество локальных вооруженных конфликтов, которые оказывают значительное влияние на международную ситуацию не только в определенных регионах, но и по всему миру. В связи с этим государства стремятся к укреплению своих позиций на международной арене, в первую очередь, для защиты своей безопасности, которая заключается в стабильности существования и возможности развиваться. Именно эти условия для современных национальных государств являются высшими ценностями. При меняющейся международной обстановке на данный исторический период сохранение государством способности отстаивать свои национальные интересы является ключевым направлением деятельности, отраженным в стремлении обеспечить национальную безопасность. Реализация и защита национальных интересов относится к основной функции государства, соответствующие институты и органы которого формируют цели государственной политики, рассматриваемые как отражение намерений не только государства, но и общества в целом, и формирующей его совокупности отдельных физических лиц[1].

Говоря о феномене «национальная безопасность» следует рассмотреть генезис понятия «безопасность». Безопасность можно понимать по-разному: на каждом этапе развития человечества данная категория претерпевала изменения в зависимости от уровня исторического и социального развития человеческого общества[2]. Так, первые попытки объяснить категорию «безопасность» были предприняты еще в эпоху античности. Древнегреческий философ Платон определял безопасность как «предотвращение вреда»[3]. Его ученик Аристотель считал, что высшим благом в государстве является счастье его жителей, для достижения которого в государстве должны были быть ресурсы для удовлетворения нужд общества[4]. В Средние века впервые появляются попытки многих мыслителей определить безопасность как состояние защищенности от любой опасности, причем как внешней, так и внутренней[5]. В период эпохи Просвещения (XVI—XVI вв.) благодаря философским концепциям Г. Гоббса, Д. Локка, Ж.Ж. Руссо, Б. Спинозы и других мыслителей понятие безопасности приобретает значительное распространение в научных и политических кругах западно-европейских государств. Безопасность понималась как состояние, ситуация спокойствия, появляющаяся в результате отсутствия реальной опасности, как физической, так и моральной[6]. В следующий исторический отрезок XVII—XVIII вв. термин «безопасность» стал закрепляться в различных нормативных правовых актах, что представляет собой первые попытки законодательного закрепления данного феномена. Уже в XIX—XX веках изучением безопасности активно занимались в США, научная американская элита достигла значительного прогресса в изучении вышеупомянутого феномена. Основой их работ, мнений и позиций были фундаментальные национальные ценности и идеалы, разработанные в первые годы существования Соединенных Штатов. Фактически категория «безопасность» представлялась синонимом категории «национальная безопасность»[7]. Однако единого мнения в отношении дефиниции категории «безопасности» не было, так как оно

[1] Кудашкин А.В., Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1(64). С. 31—47.

[2] Макаркин С.В. Безопасность: понятие, основные принципы, правовая основа ее обеспечения // Техносферная безопасность. 2014. №º2(3). С. 51—55.

[3] Платон. Сочинения. В 3 т. М., 1971; Т. 3. ч. I.

[4] Аристотель. Политика // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. 1. С. 126.

[5] См., например: Le Robert. Dictionnaire universe) des noms propres. En 5 volumes. Nouv. Hed. - Paris: Dictionnares Le Robert, 1989; Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. С. 56.

[6] Зеленков М.Ю. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI в. М.: Юридический институт МИИТ, 2002. С. 23.

[7] Усеев Р.З. Генезис теории безопасности в мировой и отечественной системе научных знаний // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 4 (22). URL [Электронный ресурс]: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-teorii-bezopasnosti-v-mirovoy-i-otechestvennoy-sisteme-nauchnyh-znaniy (дата обращения: 05.05.2024).

включало в себя много аспектов, что не позволяло конкретизировать понятие.

В настоящий момент одним из самых простых и понятных определений «безопасности», существующих как в отечественной, так и зарубежной науке является «отсутствие опасности». Опасность есть нечто неприемлемое для существования субъекта, противоречащее его природе, поэтому отсутствие этого «неприемлемого» и есть состояние, при котором субъект чувствует себя защищенным, в безопасности.

Одним из наиболее продуктивных подходов к определению безопасности относится функциональный, согласно которому безопасность — это то, что позволяет субъекту существовать, функционировать, развиваться[1]. Важную роль в составляющей понятия «безопасность» играет сам субъект, от того уровня вреда, который ему может быть нанесен. Что нужно самому субъекту, чтобы иметь возможность существовать, стабильно функционировать и развиваться — от этого и будет зависеть содержание того, что определит его безопасность. В этой зависимости раскрывается один из принципов теории безопасности: принцип дополнительности. Сама по себе безопасность не существует, о ней можно говорить лишь как об «атрибуте» какого-либо субъекта.

Из понятия «безопасность» вытекают два других наиважнейших для современного миропорядка феномена: международная и национальная безопасность.

Понятие международная безопасность синтезирует безопасность различных стран мира. Международная безопасность представляет из себя сложный системный феномен, обладающий определенными особенностями. Во-первых, обеспечение данного вида безопасности осуществляется несколькими субъектами, которые осуществляют совместную деятельность в результате заключения международных договоров. Во-вторых, особый субъектный состав, субъекты международного права, к коим относятся государства, международные межправительственные организации, народы и нации, борющиеся за независимость, и государственно-подобные образования. В-третьих, обеспечение международной безопасности осуществляется на основе определенной системы норм и принципов международного права[2].

Таким образом, международная безопасность — это такое состояние международных отношений, при котором конфликты между государствами решаются на основе переговоров, такое состояние международных отношений, которое исключает применение силы одним государством в отношении другого, а в случае попытки применения силы тем или иным государством в отношении другого государства эта вооруженная акция пресекается силами сообщества государств, являющихся субъектами международной системы обеспечения безопасности различных стран.

Понятие «национальная безопасность» закреплено в нормативных правовых актах каждого государства. Каждое государство стремится обеспечить национальную безопасность для сохранения суверенитета и возможности быть субъектом международного права для возможности участвовать в международных отношениях и влиять на принятие важных для всего мирового сообщества решений. Так, Российская Федерация является таким субъектом, способным влиять на международную обстановку. Вследствие этого защита национальной безопасности становится ключевым направлением политики государства, в связи с чем был разработан ряд нормативно-правовых актов, регулирующих обеспечение безопасности России. В Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» содержится юридическое определение термина «национальная безопасность». Это состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором

[1] Иншаков С.М. Методологические основы теории национальной безопасности : монография. М.: РУСАЙНС, 2020.

[2] Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права". Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. С. 5—14.

обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны[1]. Национальная безопасность включаются в себя состояние защищенности ее субъектов, к каковым относятся государство, общество и гражданин, в связи с чем комплексный подход к пониманию национальной безопасности предполагает деление ее на три уровня в зависимости от вышеупомянутых субъектов. Более того, она является открытой системой, так как все ее компоненты находятся еще и под влиянием внешней среды, они функционируют и развиваются под воздействием разнообразных факторов. А.В. Возженников также рассматривает национальную безопасность как макросистему, которая включает в себя все виды безопасности как постоянные образования, функционирующие в рамках более широкой среды[2].

Исходя из определения, можно сделать вывод, что феномен национальной безопасности носит системный характер, так как включает в себя несколько взаимозависимых элементов. Их влияние характеризуется разной степенью воздействия на степень защищенности объектов.

На основании вышеупомянутых признаков была разработана «ядерная» модель системы национальной безопасности, сущность которой заключается в расположении элементов в зависимости от значимости элемента целостности для обеспечения национальной безопасности[3]. Так, можно выделить системообразующие виды безопасности: политическую, экономическую и духовно-нравственную. Они будут составлять ядро национальной безопасности. Ослабление или уничтожение одного из элементов ядра повлечет за собой утрату национальной безопасности в самое короткое время. Далее следуют несколько уровней: первый и второй, которые располагаются в зависимости от того, как скоро наступят неотвратимые последствия их деструкции[4]. К первому уровню можно отнести финансовую, информационную, научную, военную, космическую, контркриминальную, транспортную и другие виды[5]. Они образуют основу национальной безопасности. Ко второму уровню, к значимым элементам, следует отнести, например, экологическую, санитарную, медицинскую безопасность[6].

Для обеспечения национальной безопасности на соответствующем уровне необходимо иметь эффективную систему правового регулирования: систему правовых норм и принципов, регулирующих общественные отношения в различных сферах, закрепленные в нормативных правовых актах разного уровня. Военная безопасность является одним из элементов системы национальной безопасности, составляет ее основу, что подтверждается, в том числе, наличием обширной нормативной базы военного законодательства. В состав нормативной правовой

---

[1] Макаркин С.В. Безопасность: понятие, основные принципы, правовая основа ее обеспечения // Техносферная безопасность. 2014. № 2(3). С. 51—55.

[2] Возженников А.В. Национальная безопасность России. М.: РАГС, 2002. С. 3—27.

[3] Иншаков С.М. Национальная безопасность: ядерная модель : монография. М.: РУСАЙНС, 2021.

[4] Там же.

[5] См., например: Духно Н.А., Землин А.И., Землина О.М. [и др.]. Правовые проблемы обеспечения транспортной безопасности. М.: Юридический институт МИИТ, 2018; Рябцева Т.Т., Холиков И.В. Правовое регулирование информационной безопасности в современных условиях // Военное право. 2024. № 3(85). С. 17—28; Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения / И.В. Холиков, П.Ю. Наумов, В.М. Большакова [и др.] // Уголь. 2022. № 10(1159). С. 66—71; Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия. М.: Юнити-Дана, 2020. С. 431—459.

[6] См., например: Мельков С.А., Холиков И.В. Экономико-правовые составляющие безопасности жизнедеятельности населения в условиях распространения эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2020. № 3(33). С. 159—172; Жданов К.В., Холиков И.В. Болезнь, вызываемая вирусом Эбола: от теории к практике // Журнал инфектологии. 2015. Т. 7, № 1. С. 5—17; Вовкодав В.С., Холиков И.В. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты // Военное право. 2017. № 6(46). С. 177—179; Холиков И.В. Правовые аспекты химической и биологической безопасности Российской Федерации // Современное право. 2010. № 3. С. 23—28.

базы, регулирующей данную сферу, входят законодательные акты различных уровней. Так, в Конституции Российской Федерации определены правовые основы и наиболее значимые нормы по организации обороны государства и руководству Вооруженными Силами. К основополагающим нормативным правовым актам относится Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В этом документе определены стратегические планы по сохранению национальной безопасности, а также определены национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, в том числе в сфере военного обеспечения безопасности страны. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению всех уровней безопасности, а также закрепляет и дифференцирует полномочия и функции государственных органов, регулирующих безопасность. В области военной службы правоотношения, относящиеся к военной безопасности, регулируют Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе», Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации, Строевой устав Вооруженных Сил Российской Федерации, Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации. Также базовым документом является Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976), которая содержит совокупность официальных взглядов (установок), определяющих военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические основы обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

В Военной доктрине Российской Федерации, военная безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемого отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять. Угроза всегда несет в себе информацию об опасности. Военные угрозы можно охарактеризовать в широком плане как возможность (реальную или потенциальную), прямого или опосредованного применения военной силы со стороны одного государства либо коалиции государств, военно-политических организаций террористического, сепаратистского, религиозного толка против другого государства, его суверенитета и территориальной целостности, общества и граждан, с целью реализации своих интересов и получения экономических, политических и прочих привилегий за счет противоположной стороны.

Военная угроза, как и война в целом, представляет собой средство достижения определенных целей, в качестве которых могут быть изменение, сохранение или восстановление политического и территориального статус-кво. Конечной же целью, вероятнее всего, будет экономическая: перераспределение победителем в свою пользу природных и информационных ресурсов проигравшей стороны, ее производственной базы, транспортных коммуникаций и т.п.

Возникновение военных угроз обусловлено наличием у государств существенных противоречий, а также подготовленных для их разрешения вооруженных сил, которые должны быть в состоянии преодолеть сопротивление противника и заставить его подчиниться своей воле. О возникновении военных угроз, как правило, свидетельствуют направленность и содержание официальных заявлений высших государственных деятелей, концепций национальной безопасности, военных доктрин и военной политики, в которых содержатся элементы враждебности, территориальные претензии, намерение изменить паритет военных сил и т.д. Другими показателями военных угроз являются действия, направленные на создание новых видов оружия и военной техники, образование новых и расширение существующих военно-

политических союзов, передислокация крупных воинских контингентов и т.д.

Поскольку сила является преимущественно постоянной и объективной величиной, а намерения — переменной и субъективной, при анализе военно-политической обстановки, необходимо особенно внимательно относиться к наличию значительного силового компонента у других государств. Очевидно, что такие характеристики вооруженных сил как их количество, качество подготовки, состояние материально-технического обеспечения, время, необходимое для приведения в высокие степени боевой готовности, направленность подготовки личного состава и т.д. могут являться показателями военных угроз. Аналогичным образом следует подходить и к оценке деятельности военно-политических союзов, наращивающих свою военную мощь, а также исключающих возможность участия в них соседних государств.

Наличие достаточно серьезных межгосударственных, религиозных, этнических и прочих противоречий, которые делают возможным применение военной силы, являются фактором не только возникновения, но и развития и реализации военных угроз.

Угроза применения военной силы, во-первых, выступает в качестве предупреждения оппоненту, что в случае сохранения нынешнего курса, она может быть реализована, что предполагает, прежде всего, нанесение значительного материального ущерба. Угроза использования вооруженных сил призвана подкрепить применение дипломатических и других средств внешней политики, запугать противника и добиться, таким образом, достижения намеченных целей. Во-вторых, угроза использования вооруженных сил может выступать в качестве мощного фактора истощения экономических, политических и духовных сил нации и призвана нанести поражение противнику в своеобразной проверке на прочность его способности защищать свои интересы.

На формирование военных угроз также влияют геополитическое положение отдельных стран и военно-политическая обстановка, которая складывается в различных регионах и в мире в целом. Очевидно, что близость того или иного государства к реальным или потенциальным очагам вооруженных конфликтов способствует возникновению военных угроз безопасности.

Непосредственная военная угроза характеризует такое состояние межгосударственных отношений, при котором имеются антагонистические противоречия, присутствуют политические намерения и воля, хотя бы у одной из противоборствующих сторон применить военную силу, а также готовность вооруженных сил и других элементов военной организации к решению поставленных задач. Наличие непосредственных военных угроз ведет к существенному осложнению военно-политической обстановки, поскольку содержат в себе совершенно очевидные предпосылки возникновения военного конфликта между соперничающими сторонами и вовлечения в него других действующих лиц.

Реализация непосредственной военной угрозы может иметь место не только в том случае, если имеются объективные факторы, обеспечивающие достижение успеха в военном противоборстве (значительный перевес сил, более совершенная военная техника и т.д.). Принципиальная возможность военного конфликта должна допускаться, вследствие, по крайней мере, на первый взгляд, иррациональных мотивов и действий со стороны одного или даже обоих субъектов военной политики[1].

Военные угрозы могут быть реализованы путем прямой агрессии, конкретные акты которой подробно изложены в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г. К ним, в частности, отнесены: вторжение вооруженных сил одного государства на территорию другого, военная оккупация, аннексия с применением силы, применение любого оружия государством против территории другого государства, блокада портов или берегов вооруженными силами и т.д. Кроме того, они могут осуществляться с помощью

[1] Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях // Современное право. 2003. № 6. С. 27—31.

военных учений и маневров вблизи государственной границы, приведения войск в более высокие степени боевой готовности, вооруженных провокаций, диверсий и террористических актов[1].

Выбор способов реализации военных угроз зависит, прежде всего, от степени остроты межгосударственных противоречий, соотношения военных и других сил, особенностей военно-политической обстановки в отдельных странах, в регионе и в мире в целом. Если угроза непосредственного применения военной силы окажется по каким-либо причинам нереализованной, она, тем не менее, может выступать как средство давления и достижения определенных политических целей[2].

Таким образом, военная угроза несет в себе информацию о тех субъектах или явлениях, которые могут причинить вред субъектам национальной безопасности, в связи с чем можно сделать вывод, что военная безопасность является элементом национальной безопасности. Обеспечение военной безопасности предопределяет возможность государства самостоятельно реализовывать свою политику как внешнюю, так и внутреннюю и, как следствие, обеспечивать другие важные сферы жизнедеятельности общества.

Библиография

1. Возженников, А.В. Национальная безопасность России / А.В. Возженников. — Москва: РАГС, 2002. — 423 с.

2. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. — Том III. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с.

3. Вовкодав, В.С. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты / В.С. Вовкодав, И.В. Холиков // Военное право. — 2017. — № 6(46). — С. 177—179.

4. Духно, Н.А. Правовые проблемы обеспечения транспортной безопасности / Н.А. Духно, А.И. Землин, О.М. Землина [и др.]. — Москва: Юридический институт МИИТ, 2018. — 120 с.

5. Жданов, К.В. Болезнь, вызываемая вирусом Эбола: от теории к практике / К.В. Жданов, И.В. Холиков // Журнал инфектологии. — 2015. — Т. 7, № 1. — С. 5—17.

6. Зеленков, М.Ю. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI в. / М.Ю. Зеленков. — Москва: Юридический институт МИИТ, 2002. — 209 с.

7. Иншаков, С.М. Методологические основы теории национальной безопасности : монография / С.М. Иншаков. — Москва: РУСАЙНС, 2020. — 276 с.

8. Иншаков, С.М. Национальная безопасность: ядерная модель : монография / С.М. Иншаков. — Москва: РУСАЙНС, 2021. — 260 с.

9. Капустин, А.Я. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / А.Я. Капустин, В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова [и др.]. — Москва: Инфра-М, 2023. — 336 с. — DOI 10.12737/1926386.

10. Кудашкин, А.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве / А.В. Кудашкин, И.В. Холиков // Пути к миру и безопасности. — 2023. — № 1(64). — С. 31—47. — DOI 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47.

11. Макаркин, С.В. Безопасность: понятие, основные принципы, правовая основа ее обеспечения / С.В. Макаркин // Техносферная безопасность. — 2014. — № 2(3). — С. 51—55.

12. Мельков, С.А. Экономико-правовые составляющие безопасности жизнедеятельности населения в условиях распространения эпидемий, пандемий и массовых заболеваний / С.А. Мельков, И.В. Холиков // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. — 2020. — № 3(33). — С. 159—172.

13. Рябцева, Т.Т. Правовое регулирование информационной безопасности в современных условиях / Т.Т. Рябцева, И.В. Холиков // Военное право. — 2024. — № 3(85). — С. 17—28.

14. Усеев, Р.З. Генезис теории безопасности в мировой и отечественной системе научных знаний / Р.З. Усеев // Вестник Самарского юридического института. — 2016. — № 4 (22).

15. Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения / И.В. Холиков, П.Ю. Наумов, В.М. Большакова [и др.] // Уголь. — 2022. № 10(1159). — С. 66—71. — DOI 10.18796/0041-5790-2022-10-66-71.

16. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности / И.В. Холиков // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права". — Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. — С. 5—14.

17. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях / И.В. Холиков // Современное право. — 2003. — № 6. — С. 27—31.

[1] Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. Москва: Центр правовых коммуникаций, 2022. .

[2] Холиков, И.В. Современные военные угрозы: динамика трансформации и способы противодействия // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 6(323). С. 98—107.

18. Холиков, И.В. Правовые аспекты химической и биологической безопасности Российской Федерации / И.В. Холиков // Современное право. — 2010. — № 3. — С. 23—28.

19. Холиков, И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность / И.В. Холиков // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия. — Москва: Юнити-Дана, 2020. — С. 431—459.

20. Холиков, И.В. Современные военные угрозы: динамика трансформации и способы противодействия / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 6(323). — С. 98—107.

21. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) / И.В. Холиков, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Р.В. Зелепукин // Государство и право. — 2022. — № 10. — С. 51—62. — DOI 10.31857/S102694520021788-7.

22. Le Robert. Dictionnaire universe) des noms propres. En 5 volumes. Nouv. Hed. — Paris: Dictionnares Le Robert, 1989.

Теория военного права

История регулирования вооруженных конфликтов

© **Белый Павел Филиппович,**
старший помощник военного прокурора 72 военной прокуратуры гарнизона, капитан юстиции

Аннотация. Статья исследует историю вооруженных конфликтов. Рассматривая исторический контекст и современные вызовы, автор анализирует изменения в характере и формах вооруженных конфликтов на протяжении времени. Особое внимание уделено влиянию технологического развития, политических и экономических факторов на современные конфликты. Кроме того, статья рассматривает ключевые международные конвенции и договоры, которые регулируют вооруженные конфликты, и их роль в поддержании мира и снижении глобальной напряженности. Автор обсуждает вызовы и перспективы для предотвращения и урегулирования вооруженных конфликтов в современном мире.

Ключевые слова: вооруженные конфликты, история, международные конвенции, политические факторы, экономические факторы, урегулирование конфликтов.

Regulation history of armed conflicts

© **Belyi P.F.,**
Senior Assistant to the Military Prosecutor 72 Military Prosecutor's Office of the garrison, Captain of Justice

Abstract. This article explores the evolution and current state of affairs in the field of armed conflicts. Considering the historical context and contemporary challenges, the author analyzes changes in the nature and forms of armed conflicts over time. Particular attention is paid to the impact of technological development, political and economic factors on contemporary conflicts. In addition, the article examines the key international conventions and treaties that govern armed conflicts and their role in maintaining peace and reducing global tensions. The author discusses the challenges and prospects for the prevention and resolution of armed conflicts in the modern world.

Key words: armed conflicts, evolution, international conventions, political factors, economic factors, conflict resolution.

В истории человечества вооруженные конфликты всегда были неотъемлемой частью жизни народов. Война была постоянным спутником развития человеческого общества, и ее последствия ощущались почти во всех аспектах жизнедеятельности людей, что привело к необходимости регулирования правил ведения войны. Война — одно из наиболее разрушительных и трагических явлений, сопровождающих человеческую историю. Независимо от эпохи и культуры, войны всегда сопровождали и влияли на развитие обществ, политические системы и международные отношения. Они приводили к масштабным разрушениям, гибели миллионов людей и оказывали длительное влияние на ход событий. Войны между государствами являются наиболее широко известными и освещаемыми событиями. Они возникают из-за конфликтов интересов, территориальных споров, религиозных разногласий, идеологических противоречий и других причин. Проведение военных операций и использование военной силы становятся неотъемлемой частью разрешения таких конфликтов.

Эволюция взглядов на войну во все времена вызывала большой интерес у ученых, философов, военных специалистов, правоведов и др. Эволюцию воззрений на суть и содержание вооруженных конфликтов можно проследить не только по юридическим документам, но и по трудам выдающихся философов и мыслителей в разных областях знания, пытавшихся понять причины и спрогнозировать последствия войны, а также предложить решения создаваемых ею проблем.

В качестве дополнительного источника права вооруженных конфликтов может выступать и обычное международное право[1]. Оно представляет собой сложившуюся в процессе длительной практики государств общепринятую практику, признанную ими обязательной в качестве базовых правил поведения. Так, ряд общепризнанных принципов и норм, регулирующих ведение военных действий, не были закреплены в каком-либо документе, однако они признаны международным сообществом и нашли свое отражение в практике вооруженных конфликтов[2].

Если говорить о генезисе регулирования вооруженных конфликтов в целом как о явлении, то он имеет долгую историю и сложную правовую основу. Вооруженные силы являются главным компонентом военной организации, которая представляет оппонента государства в военном конфликте. Они подчиняются строгим правилам и предписаниям, связанным с ведением войны. В свою очередь, национальное законодательство регулирует структуру и состав вооруженных сил, используемых государствами. Ретроспективные исследования этой эволюции выявляют изменение взглядов на состояние законных представителей вооруженных сил, комбатантов.

В прошлом народы и государства вели беспощадные войны друг с другом, не придерживаясь никаких правил или законов. В древности не существовало общепризнанных норм, регулирующих ведение военных действий. Война объявлялась не только вооруженным защитникам неприятельского государства, но и всем находившимся на его территории людям, которые подвергались произволу и насилию со стороны победителя. Захваченных в плен людей независимо от пола и возраста либо казнили, либо превращали в рабов. Тем не менее, даже в древности было стремление каким-либо образом упорядочить войну и ограничить произвол и насилие, то есть гуманизировать ее.

Китайский кодекс «Си Ма» был одним из самых ранних известных кодексов войны в истории Китая. Он был составлен древним китайским полководцем и стратегом Сыма Ранджу в период Сражающихся царств (475—221 гг. до н. э.). Кодекс был предназначен для руководства ведением войны и обращением с военнопленными. «Сима» означает «охранять и защищать». Кодекс был разработан для поощрения гуманного обращения с пленными и гражданскими лицами во время войны. Кодекс содержал положения об обращении с заключенными, включая положения об их освобождении и обмене, а также о защите некомбатантов, таких как женщины, дети и пожилые люди. Кодекс Си Ма был важным шагом вперед в развитии законов войны в Китае, и его принципы оказали длительное влияние на последующие кодексы и договоры. Акцент на гуманном обращении с военнопленными и мирными жителями предвосхищал развитие современного гуманитарного права, направленного на защиту гражданских лиц и военнопленных во время конфликтов.

В средние века господствовало мнение, что все участники вооруженных конфликтов должны считаться врагами[3]. Вооруженные конфликты часто характеризовались жестоким и неизбирательным насилием, было широко распространено убеждение, что все участники таких конфликтов, даже мирное население, являются противниками. Отсут-

[1] Тузмухамедов Б. Имплементация международного гуманитарного права в Российской Федерации // Международный журнал Красного Креста. 2003. № 849—852. С. 177—190.

[2] Кремнев П.П. Формы и правовые последствия начала и окончания вооруженных конфликтов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 215—235.

[3] Sandoz Y. (1993). The Changing Faces of War: An Introduction to International Humanitarian Law. International Committee of the Red Cross.

ствие различия между комбатантами и мирными жителями приводило к многочисленным зверствам в отношении мирных жителей, включая грабежи, изнасилования и убийства. Тогда же появились тенденции к правовому ограничению военного насилия, и понятие комбатанта начало сужаться. При этом регулирование устанавливалось и действовало локально в силу соглашений соседствующих субъектов международного права. Так, в 1280 г. был утвержден Вигаят, установивший запрет на убийство и нанесение увечий парламентерам, раненым и больным комбатантам и военнопленным[1]. Этот договор сыграл важную роль в формировании норм и принципов, регулирующих ведение вооруженного конфликта.

Ж. Пикте, французский юрист, сообщил о заключении не менее 290 соглашений в период между 1350 г. и 1864 г.[2] Исследования Ж. Пикте показали, что на протяжении всей истории было много попыток установить правила ведения войны и обращения с военнопленными. В частности, эволюцию взглядов на войну отражали философские работы. Так, в своем трактате «Жалобы мира» Эразм Роттердамский, известный гуманист эпохи Возрождения, призывал монархов прекратить войны[3]. Критика войны Эразмом не была отдельной точкой зрения. В эпоху Возрождения росло ощущение, что война не только разрушительна, но и несправедлива. Это мнение восходит к работам итальянского философа и политического теоретика Никколо Макиавелли, который в своем трактате «Государь» утверждал, что войны следует вести только в крайнем случае и ради самообороны[4].

Сама правовая концепция комбатантов стала постепенно формироваться, начиная с XVI в., с появлением современных представлений о государственной системе и усилением значимости понятия государственного суверенитета. Этот принцип предусматривал, что солдаты в погонах, действовавшие от имени признанного суверена, не подвергались гражданско-правовому или уголовному преследованию за деяния, совершенные в ходе военных действий[5]. Позднее, в XVIII в., идеи Просвещения еще больше способствовали эволюции взглядов на войну. Мыслители эпохи Просвещения, такие как Иммануил Кант, отвергли идею войны как законного средства разрешения конфликтов и вместо этого выступали за развитие международного права и мирной дипломатии[6]. Дальнейшее развитие принцип неприкосновенности комбатанта получил в XIX в., когда были приняты первые международные конвенции по законам войны[7]. Однако международное сообщество оказалось не готовым к ограничению войны нормами международного права и отклонило данный проект[8].

Однако только во второй половине XIX в. было достигнуто первое значительное международное соглашение по этим вопросам. Это произошло 22 августа 1864 г., на дипломатической конференции в Женеве, когда была принята Конвенция о благополучии раненых и больных во время сухопутных войн. Женевская конвенция 1864 г. (22 августа 1864 г.) стала первым соглашением, установившим принцип медицинского нейтралитета и защиты раненых солдат и медицинского персонала. Данная конвенция была первая из четырех Женевских конвенций, которые вместе составляют основу международного гуманитарного права. Конвенции ввели понятие защищаемых лиц, к которым относятся гражданские лица, военнопленные и другие некомбатанты, не принимающие активного

[1] Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. М.: МККК, 1993. С. 24.
[2] Там же. С. 27.
[3] Erasmus, Desiderius. "The Complaints of the World". Penguin UK, 2004.
[4] Machiavelli, Niccolò. "The Prince." Penguin Classics, 2003.
[5] Gillard, E. (2002). Combatant Status and the Law of Armed Conflict. International Review of the Red Cross, 84(846), 525—552.
[6] Reiss, Hans. "War and Peace in the Age of Enlightenment." Cambridge University Press, 2002.
[7] Hays Parks, W. (2000). Air War and the Law of War. International Review of the Red Cross, 82(839), 321—345.
[8] Пустогаров В.В. Федор Федорович Мартенс (1845—1909) — гуманист нового времени // Международный журнал Красного Креста.1996. № 10. С. 324—325.

участия в боевых действиях. Эти люди имеют право на определенные права и средства защиты, включая право на гуманное обращение, медицинское обслуживание и справедливое судебное разбирательство в случае обвинения в совершении преступления.

Первыми попытками создания международного правового регулирования военных конфликтов стали Брюссельская конвенция 1874 г. и Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.[1] В 1874 г. была проведена Брюссельская конференция, на которой известный российский юрист Ф.Ф. Мартенс[2] представил проект конвенции о законах и обычаях войны (Декларация Мартенса). Он рассматривал в качестве комбатантов только тех участников конфликта, которые получили разрешение на такое участие от своего правительства[3]. Конференция собрала представителей различных европейских стран, по итогам обсуждения была принята Брюссельская декларация о законах и обычаях войны. Данная декларация была первым шагом к правовому регулированию именно военных действий по защите прав комбатантов и гражданских лиц во время вооруженного конфликта. Брюссельская декларация стала знаковым документом, заложившим основу для развития современного международного гуманитарного права (МГП). Она представляла собой несколько важных принципов, которые позже были включены в Гаагские конвенции и Женевские конвенции. Эти принципы включали различие между комбатантами и гражданскими лицами, запрещение некоторых видов оружия, защиту военнопленных и обязательство воюющих сторон уважать права гражданских лиц на оккупированных территориях.

В результате проведения Гаагских конференций были приняты Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., которые установили новые нормы и принципы ведения войны на суше и море. Однако Брюссельская конвенция не смогла решить всех проблем, связанных с ведением войны, что привело к необходимости проведения новых международных конференций, и на Гаагских конвенциях был закреплен правовой статус военнопленных, что стало важным этапом в развитии международного гуманитарного права[4]. Позже эти конвенции были обновлены и расширены с охватом нового ряда вопросов, связанных с вооруженными конфликтами, включая использование определенных видов оружия, обращение с беженцами и перемещенными лицами, а также права жертв военных преступлений. Однако, несмотря на эти достижения, события Первой мировой войны обозначили множество проблем, связанных с обеспечением соблюдения принципов международного гуманитарного права. Характер ведения этой войны подверг испытанию эффективность этих соглашений, была очевидна необходимость продолжать усилия для обеспечения того, чтобы все стороны в конфликте придерживались установленных стандартов поведения.

В целом Брюссельская и Гаагские конвенции стали важным этапом в развитии международного гуманитарного права, регулирующего правила ведения войны. В дальнейшем все вопросы регулирования вооруженных конфликтов стали относить к области международного права, которое регулирует поведение государств и других участников вооруженных конфликтов, что включает в себя правила о защите жизни и достоинства гражданского населения, принципы защиты участников конфликтов и подходы к разрешению конфликтов. Постепенно правила, регулирующие поведение во время войны, стали стандартизироваться. Но это было недостаточно для обеспечения защиты прав и интересов тех, кто участвовал в военных действиях. Эта проблема стала особенно актуальной после Первой мировой войны, когда

[1] Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Международно-правовое регулирование противодействия терроризму в мирное время и в период вооруженных конфликтов: региональный подход Содружества Независимых Государств // Московский журнал международного права. 2022 (2). С. 115—128.

[2] Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат / 2-е изд., доп. М.: Международные отношения, 1999. С. 54—57.

[3] Martens G.F. Precis du droit des gens moderne de l'Europe. Paris: Alcan editeur, 1864. Vol, II. P. 228—232.

[4] Гассер Х. П. Международное гуманитарное право. Междунар. ком. Красного Креста, 1995.

технологии ведения войны значительно изменились, а количество участников конфликта и жертв сильно возросло.

Также Гаагская конвенция 1907 г., которая регулировала ведение войн на суше, была расширена Женевской конвенцией об обращении с военнопленными 1929 г. Основной акцент был сделан на гуманном обращении с военнопленными. Согласно конвенции, с военнопленными нужно обращаться с уважением и гуманностью, а их жизнь, достоинство, личные права и здоровье должны быть защищены. Конвенция предусматривала, что военнопленные имеют право на получение медицинской помощи, и что они не должны подвергаться пыткам, запугиванию или оскорблениям.

После Второй мировой войны международное сообщество признало необходимость дальнейшего уточнения статуса комбатантов. Женевские конвенции 1949 г. расширили понятие законных комбатантов, установив конкретные критерии для определения того, кто имеет право на такой статус, включая требование о том, чтобы комбатанты отличались от гражданского населения и чтобы они проводили свои военные операции в соответствии с законами войны[1].

Сегодня принцип комбатанта является общепризнанной нормой в праве вооруженных конфликтов, который подразумевает, что военнослужащие, действующие от имени признанного суверена и облаченные в отличительную форму, не привлекаются к гражданской или уголовной ответственности за действия, совершенные в ходе боевых действий. Защита от судебного преследования существует до тех пор, пока солдаты соблюдают право вооруженных конфликтов и правила, регулирующие ведение военных действий. Однако комбатанты, нарушающие эти правила, могут быть привлечены к уголовной ответственности и наказанию в соответствии с международным правом. Этот принцип служит для сторон в конфликте стимулом к соблюдению права вооруженных конфликтов и поощряет использование соответствующих военных каналов для разрешения споров.

По мере развития концепции защиты некомбатантов она стала охватывать права человека и средства защиты, включая запрет на нападения на гражданских лиц, защиту медицинского персонала и объектов, а также обеспечение предметами первой необходимости, такими, как еда, вода и убежища. Со временем концепция комбатантов значительно эволюционировала и была зафиксирована в международном праве. Эти международные правовые документы служат важным руководством для определения правового статуса участников вооруженных конфликтов и устанавливают стандарты их защиты для обеспечения гуманного обращения с действующими лицами боевых действий и гражданским населением в период военных действий.

Концепция защиты комбатантов служит критерием безопасности для тех, кто непосредственно участвует в боевых действиях, таких, как солдаты и партизаны, от судебного преследования за их действия во время вооруженного конфликта. Это позволяет комбатантам выполнять свои обязанности, не опасаясь ответственности за свои действия, при условии, что они придерживаются правил ведения войны.

В этой связи полагаем возможным сформировать тезис о том, что, правовой статус комбатантов относится к правам и обязанностям, которыми наделены лица, участвующие в вооруженных конфликтах. Понятие комбатанта со временем эволюционировало и в настоящее время прочно закреплено в международном гуманитарном праве. Гаагские конвенции также определяют правила поведения во время военных действий, включая обращение с военнопленными и запрет на использование определенных видов оружия. Конвенции стали важными международными договорами, регулирующими различные аспекты военных конфликтов и отношений между государствами. Конвенции

[1] Geneva Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 12 August 1949.

охватывают различные сферы, включая мирное разрешение споров, использование силы, проведение военных действий на суше и на море, права и обязанности нейтральных держав, а также специфические аспекты ведения войны, такие как бомбардировка, захват и обращение судов, применение мин и других видов оружия.

Целью этих конвенций и деклараций было установление правил и норм поведения во время военных конфликтов с тем, чтобы снизить страдания гражданского населения, защитить права и облегчить положение военнопленных, раненых и больных, а также урегулировать отношения между воюющими и нейтральными державами. Они также стремились предотвратить необоснованное применение силы и разрушение гражданской инфраструктуры. Все рассмотренные конвенции имели важное значение для развития международного гуманитарного права и установления стандартов, которые должны соблюдаться во время военных конфликтов и стали результатом усилий международного сообщества для смягчения страданий во время войн и поддержания гуманитарных принципов и норм в отношениях между государствами.

Важно отметить, что эти конвенции продолжают оставаться значимыми и актуальными до сегодняшнего дня, их принципы и нормы являются основой международного гуманитарного права и играют важную роль в защите прав человека во время вооруженных конфликтов. Вместе они служат руководством для обеспечения гуманного обращения во время вооруженных конфликтов, включая защиту гражданских лиц и раненых комбатантов, а также обращение с военнопленными.

Концепция защиты комбатантов, начало формирования которой относится к XVI в., за последующие несколько веков эволюционировала и в настоящее время является краеугольным камнем международного гуманитарного права. Основная цель при реализации этой концепции состоит в том, чтобы найти баланс между предоставлением комбатантам возможности выполнять свои обязанности, не опасаясь судебного преследования, и защитой гражданских лиц и некомбатантов от вреда во время вооруженного конфликта.

Таким образом, на протяжении истории законы, регулирующие вооруженные конфликты, претерпели значительные изменения, отражая изменение отношения к войне и обращения с лицами, участвующими в военных действиях. В древние времена не существовало четких правил ведения войны, и комбатанты часто могли совершать акты жестокости и насилия по отношению к своим врагам. По мере того, как общества становились более организованными и сложными, возникало большее осознание необходимости правил и положений, регулирующих ведение войны и защищающих людей, которые не принимали непосредственного участия в боевых действиях. Со временем эта идея законных комбатантов получила более широкое признание, были разработаны правовые рамки для определения того, кто имеет право на статус комбатанта.

Эволюция международного гуманитарного права на протяжении столетий привела к признанию правового статуса комбатантов и разработке основы для определения того, кто имеет право на такой статус. Под эгидой международного сообщества были определен правовой статус участников вооруженных конфликтов. Развитие международного гуманитарного права в XIX и XX в. способствовало тому, что эта проблема стала решаться путем создания правовых рамок, которые признавали и защищали права некомбатантов.

Действие и развитие международного гуманитарного права продолжается и сегодня, поскольку военные, политики и правоведы вынуждены постоянно решать все новые проблемы, связанные с современной войной, в частности, такими как использование беспилотников, кибератаки и проч. Несмотря на эти проблемы, основополагающие принципы международного гуманитарного права остаются неизменными: защита жизни и достоинства всех лиц, затронутых вооруженным конфликтом, и содействие уважению к верховенству права и принципам справедливости и гуманности.

Библиография

1. Гассе, Х.-П. Международное гуманитарное право : Пер. с англ. / Ханс-Петер Гассе.р. — Москва: Междунар. ком. Красного Креста, 1995. — 128 с.

2. Котляров, И.И. Международно-правовое регулирование противодействия терроризму в мирное время и в период вооруженных конфликтов: региональный подход Содружества Независимых Государств / И.И. Котляров, Ю.В. Пузырева // Московский журнал международного права. — 2022. — № 2. — С. 115—128.

3. Кремнев, П.П. Формы и правовые последствия начала и окончания вооруженных конфликтов / П.П. Кремнев // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — №. 5. — С. 215—235.

4. Пикте, Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права : Курс, прочит. в июле 1982 г. Жаном Пикте в Страсбург. ун-те в рамках информ. сес., орг. Междунар. ин-том прав человека. — Москва: Малое предприятие «Паллада», 1993. — 127 с.

5. Пустогаров, В.В. Ф.Ф. Мартенс — юрист, дипломат / В.В. Пустогаров. 2-е изд., доп. — Москва: Международные отношения, 1999. — 302 с.

6. Пустогаров, В.В. Федор Федорович Мартенс (1845—1909) — гуманист нового времени / В.В. Пустогаров // Международный журнал Красного Креста. — 1996. — № 10. — С. 324—325.

7. Тузмухамедов, Б. Имплементация международного гуманитарного права в Российской Федерации / Б. Тузмухамедов // Международный журнал Красного Креста. — 2003. — № 849—852. — С. 177—190.

8. Erasmus, Desiderius. "The Complaints of the World". — Penguin UK, 2004.

9. Gillard, E. (2002). Combatant Status and the Law of Armed Conflict. International Review of the Red Cross, 84(846), 525—552.

10. Hays Parks, W. (2000). Air War and the Law of War. International Review of the Red Cross, 82(839), 321—345.

11. Machiavelli, Niccolò. "The Prince" Penguin Classics, 2003.

12. Martens G.F. Precis du droit des gens moderne de l'Europe. — Paris: Alcan editeur, 1864. Vol, II. — P. 228—232.

13. Reiss, Hans. "War and Peace in the Age of Enlightenment." Cambridge University Press, 2002.

14. Sandoz, Y. (1993). The Changing Faces of War: An Introduction to International Humanitarian Law. International Committee of the Red Cross.

Метод военного права Республики Армения

© **Каххцян Арсен Сейранович,**
Генеральный Штаб Вооруженных Сил Республики Армения

Аннотация. Статья посвящена некоторым методологическим проблемам военного права Республики Армения. Исследуется вопрос о методе данной отрасли права и системообразующих признаках такого метода, вследствие чего автор, проведя правовой анализ различных точек зрения и обобщение нормативных правовых актов, регламентирующих военные отношения, выделяет наиболее характерные компоненты, которые должны быть присущи методу военного права Республики Армения и формулирует соответствующее понятие.

Ключевые слова: военное право, Республика Армения, метод военного права, предмет военного права.

The method of military law of the Republic of Armenia

© **Kakhktsyan A.S.**,
General Staff of the Armed Forces of the Republic of Armenia

Annotation. The article is devoted to some methodological problems of the military law of the Republic of Armenia. The article examines the issue of the method of this branch of law and the system-forming features of such a method, as a result of which the author, having conducted a legal analysis of various points of view and generalization of normative legal acts regulating military relations, identifies the most characteristic components that should be inherent in the method of military law of the Republic of Armenia and formulates the corresponding concept.

Keywords: military law, Republic of Armenia, method of military law, subject of military law.

Метод является сложной субстанцией. В философии под ним понимается «способ подхода к действительности, способ изучения, исследования явлений природы и общества»[1]. Очевидно, что правильный выбор метода(ов) позволяет постигнуть истину, в том числе правового характера[2].

По меткому наблюдению С.С. Алексеева, «юридический режим, обеспечиваемый той или иной отраслью права, выражается, главным образом, в особенностях ее регулятивных свойств, способов и приемов регулирования. Эти особенности настолько значительны, что они воплощаются в особом, специфичном только для данной отрасли методе правового регулирования. … Метод правового регулирования — наиболее яркий и надежный показатель юридического своеобразия отрасли, обеспечиваемого ею особого режима регулирования. … Поэтому от метода зависят и другие особенности, которые свойственны правовому режиму данной отрасли, выражающемуся в определенном строе правовых связей. Даже механизм регулирования (который имеет самостоятельное значение и вместе с методом очерчивается основные контуры отраслевого режима) в конченом счете обусловлен спецификой отраслевого метода»[3].

Более того, «метод отвечает на вопрос, как право осуществляет свою регулятивную роль, ибо правовые нормы регулируют не

[1] Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. Изд. 4 доп. и испр. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954. С. 847.

[2] Об этом подробнее см.: Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.

[3] Алексеев С.С. Собрание сочинений : В 10 т. / Том 2: Специальные вопросы правоведения. М.: Статут, 2010. С. 152—154.

только разнохарактерные отношения, но и различным образом. От методов в значительной мере зависит эффективность правового регулирования, достижение выдвигаемых при этом целей. В общее понятие метода правового регулирования (как собирательной категории) входят следующие компоненты, дающие представление о том, каким образом государство с помощью права воздействует на происходящие социальные процессы: а) установление границ регулируемых отношений, что в свою очередь зависит от ряда объективных и субъективных факторов (особенности этих отношений, экономические и иные потребности, государственная заинтересованность и др.); б) издание соответствующих нормативных актов, предусматривающих права и обязанности субъектов, предписания о должном и возможном их поведении; в) наделение участников общественных отношений (граждан и юридических лиц) правоспособностью и дееспособностью, позволяющих им вступать в разнообразные правоотношения; г) определение мер ответственности (принуждения) на случай нарушения этих установлений»[1].

Профессор В.М. Сырых указывает несколько иные компоненты, из которых формируются соответствующий метод правового регулирования конкретной отрасли права:

— специфический способ взаимосвязи прав и обязанностей между участниками урегулированных отраслью правоотношений;

— особые способы формирования содержания прав и обязанностей субъектов права. Такие права могут возникать, в частности, из норм права, либо из соглашений сторон, либо из административно-правовых актов и иными способами;

— санкции, способы и процедуры их применения. Каждая отрасль права имеет достаточно широкий спектр мер государственного принуждения, которые могут быть применены к нарушителям соответствующих нормативно-правовых установлений[2].

Стоит особо отметить, что теоретики права уделяют особое внимание методологическим проблемам, которые складываются в правоведении[3]. Между тем, мы солидарны с тем, что исключительно метод не выступает критерием для разграничения отраслей, а лишь совокупность метода и предмета может служить отраслеобразованием[4].

Что же касается метода военного права, то ранее подчеркивалось, что «отрасль права — это система норм, объединенных единым предметом и единым методом регулирования, а отрасль законодательства в одних случаях может совпадать с отраслью, а в других случаях может и не совпадать. … эти отношения строятся на основе строгой подчиненности, беспрекословного повиновения, строгого соблюдения единоначалия, требований воинской дисциплины и т.д.»[5]. Впрочем, некоторые исследователи того периода считали, что отсутствует специфический метод правового регулирования военного права[6].

Каждой отрасли права, как подчеркивается специалистами, свойственны три первоначальных способа регулирования: дозволение, предписание и запрет, которые взаимообусловлены и дополняют друг друга, то есть находятся в органической взаимосвязи между собой[7].

Между тем, в доктрине выявляются специфические признаки метода военного права в целом, которые позволяют его отличить от иных методов правовых отраслей, а именно:

---

[1] Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. С. 354—355.

[2] Сырых В.М. Указ. соч. С. 278—279.

[3] Например, см.: Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001.

[4] Братусь С.Н. Отрасль советского права: понятие, предмет, метод // Советское государство и право. 1979. № 11. С. 26.

[5] Труды Военно-юридической академии. М., 1956. С. 76.

[6] Например, см.: Лопухов Р.А. Советское уголовное законодательство о воинских преступлениях // Материалы сессии Совета Военно-юридической академии, посвященной теоретическим вопросам советского военного законодательства. 14—15 апреля 1954. С. 28.

[7] Сорокин В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 141.

1) властно-публичное содержание метода военного права, выражающееся в том, что вектор его правового регулирования всегда направлен на поддержание стабильных общественных отношений в сфере обороны и безопасности государства;

2) преимущественная императивность метода военного права, позволяющая осуществлять правовое регулирование военной деятельности государства, обеспечивая реализацию интересов военной безопасности общества в целом и отдельных лиц в частности;

3) соответствующие военной политике государства жесткие властно-подчиненные связи между субъектами военно-правовых отношений;

4) сообразующееся с военной политикой государства допущение определенной самостоятельности властвующих субъектов в выборе форм и вариантов исполнения возложенных на них функций в сфере обороны и военной безопасности государства в сочетании с запретом на передачу полномочий в данной сфере из ведения Российской Федерации в ведение субъектов Российской Федерации и негосударственных структур[1].

В итоге данный автор сформировал свое видение метода военного права, под которым понимает «самостоятельный оригинальный инструмент правового регулирования, специфика которого проявляется в его властно-обязывающем характере, обусловленном особенностями предмета данной отрасли права, а также непосредственной связью с военной политикой государства. Метод правового регулирования военного права преимущественно императивный и направлен на обеспечение стабильности в военной организации государства и предсказуемости происходящих в ней процессов»[2].

Несмотря на оригинальность и научную обоснованность данного концепта, все же полагаем, что он не раскрывает в полной мере сущностные признаки метода военного права, а указание исключительно на императивные и диспозитивные признаки не позволяют отграничить от иных методов публично-правовых отраслей, в большей степени которым они также свойственны. Особенность этого метода, как представляется, прежде всего продиктована тем, что он распространяется на всю совокупность военных отношений.

Заметим, что в военном праве в ряде случаев преобладает императивность правовых норм, а отступление от них, где проявляется диспозитивность, строго указана или подразумевается (к примеру, выбор командиром соответствующей тактики боевых действий, исходя из боевой обстановки).

Можно согласиться с тем, что «именно военное право обладает своим уникальным, особым методом правового регулирования, который должен положен в основу формирования государственных военных организаций. Метод правового регулирования военного права играет ведущую роль в формировании центрального звена военной организации государства (Вооруженных Сил) и иных государственных военных организаций и органов, поскольку критерием включения тех или иных государственных органов и организаций в военную организацию государства является легитимная возможность решения поставленных задач военными методами»[3].

Думается, что именно в этом состоит специфический метод правового регулирования военного права Республики Армения, который основан на принципах единоначалии, безусловном поддержании воинской дисциплины, централизации и субординации конкретных субъектов военных правоотношений. В условиях вооруженных конфликтов действуют специфические военные методы, которые основаны прежде всего на правилах императивности и неравности соответствующих субъектов. В то же время в договорно-правовой сфере наблюдается соответствующая диспозитивность (к при-

[1] Корякин В.М. Введение в теорию военного права (монография): Военное право в XXI веке // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. М.: За права военнослужащих, 2007. С. 27—31.

[2] Там же. С. 32.

[3] Военное право : монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина: в 3 т. Т. 1. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 407.

меру, при заключении контракта о прохождении военной службы), где представляется право выбора.

Небезынтересным видится позиция, согласно которой попытка кодификации военного законодательства исходя из метода правового регулирования (императивный, диспозитивный, обязывания, запрета, дозволения, метода субординации и властного приказа, поощрения и принуждения) не позволяет осуществить этот процесс. Методы дозволения, обязывания и запрета в различных сочетаниях свойственны правовому регулированию институтов военного права в виде разрешения (дозволения) одних действий, предписания совершения других действий в обязательном порядке или запрета под угрозой применения санкций третьих, а военное право придает поведению и принятию решений субъектами военных отношений целенаправленный характер. Для регулирования отношений в военном праве применяется преимущественно императивный метод властного подчинения, при котором субъекты вступают в конкретные военно-служебные правоотношения не по своей воле, а по воле органов военного управления или их должностных лиц.

Диспозитивный метод — метод правового регулирования, при котором равноправным субъектам предоставляется определенный набор вариантов поведения, характерен для гражданского права, где субъектами являются гражданские служащие и поставщики вооружения и услуг вооруженным силам. Метод субординации и властного приказа позволяет эффективно регулировать служебную и оперативную деятельность вооруженных сил, их должностных лиц и дисциплину, он характерен для административного права[1].

Полагаем, что метод субординации не следует выделять в качестве самостоятельного метода, поскольку он раскрывается через императивный и входит в него.

Именно методологическая функция военно-правовой науки позволяет наиболее полно и достоверно получить знания в рассматриваемой сфере, поскольку состоит в изучении правовой действительности, что открывает возможность определить направления, способы, ориентиры научных исследований в области военной юриспруденции. Кроме того, методологическая функция включает в себя правила, положения и рекомендации для практической деятельности, например, в области правотворчества, которые формируются на основании оценивания эффективности регулирования общественных отношений, что позволяет увидеть недостатки и оперативно устранять проблемы в правовом регулировании общественных отношений в области военной деятельности.

Не стоит сбрасывать со счетов и специальные методы, которые применяются при проведении военно-правовых исследований, где особая роль отводится системному[2], формально-юридическому[3] и сравнительно-правовому методам.

Таким образом, можно сделать вывод, что методу правового регулирования военного права Республики Армения свойственны следующие признаки, которые позволяют отграничить их от иных методов отраслей права:

— регуляция определенных общественных отношений в области обороны и безопасности Республики Армения;

— преимущественно императивность правового регулирования военной деятельности, поскольку основным методом регулирования выступает повеление, отраженное в законе, приказе, уставе и т.д.;

[1] Кудашкин В.В., Мельник Н.Н. Развитие военного права и законодательства США: понятие, подходы и методы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 11. С. 10.

[2] См.: Кудашкин В.В. Системный метод исследования военных отношений и военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 9 (314). С. 2—10.

[3] Мельник Н.Н. Метод сравнительного правоведения в военном праве, теория цели политики и цели войны: история и новые подходы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 10 (315). С. 2—12; Кудашкин В.В. Сравнительно-правовой метод исследования военных отношений и военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 8 (313). С. 2—10.

— отношения между субъектами военных правоотношений носят властно-подчиненный характер;

— в конкретных ситуационных моментах предоставлен выбор форм и вариантов поведения в области обороны и военной безопасности.

Отсюда следует, что метод военного права Республики Армения может быть воспринят как совокупность специфических правовых приемов и средств влияния на отношения, которые протекают в сфере военной и оборонной деятельности Республики Армения, содержащих под собой в большинстве случаев императивную предпосылку и направленных на достижение целей и выполнение поставленных задач, которые стоят перед конкретными субъектами военного права как в боевой обстановке, так и при подготовке к ней.

Библиография

1. Алексеев, С.С. Собрание сочинений : В 10 т. — Том 2: Специальные вопросы правоведения / С.С. Алексеев. — Москва: Статут, 2010. — 471 с.

2. Братусь, С.Н. Отрасль советского права: понятие, предмет, метод / С.Н. Братусь // Советское государство и право. — 1979. — № 11. — С. 22—30.

3. Военное право : монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина: в 3 т. Т. 1. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 560 с.

4. Гадамер, Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова / Х.Г. Гадамер. — Москва: Прогресс, 1988. — 704 с.

5. Кудашкин, В.В. Развитие военного права и законодательства США: понятие, подходы и методы / В.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 11. — С. 63—73.

6. Кудашкин, В.В. Системный метод исследования военных отношений и военного права / В.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 9 (314). — С. 2—10.

7. Кудашкин, В.В. Сравнительно-правовой метод исследования военных отношений и военного права / В.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 8 (313). — С. 2—10.

8. Корякин, В.М. Введение в теорию военного права : монография // Военное право в XXI веке / Российский военно-правовой сборник № 9. — Москва: За права военнослужащих, 2007.

9. Мельник, Н.Н. Метод сравнительного правоведения в военном праве, теория цели политики и цели войны: история и новые подходы / Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 10 (315). — С. 2—12.

10. Сорокин, В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы / В.Д. Сорокин. — Москва, 1976. — 142 с.

11. Сырых, В.М. Проблемы теории государства и права : учебник / В.М. Сырых. — Москва: Эксмо, 2008. — 528 с.

12. Тарасов, Н.Н. Методологические проблемы юридической науки / Н.Н. Тарасов. — Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001. — 264 с.

13. Теория государства и права : Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — Москва: Юристъ, 1997. — 672 с.

Военно-административное право

О некоторых правовых режимах, вводимых в целях обеспечения безопасности населения (военно-правовой анализ)

© **Беда Наталия Валентиновна,**
старший преподаватель кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России
© **Кириченко Николай Сергеевич**
юрист, кандидат юридических наук

Аннотация. Конституция Российской Федерации, а также изданные на ее основе законодательные акты, предусматривают возможность введения на территории нашего государства и ее отдельных районах правовых режимов, предусматривающих особый порядок взаимодействия между собой государственных органов и организаций, независимо от формы собственности, а также граждан. Указанные режимы предусматривают возможность ограничения конституционных прав граждан и направлены исключительно на обеспечение безопасности населения. В настоящей статье на основе законодательных и иных нормативных правовых актов, а также научной литературы, проведен краткий военно-правовой анализ некоторых из таких правовых режимов.

Ключевые слова: конституционные права, национальная безопасность, военная безопасность, особые правовые режимы, правовые режимы, специальная военная операция.

On some legal regimes introduced in order to ensure the safety of the population (military legal analysis)

© **Beda N.V.**,
senior lecturer of Academies of the Ministry of Emergency situations of Russia
© **Kirichenko N.S.,**
lawyer, Candidate of Legal Sciences

Abstract. The Constitution of the Russian Federation, as well as the legislative acts issued on its basis, provide for the possibility of introducing legal regimes on the territory of our state, including special ones providing for a special regime of interaction between state bodies, organizations and citizens. These regimes provide for the possibility of restricting the constitutional rights of citizens and are aimed solely at ensuring the safety of the population. In this article, based on legislative and other regulatory legal acts, as well as scientific literature, a brief military legal analysis of some of these legal regimes is carried out.

Keywords. Constitutional rights, national security, military security, special legal regimes, legal regimes, special military operation.

Частью 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации закреплено, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

При этом надлежащая организация жизнедеятельности населения нашего государства невозможна без обеспечения национальной безопасности, представляющей собой состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от

внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны. Обеспечение национальной безопасности представляет собой реализацию органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности[1].

В настоящее время тема национальной безопасности характеризуется высокой степенью актуальности, что также обусловлено геополитической обстановкой в мире. Многие вопросы, связанные с данной тематикой, рассмотрены в различных работах российских ученых[2].

Возвращаясь к положениям Конституции Российской Федерации, следует отметить, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2). При этом права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

К числу таких ограничений прав и свобод человека и гражданина, вводимых в нашем государстве, необходимо отнести особые правовые режимы, устанавливаемые на территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях. Некоторые из таких особых правовых режимов являются вынужденной мерой для обеспечения безопасности населения. Далее кратко будут рассмотрены такие правовые режимы.

Правовой режим, думается, можно определить как совокупность нормативно-правовых установлений и мероприятий, посредством которых создается особая упорядоченность правового регулирования в соответствии с поставленными в действующем законодательстве целями и задачами, обусловливающая характер взаимодействия между субъектами в рамках правоотношений[3].

Для исключительных (особых) правовых режимов характерны следующие признаки:

— особый порядок введения в действие;

— формирование особой системы государственного управления;

— издание специальных нормативных правовых актов;

— возникновение особых правоотношений.

Теперь более подробней рассмотрим такие правовые режимы.

1. *Режим военного положения*.

Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» военное положение — это особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Фе-

---

[1] Пункт 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

[2] См. напр.: Анисифорова М.В., Ведяшкин С.В., Власова В.С., Зайцев Д.И., Зиборов О.В., Зырянов С.М., Комовкина Л.С., Кропачева А.В., Лахтина Т.А., Мигачев А.Ю., Поляков М.М., Сенникова Д.В., Стандзонь Л.В., Старостин С.А., Субанова Н.В., Шилюк Т.О. Специальные административно-правовые режимы. Москва, 2022; Корякин В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 30—34; Кириченко Н.С., Вологжина Ю.В. Правовое регулирование защиты государственной тайны в области обороны государствам // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 8—14; Харитонов С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 113—116.

[3] Барзилова И.С. Понятие и юридическая природа правовых режимов // Lex russica. 2013. № 11. С. 1169—1175.

дерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

Целью введения военного положения является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации. Правовой основой военного положения являются Конституция Российской Федерации, названный Федеральный конституционный закон, принятые на его основе федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, а также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в данной области. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 87 Конституции Российской Федерации основанием для введения Президентом Российской Федерации военного положения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях является агрессия против Российской Федерации или непосредственная угроза агрессии.

Режим военного положения включает в себя комплекс экономических, политических, административных, военных и иных мер, направленных на создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации.

Следует отметить, что с 20 октября 2022 г. военное положение введено на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756. До этого такой правовой режим вводился на территории нашей страны в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Согласно УК РФ совершение некоторых видов преступлений в период действия режима военного положения является отягчающим обстоятельством.

2. *Режим чрезвычайного положения*.

В соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией Российской Федерации и указанным Федеральным конституционным законом на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные настоящим Федеральным конституционным законом отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Его введение является временной мерой, применяемой исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Российской Федерации.

Целями введения чрезвычайного положения являются устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации.

Чрезвычайное положение вводится лишь при наличии обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер. К таким обстоятельствам относятся:

а) попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления;

б) чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные

экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ.

Указанный режим вводился в ноябре 1991 г. на территории Чечено-Ингушской Республики, в период 1992—1995 гг. на территориях Республик Северной Осетии и Ингушетии, а также в октябре 1993 г. в г. Москве.

3. Р*ежимы повышенной готовности или чрезвычайной ситуации*.

К числу важнейших направлений обеспечения государственной (национальной) безопасности России относится деятельность по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Анализ и совершенствование административно-правовой основы государственного управления в связи с чрезвычайными ситуациями является одной из актуальных задач административного права в современных условиях, когда количественный и качественный уровень природных и техногенных угроз значительно возрос. Предупреждение возникновения и развития чрезвычайных ситуаций, снижение размеров ущерба и потерь от чрезвычайных ситуаций, ликвидация чрезвычайных ситуаций требуют мобилизации значительных человеческих, материальных и финансовых ресурсов в масштабах объекта, населенного пункта, области, региона, субъекта Федерации, всего федеративного государства, в зависимости от масштабов бедствия[1].

Введение данных режимов предусмотрено Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», согласно которому чрезвычайная ситуация — это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Режим функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций — это определяемые в зависимости от обстановки, прогнозирования угрозы чрезвычайной ситуации и возникновения чрезвычайной ситуации порядок организации деятельности органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и основные мероприятия, проводимые указанными органами и силами в режиме повседневной деятельности, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации.

Тем не менее, на наш взгляд, в Законе необходимо закрепить, что режим чрезвычайной ситуации является именно «особым правовым режимом», позволяющим введение ограничительных мер, в том числе направленных на ограничение конституционных прав человека. Аналогичные вопросы рассматривали и другие авторы[2].

Режим пандемии. Правового закрепления режима пандемии как отдельного правового режима нет. Фактически такой режим является чрезвычайной ситуацией и регламентируется соответствующим Федеральным законом.

---

[1] Калина Е.С. Административно-правовой режим чрезвычайной ситуации и категория безопасности в административном праве // Административное право и процесс. 2011. № 12. С. 31—34.

[2] См. напр.: Винокуров В.А. Новый вид чрезвычайных ситуаций и проблемы правового регулирования, возникающие при их ликвидации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 1. С. 12—16; Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 28—32.

Например, в соответствии с Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в субъектах Российской Федерации вводился режим повышенной готовности[1]. В ряде регионов данная ситуация признавалась обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором).

4. Р*ежим контртеррористической операции*.

Согласно ст. 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства по решению уполномоченного должностного лица, принявшего решение о проведении контртеррористической операции, в пределах территории ее проведения может вводиться правовой режим контртеррористической операции на период ее проведения. Решение о введении указанного правового режима контртеррористической операции (включая определение территории (перечня объектов), в пределах которой (на которых) такой режим вводится, и перечня применяемых мер и временных ограничений) и решение об отмене правового режима контртеррористической операции подлежат незамедлительному обнародованию. На территории (объектах), в пределах которой (на которых) введен правовой режим контртеррористической операции, в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, на период проведения контртеррористической операции допускается применение определенных мер и временных ограничений.

Следует отметить, что проводимая в настоящее время Российской Федерацией специальная военная операция не является каким-либо правовым режимом. При этом ее проведение может обуславливать необходимость введения различных правовых режимов.

Библиография

1. Анисифорова, М.В. Специальные административно-правовые режимы / М.В. Анисифорова, С.В. Ведяшкин, В.С. Власова и др. — Москва, 2022. — 200 с.

2. Барзилова, И.С. Понятие и юридическая природа правовых режимов / И.С. Барзилова // Lex russica. — 2013. — № 11. — С. 1169—1175.

3. Винокуров, В.А. Новый вид чрезвычайных ситуаций и проблемы правового регулирования, возникающие при их ликвидации / В.А. Винокуров // Государственная власть и местное самоуправление. —2021. — № 1. — С. 12—16.

4. Калина, Е.С. Административно-правовой режим чрезвычайной ситуации и категория безопасности в административном праве / Е.С. Калина // Административное право и процесс. — 2011. — № 12. — С. 31—34.

5. Кириченко, Н.С. Правовое регулирование защиты государственной тайны в области обороны государствам / Н.С. Кириченко, Ю.В. Вологжина // Военное право. — 2024. — № 1 (83). — С. 8—14.

6. Корякин, В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8 (301). — С. 28—32.

7. Корякин, В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В.М. Корякин // Военное право. — 2022. — № 2 (72). — С. 30—34.

8. Харитонов, С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 113—116.

[1] Например, Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ, постановление Губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ, постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 г. № 121.

Правовое обеспечение специальной военной операции и его место в общей системе всестороннего обеспечения боевых действий

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор. ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России; ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

Аннотация. В статье осуществлен теоретико-правовой анализ понятия «правовое обеспечение» применительно к специальной военной операции. Проанализированы имеющиеся в литературе подходы к пониманию сущности и содержания категории «правовое обеспечение», сформулировано авторское определение правового обеспечения специальной военной операции. Дана краткая характеристика основных видов всестороннего обеспечения боевой деятельности войск, показано место правового обеспечения в системе иных форм и видов обеспечения. Доказано, что своя правовая составляющая имеет место во всех видах обеспечения, без надлежащего правового обеспечения достижение целей и задач специальной военной операции невозможно.

Ключевые слова: специальная военная операция; всестороннее обеспечение специальной военной операции; правовое обеспечение специальной военной операции.

Legal support for a special military operation and its place in the general system of comprehensive support for combat operations

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor. Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Federal State Educational Institution of Higher Education "Russian University of Transport"

Annotation. The article provides a theoretical and legal analysis of the concept of "legal support" in relation to a special military operation. The approaches available in the literature to understanding the essence and content of the category "legal provision" are analyzed, and the author's definition of legal support for a special military operation is formulated. A brief description of the main types of comprehensive support for the combat activities of the troops is given, the place of legal support in the system of other forms and types of support is shown. It has been proved that its own legal component takes place in all types of security, without proper legal support, it is impossible to achieve the goals and objectives of a special military operation.

Keywords: special military operation; comprehensive support for a special military operation; legal support for a special military operation.

В юридическом лексиконе, в том числе в юридической литературе довольно часто используется понятие «правовое обеспечение». При этом ситуация осложняется тем, что несмотря на довольное частое употребление, толкование данного термина в современных словарях отсутствует. Очень часто имеет место его отождествление с понятием «правовое регулирование», определяемом как «форма государственного регулирования общественных отношений, посредством которой поведение их участников приводится в соответствие с требованиями

и дозволениями, содержавшимися в нормах права»[1]; как «осуществляемое при помощи правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, общественными потребностями данного социального строя»[2].

Имеются трактовки правового обеспечения как совокупности правовых средств, используемых субъектами для достижения каких-либо целей. Так, А.Н. Арзамаскин предлагает определять категорию «правовое обеспечение» как «научно обоснованную, последовательную систему правовых и иных средств, при помощи которых гражданское общество и государство осуществляет воздействие на общественные отношения, исходя из очередности задач, возникающих перед обществом, и целей, которые они преследуют»[3]. В другой публикации правовое обеспечение рассматривается как «совокупность правовых средств и правоотношений по их реализации, направленных на создание условий, необходимых для достижения социально полезных целей и удовлетворения законных интересов субъектов права»[4]. По нашему мнению, приведенные определения не вполне адекватно отражают сущность рассматриваемого явления, в них имеет место отождествление правового обеспечения с правовым регулированием.

Попытаемся разобраться в данном понятии и сформулировать собственное видение сущности и содержания правового обеспечения. В этих целях проведем лексический анализа данного словосочетания.

Термину «обеспечение» словарями русского языка придаются следующие значения: снабжение кем-л. или чем-л. в достаточном количестве; создание всех необходимых условий для осуществления чего-л., гарантирование чего-л.; средства, способы, правовые нормы и др., создающие возможность сохранности, исполнения чего-л., служащие ручательством, гарантией чего-л.[5] В свою очередь, производный от данного термина глагол «обеспечить» означает: снабдить чем.-н. в нужном количестве; сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым[6]; создать условия осуществления, получения чего-л.[7] Т.е. понятие «обеспечение» в лексическом смысле представляет собой некий «процесс, гарантирующий эффективное выполнение задач для достижения определенных целей»[8].

Второй компонент рассматриваемого словосочетания — «правовой» — означает нечто, отражающее нормы права, основанное на праве, т.е. на совокупности устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе[9].

Из приведённого этимологического толкования понятия «правовое обеспечение» следует, что в отличие от правового регулирования, носящего общий, предельно широкий, во многом абстрактный характер, правовое обеспечение всегда привязано к конкретному мероприятию, конкретной задаче, для успешного решения которой должны быть созданы соответствующие правовые условия. Например, когда на 119-й сессии Международного олимпийского комитета 4 июля 2007 г. было принято решение о проведении XXII Олимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи (Россия), перед нашей страной встал комплекс задач

[1] Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Изд. г-на Тихомирова Ю.А., 1997. С. 343—344.

[2] Алексеев С.С. Общая теория права : учебник / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 211.

[3] Арзамаскин А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. 2016. № 6. С. 50.

[4] Имекова М.П. Понятие правового обеспечения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 216.

[5] Гуськова А.П., Сотин Б.В. Популярный словарь русского языка : Толково-энциклопедический. М.: Рус. яз.-медиа, 2003. С. 447.

[6] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1978. С. 364.

[7] Словарь синонимов : справочное пособие. М.: Наука, 1975. С. 302.

[8] Арзамаскин А.Н. Указ. соч. С. 49.

[9] Там же. С. 498; Толковый словарь русского языка. Т. 3. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939.

по подготовке к данному мероприятию, в том числе возникла необходимость создать соответствующие правовые условия для их решения. В этих целях в том же 2007 г. были приняты специальные законодательные акты[1], которые составили необходимую правовую основу, позволили создать необходимые правовые условия для безусловного выполнения широкого круга задач, возникших в целях всесторонней подготовки и проведению Олимпийских игр.

Тот же самый механизм правового обеспечения решения конкретных задач применяется и на локальном уровне. Например, когда воинская часть получает задачу оказать помощь местному населению в борьбе с наводнением или лесными пожарами, командир этой воинской части должен не только выделить соответствующие силы и средства, подобрать и подготовить личный состав, организовать безопасное выполнение спасательных мероприятий и т.п., но должен также обеспечить решение данной задачи в правовом смысле, т.е. издать соответствующий приказ (распоряжение), в котором определить конкретные задачи и цели предстоящих мероприятий, последовательность и сроки их выполнения, права, обязанности и ответственность исполнителей и т.п. Тем самым решению командира по борьбе со стихийными бедствиями придается нормативный, обязательный для исполнения характер. Все это охватывается понятием правового обеспечения.

Применяя изложенный подход к условиям специальной военной операции (СВО), можно утверждать, что в самом общем виде *правовое обеспечение специальной военной операции* представляет собой деятельность по созданию и практической реализации норм права, позволяющих сделать достижимыми, реально выполнимыми цели и задачи СВО, поставленные высшими органами государственной власти и управления и закрепленные в нормативных правовых актах в виде общеобязательных для исполнения и соблюдения правил поведения. Для того, чтобы субъекты, реализующие задачи СВО, действовали успешно и достигали поставленных целей и задач, их нужно «снабдить» соответствующими законами и иными правовыми актами в необходимом количестве и качестве (точно так же, как они снабжаются, например, вооружением и военной техникой, материальными средствами и т.п.). Наличие нормативной основы боевой деятельности войск и отдельных военнослужащих создает необходимые условия легитимности их действий, порождает в них уверенность в том, что, реализуя правовые предписания, они действуют в правовом поле, от имени государства, что они находятся под надежной защитой закона.

Общий алгоритм (процедура) правового обеспечения СВО включает следующие этапы:

— анализ военно-политической обстановки вокруг Украины и прогноз ее развития;

— формулирование политических целей и задач СВО и соответствующих решений по их реализации;

— перевод политических решений и установок в общеобязательные для исполнения, официально оформленные правовые нормы путем принятия законодательных и иных нормативных правовых актов;

— постоянный мониторинг правоприменения в области правового регулирования общественных отношений, складывающихся в связи с проведением СВО;

— оперативная корректировка законодательства, нацеленная на устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании СВО.

Военно-политические решения высшего государственного руководства, касающиеся СВО, воплотившись в право, приобретают необходимую юридическую

[1] Федеральный закон от 30 октября 2007 г. № 238-ФЗ «О Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта»; Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

силу, подкрепляемую возможностью применения государственного принуждения к субъектам, отступающим от предписаний правовых норм.

Правовое обеспечение следует рассматривать как один из видов всестороннего обеспечения СВО, встроенный в его систему. Поскольку специальная военная операция представляет собой специальную разновидность вооруженного конфликта, форму боевого применения войск и сил флота, на нее в полной мере распространяются положения военной науки об *обеспечении военных (боевых) действий*, по которым понимается комплекс мероприятий, проводимых в интересах поддержания войск (сил) в боевой готовности, сохранения их боевой способности и создания благоприятных условий для успешного и своевременного выполнения поставленных им задач. По характеру решаемых задач и осуществляемых мероприятий обеспечение военных (боевых) действий подразделяется на оперативное (боевое), морально-психологическое, техническое, тыловое, медицинское обеспечение[1]. Кроме того, есть все основания в дополнение к обеспечению боевых действий вести речь о кадровом, социальном, информационном и др. видах обеспечения СВО.

Отличительной особенностью правового обеспечения является то, что иные виды всестороннего обеспечения СВО, будучи тесно взаимосвязанными и взаимообусловленными, тем не менее обладают определенной степенью автономности и обособленности от других разновидностей обеспечения; правовое же обеспечение завязано на каждый из названных видов обеспечения, придавая им юридическую определенность, нормативную оформленность, обязательность исполнения. Можно вполне обоснованно утверждать, что в каждом виде обеспечения СВО присутствует своя правовая составляющая. Без этой составляющей полноценное достижение целей всестороннего обеспечения СВО является невозможным.

Схематично это можно представить следующим образом (см. рис.).

Рассмотрим представленные на схеме виды обеспечения и их правовые составляющие более подробно.

Боевое обеспечение представляет собой систему мероприятий, направленных на поддержание войск (сил) в высокой боевой готовности, сохранение их боеспособности и создание благоприятных условий для организованного и своевременного вступления в бой и успешного его ведения, а также на воспрещение или предупреждение внезапного нападения противника ка и снижение эффективности его ударов. Видами боевого обеспечения являются: разведка, психологическая борьба, охранение, радиоэлектронная борьба, тактическая маскировка, инженерное обеспечение, радиационная, химическая и биологическая защита, топогеодезическое обеспечение, гидрометеорологическое (метеорологическое) обеспечение[2].

С точки зрения правового обеспечения боевой деятельности войск (сил) характерной особенностью является тот факт, что правовые нормы о боевом обеспечении СВО содержатся в своем подавляющем большинстве в таких специфических источниках военного права, как *боевые уставы*. В энциклопедической литературе под боевым уставом понимается официальный руководящий документ, определяющий основы боевых действий соединений, частей и подразделений вида Вооруженных Сил, рода войск, цели, задачи, принципы их боевого применения и основные положения по подготовке и ведению боя, а также по его всестороннему обеспечению и управлению войсками (силами).

[1] Военная энциклопедия : в 8 т. / Предс. Гл. ред. комиссии И.Д. Сергеев. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 525.

[2] Военный энциклопедический словарь // https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=3527@morfDictionary

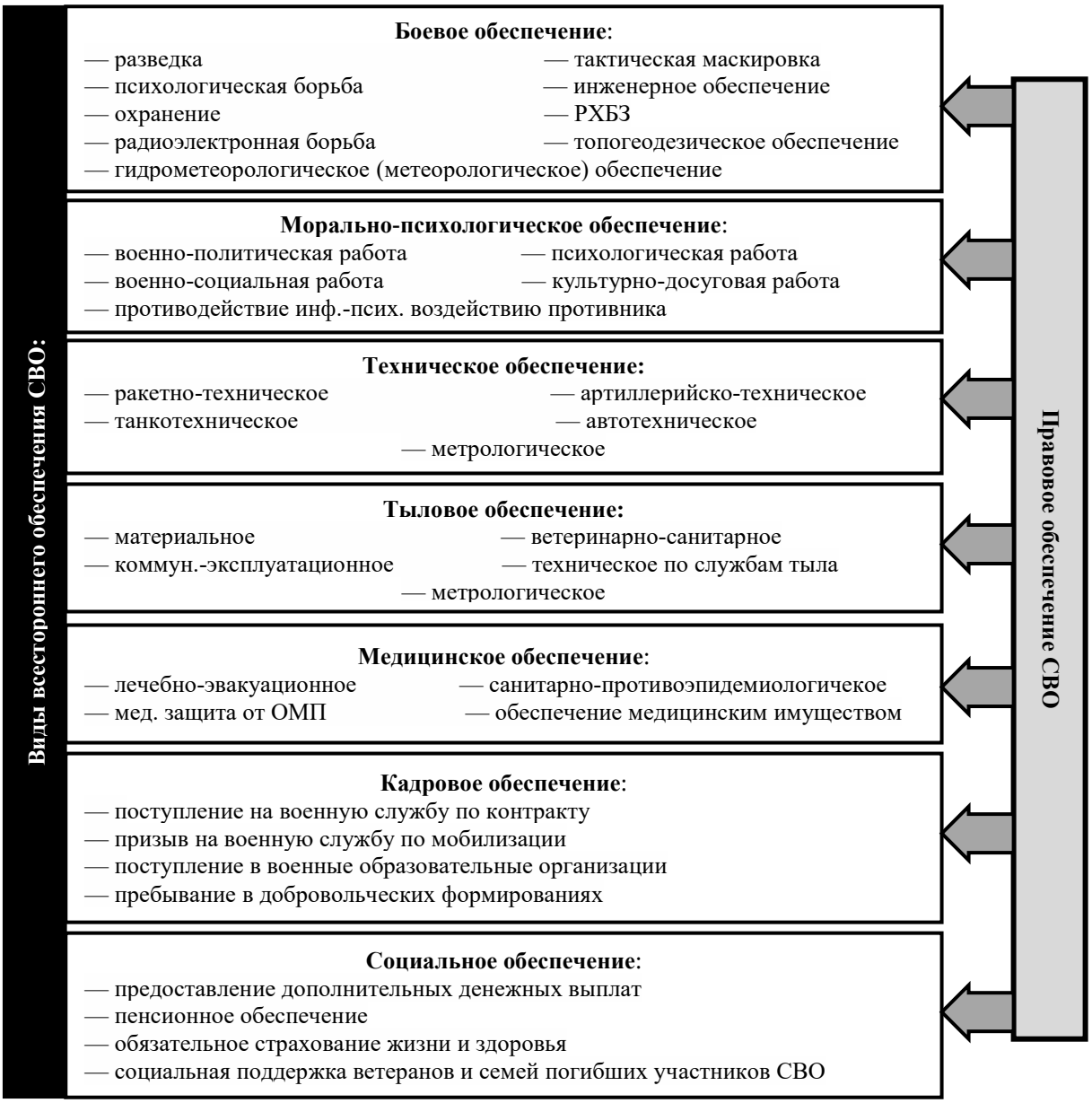

Рис. Место правового обеспечения в системе всестороннего обеспечения СВО

Боевые уставы разрабатываются на основе положений военной доктрины государства, военной науки, боевого опыта, опыта боевой подготовки соединений и воинских частей, их организационно-штатной структуры, уровня и перспектив оснащения оружием и военной техникой. С изменением этих факторов и накоплением нового опыта боевые уставы уточняются и перерабатываются[1].

Боевые уставы как источники военного права (права вооруженных конфликтов) имеют следующие признаки (характерные черты)[2]:

— *во-первых*, это кодифицированные нормативные правовые акты, т.е. в них в максимально возможной большой степени объединены правовые нормы, регулирующие ту или иную сферу общественных отношений в сфере обороны страны и обеспечения безопасности государства. Большинство этих норм носят характер норм прямого действия. Поэтому, как правило, боевой устав не требует принятия каких-либо

[1] Военная энциклопедия : в 8 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 522.

[2] Корякин В.М. Воинские уставы как источники военного права // Военное право. 2017. № 2. С. 6—10.

дополнительных правовых актов уточняющего, разъясняющего и конкретизирующего характера;

— *во-вторых*, по своему содержанию боевые уставы носят двойственный характер. С одной стороны, они отражают основные положения военной теории, военного искусства и закономерности, объективно присущие противоречивым явлениям жизнедеятельности войск как в мирное, так и военное время. С другой же стороны, они имеют ярко выраженную практическую направленность, регламентируя деятельность войск в различных условиях обстановки, в том числе в условиях реальных боевых действий. Нормативный правовой статус воинских уставов определяет юридическое закрепление изложенных в них теоретических и практических рекомендаций, которые становятся законом для военнослужащих[1];

— *в-третьих*, в отличие от иных форм нормативных правовых актов, в боевых уставах довольно большой удельный вес занимают нормы, регулирующие не только взаимодействие людей, воинских коллективов (организаций) между собой, но и порядок применения вооружения, военной техники и иных технических средств, средств защиты, огневое воздействие на противника и т.п.

Специфической особенностью боевых уставов как средства правового обеспечения боевой деятельности войск является то, что большинство из них в силу специфики предмета правового регулирования носят закрытый характер, т.е. имеют соответствующий гриф секретности. Актуальным направлением правового обеспечения боевого применения войск (сил) в СВО является необходимость оперативной доработки и переработки боевых уставов с целью закрепления в них в нормативном порядке новых способов ведения боевых действий и применения новых инновационных средств вооруженной борьбы (беспилотных средств, искусственного интеллекта и др.).

Морально-психологическое обеспечение боевых действий войск (сил) в условиях СВО представляет собой систему мероприятий, направленных на формирование и поддержание высокого морального духа армии, морально-психологического состояния и дисциплины личного состава, воинского правопорядка, на сплочение воинских коллективов и противодействие информационно-психологическому воздействию противника[2]. Оно планируется и осуществляется по направлениям: военно-политическая работа; психологическая работа; военно-социальная работа; культурно-досуговая работа; противодействие информационно-психологическому воздействию противника. В современных условиях предназначение морально-психологического обеспечения деятельности Вооруженных Сил заключается в заблаговременном создании и постоянном повышении уровня морально-психологического состояния военнослужащих для поддержания боевой готовности войск с целью успешного обеспечения защиты государства, отражения агрессии противника, а также достижения требуемых результатов в установленные сроки[3].

Правовую основу организации и проведения морально-психологического обеспечения боевых действий подразделений, воинских частей, соединений и объединений Вооруженных Сил составляют упомянутые выше боевые уставы: практически в каждом из них есть отдельная глава, посвященная осуществлению морально-психологического обеспечения боевой деятельности войск (сил). Кроме того, реализация отдельных направлений морально-психологического обеспечения регулируется соответствующими ведомственными актами Минобороны России[4].

---

[1] Груздев Б.П. Обсуждаем боевой устав // Военная мысль. 2002. № 5. С. 27—41.

[2] Военный энциклопедический словарь // https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=8264@morfDictionary

[3] Колосова Л.А., Томилов А.А., Беляев Р.В., Сергиенко А.И. Морально-психологическое обеспечение деятельности войск в боевых условиях как система // Военная мысль. 2019. № 2. С. 80.

[4] См.: приказ Министра обороны Российской Федерации от 31 января 1996 г. № 2 «О порядке обеспечения воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации техническими средствами воспитания, полиграфическим оборудованием и культурно-

Техническое обеспечение как один из важнейших, жизненно-необходимых видов всестороннего обеспечения СВО, следует рассматривать в широком и в узком смыслах.

В широком смысле техническое обеспечение СВО представляет собой глобальную перестройку оборонно-промышленного комплекса, кардинальное наращивание производства и поставки в войска новейших образцов вооружения военной техники, боеприпасов и иных материальных средств военного назначения, необходимых для ведения боевых действий. Правовую основу технического обеспечения составляет Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» и изданные в соответствии с ним и в его развитие подзаконные нормативные правовые акты.

Государственный оборонный заказ (ГОЗ) в названном законодательном акте (п. 1 ст. 3) трактуется как установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации. Вторым стратегическим документом в рассматриваемой сфере является государственная программа вооружения (ГПВ), представляющая собой документ среднесрочного планирования, определяющий сбалансированный по целям, задачам, заказчикам, ресурсам и срокам комплекс мероприятий, по созданию, производству и поддержанию в боеготовом состоянии вооружения, военной и специальной техники необходимых и достаточных для решения задач Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск по защите интересов России от внешних и внутренних угроз[1].

Посредством ГОЗ и ГПВ осуществляется правовое обеспечение снабжения контингентов войск (сил), участвующих в СВО, необходимыми средствами ведения войны. В специальной литературе соотношение ГОЗ и ГПВ трактуется следующим образом: «Государственная программа вооружения — документ долгосрочного планирования, который содержит комплекс работ, взаимоувязываемый по целям, ресурсам и срокам выполнения, направленный на создание современных образцов вооружения, военной и специальной техники в интересах Вооруженных Сил и других войск. Государственный оборонный заказ является механизмом реализации ГПВ, содержащим перечень научно-исследовательских и опытно-констукторских работ (НИОКР) и серийных поставок продукции военного назначения»[2].

В более узком смысле техническое обеспечение является составной частью обеспечения военных (боевых) действий и представляет собой совокупность мероприятий, служащих для обеспечения войск (сил) вооружением и военной техникой, ракетами, боеприпасами и военно-техническим имуществом, для поддержания их в исправном состоянии и готовности к боевому применению, восстановлению вооружения и военной техники при повреждении и возвращении их в строй; технической и специальной подготовки личного состава.

досуговым имуществом»; приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 февраля 2019 г. № 95 «Об организации военно-политической подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации»; приказ Министра обороны Российской Федерации от 5 мая 2021 г. № 250 «О правовом обучении в Вооруженных Силах Российской Федерации»; приказ Министра обороны Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 803 «Об утверждении Руководства по организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации».

[1] Военный энциклопедический словарь // https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id= 12954%40morfDictionary

[2] Стежко В.В. Государственная программа вооружения и государственный оборонный заказ как основные инструменты реализации военно-технической политики Российской Федерации // Военный научно-технический вестник. 2020. № 1. С. 60.

К основным видам технического обеспечения боевых действий относятся: ракетно-техническое обеспечение; артиллерийско-техническое обеспечение; танкотехническое обеспечение; автотехническое обеспечение; инженерно-авиационное обеспечение; инженерно-техническое обеспечение; техническое обеспечение РХБЗ; техническое обеспечение связи и автоматизированных систем управления войсками; техническое обеспечение по службам тыла и метрологическое обеспечение[1].

Правовое регулирование мероприятий технического обеспечения на данном уровне осуществляется, главным образом, путем издания ведомственных актов, многие из которых ввиду специфики предмета правового регулирования носят зарытый, не подлежащий открытому опубликованию характер.

Тыловое обеспечение является обязательным элементом всестороннего обеспечения боевых действий и представляет собой комплекс мероприятий, направленных на удовлетворение материальных, транспортных медицинских, бытовых и др. потребностей войск (сил) в целях поддержания в боевой готовности и боеспособности войск (сил) для выполнения поставленных боевых или решения повседневных задач[2]. Видами тылового обеспечения являются материальное, ветеринарно-санитарное, коммунально-эксплуатационное, техническое по службам тылового обеспечения.

Правовое обеспечение мероприятий по снабжению войск необходимыми для выполнения поставленных задач материальными средствами осуществляется как на законодательном, так и на ведомственном уровне. Так, основы продовольственного и вещевого обеспечения военнослужащих определены ст. 14 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Когда осенью 2022 г. в числе участников специальной военной операции появилась принципиально новая структура — добровольческие формирования, в указанную статью внесены соответствующие изменения и дополнения[3], определяющие порядок и условия вещевого и продовольственного обеспечения членов указанных формирований.

В системе правового регулирования тылового обеспечения группировок войск (сил), выполняющих задачи СВО, значительное место занимают ведомственные акты Минобороны России и иных государственных органов, задействованных в решении этих задач.

С началом активных боевых действий по денацификации и демилитаризации Украины весьма значительно возросла роль *медицинского обеспечения*, представляющего собой комплекс мероприятий по сохранению боеспособности, укреплению здоровья личного состава, своевременному оказанию медицинской помощи и восстановлению здоровья, боеспособности (трудоспособности) раненых и больных[4].

Законодательную основу медицинского обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов составляет ст. 17.1 Федерального закона «Об обороне». Согласно данной статье в целях медицинского обеспечения военнослужащих в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны Министерству обороны Российской Федерации предоставлены полномочия по формированию общероссийских базовых (отраслевых) перечней (классификаторов) государственных услуг, федеральных перечней (классификаторов) государственных услуг, не включенных в общероссийские базовые (отраслевые) перечни (классификаторы) государственных и муниципальных услуг, и работ, оказание и выполнение которых предусмотрено нормативными правовыми актами Российской Федерации.

---

[1] Военная энциклопедия : в 8 т. / Предс. Гл. ред. комиссии С.Б. Иванов. Т. 8. М.: Воениздат, 2004. С. 71.

[2] Военный энциклопедический словарь // https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=11209@morfDictionary

[3] Федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[4] Военная энциклопедия : В 8 т. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 66.

Нормы о военной медицине имеются и в базовом для системы отечественного здравоохранения законодательном акте — Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором имеется специальная статья 25, определяющая права военнослужащих и лиц, приравненных по медицинскому обеспечению к военнослужащим, а также граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, граждан, подлежащих призыву на военную службу (направляемых на альтернативную гражданскую службу), и граждан, поступающих на военную службу или приравненную к ней службу по контракту, на охрану здоровья. Есть такие нормы и в Федеральном законе «О статусе военнослужащих», ст. 16 которого регламентирует предоставление военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей социальных гарантий по охране здоровья и оказанию медицинской помощи.

Осуществляемая с 24 февраля 2022 г. специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины подтвердила достаточно высокую эффективность сложившейся в Вооруженных Силах системы оказания медицинской помощи военнослужащим в боевых условиях. Вместе с тем практика медицинского обеспечения специальной военной операции вызвала необходимость некоторой корректировки сложившейся системы правового регулирования оказания медицинской помощи военнослужащим в условиях ведения боевых действий, прежде всего — первой помощи пострадавшим непосредственно на поле боя[1].

В этих целях был разработан и принят законодательный акт[2], направленный на совершенствование медицинского обеспечения военнослужащих в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны.

Основные законодательные новации в медицинском обеспечении СВО состоят в следующем:

1) ст. 17.1 Федерального закона «Об обороне» дополнена новой нормой, согласно которой первая помощь военнослужащим в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны до оказания им медицинской помощи оказывается медицинскими специалистами медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений, а также самим пострадавшим (самопомощь) или находящимися вблизи лицами (взаимопомощь);

2) уточнена норма о порядке оказания первой помощи, содержащаяся в ч. 1 ст. 31 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Указано, что наряду с лицами, обязанными по закону оказывать первую помощь, она может оказываться также самим пострадавшим (самопомощь) или находящимися вблизи лицами (взаимопомощь) в случаях, предусмотренных федеральными законами;

3) на Минобороны России и иные федеральные органы исполнительной власти возложена обязанность разработать и утвердить:

— перечень состояний, при которых оказывается первая помощь и правил ее оказания[3];

[1] Более подробно см.: Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8. С. 28—32.

[2] Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в статью 17.1 Федерального закона "Об обороне" и статью 31 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"».

[3] Приказ Министра обороны Российской Федерации от 9 декабря 2022 г. № 760 «Об утверждении Перечня состояний, при которых оказывается первая помощь военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, спасательных воинских формирований Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Службы внешней разведки Российской

— стандарт оснащения аптечек, сумок и комплектов медицинского имущества. Федеральным органам исполнительной власти (органам), уполномоченным в области управления другими войсками, воинскими формированиями и органами, предоставлено право устанавливать особенности оснащения аптечек, сумок и комплектов медицинского имущества[1];

4) Минобороны России, федеральные органы исполнительной власти (органы), уполномоченные в области управления другими войсками, воинскими формированиями и органами наделены полномочиями по разработке порядка организации подготовки военнослужащих и медицинских специалистов медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений по проведению мероприятий по оказанию первой помощи, в том числе программ такой подготовки[2].

Таким образом, система правового обеспечения вопросов охраны здоровья участников СВО и медицинского обеспечения специальной военной операции благодаря оперативно принятым нормативным новациям приобрела новое качество, определенность и конкретность.

Успешное решение задач специальной военной операции в значительной (а в отдельных случаях — в решающей) степени зависит от ее *кадрового обеспечения*, под которым в специальной литературе понимается система принципов, форм и методов формирования необходимого количественного и качественного состава персонала, направленная на совершенствование кадрового потенциала и эффективное его использование; совокупность технологий поиска, подбора, отбора и адаптации персонала[3].

Сразу следует отметить, что в военной (военно-правовой) науке термин «кадровое обеспечение» используется редко. Устоявшимся понятием, регулирующим вопросы кадровой работы в сфере военной деятельности государства, является термин «комплектование», под которым понимается совокупность мероприятий государства по удовлетворению потребностей армии и флота в личном составе в мирное и военное время[4].

Официальное толкование данного понятия дано в Руководстве по комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации солдатами, матросами, сержантами и старшинами, утвержденном приказом Министра обороны Российской Федерации от 16 января 2001 г. № 30[5]: комплектование Вооруженных Сил личным составом представляет собой «комплекс взаимосвязанных мероприятий, проводимых в ходе подготовки и практического решения задач по изучению, медицинскому, профессиональному психологическому отбору, приему и распределению граждан, призванных на во-

---

Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов военной прокуратуры, военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны, а также правил ее оказания»

[1] Приказ Росгвардии от 26 мая 2023 г. № 175 «Об установлении особенностей оснащения аптечек, сумок и комплектов медицинского имущества в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

[2] Приказ Министра обороны РФ от 13 июня 2023 г. № 340 «Об утверждении Порядка организации подготовки военнослужащих и медицинских специалистов медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации по проведению мероприятий по оказанию первой помощи».

[3] См., например: Елькина К.В., Пак Г.Ю., Мамонтова Е.О. Теоретические аспекты системы кадрового обеспечения предприятия // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2015. № 1. С. 48—54; Коростелев С.М. Анализ понятия кадрового обеспечения и его значимости в промышленном комплексе региона // Экономика и управление 3(148) народным хозяйством. 2017. № 3. С. 44—50.

[4] Военная энциклопедия : В 8 томах. Т. 4. М.: Воениздат, 1999. С. 131.

[5] Приказ Министра обороны Российской Федерации от 16 января 2001 г. № 30 «Об утверждении Руководства по комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации солдатами, матросами, сержантами и старшинами».

енную службу и направленных на комплектование войск (сил), и граждан, поступающих на военную службу по контракту, организации их подготовки по военно-учетным специальностям, решению других вопросов во время прохождения военной службы и увольнению их в запас или в отставку». Согласно названному документу система комплектования Вооруженных Сил строится на основании принятых в государстве принципа комплектования войск (сил) и способов привлечения граждан на военную службу. Принцип комплектования — экстерриториальный; способы комплектования — призыв граждан на военную службу и добровольное поступление граждан на военную службу по контракту.

С началом СВО перед сложившейся к этому времени системой комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации встали ряд совершенно новых задач, что потребовало внесения рада существенных изменений в военное законодательство (в связи с частичной мобилизацией, созданием добровольческих формирований и др.). Учитывая данное обстоятельство, вопросы кадрового обеспечения СВО нуждаются в отдельном научном исследовании.

Практика проведения специальной военной операции убедительно доказывает, что обязательным условием успешного решения военных задач является надежное *социальное обеспечение* военнослужащих и иных участников СВО, а также их семей. После февраля 2022 г. высшим законодательным органом нашей страны принято не менее 75 новых законодательных актов, направленных на правовое обеспечение СВО, в том числе в части, касающейся дополнительных социальных гарантий, предоставляемым военнослужащим и их семьям. В связи с этим представляется вполне правомерной постановка вопроса об институционализации социального обеспечения СВО в качестве относительно самостоятельного направления системы всестороннего обеспечения группировок войск (сил), участвующих в СВО. Учитывая важность и объемность данного вида обеспечения, этим вопросам также должны быть посвящены специальные исследования, что уже делается[1].

Резюмируя сказанное, представляется вполне обоснованным утверждать, что правовое обеспечение специальной военной операции является обязательным и необходимым компонентом всей системы всестороннего обеспечения боевого применения объединений, соединений и воинских частей в СВО. При этом своя правовая составляющая имеет место во всех видах обеспечения. Без такой правовой составляющей успешная реализация каждого вида всестороннего обеспечения СВО невозможна.

Библиография

1. Алексеев С.С. Общая теория права : учебник / 2-е изд., перераб и доп. — Москва: Проспект, 2009. — 576 с.

2. Арзамаскин, А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы / А.Н. Арзамаскин // Наука и школа. — 2016. — № 6. — С. 47—51.

3. Груздев, Б.П. Обсуждаем боевой устав / Б.П. Груздев // Военная мысль. — 2002. — № 5. — С. 27—41.

4. Елькина, К.В. Теоретические аспекты системы кадрового обеспечения предприятия / К.В. Елькина, Г.Ю. Пак, Е.О. Мамонтова // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. — 2015. — № 1. — С. 48—54.

5. Имекова, М.П. Понятие правового обеспечения / М.П. Имекова // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 487. — С. 212—219.

6. Колосова, Л.А. Морально-психологическое обеспечение деятельности войск в боевых условиях как система / Л.А. Колосова, А.А. Томилов, Р.В. Беляев, А.И. Сергиенко // Военная мысль. — 2019. — № 2. — С. 79—86.

7. Коростелев, С.М. Анализ понятия кадрового обеспечения и его значимости в промышленном комплексе региона / С.М. Коростелев // Экономика и управление народным хозяйством. — 2017. — № 3. — С. 44—50.

8. Корякин, В.М. Воинские уставы как источники военного права / В.М. Корякин // Военное право. — 2017. — № 2. — С. 6—10.

9. Корякин, В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной

[1] Корякин, В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: Русайнс, 2024.

операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8. — С. 28—32.

10. Корякин, В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум / В.М. Корякин. — Москва : Русайнс, 2024. — 294 с.

11. Стежко, В.В. Государственная программа вооружения и государственный оборонный заказ как основные инструменты реализации военно-технической политики Российской Федерации / В.В. Стежко // Военный научно-технический вестник. — 2020. — № 1. — С. 59—67.

Концептуально-правовые основы организации правоохранительной деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

© **Минтягов Станислав Андреевич,**
юрист, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация. Эффективность функционирования органов и подразделений военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации во многом будет определяться оптимальными организационной структурой и эффективной системой управления. В статье автором сформулированы концептуально-правовые основы организации правоохранительной деятельности военной полиции, которые нашли своё отражение в специальном нормативном документе «Наставление по организации правоохранительной деятельности в органах и подразделениях военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации».

Ключевые слова: военная полиция; организация; концепция; управление.

Conceptual and legal basis for the organization of law enforcement activities of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation

© **Mintyagov S.A.,**
lawyer in the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract. The effectiveness of the functioning of the military police bodies and units of the Armed Forces of the Russian Federation will be largely determined by the optimal organizational structure and effective management system. In the article, the author formulated conceptual-legal bases for the organization of law enforcement activities of the military police, which are reflected in a special normative document "Instruction on the organization of law enforcement activities in the military police of the Armed Forces of the Russian Federation".

Keywords: military police, organization, concept, management.

На основе ранее полученных нами выводов при исследовании вопросов организации деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации постараемся сформулировать концептуально-правовые основы организации деятельности изучаемого нами органа.

Кратко озвучим полученные в ходе предыдущих исследований выводы:

1. Чётко выстроенная вертикальная модель подчинения правоохранительных подразделений военной полиции, а также полная или хотя бы частичная их независимость от иных органов военного управления позволит повысить эффективность выполняемых задач в целом, то есть объективность и беспристрастность в обеспечении законности. Построение органов военной полиции должно проходить с учётом необходимости соблюдения определённых пределов как централизации, так и децентрализации, выход за которые может повлечь разного рода негативные последствия. Централизация будет необходима для подразделений, выполняющих правоохранительные задачи, а децентрализация более

удобна для подразделений с общевойсковыми функциями[1].

2. Изученные различные варианты организационного построения военной полиции позволили автору выделить наиболее эффективные из них. К числу таковых мы отнесём военную полицию в составе МВД России, по аналогии с другими военными правоохранительными органами, а также вариант, при котором военная полиция остаётся в составе Вооружённых Сил Российской Федерации, но с выделением правоохранительных подразделений в отдельную службу и централизацией в управлении[2].

Актуальность исследуемого вопроса обусловливается тем, что перед Вооруженными Силами стоит задача освобождения личного состава от выполнения несвойственных им функций. Эти несвойственные функции как раз заключаются в реализации именно правоохранительных функций (дознание, противодействие незаконному обороту наркотиков, производство по делам об административных правонарушениях, проведение разбирательств по дисциплинарным проступкам, ответственность за которые предусмотрена в виде дисциплинарного ареста, и другие).

Как мы не раз уже отмечали, совершенствование организации деятельности напрямую связано с её эффективностью. В социальных системах «внутренняя среда может быть и источником проблем и даже гибели организации в том случае, если она не обеспечивает необходимого функционирования организации»[3].

Понятие «организация» может употребляться в нескольких основных аспектах: 1) в качестве объекта, обладающего структурированной внутренней организацией; 2) в роли всеобщей функции управления, представляющей собой совокупность деятельности субъекта управления по систематизации состояния объекта; 3) как отдельная функция управленческого процесса, обеспечивающая реализацию принятого управленческого решения[4].

Рассмотрим понятие «организация» применительно к деятельности военной полиции в третьем из рассматриваемых нами аспекте — как отдельной функции управления, которая, по нашему мнению, должна обеспечивать упорядочение правовой, материально-технической, экономической сторон деятельности.

В.Г. Афанасьев, рассматривая «организацию как функцию управления», определяя её как одну из стадий управленческого цикла, указывает, что первой исходной функцией управления является выработка и принятие управленческого решения. После того, как решение принято, т.е. цель поставлена и определены основные пути её достижения, начинается новая стадия управленческого цикла, а соответственно субъект управления осуществляет новую, очередную функцию — функцию организации[5].

Основная цель процесса организации деятельности военной полиции заключается в установлении необходимой системы организационных взаимосвязей, обеспечивающих целостность управляемой системы, эффективное взаимодействие её отдельных компонентов в виде структурных подразделений, а также территориальных и региональных органов, их согласованную работу с использованием различных методов.

Функция организации деятельности военной полиции обеспечивается посредством создания функциональных и организационных структур, а также подбором, подготовкой и расстановкой кадров, решением других вопросов ресурсообеспечения.

---

[1] Минтягов С.А. Принцип централизации или децентрализации в деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2024. № 2. С. 48—55.

[2] Минтягов С.А. Совершенствование организационно-штатной структуры военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2024. № 3. С. 96—105.

[3] Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: учебник. М., 2000. С. 189.

[4] Студеникин В.Е. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел как объект организации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 50.

[5] Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М., 1968. С. 210—211.

В конечном итоге, реализация исследуемой нами функции в деятельности военной полиции позволит решить достаточно широкий круг практических задач:

— создать систему со сформированной функциональной и организационной структурой;

— нормативно зафиксировать цель (цели) системы, структуры военной полиции, полномочий её должностных лиц;

— обеспечить материально-техническую сторону в деятельности, включая обеспеченность кадрами;

— упорядочить процессы управления в созданной или действующей системе;

— организационно обеспечить выполнение других функций, стадий и этапов в управлении;

— разработать и внедрить в практику различные критерии оценки деятельности;

— организовать службу военнослужащих и подразделений военной полиции и труда гражданского персонала военной полиции.

Таким образом, под организацией деятельности военной полиции будем понимать воздействие объекта управления на субъект управления с целью достижения наилучшего результата. Исходя из этого, полагаем определить, что организацию правоохранительной деятельности военной полиции следует воспринимать как специфический вид общественных отношений, выраженный в особой форме взаимодействия субъекта управления и объекта (объектов) управления, направленный на обеспечение нормального функционирования управляемого подразделения.

В соответствии с Уставом военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации (УВП ВС РФ) в разделе «Организация деятельности» указаны: структура военной полиции; полномочия Министра обороны Российской Федерации по определению состава, штатной численности, объёма и характера выполняемых задач; отдельный статус военных комендатур г. Москвы и г. Санкт-Петербурга; требования к размещению военной комендатуры и войсковых подразделений военной полиции. На наш взгляд, вопросы организации деятельности военной полиции в целом, а также правоохранительной деятельности недостаточно отражены в нормативных актах.

Анализ теоретических источников, раскрывающих содержание функции организации, даёт основание выделить концептуальные основы организации деятельности военной полиции по обеспечению законности в Вооруженных Силах.

По нашему мнению, концепция организации деятельности военной полиции по обеспечению законности в Вооруженных Силах должна быть направлена, в первую очередь, на реализацию правоохранительных задач, правовое закрепление системы управления с учётом многопрофильности возложенных функций. Всё это требует разработки соответствующих организационно-правовых документов, на основе которых будут функционировать различные структурные подразделения военной полиции, выполняющие задачи по обеспечению законности.

Выделяя данное направление из общей деятельности военной полиции, целесообразно рассмотреть вопрос о разработке и утверждении единого нормативного акта по вопросам организации правоохранительной деятельности военной полиции, например, Наставления по организации правоохранительной деятельности в органах и подразделениях военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации. Проект данного нормативного акта разработан нами в рамках проведения комплексной научной работы и включает в себя несколько разделов[1]:

1. Общие положения. В данном разделе чётко определены понятие организации правоохранительной деятельности, её цель и задачи, а также что включает в себя организация правоохранительной деятельности (планирование, организация выполнения

[1] Минтягов С.А. Правоохранительная деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации : монография. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 215—242.

задач, координация подразделений, кадровая работа, контроль, учёт и объективная оценка).

2. Организация руководства и контроля. В данном разделе содержатся основные обязанности начальников по организации правоохранительной деятельности, в том числе по осуществлению контроля, а также выявлению и использованию положительного опыта.

3. Организация работы по планированию и осуществлению правоохранительной деятельности. Данный раздел включает в себя основные мероприятия, выполняемые как самостоятельно, так и совместно с другими органами (воинскими частями), а также работу по отдельным направлениям:

— при проведении проверок воинских частей (организаций) по различным вопросам деятельности;

— при осуществлении полномочий органа дознания;

— при осуществлении полномочий при производстве по делам об административных правонарушениях и проведении разбирательств по фактам нарушения воинской дисциплины;

— работа по профилактике и предупреждению преступлений и правонарушений.

4. Организация планирования работы по сбору, обобщению и анализу информации, поступающей в органы (подразделения) военной полиции. Данный раздел содержит основные задачи по сбору, обработке, систематизации, анализу и оценки информации, а также организацию работы с открытыми источниками информации.

5. Организация взаимодействия органов (подразделений) военной полиции по вопросам реализации правоохранительных функций. Данный раздел содержит цель организации взаимодействия и основные направления, определяет субъектов взаимодействия, а также принципы и основные формы взаимодействия.

С учётом участия военной полиции в специальной военной операции в вышеуказанный проект нормативного акта также целесообразно будет включить раздел «Основы организации работы подразделений дознания военной полиции». В данном разделе следует указать: общие обязанности должностных лиц подразделений дознания; порядок организации взаимодействия в районе ответственности с органами военной прокуратуры, военными следственными органами, органами безопасности, территориальными правоохранительными органами, органами местного самоуправления, военно-гражданской администрацией, а также штабами воинских частей и подразделений; требования к размещению подразделений дознания, включая материальные и технические средства, необходимые в работе дознавателя (например, БПЛА для осмотра места происшествия, средства навигации для перемещения и определения координат и т.п.).

Внедрение данного нормативного документа позволит должностным лицам военной полиции руководствоваться им в своей повседневной деятельности, но главная особенность данного документа будет состоять в нормативном закреплении правоохранительной деятельности военной полиции как приоритетной, но не ограничивая при этом работу других подразделений военной полиции, выполняющих иные задачи.

Следует напомнить, что военная полиция остаётся многофункциональным органом, в связи с чем вопрос о первостепенности функций правоохраны над иными функциями (общевойсковыми) стоит особенно остро. Вместе с тем, очевидным будет являться тот факт, что субъекты управления будут нести ответственность за все направления деятельности, не только за организацию правоохранительной деятельности. При организации правоохранительной деятельности необходимо будет уметь анализировать поступающую информацию и криминогенную обстановку в районе ответственности, прогнозировать развитие событий, планировать работу подчинённых. После чего, необходимо будет организовать работу подчинённых, вести её учёт и контроль, выявлять недостатки и вносить необходимые коррективы, используя свои знания и опыт управленческой деятельности.

Всё это налагает новые требования к начальникам как к субъектам управления, которые должны: знать методы разработки стратегий; уметь выделить перспективу;

быть способными руководить подчинёнными подразделениями и личным составом, в том числе с учётом децентрализации; уметь достигать эффективности в межличностных отношениях; обладать высокоразвитым чувством ответственности.

Данные компетенции начальников органов военной полиции, по нашему мнению, необходимо не только закрепить на правовом уровне, но и осваивать в рамках соответствующей профессиональной подготовки.

Таким образом, говоря о важности функции организации, необходимо отметить, что при ней достигаются не только организационные цели, но и связываются в единый комплекс все другие функции управления. Согласимся с мнением Е.Ф. Яськова, который считает, что каждая задача в функциях организации в процессе её реализации представляет собой управленческую деятельность, содержащую, с одной стороны, какие-то общие организационные моменты, а с другой — специфические, характерные только для данного вида деятельности. Поэтому можно говорить о том, что в функции организации, сущность которой понимается и раскрывается через изучение и объяснение всех её составляющих, существует совокупность организационных подфункций[1].

Структура военной полиции, её органов и подразделений является частью государственного аппарата органов исполнительной власти, которые в свою очередь несут ответственность наряду с другими правоохранительными органами за состояние законности, в том числе в Вооруженных Силах. Подчеркнём ещё раз, что правоохранительные функции военной полиции, по нашему мнению, должны составлять основное содержание всей деятельности военной полиции.

Организация деятельности военной полиции по обеспечению законности или, другими словами, правоохранительной деятельности заключается в упорядочении деятельности всех её органов, воинских частей и подразделений по реализации возложенных на них функций и задач. Такое упорядочение достигается путём использования субъектами управления разнообразных методов.

Анализ научной литературы[2] позволил выделить две основные группы методов, наиболее часто встречающиеся при классификации методов управления: познавательно-программирующие и организационно-регулирующие.

К первой группе относятся все аналитические методы, которые применяются в процессе управления на стадии обоснования и выработки управленческих решений (включая методы прогнозирования), методы планирования (выявление проблемных ситуаций и анализ проблемных ситуаций) и методы контроля и проверки принимаемых управленческих решений.

Метод контроля принимаемых решений особенно актуален для подразделений военной полиции, хотя частично и выполняющих функции военной полиции, но не находящихся в структуре военной полиции (например, военные комендатуры Донецкой и Луганской народных республик).

В связи с особенностями конкретной воинской части или подразделения система организации правоохранительной деятельности военной полиции может быть реализована при учёте реального состояния правопорядка и воинской дисциплины, характера и специфики решаемых задач, района дислокации (базирования), организационно-штатной структуры и укомплектованности личным составом, национального состава военнослужащих и их взаимоотношений с местным населением, наиболее вероятных предпосылок преступлений и происшествий, краткосрочного и среднесрочного

[1] Яськов Е.Ф. Проблемы развития теории и практики управления в сфере правопорядка. М., 1992. С. 59—64.

[2] Например: Яськов Е.Ф. Методы управления правоохранительной деятельностью : лекция. М., 1992; Архипов Д.Н. Совершенствование методов управления как фактор повышения эффективности деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002; Безрядин Д.Н. Основы управления органами внутренних дел : учебное пособие. М., 2001.

прогнозов состояния правопорядка и воинской дисциплины в районе ответственности органа военной полиции.

Таким образом, для создания оптимальной организации правоохранительной деятельности военной полиции необходимо:

— установить на основе анализа и прогноза приоритетные направления правоохранительной деятельности по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины;

— определить, исходя из организационно-штатной структуры, специфики решаемых задач, реального состояния дел и потребностей практики, комплекс мероприятий по профилактике правонарушений;

— разработать с учётом требований воинских уставов, приказов и директив Министра обороны Российской Федерации, Генерального штаба Вооруженных Сил и иных служебных документов всем должностным лицам, имеющим подчинённых, обязанности по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины, определить наиболее эффективные формы и методы их реализации;

— задачи, поставленные подчинённым органам и должностным лицам по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины, должны постоянно координироваться и слаживаться, а также носить последовательно-плановый характер;

— установить контроль за выполнением должностными лицами своих обязанностей, а также формы учёта и периодичность отчётности о результатах проводимой работы.

Важное место в организации правоохранительной деятельности военной полиции занимают административно-правовые средства. Соглашаясь с мнением Р.В. Нагорных[1], полагаем, что особенность административно-правовых средств состоит как раз в том, что они являются способами реализации административно-правового отношения военной службы в правоохранительной сфере.

В качестве самостоятельного признака, занимающего особое место, можно выделить роль административно-правовых средств в организации кадрового обеспечения (подготовка, отбор, расстановка, перемещение, увольнение), связанных с административно-правовыми процедурами: оценкой профессионально значимых качеств (аттестация); обучением и воспитанием (подготовка, переподготовка, повышение квалификации) с учётом должностных обязанностей, в том числе связанных с управлением и командованием.

Административно-правовые средства применяются в регулировании следующих основных групп правоотношений:

— первая группа — правоотношения, связанные с организацией и осуществлением правоохранительных функций военной полиции;

— вторая группа — правоотношения, связанные с внутренней организацией правоохранительной деятельности военной полиции уполномоченными субъектами (начальниками органов и подразделений);

— третья группа — правоотношения, связанные с непосредственной организацией прохождения военной службы военными полицейскими в правоохранительной сфере (отбор, расстановка, перемещения, увольнение, их обучение и воспитание, социальная защита);

— четвёртая группа — правоотношения, связанные с организацией и координацией взаимодействия с другими правоохранительными органами в решении задач правоохранительной сферы в государстве.

Таким образом, на основе анализа ряда правовых идей и тезисов, относящихся к тематике исследования, можно сформулировать основные положения концепции организации правоохранительной деятельности военной полиции:

1) создание оптимального организационного построения военной полиции, на основе выполняемых ею правоохранительных функций, то есть независимых от командования (гарнизонов, округов, других

[1] Нагорных Р.В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017.

органов военного управления) правоохранительных подразделений;

2) правовое закрепление целей правоохранительных подразделений военной полиции отдельным нормативным правовым актом, включающим в себя приоритетность правоохранительных функций над другими, основы работы по взаимодействию с другими правоохранительными органами и профилактике правонарушений, а также обязанностей должностных лиц по организации данной деятельности и выполнению отдельных задач;

3) ресурсное обеспечение — материально-техническое, информационно-аналитическое и отдельно кадровое. В связи с этим необходимы новые подходы к подготовке кадров для военной полиции с разработкой и внедрением новой военно-учётной специальности для подразделений, выполняющих правоохранительные функции, например, военно-полицейская работа. Работа по подготовке кадров для военной полиции должна носить системный характер и быть организована специализированным подразделением, например, отделом военного образования в центральном органе военной полиции;

4) создание оптимальной системы управления правоохранительными подразделениями военной полиции, основанной на принципе централизации, обеспечивающей полный контроль над деятельностью нижестоящих органов, с целью получения значимой информации (правоприменительной практики) для последующего её анализа. Полученные в ходе анализа выводы можно будет использовать для оперативного реагирования (организационного, правового), выделения направлений совершенствования деятельности и внедрения полученного опыта в систему подготовки кадров.

Построенная на вышеперечисленных принципах и концептуально-правовых основах структура военной полиции позволит обеспечить высокий уровень координации в деятельности, тем самым повысить эффективность всей работы военной полиции.

Библиография

1. Архипов, Д.Н. Совершенствование методов управления как фактор повышения эффективности деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / Архипов Дмитрий Николаевич. — Москва, 2000. — 25 с.

2. Афанасьев, В.Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования) / В.Г. Афанасьев. — Москва: Политиздат, 1968. — 384 с.

3. Безрядин, Д.Н. Основы управления органами внутренних дел : учебное пособие / Д.Н. Безрядин. — Москва, 2001. — 168 с.

4. Виханский, О.С. Менеджмент : учебник / О.С. Виханский, А.И. Наумов. — Москва: Гардарика, 1996. — 415 с.

5. Минтягов, С.А. Правоохранительная деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации : монография / С.А. Минтягов. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 318 с.

6. Минтягов, С.А. Принцип централизации или децентрализации в деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации / С.А. Минтягов // Военное право. — 2024. — № 2. — С. 48—55.

7. Минтягов, С.А. Совершенствование организационно-штатной структуры военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации / С.А. Минтягов // Военное право. — 2024. — № 3. — С. 96—105.

8. Нагорных, Р.В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Нагорных Роман Вадимович. — Москва, 2017. — 40 с.

9. Студеникин, В.Е. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел как объект организации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Студеникин Валерий Евгеньевич. — Москва, 2004. — 27 с.

10. Яськов, Е.Ф. Методы управления правоохранительной деятельностью : лекция / Е.Ф. Яськов. — Москва, 1992.

11. Яськов, Е.Ф. Проблемы развития теории и практики управления в сфере правопорядка : монография / Е.Ф. Яськов. — Москва, 1992. —105 с.

Военные аспекты гражданского права

Проблема нулевой рентабельности привнесенных расходов исполнителя по государственному оборонному заказу

© **Федоров Павел Евгеньевич**,
старший преподаватель, кафедра административного, финансового и корпоративного права Новосибирский государственный университет экономики и управления

Аннотация. В статье автор указывает на существовании проблемы заведомой убыточности обязательных для исполнения контрактов по государственному оборонному заказу для некоторых категорий исполнителей. Автор указывает на наличие правовой неопределенности между императивностью правила о плановой рентабельности расходов в цене военной продукции и законодательным допущением нулевого значения прибыли в отдельных случаях при наличии негативных экономических эффектов.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, привнесенные расходы, рентабельность цены на продукцию, научный потенциал предприятий.

The problem of zero profitability of the introduced expenses of the contractor under the state defense order

© **Fedorov P.E.**,
Senior Lecturer, Department of Administrative, Financial and Corporate Law Novosibirsk State University of Economics and Management

Abstract. In the article, the author points out the existence of the problem of the deliberate loss of mandatory contracts for the state defense order for some categories of performers. The author points out the existence of legal uncertainty between the imperative of the rule on the planned profitability of expenditures in the price of military products and the legislative assumption of zero profit in some cases in the presence of negative economic effects.

Keywords: state defense order, introduced costs, profitability of product prices, scientific potential of enterprises.

Военно-промышленный комплекс (ВПК) Российской Федерации в последние годы подтвердил устоявшийся тезис о том, что военная промышленность является важнейшим элементом экономического развития государства, а также решающим слагаемым суверенитета, который, в свою очередь, позволяет вести независимую внешнюю и внутреннюю политику.

Как известно, динамика развития ВПК находится в прямой взаимосвязи с поступательным развитием науки и технологий, поскольку разработка и массовое производство военной техники, а также модернизация устаревающих образцов требуют применения передовых технологий и инновационных решений. Благодаря приоритетному вниманию государства к развитию оборонной промышленности, на сегодняш-

ний день ВПК Российской Федерации удалось занять место лидера в производстве передовых образцов военной техники. К примеру, танк Т-90 «Прорыв» неоднократно назывался главой государства самым лучшим в мире[1].

Немаловажен и факт того, что, как отмечалось нами ранее[2], достижение столь значительных результатов в отрасли было достигнуто, не в последнюю очередь, благодаря существующему на сегодняшний день заделу результатов научных разработок советских ученых, которые оставили потомкам колоссальный объем научно-технических идей и наработок, некоторые из которых притворяются в жизнь руками современных инженеров и разработчиков. Упомянутый выше танк Т-90, модернизированный в наше время под шифром «Прорыв», создавался в конце 80-х годов на Уралвагонзаводе с учетом опыта модернизации танка Т-72 и изучения военных конфликтов того времени[3].

Логичным представляется продолжение пополнения уже существующего задела научно-технических идей новыми наработками современных российских ученых, занятых в оборонном секторе науки. При этом, как справедливо констатируется многими исследователями, достижения в области правового регулирования не поспевают за развитием новых технологий. Проблематика осложняется тем, что регулирование соответствующих отношений часто происходит децентрализованно представителями отрасли в условиях ослабления или неэффективности традиционного государственного регулирования[4].

О проблематике внедрения в ВПК новейших наработок технологий двойного назначения, а также их своевременного и эффективного правового регулирования в своих изысканиях указывали такие исследователи как Н.В. Кандыбко[5], Д.В. Орехов[6], Д.В. Панков[7]

Организации ВПК — разработчики военной техники, как правило, являются и держателями конструкторской документации на разработанное ими же изделие военной техники. Если такая организация включена в специальные перечни поставщиков (подрядчиков, исполнителей), для которых принятие государственного оборонного заказа является обязательным, а это практически все организации-разработчики военной техники, то в силу своего особенного статуса, такие организации могут нести дополнительные неблагоприятные последствия, такое своеобразное «бремя содержания имущества», от которого нельзя отказаться.

Для иллюстрации положения организаций ВПК, остановимся на конкретном примере из судебной практики: дело № А40-207185/2021, рассматривал Арбитражный

[1] «Лучший танк в мире без всякого преувеличения»: Путину показали новые боевые машины // Сайт RT на русском. URL: https://russian.rt.com/russia/video/1273637-putinu-pokazali-novye-boevye-mashiny/ (дата обращения 22.02.2024)

[2] Федоров П.Е. Перспективы совершенствования нормативных правовых актов в сфере защиты результатов интеллектуальной деятельности, полученных в ходе выполнения государственного оборонного заказа, и распоряжения ими // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 10(315). С. 101—106.

[3] Танк Т-90: тактико-технические характеристики, сравнение с техникой НАТО 21.02.2023 г. // Сайт РИА Новости. URL: https://ria.ru/20230221/tank_t-90-1853530118.html (дата обращения 22.02.2024)

[4] Моргунова Е.А., Шахназаров Б.А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий : монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2023.

[5] Кандыбко Н.В., Сорокин С.В. Проблемы правового регулирования управления правами на результаты интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения // Вопросы контроля хозяйственной деятельности и финансового аудита, национальной безопасности, системного анализа и управления : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 29 декабря 2017 г. М.: ФГБНУ «Экспертно-аналитический центр», 2018. С. 58—60.

[6] Орехов Д., Хитрова Л. Особенности РИД военного, специального и двойного назначения как объектов правового регулирования // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2017. № 3. С. 15—21.

[7] Панков Д.В. Причины отсутствия рынка секретных изобретений. Анализ становления законодательства Российской Федерации в сфере правовой охраны секретных изобретений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 5(322). С. 113—123.

суд г. Москвы, стороны: истец — Минобороны России, ответчик — ООО «Специальный Технологический центр» — разработчик и держатель конструкторской документации на систему радиоэлектронной борьбы (РЭБ) «Свет-КУ», конструкторская документация на модернизацию которой и стала основанием для предъявления военным ведомством исковых требований. Более трех миллионов рублей неустойки было предъявлено к взысканию за просрочку поставки системы РЭБ, которая была вызвана изменением Заказчиком в последний момент (за пять дней до окончания контракта) технического задания путем дачи распоряжения о внесении изменений в конструкторскую документацию. В данной ситуации суд встал на сторону организации ВПК, отметив, что, несмотря на обязательность принятия государственного контракта, в случае непоследовательного поведения заказчика от гражданской ответственности за вынужденное нарушение договорных обязательств исполнитель может быть освобожден, что и было сделано судом — в иске было отказано. Указанный пример ярко иллюстрирует положение, в котором может оказаться организация ВПК при выполнении обязательных для нее контрактных обязательств при модернизации «своего» изделия (т.е. собственной разработки). Однако при рассмотрении вопроса о прибыли (рентабельности) деятельности организаций ВПК по исполнению обязательств по государственному оборонному заказу дела обстоят существенно сложнее.

Как принято считать, оборонно-промышленный сектор экономики является убыточным, как отметил в недавней беседе с Президентом Российской Федерации глава государственной корпорации Ростех, рентабельность гособоронзаказа чаще всего стремится к нулю, а иногда даже является отрицательной[1].

В этой связи анализа требует правило, установленное ч. 6 ст. 6 Закона о гособоронзаказе, согласно которому государственный оборонный заказ обязателен для принятия нормативно определенным единственным поставщиком (исполнителем, подрядчиком), при условии, что государственный оборонный заказ обеспечивает соответствующий уровень прибыли, определяемой в соответствии с нормативно-правовым актом Правительства Российской Федерации — речь, конечно, идет о постановлении Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2017 г. № 1465. Представляется, что указанная диспозиция обозначает, что государственный оборонный заказ только тогда обязателен к принятию, когда имеет место не нулевая и не отрицательная рентабельность такой экономической деятельности.

В указанном подзаконном нормативном акте, в развитие законодательной конструкции об обязательной прибыльности гособоронзаказа, установлено понятие так называемой плановой рентабельности в цене на продукцию, порядок определения которой установлен п. 54—57 Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2017 г. № 1465.

Размер плановой рентабельности (прибыли), согласно указанному постановлению, может устанавливаться в размере суммы: не более 1 процента плановых привнесенных затрат и не более 25 процентов плановых собственных затрат организации на поставку (включая производство) продукции. При этом законодателем намеренно не ограничивается уменьшение рентабельности привнесенных затрат до 0 %, что следует из формулировки п. 54.

Идея о возможности установления нулевой плановой рентабельности высказывалась исследователями и ранее. О проблемах плановой рентабельности в своих работах упоминали такие исследователи, как С.Б.

[1] Встреча с главой госкорпорации «Ростех» Сергеем Чемезовым // Оф. сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/71993 (дата обращения 27.02.2024)

Данильян[1], С.А. Проскуряков[2], В.В. Дремов[3]

Еще в 2012 г. Ю.Ю. Молчанов в своей статье для журнала «Законность» приводил статистику по привнесенным затратам на предприятиях, выполняющих ремонт кораблей ВМФ. Им отмечалось, что в случае исполнения работ в качестве единственного исполнителя у предприятия теряется интерес самостоятельно исполнять работы, поскольку прибыль можно получить, практически не выполняя работу, а перепоручая ее соисполнителям, которые и выполнят большую часть работ, а само предприятие просто получит прибыль от привнесенных в цену изделия расходов в размере до 1 %, а это часто суммы, измеряемые десятками миллионов рублей[4]. Как выход из ситуации автором предлагалось сократить рентабельность по привнесенным затратам до 0 %, то есть фактически исключить наличие прибыли по привнесенным затратам, ввиду негативных экономических эффектов, таких как мультипликативность косвенных расходов на военное изделие (рост расходов в геометрической прогрессии).

Представляется, что законодателем был услышан такой анализ экономических особенностей исполнения обязательств по государственному оборонному заказу, и в 2017 г. в постановлении № 1465 возможность установления нулевой рентабельности была предусмотрена, несмотря на наличие презумпции прибыльности гособоронзаказа (ч. 6 ст. 6 Закона о гособоронзаказе) о которой мы говорили выше.

Вместе с тем, по смыслу законодательного регулирования ценообразования продукции и услуг по государственному оборонного заказу, уровень рентабельности — это показатель, обеспечивающий создание устойчивой финансовой базы для производственного, научно-технического и социального развития предприятий-поставщиков продукции государственного оборонного заказа (см. п. 6 ч. 1 ст. 10 Закона о государственном оборонном заказе; п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 6 ноября 1993 г. № 1850). Иными словами, законодатель предполагает смыслом установления обязательной рентабельности производства по государственному оборонному заказу обеспечение поддержки предприятий, в том числе и для роста научного потенциала ВПК, которые будет обеспечивать, как отмечено выше, создание научного задела на предстоящие годы научных разработок.

Также в 2013 г. Минэкономразвития России констатировалось, что тенденция сокращения рентабельности продукции, поставляемой по государственному оборонному заказу, накладывает ограничения на возможности аккумулирования финансовых ресурсов для развития гражданских сегментов секторов машиностроения[5]. При этом уже в новом подобном прогнозе Министерство указывает на то, что передача

[1] Данильян С.Б., Кузнецова Е.А. Особенности порядка определения плановой рентабельности в цене на продукцию военного назначения // Экономика, право, общество сегодня: оценки, проблемы, пути решения : Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 23 марта 2023 г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. С. 16—23.

[2] Проскуряков С.А. О рассмотрении вопросов уточнения состава привнесенных и собственных затрат и размеров плановой рентабельности (прибыли) в составе цены на продукцию по государственному оборонному заказу // Совершенствование ценообразования, определения трудоемкости и нормирования труда в судостроительной промышленности. Промежуточные итоги и перспективы : Сборник трудов научно-практической конференции, посвященной памяти директора ОНТЦ «Румб» В.С. Пастернака, Санкт-Петербург, 19 мая 2021 г. / Департамент судостроительной промышленности и морской техники Минпромторга России; Акционерное общество «Центр технологии судостроения и судоремонта». СПб.: Центр технологии судостроения и судоремонта, 2021. С. 80—84.

[3] Дремов В.В., Киреева Н.В. Теоретические проблемы реализации закона Российской Федерации «О промышленной политике» // Первый экономический журнал. 2023. № 10(340). С. 75—82.

[4] Молчанов Ю.Ю. Эффективность государственного оборонного заказа // Законность. 2012. № 7. С. 48—51.

[5] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Сайт Правительства РФ. URL: http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf (дата обращения 27.02.2024)

технологий между оборонным и гражданским секторами экономики будет способствовать прорывному развитию отечественного машиностроения[1]. Из этого следует, что Минэкономразвития России в целом согласно с тезисом о том, что рентабельность имеет своей целью, в том числе, обеспечение развития отечественного наукоемкого машиностроения.

Таким образом, на сегодняшний день сложилась такая ситуация, при которой, при декларировании обязательной доли прибыли государственного оборонного заказа, направлять которую организации ВПК должны на рост, в том числе, научно-производственного потенциала, государственный заказчик по своему усмотрению, вероятно мотивированному констатацией негативного экономического эффекта порождающего рост цен на изделия военного назначения, может фактически исключать из цены изделия прибыль, устанавливая нулевую рентабельность.

Необходимо отметить, что организации-разработчики военной техники, о которых упоминалось в начале настоящей статьи, зачастую могут и не иметь достаточных производственных мощностей для выполнения работ в отношении «своих» изделий собственными силами, либо у такой организации может быть недостаточно компетенций для проведения, к примеру, ремонтных воздействий на составные части (отдельные узлы и агрегаты иного производителя) «своего» изделия. В связи с этим, организация ВПК вынуждена заключать в рамках контракта на ремонт или модернизацию авторских изделий договоры с соисполнителями, которые, конечно, под организационным контролем, но самостоятельно осуществляют необходимые работы, а организация ВПК в окончательную цену изделия может включить только привнесенные расходы, по которым, как уже упоминалось заказчиком может быть установлена нулевая рентабельность.

Конечно, такое предприятие самостоятельно также должно выполнять ряд административных и организационных работ, заниматься разработкой или изменением конструкторской документации на обслуживание и ремонт, однако большая часть работ всегда будет выполняться соисполнителями.

При таком развитии событий может возникнуть ситуация, при которой организация ВПК в обязательном порядке принимает в работу обязательство по ремонту/модернизации изделия военной техники собственной разработки, перепоручает выполнение большего количества работ соисполнителям и фактически несет убытки при принятии решения заказчиком о нулевой рентабельности по привнесенным затратам. Абсурдность ситуации состоит в том, что организациями, не имеющими собственных производственных площадей, могут являться как раз научно-производственные организации (КБ, институты и т.д.), которые и занимаются аккумулированием пласта разработок для будущих поколений, для формирования которого законодателем и предусмотрена плановая рентабельность.

Выходом из сложившейся ситуации, полагаем, может служить более взвешенный подход к определению организаций ВПК, которые действительно могут выполнить работы по контракту собственными силами, но в силу определенных причин перепоручают выполнение работ соисполнителям, то есть имеет место намеренное удлинение цепочки кооперации исполнителя по государственному оборонному заказу в целях извлечения прибыли от, по сути, посреднической деятельности. С другой стороны, мы можем видеть, что существуют организации ВПК, которые вынуждены перепоручать работы соисполнителям по кооперации ввиду объективных причин, таких, как нехватка или отсутствие производственных мощностей или отсутствие определенных компетенций. Следует предусмотреть законодательный запрет на

[1] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года // Сайт Министерства экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a5f3add5deab665b344b47a8786dc902/prognoz2036.pdf (дата обращения 27.02.2024)

введение нулевой плановой рентабельности по привнесенным расходам в отношении таких организаций, которые чаще всего являются предприятиями ВПК научно-исследовательской направленности и вносят вклад в обеспечение военно-технологического суверенитета России.

Библиография

1. Данильян, С.Б. Особенности порядка определения плановой рентабельности в цене на продукцию военного назначения / С.Б. Данильян, Е.А. Кузнецова // Экономика, Право, Общество сегодня: оценки, проблемы, пути решения : сборник статей V Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 23 марта 2023 г. — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. — С. 16—23.

2. Дремов, В.В. Теоретические проблемы реализации закона Российской Федерации «о промышленной политике» / В.В. Дремов, Н.В. Киреева // Первый экономический журнал. — 2023. — № 10(340). — С. 75—82.

3. Кандыбко, Н.В. Проблемы правового регулирования управления правами на результаты интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения / Н.В. Кандыбко, С.В. Сорокин // Вопросы контроля хозяйственной деятельности и финансового аудита, национальной безопасности, системного анализа и управления : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 29 декабря 2017 г. — Москва: ФГБНУ «Экспертно-аналитический центр», 2018. — С. 58—60.

4. Молчанов, Ю.Ю. Эффективность государственного оборонного заказа / Ю.Ю. Молчанов // Законность. — 2012. — № 7. — С. 48—51.

5. Моргунова, Е.А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий : монография / Е.А. Моргунова, Б.А. Шахназаров. — Москва: Норма, ИНФРА-М, 2023. — 152 с.

6. Орехов, Д. Особенности РИД военного, специального и двойного назначения как объектов правового регулирования / Д. Орехов, Л. Хитрова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2017. — № 3. — С. 15—21.

7. Панков, Д.В. Причины отсутствия рынка секретных изобретений. Анализ становления законодательства Российской Федерации в сфере правовой охраны секретных изобретений / Д.В. Панков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 5(322). — С. 113—123.

8. Проскуряков, С.А. О рассмотрении вопросов уточнения состава привнесенных и собственных затрат, и размеров плановой рентабельности (прибыли) в составе цены на продукцию по государственному оборонному заказу / С.А. Проскуряков // Совершенствование ценообразования, определения трудоемкости и нормирования труда в судостроительной промышленности. Промежуточные итоги и перспективы : сборник трудов научно-практической конференции, посвященной памяти директора ОНТЦ «Румб» В.С. Пастернака, Санкт-Петербург, 19 мая 2021 г. — Санкт-Петербург: Центр технологии судостроения и судоремонта, 2021. — С. 80—84.

9. Федоров, П.Е. Перспективы совершенствования нормативных правовых актов в сфере защиты результатов интеллектуальной деятельности, полученных в ходе выполнения государственного оборонного заказа, и распоряжения ими / П.Е. Федоров // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 10(315). — С. 101—106.

Военная служба. Статус военнослужащих

Повышенная опасность характера военной службы для жизни и здоровья военнослужащих как составляющая их правового статуса

© **Глухов Евгений Александрович**,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии

Аннотация. В статье анализируется ограничения права на жизнь и здоровье военнослужащих в части обременения их рисками, что может повлечь смерть либо травмирование военнослужащих, причем как в условиях боевых действий, так и в повседневных мирных условиях. Автор выявляет травмоопасные факторы при прохождении военной службы, приходит к выводу о возможности создания со стороны командования условий, когда жизни и здоровью военнослужащих будет угрожать повышенная опасность. Также сопоставляется статус военнослужащего и статус гражданского сотрудника в ракурсе осуществления функциональных обязанностей в условиях повышенной опасности для жизни и здоровья.

Ключевые слова: жизнь и здоровье, военнослужащий, безопасные условия труда, военное управление, исполнение приказа, боевые действия, тренировка насилия, ограничение прав военнослужащих.

The increased danger of the nature of military service to the life and health of military personnel as a component of their legal status

© **Glukhov E.A.**,
Candidate of Law, Associate Professor, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops

Abstract. The article analyzes the limitations of the right to life and health of military personnel in terms of burdening them with risks, which can lead to death or injury of military personnel, both in combat conditions and in everyday peaceful conditions. The author identifies traumatic factors during military service, comes to the conclusion about the possibility of creating conditions on the part of the command when the life and health of military personnel will be in increased danger. The status of a serviceman and the status of a civilian employee are also compared from the perspective of performing functional duties in conditions of increased danger to life and health.

Keywords: life and health, military personnel, safe working conditions, military administration, execution of orders, combat operations, violence training, restriction of the rights of military personnel.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» на военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе *с риском для жизни*. Подобное требование содержится и в ст. 3 ДУ ВС РФ, где добавлено еще одно дополнительное требование: «стойко переносить трудности военной службы». То есть военнослужащий должен быть готов не только рисковать жизнью и здоровьем, но и не жаловаться, не уклоняться от сопутствующих военной службе трудностей.

Из приведенных правовых норм следует, что статус военнослужащего обременен допущением риска для его жизни при исполнении им своих обязанностей. Логическим следствием указанного «риска для

жизни» является аналогичное возложение риска в отношении права на здоровье, личную безопасность, которые также неизбежно могут быть нарушены вследствие риска для жизни.

Отечественное трудовое законодательство запрещает работы при угрозе для жизни и здоровья работника вследствие нарушения требований охраны труда, отказ работника от выполнения таких работ соответствует закону и не влечет для него никакого наказания (ст. 4, 209, 219, 379 ТК РФ). Более того, в некоторых случаях законодательство прямо запрещает привлечение обычных граждан к выполнению общественно-полезных мероприятий (в частности, по охране общественного порядка), если такое участие заведомо предполагает угрозу их жизни и здоровью[1].

Таким образом, если для обычного гражданина законодательство запрещает выполнение работы, осуществление им трудовой функции при условии наличия риска для его жизни, то в военной сфере такая деятельность не только вполне естественна, но и даже желательна при осуществлении боевой подготовки, т.к. тренирует военнослужащего к качественному выполнению боевых задач.

Автор солидарен с А.В. Комиссаровым в том, что в ходе боевых действий и несения боевой службы право военнослужащего на применение оружия (а в более широком смысле и военного насилия, в целом) может трансформироваться в соответствующую обязанность[2]. И применение оружия здесь неизбежно увеличивает травмоопасные факторы развития событий.

Конечно, существуют некоторые иные профессии, где также подразумевается наличие рискованных для жизни ситуаций (пожарные, полицейские, шахтеры, каскадеры). Однако, только в условиях военной службы риск для жизни презюмируется не в результате действия случайных факторов, а ввиду целенаправленного воздействия противника, в том числе вооруженного самыми современными средствами вооруженной борьбы. Именно военнослужащие являются первым объектом поражения со стороны противника в условиях боевых действий[3], именно они принимают на себя все негативные факторы все последствия политических решений по осуществлению внешней политики силовыми методами, в т.ч. необходимость конфликтного взаимодействия не только с армией противника, но и с негативно настроенным населением противодействующей стороны.

По справедливому утверждению ученых-медиков, психотравмирующее воздействие факторов боевого и военно-профессионального стресса многократно усиливается вследствие действий противника или объекта проведения военной или специальной операции, направленных на убийство, нанесение вреда здоровью и благополучию, а также деморализацию военнослужащих[4].

К одному из важных специфических признаков военной службы можно отнести то, что в соответствии с принципом единоначалия и повышенной степенью повиновения военнослужащих[5] своим командирам (начальникам) последние вправе отдавать подчиненным приказы, следствием которых будет смерть или ранение получивших приказ подчиненных. То есть, например, приказ командира о прикрытии отступления основных сил, адресованный командиру взвода, с большой вероятностью будет означать высокую степень смерти или ранения прикрывающих отступление военнослужащих взвода. Здесь командир просто вынужден зачастую

[1] Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

[2] Комиссаров А.В. Законность как правовой принцип деятельности внутренних войск // Мир юридической науки. 2011. № 7. С. 11—17.

[3] Обязанность военнослужащего (из числа солдат, матросов, сержантов и старшин) принимать участие в боевых действиях с 2022 г. стала прописываться в контракте о прохождении военной службе (приказ Министра обороны Российской Федерации от 1 декабря 2021 г. № 725).

[4] Демкин А.Д., Марченко А.А., Гончаренко А.Ю. Обзор системы медико-психологического сопровождения в армии США // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2016. № 2. С. 52—57.

[5] Глухов Е.А. Повышенная степень повиновения как специфический признак метода военного управления (правовой аспект) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2022. № 10. С. 2—13.

принимать решение, расплачиваться за которое придется его подчиненным. Конечно, даже при самом плохом раскладе подчиненные погибнут от пули врага, а не своего командира, но ответственность за их судьбу (моральную или юридическую) несет отдавший приказ.

В этом ракурсе Верховный Суд Российской Федерации указал, что военнослужащие в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения военных либо боевых действий, а также привлеченные для ликвидации последствий стихийных бедствий и при других чрезвычайных обстоятельствах, не вправе уклониться от исполнения возложенных на них обязанностей военной службы, ссылаясь на состояние крайней необходимости (статья 39 УК РФ), даже если их жизни угрожает опасность[1].

Таким образом, риск для жизни и здоровья в военной профессии резко возрастает в условиях боевых действий. Деятельность командиров здесь во многом сводится к управлению рисками, а не к исключению рисков для себя и подчиненных. И, опять-таки, в отличие от обычных трудовых отношений, военнослужащий в особых правовых режимах военного времени или в условиях проведения мобилизации не вправе по своему желанию уволиться с военной службы[2], оставить опасную профессию, уклониться от опасности. То есть риск для жизни здесь присутствует вовсе не потому, что военнослужащему нравится ощущение адреналина в крови и окружающая опасность, а в силу выполнения воинского долга.

В мирное время происходит подготовка армии и каждого военнослужащего к возможной войне. Поэтому даже в мирное время факторами, опасными для жизни и здоровья военнослужащих, являются: водолазные работы, участие в учениях, походах кораблей, отработка задач боевой и учебно-боевой подготовки в полевых условиях, выполнение прыжков с парашютом, работы с взрывными устройствами и взрывчатыми и радиационными материалами и т.п.[3] Плановая повседневная жизнедеятельность в воинских коллективах отличается насыщенностью и динамичностью происходящих процессов (боевое дежурство, учения, караулы, обслуживание вооружения, физическая подготовка и т.д.). При этом уровень гибели и травматизма военнослужащих даже в мирное время остается достаточно высоким[4].

В соответствии со ст. 234 УВС ВС РФ основным содержанием повседневной деятельности военнослужащих является боевая подготовка. Занятия и учения в целях овладения военнослужащими приемами действий в бою должны проводиться без послаблений и упрощений, т.е. как можно ближе к боевым условиям. Основными принципами боевой подготовки являются в том числе: а) учить тому, что необходимо на войне; б) обеспечение постоянной боевой готовности; в) максимальное приближение обучения к обстановке реального боя.

В ходе боевой подготовки, т.е. в повседневных условиях мирного времени проводятся занятия, учения, боевые стрельбы, тренировки, отработка нормативов по предметам обучения, в ходе которых военнослужащие тренируют приёмы и правила действий в бою, изучают назначение, устройство, порядок эксплуатации и боевого применения вооружения и военной техники. Естественно, что при отработке нормативов с ис-

[1] П. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

[2] В соответствии с п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 467 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» военнослужащие-контрактники в период мобилизации могут быть уволены лишь по трем основаниям: достижение ими предельного возраста пребывания на военной службе, признание их негодными к военной службе и в связи с осуждением к лишению свободы.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2011 г. № 1122 «О дополнительных выплатах военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации за выполнение задач, связанных с риском (повышенной опасностью) для жизни и здоровья в мирное время».

[4] Зорин О.Л., Бакович М.Н., Шурыгина Ю.А. Правовые основы безопасности военной службы в Российской Федерации: монография. М.: За права военнослужащих, 2015. С. 9.

пользованием вооружения, военной техники, специальных приспособлений, сконструированных в целях нанесения вреда жизни и здоровью противнику, повышается потенциальных характер травматизма и самих участников данных мероприятий.

Здесь необходимо отметить, что законодатель с июня 2022 г. отнес боевое оружие к источникам повышенной опасности[1], соответственно его использование предполагает высокий риск наступления вреда. Доступ к оружию, боеприпасам и другим взрывчатым веществам, имеет каждый военнослужащий, периодически выполняющий служебные задачи (упражнения, работы), связанные с применением вооружения. И, как указывается в юридической литературе, добросовестное исполнение обязанностей военной службы требует очень высоких физических и психических нагрузок, зачастую их перенапряжения[2].

Кроме плановых занятий боевой подготовки в воинских формированиях периодически проводятся мероприятия, связанные с самообеспечением жизнедеятельности: работы (строительные, ремонтные и др.) с повышенной опасностью, любые задачи осуществляются в ненастных погодных условиях, с использованием опасных для окружающих веществ и предметов, отрабатываются травмоопасные нормативы с использованием вооружения и техники. Военнослужащие весьма часто задействованы и для выполнения ремонтных работ, обслуживания электроустановок, работ с источниками с источниками повышенной опасности. Естественно, что выполнение такого рода мероприятий с большей долей вероятности приводит к травмам, нежели трудовая деятельность большинства специальностей.

Здесь же необходимо отметить, что служба в армии также сопряжена с тренировками не только на физическую выносливость, но и на эмоциональную стойкость, терпение, готовность к беспрекословному выполнению приказов и полному подчинению, отрывом от семьи, привычного круга общения. Частые авральные задачи, функционирование в закрытом мужском коллективе, невозможность быть хозяином своего внеслужебного времени формируют профессиональное выгорание и стрессовые расстройства у многих военнослужащих. Так, согласно эпидемиологическим данным, наиболее распространенными психическими заболеваниями у офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации являются невротические расстройства, связанные со стрессом[3].

Вышеуказанные факторы риска для жизни даже после их устранения приводят к негативным последствиям. Сложные и разнообразные патогенные факторы боевых действий приводят к развитию целого ряда заболеваний, в том числе психических. После войны, у человека с большей вероятностью изменяется поведение: возникает алогичность, непоследовательность поступков, алкоголизм, наркомания, психовегетативные расстройства. По данным американских авторов, разнообразные расстройства, связанные с участием в боевых действиях, формируются примерно у 25 % военнослужащих[4].

В отличие же от т.н. «мирных профессий» служба в армии подразумевает постоянную готовность к действиям в кризисных ситуациях[5], сопряженных с опасными факторами внешней среды и средствами поражения противника. Следовательно, военнослужащего не обязательно письменно преду-

[1] Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об оружии" и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[2] Табацкий В.А. Актуальные проблемы обеспечения безопасности военной службы в мирное время // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 6. С. 15.

[3] Лещанова Д.В., Лещанов В.А. Эмоциональное выгорание военнослужащих в условиях повышенной стрессовой загруженности // Актуальные вопросы современной науки : Сборник трудов по материалам XI Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ, Уфа, 26 декабря 2022 г. Уфа, 2022. С. 126—131.

[4] Goodson, Ja.T., Haeffel G.J. Treating Posttraumatic Stress Disorder in Combat Veterans: A Guide to Using Behavior Therapy for Anxiety and PTSD (BTAP) // Clinical Psychology and Special Education. 2022. Vol. 11, No. 2. P. 63—80.

[5] Холиков И.В., Бабайцева Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2(60). С. 78—86.

преждать о возможных опасностях при выполнении поставленных задач, получать от него предварительное согласие (устное или письменное) на их выполнение. Все это подразумевается как само собою разумеющийся сопутствующий военной службе фактор. Сам характер военной службы предполагает наличие у военнослужащих травмоопасных ситуаций и необходимость рисковать жизнью (причем не только своей, но и жизнью подчиненных) для защиты Отечества.

С моральной точки зрения самим актом присяги военнослужащий посвящает свою личную жизнь выполнению задач защиты государства и гражданского населения от любых форм посягательства, делает службу служением. При этом военнослужащий в качестве главного препятствия действиям противника ставит свою жизнь[1].

Военные специалисты предлагают несколько подходов оценки рисков при прохождении военной службы. Риск при этом представляется как функция ущерба (тяжести, частоты подверженности) и вероятности происшествия[2]. Полностью устранить опасность (риск) для жизни и здоровья военнослужащих в большинстве случаев практически невозможно, поэтому задача военного руководства заключается в том, чтобы уменьшить его до определенного – социально, экономически и технически приемлемого уровня (значения), принятого в обществе.

Подводя итог настоящей статье, отметим, что вероятность получить травму на работе существует и в сфере трудовых отношений, но здесь травмы всегда являются следствием нарушения технологической процедуры, невнимательности самого работника или непредвиденных обстоятельств. В армии же риск для жизни и здоровья заложен как составляющая статуса военнослужащего. Поэтому конституционное право на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции России) в отношении военнослужащих ограничено федеральным законом в части обременения рисками в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции России).

Выполняя конституционно значимые функции, военнослужащие должны обеспечивать реализацию поставленных задач в любых условиях, в том числе сопряженных со значительным риском для жизни и здоровья, что обусловливает содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним, включая обязанность гарантировать им материальное обеспечение и компенсации в случае причинения вреда жизни или здоровью при прохождении службы[3].

Библиография

1. Глухов, Е.А. Повышенная степень повиновения как специфический признак метода военного управления (правовой аспект) / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 10(303). — С. 2—13.

2. Глухов, Е.А. Управление путем отдачи устных приказов в ракурсе воинских правоотношений / Е.А. Глухов // Пролог: журнал о праве. — 2022. — № 2(34). — С. 83—93.

3. Гузенко, В.Л. Оценивание безопасности военной службы на основе концепции управления рисками / В.Л. Гузенко, Р.Ф. Фаттахов, А.А. Федирко // Труды Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского. — 2017. — № 658. — С. 239—247.

4. Демкин, А.Д. Обзор системы медико-психологического сопровождения в армии США / А.Д. Демкин, А.А. Марченко, А.Ю. Гончаренко // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. — 2016. — № 2. — С. 52—57.

5. Зорин, О.Л. Правовые основы безопасности военной службы в Российской Федерации : монография / О.Л. Зорин , М.Н. Бакович, Ю.А. Шурыгина. — Москва: За права военнослужащих, 2015. — 256 с.

6. Комиссаров, А.В. Законность как правовой принцип деятельности внутренних войск / А.В. Комиссаров // Мир юридической науки. — 2011. — № 7. — С. 11—17.

7. Лещанова, Д.В. Эмоциональное выгорание военнослужащих в условиях повышенной стрессовой загруженности / Д.В. Лещанова, В.А. Лещанов // Актуальные вопросы современной науки : Сборник трудов по материалам XI Всероссийского конкурса

[1] Новиков Н.С., Утюганов А.А., Наумов П.Ю. Физическое и психическое здоровье военнослужащих как социально-правовая ценность // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 3. С. 450—458.

[2] Гузенко В.Л., Фаттахов Р.Ф., Федирко А.А. Оценивание безопасности военной службы на основе концепции управления рисками // Труды Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского. 2017. № 658. С. 239—247.

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2002 г. № 17-П.

научно-исследовательских работ, Уфа, 26 декабря 2022 г. — Уфа, 2022. — С. 126—131.

8. Новиков, Н.С. Физическое и психическое здоровье военнослужащих как социально-правовая ценность / Н.С. Новиков, П.Ю. Наумов, А.А. Утюганов // Актуальные проблемы государства и права. — 2022. — Т. 6, № 3(23). — С. 450—458.

9. Холиков, И.В. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / И.В. Холиков, Е.С. Бабайцева // Военное право. — 2020. — № 2(60). — С. 78—86.

10. Goodson, Ja.T. Treating Posttraumatic Stress Disorder in Combat Veterans: A Guide to Using Behavior Therapy for Anxiety and PTSD (BTAP) / Ja.T. Goodson, G.J. Haeffel // Clinical Psychology and Special Education. – 2022. — Vol. 11, No. 2. — P. 63—80.

Вопросы реализации на практике норм о денежном довольствии военнослужащих и отдельных выплатах: военно-судебная практика

© **Джамалов Юрий Джамавич**,
юрист
© **Харитонов Станислав Станиславович**,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье представлены примеры судебной практики в сфере денежного довольствия военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, денежное довольствие военнослужащих, выплаты военнослужащим

Issues of implementation in practice of norms on monetary allowances for military personnel and individual payments: military judicial practice

Dzhamalov Yu.D.,
lawyer
Kharitonov S.S.,
candidate of legal sciences, professor

Abstract. The article presents examples of judicial practice in the field of monetary allowances for military personnel and the provision of individual payments to them.

Key words: military service, military personnel, monetary allowances for military personnel, payments to military personnel.

Единственный разумный способ обучать людей, — это подавать им пример.
Альберт Эйнштейн

Рассмотрение споров по вопросам обеспечения военнослужащих денежным довольствием и дополнительными выплатами, а также о взыскании с военнослужащих денежных средств и привлечения их к материальной ответственности, составляют значительную часть деятельности военных судов. Соответственно, и изучение, и анализ правовых норм, регулирующих отношения, складывающиеся в области денежного довольствия военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат, традиционно наряду с жилищными отношениями и отношениями в сфере порядка прохождения военной службы, постоянно находятся в центре внимания военных юристов[1].

[1] См., например, Корякин В.М. Новая система денежных выплат военнослужащим и лицам, проходившим военную службу (комментарий к Федеральным законам от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ и от 8 ноября 2011 года № 309-ФЗ) (постатейный). М.: За права военнослужащих, 2012; Корякин В.М. Федеральный бюджет — 2023: военно-социальный аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 2 (307). С. 43—51; Сливков А.С. Правовое регулирование денежного довольствия военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации : дис… канд. юрид. наук. М., 2005; Миронов В.С., Харитонов С.С. Денежное довольствие военнослужащих как фактор совершенствования воинского мастерства в плоскости решений военных судов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 3 (308). С.

И в этих условиях складывающаяся правоприменительная практика дает возможность взглянуть на правовые нормы, регулирующую эту сферу военных отношений, с новой стороны, что показывают следующие примеры из практики деятельности военных судов.

1. *Командир воинской части правомерно не издал приказ о выплате ежемесячной надбавки за особые условия военной службы военнослужащему, который занимает воинскую должность, не включённую в соответствующий Перечень, утверждаемый главным распорядителем средств федерального бюджета.*

Гарнизонный военный суд признал незаконным оспоренное военнослужащим Г. бездействие командира воинской части и обязал административного ответчика подготовить проект приказа по вопросу обеспечения того за период с декабря 2016 г. по июль 2022 г. ежемесячной надбавкой за особые условия военной службы к окладу по воинской должности (далее — надбавка за особые условия военной службы), выплачиваемой на воинских должностях командиров воинских частей и их структурных подразделений, а также на воинских должностях, исполнение обязанностей по которым связано с руководством подразделениями.

Решение гарнизонного военного суда оставлено апелляционным определением окружного военного суда без изменения.

Как отмечено в принятых судебных актах, Г. проходит военную службу под командованием административного ответчика, сам являясь начальником структурного подразделения с отдельным условным наименованием в виде добавления двузначной нумерации (литера) к номеру воинской части. При этом он исполняет функциональные обязанности, которые по своему содержанию связаны с руководством подразделениями, находящимися в его непосредственном подчинении, и тождественны обязанностям по воинской должности командира базы, тогда как командиры баз включены в утверждённый приказом Министра обороны Российской Федерации от 18 октября 2016 г. № 675 Перечень воинских должностей руководителей, командиров (начальников) воинских частей и организаций Вооружённых Сил Российской Федерации и их структурных подразделений, а также воинских должностей, исполнение обязанностей по которым связано с руководством подразделениями, при замещении которых выплачивается ежемесячная надбавка за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооружённых Силах Российской Федерации (далее — Перечень должностей).

С выводами судов первой и апелляционной инстанций кассационный военный суд не согласился, поскольку, исходя из установленного в действующей системе правового регулирования порядка обеспечения военнослужащих надбавкой за особые условия военной службы совокупность вышеприведённых данных не может быть признана сама по себе достаточной для возложения на командира воинской части судом обязанности издать проект приказа о производстве Г. спорной выплаты за предшествующий период начиная с декабря 2016 г.

В соответствии с ч. 18 ст. 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» ежемесячная надбавка за особые условия военной службы устанавливается в размере до 100 процентов оклада по воинской должности. Правила выплаты указанной ежемесячной надбавки определяются Правительством Российской Федерации в зависимости от условий прохождения военной службы соответствующими категориями военнослужащих.

В порядке реализации указанной нормы постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря

31—42; Миронов В.С., Харитонов С.С. О дополнительных выплатах военнослужащим: по материалам военно-судебной практики // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 10 (303). С. 28—44; Фатеев К.В. Защити себя сам! Вам своевременно не выплачивают денежное довольствие как поступать в таком случае? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 1997. № 3. С. 21—22, и др.

2011 г. № 1073 утверждены Правила выплаты ежемесячной надбавки за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Согласно подп. «г» п. 3 этих Правил надбавка до 30 процентов оклада по воинской должности выплачивается военнослужащим, проходящим воинскую службу на воинских должностях руководителей, командиров (начальников) воинских частей, учреждений и подразделений Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и их структурных подразделений, а также на воинских должностях, исполнение обязанностей по которым связано с руководством подразделениями, по перечню, утверждаемому государственным органом.

Перечень должностей утверждён вышеупомянутым приказом Министра обороны Российской Федерации от 18 октября 2016 г. № 675, зарегистрированным в Минюсте России 9 ноября 2016 г. за № 44271.

Таким образом, полномочие по отнесению воинских должностей, на которых выплачивается ежемесячная надбавка за особые условия военной службы, делегировано постановлением Правительства Российской Федерации Министру обороны Российской Федерации, являющемуся главным распорядителем средств федерального бюджета. Утверждённый названным должностным лицом в установленном порядке Перечень должностей расширительного толкования не предполагает, а к дискреционным полномочиям командира воинской части не отнесено установление оспариваемой надбавки к выплате подчинённому военнослужащему через процедуру сравнения должностных обязанностей последнего с кругом обязанностей по воинской должности из числа тех, которые в названный перечень включены.

Этим объективно обусловлено неиздание командиром воинской части в 2016—2022 гг. приказа о выплате Г. надбавки за особые условия военной службы, что следует также из Примечания № 3 к Перечню должностей, согласно которому заместителями Министра обороны Российской Федерации, главнокомандующими видами Вооружённых Сил Российской Федерации, командующими войсками военных округов (Северным флотом), командующими родами войск Вооружённых Сил Российской Федерации, руководителями центральных органов военного управления представляются ежегодно к 1 января заместителю Министра обороны Российской Федерации, отвечающему за организацию финансового обеспечения войск (сил) (через Департамент социальных гарантий Минобороны Росси), предложения по внесению изменений в настоящий Перечень, согласованные с Генеральным штабом Вооружённых Сил Российской Федерации (ГОМУ ГШ ВС РФ)[1].

2. *Отсутствие фактической возможности обеспечения военнослужащего по месту служебной командировки за пределами Российской Федерации продовольствием (бесплатным питанием), несмотря на постановку такого военнослужащего на котловое довольствие, свидетельствует о необходимости выплаты ему за этот период суточных в полном размере.*

Решением гарнизонного военного суда, с которым согласился суд апелляционной инстанции, удовлетворены требования проходящего военную службу по контракту М. по следующим основаниям.

В ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» установлено, что направляемым в служебные командировки военнослужащим, производятся выплаты на командировочные расходы в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации.

[1] См.: Обзор судебной практики Кассационного военного суда по административным и гражданским делам в первом полугодии 2023 г., утвержденный Президиумом Кассационного военного суда 24.08.2024. URL: http://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=30 (дата обращения: 25.06.2024).

В п. 141 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727, предусмотрено, что военнослужащим, направленным в служебные командировки на территории иностранных государств выплачиваются суточные в размерах, установленных постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2005 г. № 812 «О размере и порядке выплаты суточных в иностранной валюте и надбавок к суточным в иностранной валюте при служебных командировках на территории иностранных государств работников организаций, заключивших трудовой договор о работе в федеральных государственных органах, работников государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, федеральных государственных учреждений» (далее — Порядок выплаты суточных).

Согласно приложению № 1 к Порядку выплаты суточных в иностранной валюте при служебных командировках на территории иностранных государств при служебной командировке с территории Российской Федерации на территорию Армении суточные установлены в размере 57 долларов США.

В силу п. 8 Порядка выплаты суточных (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, направленным в служебные командировки на территории иностранных государств для выполнения задач по поддержанию мира в зонах вооруженных конфликтов, в отношении которых продовольственное обеспечение осуществляется в форме организации питания по месту военной службы (при условии отсутствия у них права на получение должностных окладов в иностранной валюте), суточные в иностранной валюте или в рублях выплачиваются в размере 30 процентов установленных суточных.

Следовательно, содержание названных правовых норм указывает на то, что выплата суточных в иностранной валюте производится в размере 30 процентов установленных суточных в случае организации питания по месту военной службы.

По делу установлено, что М. в период с 16 марта по 7 октября 2021 г. находился в служебной командировке не территории Республики Армения, где участвовал в обеспечении организации деятельности Российского воинского контингента в миротворческой операции. При этом в состав миротворческого контингента он не входил.

Первоначально М. был зачислен на продовольственное обеспечение в воинскую часть А. С 25 марта 2021 г. М. был снят с продовольственного обеспечения в связи с убытием в воинскую часть Б (г. Е.), где также был зачислен на продовольственное обеспечение.

Вместе с тем М. непосредственно исполнял служебные обязанности в командировке не в г. Е., а в н.п. М., который находится на значительном удалении от места дислокации воинской части Б. В связи с этим в период с 27 марта по 16 июля 2021 г. он обеспечивался бесплатным питанием по месту исполнения служебных обязанностей в столовой воинской части В, куда из воинской части Б доставлялись продукты для приготовления горячей пищи.

С 16 по 23 июля 2021 г. столовая была закрыта, поэтому питание личного состава, включая М., происходило путем выдачи индивидуального рациона питания.

С 24 июля по 4 октября 2021 г., ввиду отсутствия возможности приготовления пищи (был установлен противопожарный режим), М. продовольствием и бесплатным питанием не обеспечивался и питался за свой счет самостоятельно.

При таких данных, несмотря на то, что М. по месту служебной командировки был зачислен на котловое довольствие, гарнизонный военный суд пришел к правильному выводу о том, что за период с 24 июля по 4 октября 2021 г. М. вправе претендовать на обеспечение суточными в иностранной валюте в полном объеме, то есть в размере 57 долларов США в сутки, поскольку в этот период он по личным мотивам не отказывался от питания в столовой,

а питался самостоятельно по объективным причинам.

Поэтому отказ начальника управления финансового обеспечения выплатить М. суточные из расчета 57 долларов США за указанный период обоснованно признан судом первой инстанции незаконным и нарушающим право М. на возмещение понесенных командировочных расходов.[1]

3. *Решение командования об установлении (выплате) военнослужащему дополнительного материального стимулирования в размере ниже расчетной суммы должно быть мотивированным.*

Ф. обратился в суд с административным исковым заявлением, в котором оспорил действия командира воинской части по выплате ему дополнительного материального стимулирования в размере 100 руб., без указания обоснования снижения размера данной выплаты ниже расчетной суммы, равной от 20 000 до 25 000 руб. в зависимости от замещаемой воинской должности, и просил обязать названное должностное лицо издать приказ об установлении и выплате ему дополнительного материального стимулирования не ниже расчетной суммы.

Отказывая в удовлетворении требований, гарнизонный военный суд исходил из того, что издание приказов на выплату дополнительного материального стимулирования отнесено к исключительным полномочиям командиров (начальников) и не ограничено какими-либо установленными критериями. Поэтому установление командиром воинской части указанной выплаты в размере 100 руб. по своему усмотрению прав административного истца не нарушает.

Отменяя данное решение и принимая новое, окружной военный суд указал следующее.

Указом Президента Российской Федерации от 26 декабря 2006 г. № 1459 Министру обороны Российской Федерации предоставлено право использовать разницу между средствами, выделяемыми из федерального бюджета на соответствующий год на денежное довольствие военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, и средствами федерального бюджета, предназначенными на содержание фактической численности указанных военнослужащих, имеющуюся на 1 января соответствующего года, на материальное стимулирование военнослужащих в виде дополнительной выплаты.

В связи с этим приказом Министра обороны Российской Федерации № 1010 установлено дополнительное материальное стимулирование по результатам службы (работы) и утвержден Порядок определения и расходования объемов бюджетных средств, направляемых на дополнительные выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Дополнительное материальное стимулирование является выплатой, предоставляемой военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, непосредственно обусловленной надлежащим исполнением ими своих служебных обязанностей, а также является частью денежного довольствия военнослужащих.

При этом само по себе отнесение в вышеперечисленных нормативных актах вопроса по установлению конкретного размера материального стимулирования к компетенции командира воинской части не свидетельствует о допустимости его разрешения должностным лицом произвольно, то есть без оценки конкретных результатов служебной деятельности соответствующих категорий военнослужащих в период, за который производится выплата, а условия, при которых материальное стимулирование не выплачивается военнослужащим либо его размер уменьшается, не должны носить дискриминационный характер.

[1] См.: Обзорная справка судебной практики рассмотрения военными судами административных, гражданских дел и материалов, а также дел об административных правонарушениях за первое полугодие 2023 г., утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 14.07.2023 г. № 18. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=320 (дата обращения 26.06.2024).

Уменьшая размер подлежащего выплате административному истцу дополнительного материального стимулирования за 2021 г. до 100 руб., командир воинской части учитывал результаты исполнения им в названном году обязанностей военной службы, в том числе: отрыв от службы в течение 130 дней; отсутствие результатов по профессионально-должностной (командирской) подготовке; единичную в течение года сдачу физической подготовки; отсутствие в 2022 г. лимитов бюджетных средств на выплату за 2021 г. дополнительного материального стимулирования; издание в октябре 2021 г. приказа об исключении истца из списков личного состава воинской части с 16 декабря 2021 г.

Однако названные причины не поименованы в соответствующем приказе в качестве причин для снижения военнослужащему размера дополнительного материального стимулирования ниже расчетной суммы.

Кроме того, данные причины не поименованы и в указании начальника штаба — первого заместителя командующего войсками Южного военного округа, в котором приведены основания для отказа в выплате дополнительного материального стимулирования военнослужащим.

Каких-либо данных, свидетельствующих о ненадлежащем исполнении Ф. своих служебных обязанностей в 2021 г. и явившихся основанием для снижения размера дополнительного материального стимулирования, командованием суду не представлено. При этом нахождение Ф. на лечении и медицинском освидетельствовании, а также на обучении на курсах профессиональной переподготовки в преддверии предстоящего увольнения, не может свидетельствовать о ненадлежащем исполнении им обязанностей военной службы. Сам приказ о дополнительном материальном стимулировании, в котором административный истец не был поименован, был издан 1 декабря 2021 г., то есть в период, когда Ф. еще проходил военную службу и не был исключен из списков личного состава воинской части.

При таких данных апелляционная инстанция приняла новое решение и возложила на командира воинской части обязанность издать приказ об установлении Ф. дополнительного материального стимулирования в размере не ниже расчетной суммы, установленной для штатного воинского звания по занимаемой им воинской должности, за вычетом ранее произведенной выплаты[1].

4. *При предоставлении военнослужащим бесплатного жилого помещения для проживания в служебной командировке, понесенные ими расходы на проживание в ином месте в отсутствие на то уважительных причин, возмещению не подлежат.*

Решением гарнизонного военного суда от 21 декабря 2022 г. частично удовлетворен административный иск военнослужащего войсковой части 00000 старшего сержанта Р. об оспаривании действий начальника ФКУ «УФО МО РФ по Оренбургской области», связанных с порядком возмещения командировочных расходов.

Суд признал незаконными действия названного начальника, отказавшего в принятии к учету авансового отчета административного истца по служебной командировке и возложил на это должностное лицо обязанность принять указанный авансовый отчет к учету.

Отменяя оспариваемое решение и принимая по административному делу новое решение об отказе в удовлетворении административного иска, окружной военный суд исходил из следующего.

Согласно подп. "б" п. 1 Положения о порядке и размерах выплат на командировочные расходы, связанные со служебными командировками на территории Российской Федерации, военнослужащим, со-

[1] См.: Обзорная справка судебной практики рассмотрения военными судами административных, гражданских дел и материалов, а также дел об административных правонарушениях за первое полугодие 2023 г., утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 14.07.2023 г. № 18. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=320 (дата обращения 26.06.2024).

трудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 553, при направлении военнослужащих в служебные командировки на территории России им возмещаются расходы по бронированию и найму жилого помещения, кроме случая, когда им предоставляется бесплатное жилое помещение.

Из материалов дела следовало, что в период с сентября по ноябрь 2021 г. Р. находился в служебной командировке в воинской части, дислоцированной в г. Иваново, где проходил обучение.

При этом по месту командировки в соответствии с государственным контрактом было организовано бесплатное размещение всех прибывших на обучение слушателей, в том числе Р., в гостинице, расположенной на территории указанной воинской части, о чем последнему было своевременно доведено командованием, а также разъяснено, что при проживании в ином месте расходы за проживание возмещены не будут.

Между тем Р. в отсутствие на то уважительных причин заселился в другую гостиницу в том же городе и понес в связи с проживанием в ней расходы.

При таких обстоятельствах расходы Р. на проживание в служебной командировке возмещению не подлежали, в связи с чем действия начальника ФКУ «УФО МО РФ по Оренбургской области», связанные с непринятием к учету авансового отчета, его прав не нарушили.

Заканчивая обзор судебных решений, отметим, что рассмотренные случаи демонстрируют необходимость внимательного изучения командирами воинских частей и военнослужащими соответствующих нормативных правовых актов, регулирующих вопросы денежного довольствия военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат.

Библиография

1. Корякин, В.М. Новая система денежных выплат военнослужащим и лицам, проходившим военную службу (комментарий к Федеральным законам от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ и от 8 ноября 2011 года № 309-ФЗ) (постатейный) / В.М. Корякин. — Москва: За права военнослужащих, 2012. — 224 с.

2. Корякин, В.М. Федеральный бюджет — 2023: военно-социальный аспект / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 2 (307). — С. 43—51.

3. Миронов, В.С. Денежное довольствие военнослужащих как фактор совершенствования воинского мастерства в плоскости решений военных судов / В.С. Миронов, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 3 (308). — С. 31—42.

4. Миронов, В.С. О дополнительных выплатах военнослужащим: по материалам военно-судебной практики / В.С. Миронов, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 10 (303). — С. 28—44.

5. Сливков, А.С. Правовое регулирование денежного довольствия военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации : дис… канд. юрид. наук / А.С. Сливков. — Москва, 2005.

6. Фатеев, К.В. Защити себя сам! Вам своевременно не выплачивают денежное довольствие как поступать в таком случае? / К.В. Фатеев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 1997. — № 3. — С. 21—22.

Система обеспечения безопасности военной службы в аспекте обобщающей теории гигиенического нормирования

© **Цуциев Сергей Александрович**,
доктор медицинских наук, полковник медицинской службы в отставке, старший научный сотрудник ФГБУ «ГНИИИ ВМ» МО РФ, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния действующей в настоящее время в Вооруженных силах Российской Федерации модели системы обеспечения безопасности военной службы в аспекте обобщающей теории гигиенического нормирования профессора Н.Ф. Кошелева. Показано, что названная система управления не адекватна потребностям современных армии и флота: она не в состоянии гарантировано обеспечить профилактику нежелательных событий, устраняя, главным образом, последствия неадекватно протекающих процессов. Произошло смещение фокуса внимания представителей органов военного управления со здоровья здоровых военнослужащих на здоровье больных военнослужащих, нуждающихся в динамическом медицинском сопровождении, а целью их деятельности стало обеспечение защищенности личного состава от воздействия опасных факторов военной службы. Предлагаются возможные пути совершенствования результативности системы управления безопасностью.

Ключевые слова*:* безопасность, военная служба, обобщающая теория, гигиеническое нормирование, факторы военной службы, вредный фактор, опасный фактор, здоровье, здоровый военнослужащий.

Military service security system in the context of a unifying hygienic rating theory

© **Tsutsiev S.A.**,
Doctor of Medicine, Retired Medical service Colonel, senior research officer of FSBI “State Scientific Research and Test Institute of Military Medicine”, Ministry for Defence of Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current state of the model of the military service security system in the Armed Forces of the Russian Federation in the aspect of the generalizing theory of hygienic rationing by Professor N.F. Koshelev. It is shown that the named management system is inadequate to the needs of the modern army and navy: it is not able to guarantee the prevention of undesirable events, eliminating mainly the consequences of inadequately occurring processes. There was a shift in the focus of attention of representatives of military authorities from the health of healthy military personnel to the health of sick military personnel in need of dynamic medical support, and the purpose of their activities was to ensure the protection of personnel from the effects of dangerous factors of military service. Possible ways to improve the effectiveness of the safety management system are proposed.

Key words: security, military service, unifying theory, hygienic rating, military service factors, harmful factor, hazard, health, healthy serviceman.

Как известно, в нашей стране жизнь и здоровье человека вообще и трудящегося, в частности, находятся под особым контролем и соответствующей защитой государства. Это конституционное право каждого

гражданина Российской Федерации. Помимо этого, ему декларированы безусловные права на безопасные среду обитания, условия труда и др. Есть и исключения, в частности, военная служба, которая представляет собой особый вид трудовой деятельности, связанный с постоянным преодолением тягот и лишений, с непосредственным участием в боевых действиях, с высокой вероятностью получения увечий (травм, отравлений и пр.) вплоть до гибели военнослужащего.

Формирование в 90-х годах прошлого столетия в нашем обновленном обществе новой культуры безопасного труда, закономерно привело к аналогичным процессам и в «силовых» ведомствах. Вооруженные Силы исключением не стали: суть вводимых изменений обозначили понятием «безопасность военной службы», предполагающую, в частности, разработку и введение целого пакета ограничений на условия прохождения военной службы. Считается, что обеспечение безопасности военной службы напрямую влияет на привлекательность ратного труда.

Однако, несмотря на проделанную грандиозную работу, добиться желаемого результата (как ранее планировалось), даже в условиях мирного времени, не удалось: достоверного снижения случаев гибели военнослужащих, получения ими увечий не произошло[1]. Возникает закономерный вопрос: почему «обнуляется» целенаправленная деятельность огромного количества командиров, начальников и иных должностных лиц, ущемляя права военнослужащих на безопасный труд. В средствах массовой информации мы легко обнаружили много научных работ, посвященных анализу создавшейся ситуации, поиску возможных путей ее разрешения[2]. По понятным причинам военные врачи не могли не заинтересоваться этой проблематикой.

Применение обобщающей теории гигиенического нормирования профессора Н.Ф. Кошелева позволило установить, что действующая организационная модель управления безопасностью военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации не полной мере соответствует потребностям современных армии и флота. Деятельность органов военного управления направлена преимущественно не на предупреждение нежелательных событий, а на устранение последствий уже состоявшихся аварий, катастроф, случаев гибели и увечий личного состава. Фокус внимания органов военного управления сместился со здоровья военнослужащих, исходно призванных здоровыми в Вооруженные Силы, на обеспечение их защищенности от воздействия опасных факторов военной службы. Предлагается актуализировать действующую модель системы управления безопасностью военной службы в соответствии с теорией профессора Н.Ф. Кошелева.

Тщательный анализ нормативных правовых и иных актов Российской Федерации, Минобороны России, устанавливающих требования к безопасности военной службы[3], дает все основания утверждать: некоторые положения этих документов спорны и даже противоречивы, что вносит определенную путаницу и препятствует

[1] Доценко С.А. Вопросы развития системы управления безопасностью военной службы // Человеческий капитал. 2016. № 11 (95). С. 16—17.

[2] Григорьев С.М. Актуальные вопросы обеспечения безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации // Человеческий капитал. 2016. № 5 (89). С. 32—33; Марков А.В. Показатели методики оценки безопасности военной службы // Научный резерв. 2018. № 3. С. 103—107; Юдин А.Б., Цуциев С.А. Гигиенические проблемы обеспечения безопасности военной службы // Вестник Академии военных наук. 2021. № 1 (74). С. 95—102.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации»; приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 июля 2015 г. № 444 «Об утверждении Руководства по обеспечению безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации»; Методические рекомендации по организации и выполнению мероприятий повседневной деятельности в соединениях и воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации // Служба войск и обеспечение безопасности военной службы. Для изучения и применения в соответствии с указанием первого заместителя Министра обороны Российской Федерации от 20 декабря 2018 г. № 205/2/585.

единому пониманию проводимых управляющих действий. Это, безусловно, важно и подлежит приведению к единому формату. Однако, на наш взгляд, выявленные несоответствия не позволяют дать исчерпывающего ответа на вопрос: почему созданная система безопасности военной службы не имеет должной результативности. Мы предположили, что причина рассматриваемой проблемы лежит гораздо глубже и в иной плоскости, чем мы ранее думали. В этой связи мы проанализировали положение дел с безопасностью военной службы не с позиций формальной логики, а в формате обобщающей теории гигиенического нормирования факторов окружающей среды профессора Н.Ф. Кошелева (годы жизни: 1915—1996 гг.), имеющей непосредственное отношение, на наш взгляд, к рассматриваемой проблематике[1].

Основные положения своего учения, разработанного на возглавляемой им кафедре общей и военной гигиены Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, Николай Федорович впервые озвучил в 1971 г. Суть его учения сводится к реализации принципа гарантированности гигиенической нормы: сохранение жизни и здоровья здорового (не больного) человека. Эта концепция коренным образом меняет смысл всех реализуемых профилактических мероприятий, суть которых — не дать изначально здоровому человеку (военнослужащему) в процессе его трудовой деятельности (военной службы) превратиться в больного, хотя еще и трудоспособного (боеспособного), но уже под динамическим медицинским контролем. Кроме того, иное содержание приобретают действия по реализации любого гигиенического норматива — достижение состояния отсутствия недопустимого риска причинения вреда жизни и здоровью людей.

Проанализировав под таким углом зрения действующую модель безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, мы обнаружили следующие концептуальные несоответствия, которые не позволяют достичь желаемого результата (см. таблицу).

Во-первых, в Вооруженных Силах Российской Федерации отказались от одного из основополагающих принципов гигиенического нормирования: каждый норматив гарантирует сохранение жизни и (или) здоровья работника. Появление любых заболеваний не допускалось (в том числе в отдаленные периоды жизни, а также у будущих поколений). В исключительных случаях возможно временное снижение работоспособности человека, которая в течение регламентированного отдыха полностью восстанавливается. Если на рабочем месте фактическое значение какого-либо фактора трудового процесса превышает предельно допустимую концентрацию или предельно допустимый уровень, то это служит основанием для реализации предупреждающих (корректирующих) мероприятий.

Руководящие документы Минобороны России устанавливают предположительный механизм реализации гигиенических нормативов — никто не может быть уверен в защите военнослужащего от причинения ему ущерба жизни или здоровью: *вредные факторы,* воздействие которых может привести к заболеванию военнослужащего; *опасные факторы,* воздействие которых может привести к травме, в том числе к его гибели. При такой постановке вопроса трудно доказать причинно-следственную связь полученной, например, травмы с неблагоприятными условиями военной службы, даже при наличии результатов инструментальных исследований.

Во-вторых, в действующей системе безопасности имеет место трансформация области изучения и оценки — военнослужащий с его жизнью и здоровьем остался за форматом декларированных социальных гарантий.

[1] Кошелев Н.Ф., Рамзаев П.В., Михайлов В.П. К теории гигиенического нормирования // Гигиена и санитария. 1990. № 6. С. 77—79; Кошелев Н.Ф., Лопатин С.А., Лядов В.Р., Макаров П.П. Применение универсальной теории гигиенического нормирования в военной гигиене // Воен.-мед. журн. 1997. № 8. С. 52—56.

Таблица

Требования безопасности военной службы в формате учения проф. Н.Ф. Кошелева

Показатели	Н.Ф. Кошелев	БВС в ВС РФ
Цель	Сохранение жизни и здоровья военнослужащего	Обеспечение защищенности от воздействия опасных факторов военной службы
Основной принцип	Гарантированность гигиенической нормы	Вероятностный характер гигиенической нормы
Оценочные критерии	Здоровье здорового военнослужащего	1. Увечья (травмы, отравления и пр.) с трудопотерями. 2. Гибель военнослужащих. 3. Аварии, катастрофы и пр.
Работа во вредных и (или) опасных условиях	Недопустима	Допускается
Нанесение ущерба здоровью	Недопустимо	Допускается
Способ управления	«Проактивный» — предупреждение нежелательного события	«Реактивный» — устранение последствий нештатно протекающего процесса

Цель всей деятельности по обеспечению безопасности военной службы, как уже говорилось выше, заключается в обеспечении защищенности военнослужащих от воздействия опасных факторов военной службы. Военнослужащие, несмотря на специфику возложенных на них обязанностей, хотя и с ограничениями, установленными федеральными законами, но обладают правами и свободами человека и гражданина[1], в том числе на социальную защиту, предусматривающую, в частности, охрану жизни и здоровья[2].

В-третьих, в соответствии с современными представлениями, заложенными ещё Н.Ф. Кошелевым, здоровье человека оценивается на трех уровнях: состояние структуры тела, его функциональных возможностей и адаптационных резервов. Обнаружение лабораторным способом у оператора радиолокационной станции каких-либо отклонений в составе, например, крови, свидетельствует о скрытых нарушениях состояния здоровья (имеет место снижение адаптационных возможностей). Если своевременно не провести дополнительные исследования, не исключить действие вредного и (или) опасного фактора военной службы, то неизбежно произойдут нежелательные изменения в функциональном состоянии, а далее — на органном и организменном уровнях. Это называется донозологической гигиенической диагностикой, позволяющей упреждать развитие болезней, получение травм и пр. Возможен другой сценарий, например: на рабочем месте механика-водителя БТР-80 инструментальным методом обнаружено превышение предельно допустимой концентрации отработавших газов, в частности по CO, CO2, NO. Визуальный осмотр рабочего места никаких несоответствий не выявил. Военнослужащий жалоб на условия труда, а также состояние здоровья не предъявляет. В итоге создаётся иллюзия безопасных условий военной службы как для механика-водителя, так и для всех остальных членов экипажа. Фактически имеет место пока незначительное, но превышение предельно допустимой концентрации, которое визуально не установить, а также невидимые нарушения состояния здоровья, определяемые с помощью специальных инструментальных и лабораторных исследований. Но действующая система безопасности военной службы не рассчитана на раннюю диагностику, так как не располагает соответствующими ни ресурсами, ни критериями, ни методиками и пр. Остается только дожидаться, когда превышение предельно допустимой концентрации будет настолько существенным, что произойдет либо гибель военнослужащего, либо авария с его травмированием и пр., то

[1] Конституция Российской Федерации.

[2] Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ "О статусе военнослужащих».

есть событие, доступное для визуальных методов диагностики.

В-четвертых, действующая модель управления безопасностью военной службы предполагает возможность ратного труда во вредных и (или) опасных условиях военной службы. Это логично: органы военного управления, как ранее уже говорилось, не располагают возможностями для проведения систематических инструментальных измерений факторов военной службы на рабочих местах личного состава. Руководящие документы Минобороны России о безопасности военной службы не содержат соответствующих указаний. И итоге, у органов военного управления имеются только визуальные методы диагностики, основанные на функционировании собственных органов чувств и личном опыте военной службы. Поэтому должностные лица фактически не имеют физической возможности реализовать одну из ключевых своих обязанностей — выявлять вредные и (или) опасные факторы военной службы и, соответственно, нивелировать их. Гибель военнослужащих и получение ими увечий — убедительные и надежные показатели нарушений требований безопасности военной службы, не требующих никаких дополнительных исследований. Однако, эти критерии свидетельствуют о завершенности процесса, когда управляющие действия уже невозможны.

В-пятых, из сказанного выше следует, что получение военнослужащим увечий и даже его гибель являются социально допустимой нормой, что вполне логично: при отсутствии инструментального контроля за условиями и характером военной службы на рабочих местах, в частности, ни в формате производственного контроля[1], ни специальной оценки условий труда[2], вероятность боевой работы в скрытых вредных и (или) опасных условиях очень высока, а следовательно, закономерны также соответствующие последствия в виде ущерба здоровью. В этой ситуации едва ли уместно говорить о результативном управлении безопасностью военной службы, равно как и гигиеническом нормировании, так как в итоге речь идет уже не о здоровом, а о больном (практически здоровым) военнослужащем. Он еще в состоянии преодолевать тяготы и лишения военной службы, но цена этой работы очень велика, кроме того, этот военнослужащий нуждается во систематическом врачебном контроле и медицинской реабилитации. В итоге — формирование замкнутого патологического процесса по невольной реализации случаев увечий военнослужащих, их гибели, случаев аварий, катастроф и пр.

При таком подходе добиться решительных успехов в области безопасности военной службы невозможно. Незначительное улучшение ситуации несомненно произойдет, но не более того, так как нежелательные события и их последствия — закономерный результат действующей модели обеспечения безопасности военной службы.

Таким образом, подводя итоги сказанному выше, можно резюмировать, что обобщающая теория гигиенического нормирования факторов окружающей среды профессора Н.Ф. Кошелева, сформулированная пятьдесят лет назад, актуальна и по сей день. Действующая организационная модель безопасности военной службы в Вооруженных Силах — подтверждение этому тезису. Так, в частности, основной целью функционирования этой системы является защищенность военнослужащих от воздействия опасных факторов военной службы, диагностика которых основана исключительно на визуальных методах, а основной критерий результативной деятельности — отсутствие случаев гибели военнослужащих и получения ими увечий. Иными словами, смысл деятельности органов военного управления сводится к устранению последствий уже неадекватно протекающего процесса, а факты гибели военнослужащих и получения ими увечий —

[1] Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

[2] Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда».

бесспорно, малоприятное, но, тем не менее, общепринятое явление военной службы.

В действующей модели установлена некорректная цель, определяющая смысловое наполнение всей деятельности по обеспечению безопасности — защищенность от воздействия опасных факторов военной службы. Военнослужащий с его здоровьем и жизнью остались за рамками интересов обеспечения безопасности военной службы, что является концептуальным заблуждением. Также некорректными являются критерии оценки результативности ее функционирования — это показатели, свидетельствующие о завершении неадекватно протекающего процесса (гибель военнослужащего, получение им увечий), когда заблаговременное проведение управляющих воздействий уже невозможно. При всем этом органы военного управления не в состоянии реализовать цель (даже некорректную) всей деятельности по обеспечению безопасности военной службы, так как до сих пор не имеют инструментальных методов исследований, опираясь исключительно на визуальные. Разумеется, для современных Вооруженных Сил этого явно недостаточно: система безопасности должна работать на упреждение (профилактику) нежелательного события, методы диагностики — быть объективными (инструментальными), а оценочные критерии — свидетельствовать, в первую очередь, о тенденции процесса, а не о его завершении. Сохранение жизни и здоровья исходно призванного здоровым военнослужащего должно стать смыслом всей деятельности по созданию безопасных условий военной службы.

Библиография

1. Григорьев, С.М. Актуальные вопросы обеспечения безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации / С.М. Григорьев // Человеческий капитал. — 2016. — № 5 (89). — С. 32—33.

2. Доценко, С.А. Вопросы развития системы управления безопасностью военной службы / С.А. Доценко // Человеческий капитал. — 2016. — № 11 (95). — С. 16—17.

3. Кошелев, Н.Ф. К теории гигиенического нормирования / Н.Ф. Кошелев, П.В. Рамзаев, В.П. Михайлов // Гигиена и санитария. — 1990. — № 6. — С. 77—79.

4. Кошелев, Н.Ф. Применение универсальной теории гигиенического нормирования в военной гигиене / Н.Ф. Кошелев, С.А. Лопатин, В.Р. Лядов, П.П. Макаров // Воен.-мед. журн. — 1997. — № 8. — С. 52—56.

5. Марков, А.В. Показатели методики оценки безопасности военной службы / А.В. Марков // Научный резерв. — 2018. — №3. — С. 103—107.

6. Юдин, А.Б. Гигиенические проблемы обеспечения безопасности военной службы / А.Б. Юдин, С.А. Цуциев // Вестник Академии военных наук. — 2021. — № 1 (74). — С. 95—102.

Правовое регулирование воинской обязанности и военной службы в Республике Таджикистан

© **Шарифзода Парвини Рахмулло,**
кандидат юридических наук, майор милиции, заместитель начальника отдела адъюнктуры Академии МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе)

Аннотация. В статье проанализирован Закон Республики Таджикистан от 29 января 2021 г. № 1753 «О воинской обязанности и военной службе», составляющий ядро правовой основы воинской обязанности и военной службы в Республике Таджикистан. Сделан вывод, что положения Закон Республики Таджикистан от 29 января 2021 г. № 1753 «О воинской обязанности и военной службе» базируются на общепризнанных подходах к правовому регулированию воинской обязанности и военной службы, отличаются проработанностью содержания основных институтов. Отмечены возможности учета норм Закона Республики Таджикистан от 29 января 2021 г. № 1753 «О воинской обязанности и военной службе» в совершенствовании Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в части закрепления в последнем основных понятий и их содержания, а также принципов, на которых основывается военная служба.

Ключевые слова: правовое регулирование; воинская обязанность; военная служба; Президент Республики Таджикистан — Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики Таджикистан; добровольная военная служба; воинский учёт; военнослужащие; воинская должность; воинское звание; пребывание в составе запаса; военные сборы; нормативные правовые акты; сравнительное правоведение.

Legal regulation of military duty and military service in the Republic of Tajikistan

© **Sharifzoda P.R,**
Candidate of Law, Deputy Head of the Adjunct Department Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan (Dushanbe)

Resume. The article analyzes the Law of the Republic of Tajikistan dated January 29, 2021 No. 1753 "On military duty and military service", which forms the core of the legal basis of military duty and military service in the Republic of Tajikistan. It is concluded that the provisions of the Law of the Republic of Tajikistan dated January 29, 2021 No. 1753 "On military duty and military service" are based on generally recognized approaches to the legal regulation of military duty and military service, and differ in the elaboration of the content of the main institutions. The possibilities of taking into account the norms of the Law of the Republic of Tajikistan dated January 29, 2021 No. 1753 "On Military duty and military Service" in improving the Federal Law dated March 28, 1998 No. 53-FZ "On Military Duty and Military Service" in terms of consolidating the basic concepts and their content in the latter, as well as the principles on which Military service is based.

Key words: legal regulation; military duty; military service; President of the Republic of Tajikistan – Supreme Commander-in-Chief of the Armed Forces of the Republic of Tajikistan; voluntary military service; military registration; military personnel; military position; military rank; stay in the reserve; military training; normative legal acts; comparative jurisprudence.

Перспективы развития военной организации государства[1] теснейшим образом связаны с развитием законодательства о воинской обязанности и военной службе. Это характерно как для Российской Федерации, так и для государств — участников СНГ, к которым относится и Республика Таджикистан. Значение военной службы, обеспечение четкости в ее правовом регулировании усиливается в связи с возрастанием роли обороны и обеспечения национальной безопасности как важнейших функций современного российского государства[2].

В основе правового регулирования воинской обязанности и военной службы в Республике Таджикистан лежит Конституция Республики Таджикистан, в ст. 43 которой закреплено, что защита Родины, охрана интересов государства, укрепление его независимости, безопасности и оборонной мощи — священный долг гражданина. В этой же статье Конституции Республики Таджикистан прямо сказано, что «порядок прохождения военной службы определяется законом». Это положение создает четкие правовые гарантии для формирования законодательства Республики Таджикистан (далее — РТ), включающего Закон Республики Таджикистан от 29 января 2021 г. № 1753 «О воинской обязанности и военной службе», Закон Республики Таджикистан от 1 марта 2005 г. № 90 «О статусе военнослужащих», Закон Республики Таджикистан от 4 ноября 1995 г. № 208 «Об обороне», а также иные законодательные акты.

Целый ряд вопросов, связанных с организацией военной службы и ее прохождением, регламентирован подзаконными нормативными правовыми актами, в частности: постановлением Правительства Республики Таджикистан от 11 июня 2001 г. № 257 «Об утверждении Положения о порядке прохождения военной службы»; постановлением Правительства Республики Таджикистан от 25 октября 2022 г. № 505 «О Положении о порядке призыва граждан на военную службу»; постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 ноября 2019 г. № 549 «О Порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий и пособий лицам, проходившим в Республике Таджикистан военную службу, лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, системы исполнения уголовного наказания, лицам, имеющим специальные звания в таможенных органах, подразделениях бывшей налоговой полиции, Агентства по контролю за наркотиками, правоохранительных подразделениях Агентства по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией, судьям военных судов, сотрудникам органов военной прокуратуры, уволенных со службы, и членам их семей»; постановлением Правительства Республики Таджикистан от 9 ноября 2000 г. № 464 «Об утверждении Положения о призыве граждан на военную службу по мобилизации», и рядом других.

Данные нормативные правовые акты являются основополагающими в области военного права[3]. Положения данных нормативных правовых актов активно используются в деле кадрового обеспечения органов военного управления, органов государственной безопасности[4] и иных органов, где законодательством предусмотрена военная служба.

---

[1] Корякин В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 47—54; Корякин В.М. Военная организация государства: эволюция структуры // Военный академический журнал. 2016. № 2(10). С. 12—22.

[2] Редкоус В.М. К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного российского государства // Право и государство: теория и практика. 2009. № 1 (49). С. 97—100.

[3] Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10 (291). С. 2—10; Туганов, Ю.Н., Журавлев С.И. Военная администрация : учеб. пос. для вузов / 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2022.

[4] Туганов Ю.Н. Некоторые аспекты системы кадрового обеспечения государственной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 3. С. 30—32; Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. К вопросу о понятии и системе кадрового обеспечения государственной безопасности в деятельности органов государственной власти // Военно-юридический журнал. 2017. № 3. С. 3—6.

Рассмотрим наиболее актуальные и значимые для правового регулирования прохождения военной службы институты, закрепленные в Законе РТ от 29 января 2021 г. № 1753 «О воинской обязанности и военной службе». Достоинством рассматриваемого закона является то, что в нем, в отличие от Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», даны определения основных понятий, используемых в законодательстве о воинской обязанности и военной службе, что является не только одной из тенденций корректного правотворчества, но реально служит формированию стабильной правовой основы в рассматриваемой области.

Так, в ст. 1 Закона РТ от 29 января 2021 г. № 1753 используются следующие основные понятия:

— воинская обязанность — конституционная обязанность граждан РТ по защите Родины, защите интересов государства, укреплению его независимости, безопасности и оборонной мощи;

— военная служба — вид государственной службы в Вооруженных Силах РТ, других войсках и воинских формированиях;

— обязательная срочная военная служба — вид военной службы граждан РТ, достигших 18-летнего возраста (мужского пола), призыв которых в ряды Вооруженных Сил РТ, других войск и воинских формирований на воинских должностях рядовых, сержантов и офицеров осуществляется в сроки и порядке, установленные настоящим Законом;

— добровольная военная служба — вид военной службы граждан РТ, независимо от пола, в порядке и условиях, установленных настоящим Законом;

— военная служба в составе мобилизационного призывного резерва - вид военной службы, в котором граждане призывного возраста не имеют права на отсрочку или освобождение от призыва, но могут проходить службу в добровольном порядке;

— воинский учёт — система учёта военнообязанных РТ;

— военный билет — единый бессрочный личный учётно-воинский документ гражданина, определяющий его принадлежность к воинской службе и отношение к воинской обязанности;

— справка об освобождении от призыва на военную службу — документ, выдаваемый гражданам, не прошедшим обязательную срочную военную службу и военную службу в составе мобилизационного призывного резерва;

— военнообязанные — граждане РТ, состоящие на воинском учёте;

— военнослужащие — граждане РТ, проходящие военную службу в Вооруженных Силах РТ, других войсках и воинских формированиях;

— призывники — граждане РТ (мужского пола), достигшие 18-летнего возраста, принятые на учёт в военных комиссариатах (местных органах военного управления городов и районов), в целях призыва для прохождения военной службы в Вооруженных Силах РТ, других войсках и воинских формированиях;

— воинская должность — штатная должность в органах, воинских подразделениях Вооруженных Сил РТ, других войсках и воинских формированиях, создаваемая с целью осуществления их полномочий в области обороны и безопасности государства в порядке, установленном нормативными правовыми актами;

— воинское звание — отличительный военный знак, присваиваемый военнослужащим и военнообязанным, в зависимости от образования, занимаемой должности и выслуги лет;

— отсрочка — перенос призыва граждан РТ на другой срок военной службы по основаниям, предусмотренным настоящим Законом;

— пребывание в составе запаса — исполнение военнообязанными РТ обязанностей, связанных с состоянием на воинском учёте и прохождением службы в военных сборах;

— военные сборы — мероприятия, проводимые в Вооруженных Силах РТ, других войсках и воинских формированиях по военной подготовке, совершен-

ствованию военных знаний военнослужащих и военнообязанных, с целью повышения боевой готовности и мобилизации.

Четкое закрепление терминологических понятий важно в контексте развития не только военного законодательства, но и законодательства в области обеспечения национальной безопасности[1], охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности[2]. Военная служба является тем инструментом, посредством которого реализуется достижение проведения единой государственной политики как в государственной военной организации, так и в органах обеспечения национальной безопасности, правоохранительных органах[3].

В ст. 4 Закона РТ от 29 января 2021 г. № 1753 закреплено, что военная служба в РТ основывается на следующих принципах: законность; уважение прав и свобод человека и гражданина; преданность Родине и народу Таджикистана; преданность Президенту Республики Таджикистан — Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами Республики Таджикистан; соблюдение воинской дисциплины; защита прав и свобод военнослужащих, их неприкосновенность во время исполнения ими воинских обязанностей; единоначалие и соблюдение субординации; независимость от деятельности политических партий, общественных и религиозных объединений.

Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» института принципов военной службы не закрепляет, что открывает одно из направлений для его совершенствования.

Воинская обязанность граждан РТ предусматривает: воинский учёт; подготовку к военной службе; призыв на военную службу; прохождение военной службы; пребывание в запасе; призыв на военные и специальные сборы. Воинскую обязанность исполняют граждане РТ мужского пола, независимо от национальности, расы, языка, вероисповедания, политического убеждения, социального положения, образования и имущества, годные по состоянию здоровья и физического развития проходить военную службу, а также граждане РТ женского пола, отвечающие установленным требованиям, добровольно получившие необходимую подготовку по специальностям для Вооруженных Сил РТ, других войск и воинских формирований.

Граждане освобождаются от призыва на военную службу в соответствии с основаниями и условиями, установленными рассматриваемым Законом. Гражданин может в соответствии с данным Законом пройти военную службу в составе мобилизационного призывного резерва.

Центральные органы государственной власти, местные исполнительные органы государственной власти, органы самоуправления посёлков и сёл, руководители предприятий, учреждений и организаций, независимо от форм собственности и организационно-правовой формы, в рамках своих полномочий обеспечивают исполнение гражданами воинских обязанностей.

Интересное содержание имеет ст. 6 Закона РТ («Приоритетность военной службы»). Закреплено, что «по сравнению с другими видами государственной службы военная служба считается приоритетной. Эта приоритетность выражается в прекращении определенных трудовых отношений и другой деятельности граждан во время призыва или добровольного поступления на военную службу, или военных сборов».

---

[1] Обзор II Всерос. науч.-практ. конф. «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А.А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 г.) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4 (48). С. 158—191; Правовое обеспечение национальной безопасности : учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. — 2-е изд., пер. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023.

[2] Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности / В.А. Милёхин, Ю.Н. Носатов, А.В.Шевцов [и др.] : учебник : в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2023.

[3] Прудникова Т.А. Редкоус В.М., Акимова С.А. Административно-правовой статус органов исполнительной власти (на примере миграционных служб) : учеб. пос. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

Граждане обязаны состоять на воинском учёте, за исключением: 1) освобожденных законом от воинской обязанности; 2) женщин, не имеющих военно-учётную специальность; 3) проходящих военную службу (в составе мобилизационного призывного резерва); 4) отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы; 5) достигших предельного возраста пребывания в составе запаса; 6) женщин с военно-учётной специальностью, имеющих трёх и более детей.

Воинский учёт граждан осуществляется военными комиссариатами по месту жительства с выдачей военно-учётных документов. Воинский учёт граждан, имеющих офицерские воинские звания и состоящих в составе запаса органов национальной безопасности РТ, осуществляется этими органами в порядке, установленном законодательством РТ.

В документы воинского учёта запрещается вносить сведения об отношении к религии, политических убеждениях и принадлежности к политическим партиям, другим общественным объединениям, а также иные сведения, которые могут стать причиной нарушения прав гражданина, за исключением случаев, когда гражданин сам настаивает на включении таких сведений в документы воинского учёта.

В целях обеспечения воинского учёта граждане обязаны: 1) состоять на воинском учёте в военном комиссариате по месту жительства или на воинском учёте в составе запаса органов национальной безопасности; 2) явиться в установленное время и место по призыву (повестке) в военный комиссариат (орган национальной безопасности) и предъявить необходимые документы по перечню, указанному в повестке военного комиссариата (органа национальной безопасности) или органов самоуправления посёлков и сёл; 3) при увольнении с военной службы в состав запаса Вооруженных Сил РТ, а также из органов, предусмотренных в ч. 4 ст. 16 Закона РТ, в течение 14 дней со дня исключения из списков личного состава воинской части, явиться в военный комиссариат по месту жительства для постановки на воинский учёт; 4) сообщить в течение 7 дней в военный комиссариат или органы самоуправления посёлков и сёл по месту жительства об изменении семейного положения, места работы или должности, места жительства в пределах города или района; 5) сняться с воинского учёта при переезде на новое место жительства, а также при временном отъезде с постоянного места жительства на срок более 45 дней и встать на воинский учёт в течение 20 дней по прибытии на новое место жительства, место временного пребывания или возвращении в РТ; 6) бережно хранить военно-учётные документы. В случае утери указанных документов в течение 14 дней обратиться в военный комиссариат по месту жительства для решения вопроса о получении документов взамен утерянных; 7) исполнять другие обязанности, установленные нормативными правовыми актами по воинскому учёту. Граждане, подлежащие призыву на военную службу, и выезжающие в период проведения призыва на срок более 15 дней с места жительства, обязаны лично сообщить об этом в военный комиссариат по месту жительства.

Обязательная подготовка гражданина к военной службе предусматривает (ст. 19 «Обязательная или добровольная подготовка гражданина к военной службе»): 1) получение необходимых знаний в области обороны; 2) диагностирование и медицинское освидетельствование, а при необходимости, с согласия гражданина проведение лечебно-оздоровительных мероприятий; 3) военную подготовку в учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования; 4) военно-патриотическое воспитание; 5) подготовку по военно-учётным специальностям солдат, сержантов и старшин по соответствующим направлениям военных комиссариатов. Обязательная подготовка гражданина к военной службе может осуществляться в ходе военных сборов.

Добровольная подготовка гражданина к военной службе предусматривает: 1) занятая по различным военно-практическим видам спорта; 2) овладение военно-учётной специальностью; 3) обучение в образовательных учреждениях среднего общего образования с дополнительной учебной

программой, имеющей цель военной подготовки несовершеннолетних граждан; 4) обучение студентов по программе подготовки офицеров запаса на военных кафедрах при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования. Обязательная и добровольная подготовка граждан к военной службе осуществляется в соответствии с настоящим Законом.

Гл. 5 Закона РТ называется «Призыв граждан на обязательную срочную военную службу». В этом контексте обратим внимание на содержание трех статей: ст. 29 «Граждане, подлежащие призыву на обязательную срочную военную службу», ст. 30 «Основания для освобождения граждан от призыва на военную службу» и ст. 31 «Основания для отсрочки от призыва на военную службу».

Так, граждане мужского пола от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учёте, или граждане, обязанные состоять на воинском учёте и не имеющие права на отсрочку или освобождение от призыва на обязательную срочную военную службу, подлежат призыву на военную службу в Вооруженные Силы РТ, другие войска и воинские формирования, в которых в соответствии с настоящим Законом предусмотрена военная служба, на должности солдат и сержантов. Призыв на обязательную срочную военную службу граждан мужского пола до 27 лет, не прошедших военную службу, окончивших военные кафедры при государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования и зачисленных с присвоением офицерского звания в состав запаса Вооруженных Сил РТ, осуществляется Министерством обороны РТ.

От призыва на военную службу освобождаются следующие граждане: 1) признанные негодными к военной службе по состоянию здоровья; 2) проходящие или прошедшие военную службу, или военную службу в составе мобилизационного призывного резерва; 3) проходящие или прошедшие военную службу в другом государстве, или другой вид службы, приравненной к военной службе; 4) осужденные приговором суда за совершение преступления с применением наказания в виде лишение свободы.

Право на освобождение от призыва на военную службу имеют следующие граждане: 1) отец (мать) или брат (сестра) которых погиб (погибла) или умер (умерла), либо стал (стала) инвалидом I или II групп при прохождении обязательной срочной военной службы, или в добровольном порядке на должностях сержантов, прапорщиков и офицеров, или во время прохождения военных сборов; 2) являющиеся в семье единственным сыном (усыновленным); 3) имеющие учёную степень кандидата наук, доктора философии (PhD) — доктора по специальности, доктора наук или доктора хабилитат.

Отсрочка от призыва на военную службу предоставляется гражданам по следующим основаниям: 1) признание временно негодным к военной службе по состоянию здоровья — на срок до 6 месяцев; 2) уход за членом семьи, нуждающимся в посторонней помощи и не находящимся на полном государственном содержании, при отсутствии других лиц, обязанных по закону заботиться о нем и содержать его (нуждающимися в посторонней помощи и уходе считаются члены семьи, достигшие пенсионного возраста или являющиеся инвалидами I или II групп, а также члены семьи, не достигшие 18-летнего возраста); 3) учёба в образовательных учреждениях общего, начального и среднего профессионального образования - до получения полного общего образования; 4) воспитание ребёнка, оставшегося без матери; 5) возбуждение уголовного дела — до принятия законного решения; 6) отбывание уголовного наказания в виде обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы. Кроме вышеназванных оснований, право на отсрочку от призыва на военную службу имеют следующие граждане: 1) призывник, мать которого кроме него имеет двух или более несовершеннолетних детей и воспитывает их без супруга — до совершеннолетия другого ребёнка (сына); 2) избранные депутатами в местные Маджлиси народных депутатов — на срок осуществления полномочий; 3) обучающиеся

впервые на дневном отделении образовательных учреждений высшего профессионального образования для получения квалификационной степени бакалавра и специалиста — на время их обучения; 4) педагоги, имеющие высшее педагогическое образование и работающие в образовательных учреждениях общего образования в сельской местности — на время такой работы; 5) имеющие высшее медицинское образование и работающие в образовательных или в медицинских учреждениях, расположенных в сельской местности — на время такой работы; 6) имеющие двух и более детей.

В гл. 6 Закона РТ закреплены вопросы поступления граждан на военную службу.

Так, граждане мужского пола от 18 до 35 лет и граждане женского пола от 20 до 35 лет могут поступить на военную службу в добровольном порядке и проходить военную службу до достижения ими предельного возраста пребывания на военной службе, установленного ст. 52 настоящего Закона РТ, за исключением случаев, когда они подлежат досрочному увольнению с военной службы в соответствии с Законом РТ и положением о порядке прохождения военной службы. Порядок отбора кандидатов для поступления на военную службу в добровольном порядке определяет министр обороны РТ, руководители государственных органов, в которых в соответствии с настоящим Законом предусмотрена военная служба.

Обстоятельствами, препятствующими поступлению на военную службу в добровольном порядке, являются: отсутствие в воинской части, учреждениях и организациях Вооруженных Сил РТ, других войсках или воинских формированиях вакантных воинских должностей; неполное соответствие гражданина требованиям, предъявляемым в соответствии с Законом РТ к гражданам, поступающим на военную службу в добровольном порядке; осуждение гражданина по приговору суда; наличие гражданства другого государства; наличие заболевания, препятствующего исполнению обязанностей военной службы; предоставление заведомо ложных сведений или фальшивых документов о себе или своих близких родственниках; отказ соответствующих органов в допуске гражданина к государственным секретам; непрохождение обязательной срочной военной службы (за исключением выпускников государственных образовательных учреждений высшего военного образования, граждан, указанных в ч. 2 ст. 29 Закона РТ и освобождаемых от призыва на военную службу в соответствии с Законом РТ; наличие у граждан женского пола ребёнка до 3 лет.

Установлено, что военнослужащие, уволенные с военной службы в соответствии с п. 4, 5, 6, 7, 8 и 9 ч. 1 ст. 54 Закона, то есть при лишении его офицерского воинского звания и звания прапорщика; при вступлении в законную силу приговора суда и назначении наказания в виде лишения свободы; при нарушении установленного законодательством РТ порядка по упорядочению традиций, торжеств и обрядов; при прекращении гражданства РТ или наличии гражданства другого государства; по служебному несоответствию в аттестационном порядке; за дискредитацию высокого воинского звания, повторному поступлению на военную службу в мирное время не подлежат.

Граждане, поступающие на военную службу в добровольном порядке, подлежат медицинскому освидетельствованию согласно положению о военно-врачебной экспертизе, утверждаемому Правительством РТ. По результатам медицинского освидетельствования принимается решение о годности гражданина к военной службе.

Гражданин, поступающий на военную службу в добровольном порядке, должен соответствовать следующим установленным требованиям: по уровню образования; по уровню профессиональной подготовки; по морально-психологическим качествам; по нормативам физической подготовки.

Гражданину, поступившему на военную службу в добровольном порядке, Министерством обороны РТ, государственными органами, в которых в соответствии с законом предусмотрена военная служба, выдается жетон. Соответствие граждан,

поступающих на военную службу в добровольном порядке, предъявляемым требованиям определяется положением о порядке прохождения военной службы.

Гл. 7 Закона РТ называется «Военная служба». Обратим внимание на ряд основных положений, закрепленных в ст. 41 «Вид и особенности прохождения военной службы» и ст. 42 «Исполнение обязанностей военной службы».

Закон РТ устанавливает, что военная служба состоит из:

— обязательной срочной военной службы: а) на должностях солдат и сержантов; б) на должностях офицеров;

— добровольной военной службы: а) на должностях прапорщиков; б) на должностях офицеров; граждан женского пола — на должностях солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров; на должностях сержантов органов национальной безопасности РТ;

— военной службы курсантов и слушателей государственных военных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования;

— военной службы в составе мобилизационного призывного резерва на должностях солдат.

Порядок прохождения военной службы в мирное время определяется рассматриваемым Законом РТ, положением о порядке прохождения военной службы и воинскими уставами. Особенности прохождения военной службы в других государственных органах, в которых предусматривается военная служба, определяются нормативными правовыми актами, регулирующими их деятельность.

Особенности прохождения военной службы в период мобилизации, чрезвычайного или военного положения, а также в условиях вооруженных конфликтов, осуществления миротворческой деятельности за пределами республики определяются законодательством РТ.

Граждане, обязанные в соответствии с законом проходить военную службу, делятся на допризывников, призывников, военнослужащих и военнообязанных.

Важно учитывать, что в целях регулирования правоотношений, связанных с исполнением гражданами воинской обязанности и прохождением военной службы, под исполнением обязанностей военной службы понимается: 1) участие в боевых действиях, выполнение задач в условиях чрезвычайных ситуаций, военного положения, либо в условиях вооруженных конфликтов, а также осуществления миротворческой деятельности за пределами республики; 2) исполнение должностных обязанностей, в соответствии с законодательством; 3) несение боевого дежурства (боевой службы), а также служба в гарнизонном наряде и в составе суточного наряда; 4) участие в учениях и боевых походах; 5) выполнение приказа, распоряжения или задач, данных командиром (начальником); 6) нахождение на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или при служебной необходимости; 7) нахождение в служебной командировке или на лечении; 8) следование к месту службы, лечения и обратно; 9) участие в военных сборах; 10) нахождение в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен) в качестве заложника или интернированного; 11) безвестное отсутствие - до признания военнослужащего без вести пропавшим или объявления умершим в установленном законом порядке; 12) защита жизни, здоровья и достоинства личности; 13) оказание помощи правоохранительным органам в обеспечении законности и правопорядка; 14) иные действия военнослужащего, признанные судом совершёнными в интересах общества и государства.

Не признается погибшим (умершим), получившим увечье, ранение, контузию или заболевшим при исполнении обязанностей военной службы военнослужащий, а также гражданин, проходящий военные сборы: 1) находящийся вне расположения воинской части на отдыхе, увольнении или отпуске, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 8, 10, 12, 13 и 14 ч. 1 ст.42 Закона РТ; 2) самовольно находящийся вне расположения воинской части

или места службы, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 11, 12, 13 и 14 ч. 1 ст. 42 Закона РТ; 3) добровольно приведший себя в состояние алкогольного, наркотического или токсического опьянения; 4) совершивший, предусмотренное законодательством РТ общественно-опасное деяние; 5) совершивший самоубийство или покушение на самоубийство, если указанные действия не были связаны с болезненным состоянием или доведением до самоубийства.

Запрещается отдавать военнослужащему незаконные приказы, распоряжения, ставить задачи, не относящиеся к военной службе.

В рамках самостоятельный статей Закона РТ закреплены сроки военной службы, военная форма одежды, военная присяга, временное прикомандирование в распоряжение других органов и перевод военнослужащих, составы военнослужащих и воинские звания, а также иные институты военной службы.

В Вооруженных Силах РТ, других войсках и воинских формированиях определяются следующие составы военнослужащих: 1) солдаты; 2) сержанты; 3) прапорщики; 4) младшие офицеры; 5) старшие офицеры; 6) высшие офицеры. Воинские звания для военнослужащих Вооруженных Сил РТ, других войск и воинских формирований устанавливаются Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли РТ. Запрещается вводить специальные звания для должностных лиц, работников и служащих государственных органов, предприятий, учреждений и организаций, независимо от форм собственности и организационно-правовой формы, аналогичные воинским званиям, за исключением случаев, установленных законодательством РТ.

Воинские звания военнослужащим присваивают в следующем порядке: 1) высшие воинские звания — Президентом Республики Таджикистан; 2) до высших воинских званий — в порядке, установленном положением о порядке прохождения военной службы.

Для прохождения военной службы в каждом воинском звании устанавливается определенный срок. Очередное воинское звание военнослужащему, имеющему военно-учётную специальность или равное ему, присваивается по истечении установленного срока его службы в предыдущем воинском звании, если он занимает воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание, равное или более высокое, чем воинское звание, присваиваемое военнослужащему. Очередное воинское звание военнослужащему, имеющему офицерское воинское звание до подполковника включительно, и успешно обучающемуся на дневном отделении в государственном военном образовательном учреждении высшего профессионального образования, присваивается по истечении срока его службы в предыдущем воинском звании, независимо от воинской должности, которую занимал до поступления в указанное образовательное учреждение.

Очередное воинское звание военнослужащему может быть присвоено досрочно за особые личные заслуги, но не выше воинского звания, предусмотренного штатом для занимаемой им воинской должности, и после прохождения не менее половины установленного срока службы в предыдущем воинском звании, но не более чем один раз за все время прохождения службы.

Военнослужащему, срок прохождения военной службы которого в присвоенном воинском звании истек в полтора раза, за особые личные заслуги может быть присвоено воинское звание на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного штатом для занимаемой этим военнослужащим воинской должности, но не более одного раза за период прохождения военной службы.

Военнослужащий, а также гражданин, пребывающий в составе запаса или отставке, может быть лишен воинского звания в следующих случаях (ст. 49 «Лишение, снижение воинского звания и восстановление в воинских званиях»): 1) с вступлением в законную силу обвинительного приговора суда — независимо от присвоенного воинского звания; 2) распоряжением должностного лица, которому в соот-

ветствии с положением о порядке прохождения военной службы предоставлено право присвоения воинского звания сержанта и прапорщика, в отношении этих категорий военнослужащих, за дискредитацию воинского звания; 3) распоряжением командующих видами Вооруженных Сил РТ, а также руководителей государственных органов, в которых в соответствии с законом предусмотрена военная служба — в отношении прапорщиков в случаях увольнения их с военной службы за дискредитацию воинского звания; 4) распоряжением министра обороны РТ, а также руководителей государственных органов, в которых в соответствии с законом предусмотрена военная служба — в отношении младшего и старшего офицерского состава в случаях увольнения с военной службы за дискредитацию высокого воинского звания с учётом решения собрания офицеров или товарищеского суда чести офицеров; 5) указом Президента РТ — в отношении высшего офицерского состава.

Снижение воинского звания на одну или две ступени осуществляется следующими лицами: 1) в отношении младшего и старшего офицерского состава — исключительно министром обороны РТ, руководителями государственных органов, в которых в соответствии с законом предусмотрена военная служба — с учётом решений собрания офицеров или товарищеского суда чести офицеров; 2) в отношении военнослужащих сержантского состава и прапорщиков — приказом должностного лица, имеющего право присваивать эти воинские звания.

Порядок восстановления военнослужащему или гражданину, лишенному воинского звания и сниженному в воинском звании, определяется положением о порядке прохождения военной службы.

Военнослужащие проходят военную службу на воинских должностях, предусмотренных штатами воинских частей, за исключением случаев, указанных в ч. 6 ст. 50 Закона РТ (ст. 50. Воинские должности). На военнослужащего запрещается возлагать исполнение обязанностей, не установленных соответствующим законодательством. Каждой воинской должности должно соответствовать одно воинское звание.

Перечень воинских должностей, замещаемых полковниками и высшими офицерами в Вооруженных Силах РТ, других войсках и воинских формированиях, утверждается Президентом РТ. Перечень иных воинских должностей и соответствующие им воинские звания утверждаются министром обороны РТ (руководителем государственных органов, в которых в соответствии с настоящим Законом предусмотрена военная служба).

Военнослужащие не могут проходить военную службу на воинских должностях в следующих случаях: 1) до принятия военной присяги; 2) нахождения в распоряжении командира (начальника) — не более 3 месяцев; 3) нахождения в распоряжении командира (начальника) в связи с организационно-штатными мероприятиями — не более 4 месяцев; 4) в других случаях, определяемых положением о порядке прохождения военной службы.

Военнослужащий назначается на воинскую должность и освобождается от воинской должности в соответствии с нормативными правовыми актами в следующем порядке: 1) по номенклатуре Президента и Правительства РТ — Президентом и Правительством РТ; 2) другие военнослужащие — в порядке, установленном положением о порядке прохождения военной службы.

Перемещение по службе офицеров и прапорщиков, проведение их плановой расстановки в местностях с установленными сроками военной службы осуществляются в порядке, установленном положением 0 порядке прохождения военной службы.

Предельный возраст пребывания на военной службе устанавливается для военнослужащих: 1) имеющих воинское звание генерал-полковника — 63 года; 2) имеющих воинское звание генерал-лейтенанта, генерал-майора — 58 лет; 3) имеющего воинское звание полковника — 53 года; 4) имеющего иное воинское звание — 48 лет.

Предельный возраст пребывания на военной службе военнослужащих женского пола устанавливается в соответствии

с ч. 1 ст. 52 Закона РТ, но он не должен превышать 53 года.

Отдельным военнослужащим, достигшим предельного возраста пребывания на военной службе и имеющим большой опыт службы по одной из военно-учётных специальностей, перечень которых указан в положении о порядке прохождения военной службы, срок пребывания на военной службе может быть продлен до достижения ими возраста 60 лет.

Предельный возраст, установленный в ч. 1, 2 и 3 ст. 52 Закона РТ, не применяется в отношении военнослужащих, назначенных на воинские должности Президентом и Правительством РТ.

Увольнению с военной службы посвящена гл. 8 («Увольнение с военной службы» Закона РТ). Установлено, что военнослужащий увольняется с военной службы по истечении установленного законом срока военной службы (ст. 53 «Увольнение с военной службы»). Военнослужащий, уволенный с военной службы, зачисляется в состав запаса. Военнослужащий, достигший к моменту увольнения с военной службы предельного возраста пребывания в составе запаса, или признанный военно-врачебной комиссией негодным к военной службе, увольняется с военной службы в отставку.

Увольнение военнослужащих с военной службы осуществляется министром обороны РТ, руководителями государственных органов, в которых в соответствии с законом предусмотрена военная служба, а также должностными лицами указанных органов в порядке, определяемом положением о порядке прохождения военной службы.

Военнослужащий (кроме солдат и сержантов, проходящих обязательную срочную военную службу) подлежит увольнению с военной службы по нижеследующим основаниям: 1) по возрасту — по достижении предельного возраста пребывания на военной службе; 2) по состоянию здоровья — в связи с признанием военно-врачебной комиссией негодным к военной службе; 3) в связи с признанием военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе военнослужащего в воинском звании до старшего прапорщика; 4) при лишении его офицерского воинского звания и звания прапорщика; 5) при вступлении в законную силу приговора суда и назначении наказания в виде лишения свободы; 6) при нарушении установленного законодательством РТ порядка по упорядочению традиций, торжеств и обрядов; 7) при прекращении гражданства РТ или наличии гражданства другого государства; 8) по служебному несоответствию в аттестационном порядке; 9) за дискредитацию высокого воинского звания; 10) в связи с лишением допуска к государственному секрету или отказа в выдаче допуска; 11) по предоставлению заведомо ложной информации или фальшивых документов о себе или своих близких родственниках; 12) в связи с переходом на службу в органы внутренних дел или в другие военизированные формирования, если военнослужащий прослужил в Вооруженных Силах РТ, других войсках и воинских формированиях не менее 10 лет; 13) по семейным обстоятельствам и по другим основаниям в порядке, определяемом положением о порядке прохождения военной службы.

Военнослужащий, имеющий воинское звание офицера и проходящий обязательную срочную военную службу, увольняется с военной службы по окончании срока военной службы или по основаниям, предусмотренным в п. 1 и 2 ч. 2 ст. 30 Закона, а также согласно п. 2, 3, 5, 6 и 10 ч. 1 ст. 54 Закона РТ.

Солдаты и сержанты, проходящие обязательную срочную военную службу, подлежат увольнению с военной службы в следующем порядке: 1) по истечении срока военной службы; 2) по состоянию здоровья — в связи с признанием военно-врачебной комиссией негодным к военной службе или ограниченно годным к военной службе; 3) при вступлении в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы; 4) в связи с прекращением гражданства РТ; 5) при наличии оснований, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 2 ст. 30, пунктами 2 и 4 ч. 1, пунктами 1 и 6 ч. 2 ст. 31 Закона.

Гл. 9 Закона РТ посвящена составу запаса Вооруженных сил РТ и органов национальной безопасности РТ.

Таким образом, анализируя основные положения Закона Республики Таджикистан от 29 января 2021 г. № 1753 «О воинской обязанности и военной службе», можно сделать вывод, что они базируется на общепризнанных подходах к правовому регулированию воинской обязанности и военной службы, отличается проработанностью содержания основных институтов. Данный Закон РТ имеет как сильные стороны, так и недостатки, которые требуют устранения. Так, например, в Законе Республики Таджикистан от 29 января 2021 г. № 1753 «О воинской обязанности и военной службе» ничего не говорится об институте аттестации военнослужащих, являющейся важнейшим институтом прохождения военной службы. Ну и еще раз отметим, что рассматриваемый Закон РТ содержит ряд положений, которые могут быть использованы при совершенствовании Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Поэтому сравнительно-правовые исследования в данной области необходимо продолжать и активнее использовать их положительные результаты в совершенствовании и таджикского, и российского законодательства.

Библиография

1. Корякин, В.М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития / В.М. Корякин // Вестник военного права. — 2016. — № 1. — С. 47—54.

2. Корякин, В.М. Военная организация государства: эволюция структуры / В.М. Корякин // Военный академический журнал. — 2016. — № 2(10). — С. 12—22.

3. Корякин, В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 10 (291). — С. 2—10.

4. Обзор II Всерос. науч.-практ. конф. «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А.А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 г.) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. — 2023. — № 4(48). — С. 158—191.

5. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности / В.А. Милёхин, Ю.Н.Носатов, А.В. Шевцов [и др.] : учебник : в 2 ч. — Москва: Академия управления МВД России, 2023. — Ч. 1. — 360 с.

6. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : учебник : в 2 ч. — Москва: Академия управления МВД России, 2023. — Ч. 2. — 312 с.

7. Правовое обеспечение национальной безопасности : учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. — 2-е изд., пер. и доп. — Москва: Изд-во Юрайт, 2023. — 180 с.

8. Прудникова, Т.А. Административно-правовой статус органов исполнительной власти (на примере миграционных служб): учеб. пос. / Т.А. Прудникова, В.М. Редкоус, С.А. Акимова. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 139 с.

9. Редкоус, В.М. К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного российского государства / В.М. Редкоус // Право и государство: теория и практика. — 2009. — № 1 (49). — С. 97—100.

10. Редкоус, В.М. Сравнительному правоведению в области обеспечения национальной безопасности — новые грани развития / В.М. Редкоус // Актуальные вопросы применения норм административного права («Кореневские чтения») (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) : Сб. науч. тр. VI Межд. науч.-практ. конф., Москва, 28 апреля 2022 г. / сост. Г.Н. Василенко. — Москва: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. — С. 329—336.

11. Туганов, Ю.Н. Военная администрация : учеб. пос. для вузов / Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Изд-во Юрайт, 2022. — 197 с.

12. Туганов, Ю.Н. Некоторые аспекты системы кадрового обеспечения государственной безопасности Российской Федерации / Ю.Н. Туганов // Вестник военного права. — 2017. — № 3. — С. 30—32.

13. Туганов, Ю.Н. К вопросу о понятии и системе кадрового обеспечения государственной безопасности в деятельности органов государственной власти / Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев // Военно-юридический журнал. — 2017. —— № 3. —— С. 3—6.

Судебная и прокурорская деятельность

Инновационные подходы к прокурорскому надзору в цифровую эпоху

© **Анисимов Виктор Станиславович**,
старший преподаватель 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
© **Бабоян Геворгк Саркисович**,
курсант факультета Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются инновационные подходы к прокурорскому надзору в условиях цифровизации общества. Анализируется влияние информационных технологий на правоприменительную практику, выявляются основные вызовы и возможности, связанные с внедрением искусственного интеллекта, блокчейн-технологий и специализированных информационных систем. Особое внимание уделяется юридическим, этическим вопросам использования данных инноваций, а также необходимости обучения и повышения квалификации сотрудников прокуратуры.

Ключевые слова: прокурорский надзор, цифровизация, искусственный интеллект, блокчейн, информационные технологии, юридическая этика, повышение квалификации, международное сотрудничество.

Innovative approaches to prosecutorial supervision in the digital age

© **Anisimov V.S.**,
Senior Lecturer of the 25th Department (Military Administration, Administrative and Financial Law) of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky
© **Babojan G.S.**,
Cadet of the 535 grup 5 faculty of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky

Abstract: The article considers innovative approaches to prosecutorial supervision in the conditions of digitalization of society. The impact of information technologies on law enforcement practice is analyzed, the main challenges and opportunities associated with the introduction of artificial intelligence, blockchain technologies and specialized information systems are identified. Special attention is paid to legal, ethical issues of using these innovations, as well as the need for training and professional development of prosecutors.

Keywords: prosecutorial supervision, digitalization, artificial intelligence, blockchain, information technology, legal ethics, professional development, international cooperation.

Актуальность заявленной темы статьи обусловлена несколькими ключевыми факторами, влияющими на современное правоприменение и обеспечение законности.

Во-первых, стремительное развитие цифровых технологий и их интеграция во все сферы жизни общества приводят к кардинальным изменениям в методах совершения и расследования правонарушений. Это создает новые вызовы для правоохранительной

системы, требующие адаптации существующих методов работы и внедрения инновационных подходов к прокурорскому надзору.

Во-вторых, цифровизация усиливает необходимость защиты персональных данных и обеспечения кибербезопасности, что ставит перед прокуратурой задачи по контролю за соблюдением законодательства в новой среде. Ответственность за эффективный надзор за исполнением законов в условиях цифровой экономики требует от правоохранительных органов глубокого понимания специфики работы цифровых платформ и технологий.

В-третьих, глобализация и международное сотрудничество в области правоприменения и прокурорского надзора подчеркивают важность обмена опытом и лучшими практиками в области цифровизации. Интеграция инновационных технологических решений в деятельность прокуратуры открывает новые возможности для повышения эффективности и качества расследований, а также для международного взаимодействия в борьбе с преступностью.

Таким образом, актуальность изучения инновационных подходов к прокурорскому надзору в цифровую эпоху обусловлена необходимостью ответа на современные вызовы, связанные с цифровизацией общества, и поиском эффективных решений для обеспечения законности и правопорядка в новых условиях.

В эпоху цифровизации, когда информационные технологии стремительно проникают во все сферы жизни общества, прокурорский надзор в Российской Федерации сталкивается с новыми вызовами и возможностями. Эта динамично развивающаяся среда требует от правоохранительных органов не только адаптации к изменяющимся условиям, но и активного внедрения инновационных подходов к своей работе.

Прокурорский надзор, как один из ключевых элементов системы правосудия, играет важную роль в обеспечении законности и правопорядка, что делает вопросы его модернизации особенно актуальными. С развитием цифровых технологий увеличивается объем и доступность информации, что в теории должно способствовать более эффективному контролю за соблюдением законодательства.

Однако же, вместе с новыми возможностями появляются и новые риски: угрозы кибербезопасности, сложности в обеспечении сохранности персональных данных, распространение нелегального контента в интернете, что требует от прокуратуры новых знаний и инструментов[1].

Цифровизация общества оказывает значительное влияние на все аспекты правоприменительной деятельности, включая прокурорский надзор. Этот процесс несет в себе как вызовы, так и возможности для повышения эффективности и качества работы.

С одной стороны, увеличение объема цифровой информации и переход многих процессов в онлайн-пространство затрудняют контроль за соблюдением законодательства из-за анонимности, сложности отслеживания действий в интернете и международного характера многих правонарушений.

С другой стороны, развитие информационных технологий предоставляет прокуратуре новые инструменты для анализа больших объемов данных, автоматизации рутинных процедур и повышения общей прозрачности и доступности правосудия[2].

Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение могут быть использованы для анализа больших объемов данных, выявления закономерностей и предсказания потенциальных правонарушений. Например, системы, способные анализировать транзакции в поисках признаков финансовых махинаций, уже находят применение в банковском секторе и могут быть адаптированы для нужд прокуратуры.

[1] Шабаров Д.В., Алексеева Ю.Б., Повжик О.Г. Цифровая трансформация органов прокуратуры россии: современное состояние и перспективы развития // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №. 3. С. 5—15.

[2] Васильев В.А. Инновации в регулировании организационно-правовой основы прокуратуры Российской Федерации // Научный журнал NovaUm. Ru. 2020. С. 210.

Технология блокчейн может быть использована для обеспечения неприкосновенности данных и создания надежных систем учета и архивации документов, что особенно актуально для юридически значимой информации. Блокчейн обеспечивает высокий уровень защиты от фальсификаций и несанкционированного доступа.

Разработка и внедрение специализированных информационных систем и программных решений позволяют автоматизировать процессы сбора, обработки и анализа информации, учета и отслеживания дел, а также эффективного взаимодействия различных подразделений и органов.

Внедрение инновационных технологий требует значительных ресурсов, как финансовых, так и временных, а также подготовки квалифицированных специалистов, способных работать с новыми системами. Кроме того, необходимо обеспечить соответствие всех процессов действующему законодательству и учитывать этические аспекты использования данных технологий[1].

Развитие цифровых технологий и их интеграция в систему прокурорского надзора открывает новые возможности для повышения эффективности и качества работы. Однако успешное внедрение инноваций требует тщательного анализа потенциальных рисков, разработки нормативно-правовой базы, адаптированной к новым условиям, и обучения персонала.

Внедрение ИИ и других цифровых технологий в прокурорский надзор ставит перед законодателями и практикующими юристами ряд юридических и этических вопросов.

Среди них — вопросы конфиденциальности и защиты персональных данных, ответственности за ошибки и неправомерные действия автоматизированных систем, а также этические аспекты применения алгоритмов принятия решений.

Эффективное использование новых технологий требует от сотрудников прокуратуры не только глубоких знаний в области права, но и понимания основ работы современных информационных систем и алгоритмов. Это предполагает необходимость разработки и реализации программ обучения и повышения квалификации.

В условиях глобализации и цифровизации преступности особенно актуальным становится международное сотрудничество в области обмена опытом, технологиями и информацией для борьбы с трансграничной преступностью.

Российская прокуратура может значительно усилить свои позиции, активно взаимодействуя с международными организациями и правоохранительными органами других стран в области внедрения и использования инновационных технологий.

Несмотря на существующие вызовы, перспективы внедрения инновационных технологий в прокурорский надзор кажутся многообещающими. Использование ИИ, блокчейна и специализированных информационных систем может кардинально изменить подходы к анализу данных, управлению делами и мониторингу исполнения законодательства, делая эти процессы более эффективными и прозрачными[2].

Цифровизация общества и развитие информационных технологий неминуемо влияют на все аспекты деятельности прокуратуры, предоставляя как новые возможности для повышения эффективности работы, так и вызовы, требующие внимательного анализа и адаптации.

Инновационные подходы к прокурорскому надзору, такие как применение искусственного интеллекта, блокчейн-технологий и специализированных информационных систем, открывают перспективы для более качественного и оперативного реагирования на правонарушения, а также для повышения общей прозрачности и доступности правосудия.

Однако успешное внедрение этих инноваций требует комплексного подхода, включающего разработку соответствующей нор-

[1] Полисин О.К. Публично-властные полномочия прокурора: подходы к определению понятия // Вестник экономики, управления и права. 2023. Т. 16. № 4. С. 102—110.

[2] Сергеева М.А. Значение деятельности сотрудников прокуратуры Российской Федерации в обеспечении законности // Лучшие научные проекты и исследования 2023: сборник статей. М., 2023. С. 49.

мативно-правовой базы, инвестиции в обучение и повышение квалификации сотрудников, а также укрепление международного сотрудничества. Это также предполагает необходимость балансирования между инновациями и обеспечением прав и свобод граждан, включая защиту персональных данных и конфиденциальности.

Важным аспектом является и развитие межведомственного взаимодействия внутри страны, что позволит обеспечить целостность и системность подходов к применению новых технологий в прокурорском надзоре.

Совершенствование нормативно-правовой базы должно идти рука об руку с технологическим развитием, чтобы правовые рамки способствовали, а не тормозили инновации.

Заключительным, но не менее важным элементом является обеспечение общественной прозрачности и контроля за процессом внедрения и использования новых технологий в прокурорском надзоре. Вовлечение общественности и профессиональных сообществ в дискуссию о возможностях и рисках, связанных с цифровизацией, способствует формированию доверия к правоохранительной системе и укреплению гражданского общества.

Таким образом, перед прокуратурой Российской Федерации стоит задача не просто адаптироваться к условиям цифровой эпохи, но и активно использовать возможности, которые она предоставляет для повышения эффективности и качества прокурорского надзора.

Реализация этой задачи требует комплексного подхода, включая правовую, технологическую и образовательную составляющие, а также открытость к международному сотрудничеству и обмену опытом.

Успех в этих направлениях позволит не только усилить роль прокуратуры в обеспечении законности и правопорядка, но и способствовать развитию правового государства, адаптированного к условиям XXI в.

Библиография

1. Шабаров, Д.В. Цифровая трансформация органов прокуратуры россии: современное состояние и перспективы развития / Д.В. Шабаров, Ю.Б. Алексеева, О.Г. Повжик // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2023. — №. 3. — С. 5—15.

2. Васильев, В.А. Инновации в регулировании организационно-правовой основы прокуратуры Российской Федерации / Васильев В.А. // Научный журнал NovaUm. Ru. — 2020. — № 5. — С. 210—212.

3. Полисин, О.К. Публично-властные полномочия прокурора: подходы к определению понятия / О.К. Полисин // Вестник экономики, управления и права. — 2023. — Т. 16. — №. 4. — С. 102—110.

4. Сергеева, М.А. Значение деятельности сотрудников прокуратуры Российской Федерации в обеспечении законности / М.А. Сергеева // Лучшие научные проекты и исследования 2023: сборник статей. — Москва, 2023.

Заметки о подсудности споров об обжаловании сотрудниками войск национальной гвардии Российской Федерации решений (заключений), вынесенных по итогам проведения военно-врачебной экспертизы

© **Наумов Петр Юрьевич,**
кандидат педагогических наук, помощник начальника ФГКУЗ «Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации» по правовой работе — начальник отделения правового обеспечения
© **Утюганов Андрей Анатольевич,**
кандидат психологических наук, преподаватель кафедры тактики и служебно-боевого применения ФГКВОУ ВО «Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации»
© **Мелентьев Илья Сергеевич,**
помощник начальника отделения правового обеспечения ФГКУЗ «Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации»

Аннотация. В работе рассматривается вопрос подсудности споров судам при обжаловании лицами, проходящими службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющими специальное звание полиции (далее — сотрудники) заключений (действий, решений, справок) по итогам проведения в отношении них медицинского освидетельствования в рамках военно-врачебной экспертизы в военно-медицинских организациях войск национальной гвардии. Отмечается, что после создания Росгвардии и принятия Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» вопросы подсудности судебных споров с участием личного состава этих войск не пересматривались. При этом действующее нормативное правовое регулирование подобных вопросов конструирует неоднозначное понимание его со стороны подсудности некоторых категорий споров. По заявленной теме исследования авторами приводятся собственные рассуждения с опорой на действующие нормы права и предлагаются некоторые изменения гражданского законодательства в области подсудности споров военным судам.

Ключевые слова: подсудность; судопроизводство; суды общей юрисдикции; военные суды; правовой статус; военно-врачебная экспертиза; комплексное понимание права; системность и целостность.

Notes on the jurisdiction of disputes on appeal by employees of the National Guard troops of the Russian Federation of decisions (conclusions) issued following the results of a military medical examination

© **Naumov P.Y.,**
Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Head of the Federal State Clinical Institution «Main Military Clinical Hospital of the National Guard of

the Russian Federation» for legal work — Head of the Legal Support Department;
© **Utyuganov A.A.,**
candidate of psychological sciences, teacher of the department of tactics and service-combat use of the Perm Military Institute of the National Guard of the Russian Federation;
© **Melentyev I.S.,**
Assistant Head of the Legal Support Department of the Federal State Clinical Institution «Main Military Clinical Hospital of the Russian Federation National Guard Troops»

Annotation. The work examines the issue of the jurisdiction of disputes by the courts when appealing by persons serving in the troops of the National Guard of the Russian Federation and having a special rank of police (hereinafter referred to as employees) of conclusions (actions, decisions, certificates) based on the results of a military medical examination in respect of them in the military. medical organizations. It is noted that after the creation of the Russian Guard and the adoption of the Federal Law «On the Troops of the National Guard of the Russian Federation», the issues of jurisdiction of legal disputes involving the personnel of these troops were not reviewed. At the same time, the current normative legal regulation of such issues creates an ambiguous understanding of the jurisdiction of certain categories of disputes. On the stated topic of the study, the authors provide their own reasoning based on the current rules of law and propose some changes to the legislation in the field of jurisdiction of military courts.

Keywords: jurisdiction; legal proceedings; courts of general jurisdiction; military courts; legal status; military medical examination; comprehensive understanding of law; consistency and integrity.

Право на обращение в суд — это фундаментальное право гражданина, на котором базируется возможность судебной защиты его прав и свобод, восстановления нарушенных или оспариваемых прав, реализации потребности в объективном и справедливом правосудии. В зависимости от правового статуса гражданина (иностранного гражданина, лица без гражданства) зависит и реализация его права на обращение в соответствующий суд[1]. Особый правовой статус военнослужащих и сотрудников, как совокупность их прав, свобод, обязанности и ответственности, предполагает и право на обжалование действий (бездействий, решений) должностных лиц и органов военного управления. Парирование глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения, оказание медицинской помощи военнослужащим и сотрудникам различных войск и органов, с одной стороны это важная и социально-значимая задача, с другой стороны проведение в отношении указанных лиц медицинского обследования и освидетельствования в рамках военно-врачебной экспертизы создает юридические последствия для них, следовательно, образуют высокий риск обжалования результатов такового в судебные органы[2].

[1] Большакова, В.М. Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В., Лаптев А.А. Реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: к проблеме правового регулирования соответствующих обязанностей федеральных судов общей юрисдикции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 5 (286). С. 83—91.

[2] Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 547—555; Землин А.И., Наумов П.Ю., Шепель Р.Н. Ценности здравоохранения на языке права: критические размышления об этических и правовых основах стандартов медицинской сортировки в российской военно-медицинской службе // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2024. Т. 23, № 4. С. 115—120; Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 28—32; Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах

Согласно ст. 46 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч. 1). Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч. 2). Частью 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации установлено, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Статьей 1 Федерального закона от 3 июля2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» установлено, что войска национальной гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина.

Согласно п. 1 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 Росгвардия является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности, в сфере частной детективной деятельности и в сфере вневедомственной охраны[1].

В п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» установлено, что в войсках национальной гвардии Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации о военной службе вводятся воинские должности, в соответствии с законодательством Российской Федерации о службе в органах внутренних дел Российской Федерации — должности сотрудников, имеющих специальные звания полиции, в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной гражданской службе Российской Федерации — должности федеральных государственных гражданских служащих, в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации — должности работников[2].

Согласно положениям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» под органами военного управления принято понимать Министерство обороны Российской Федерации, иной федеральный орган исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, центральные органы военного управления (командования, штабы, управления, департаменты, службы, отделы, отряды, центры), территориальные органы военного управления (военные комиссариаты, региональные центры, комендатуры территорий), управления и штабы объединений, соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

— военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 85—93; Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002; Смирнов Д.В., Наумов П.Ю. Организационно-правовые основы управления профессиональным психологическим отбором в войсках национальной гвардии России // Психология и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 214—234; Холиков И.В., Дамаскин О.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3 (162). С. 10—13.

[1] Асеев А.Г. Большакова В.М., Бабарыкин О.В., Наумов П.Ю. О полномочиях Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по оказанию платных услуг: специфика нормативного правового регулирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 52—57.

[2] Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 12-1. С. 49—56.

В соответствии со ст. 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) в случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, гражданские дела рассматриваются военными и иными специализированными судами. В силу ст. 18 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в случаях, предусмотренных федеральными законами, административные дела, связанные с защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений, рассматриваются военными судами.

На основании ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» военные суды Российской Федерации являются федеральными судами общей юрисдикции, входят в судебную систему Российской Федерации, осуществляют судебную власть в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и иные полномочия в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами. В силу ч. 1 ст. 7 названного законодательного акта военным судам подсудны гражданские и административные дела о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, граждан, проходящих военные сборы, от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений.

Таким образом, подсудность дел военным судам определяется исходя из особого субъектного состава (военнослужащий, бывший военнослужащий или орган военного управления), а также характера правоотношений (отношения, возникающие в связи с прохождением военной службы (службы); права нарушены в период прохождения военной службы (см. например, Апелляционное определение Московского городского суда от 18 октября 2018 по делу № 33а-8160/2018). Обжалование решения, а также действия и бездействия должностных лиц органов военного управления в судебном порядке подсудно военным судам Российской Федерации. Данной позиции о передаче по подсудности в гарнизонный суд при обжаловании действий военных организаций и должностных лиц придерживается Кировский областной суд (дело № 33а-1833/2021), Советский районный суд города Ростова-на-Дону (дело № 2-2675/2020), Балашихинский городской суд Московской области (дела № 2а-1819/2017 и № 2-2317/2019) и многие другие суды.

В силу ч. 3 ст. 25 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» военнослужащие и приравненные к ним лица имеют право на получение медицинской помощи в ведомственных медицинских организациях, а при их отсутствии или при отсутствии в ведомственных медицинских организациях отделений соответствующего профиля, специалистов либо специального медицинского оборудования — на получение медицинской помощи в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Частью 3 ст. 28 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» определено, что медицинская помощь военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии организуется в соответствии с порядками оказания медицинской помощи и на основе стандартов медицинской помощи, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения.

На основании подп. «а» п. 1 Правил оказания медицинской помощи (медицинского обеспечения) военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, уголовно-исполнительной системы, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания

полиции, лицам начальствующего состава органов федеральной фельдъегерской связи, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы из войск национальной гвардии Российской Федерации и внутренних войск, со службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, уголовно-исполнительной системе, органах федеральной фельдъегерской связи, а также лицам, уволенным со службы в федеральных органах налоговой полиции, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 911 медицинская помощь за счет средств, выделяемых из федерального бюджета Министерству внутренних дел Российской Федерации на предусмотренные настоящими Правилами цели, оказывается: военнослужащим войск национальной гвардии, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, лицам начальствующего состава органов федеральной фельдъегерской связи, в том числе изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов), обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты, выданным врачом (фельдшером), медицинскими изделиями в медицинских организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации и войск национальной гвардии, — бесплатно.

Из правового предписания ч. 2 ст. 24 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» прямо следует, что личный состав войск национальной гвардии включает в себя военнослужащих, сотрудников и лиц гражданского персонала (федеральных государственных гражданских служащих и работников) войск национальной гвардии.

Таким образом, в федеральном органе исполнительной власти — Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации проходят службу сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации и военную службу — военнослужащие, а нормативно-правовыми актами в сфере здравоохранения и оказания медицинской помощи сотрудники Росгвардии по медицинскому обеспечению приравниваются к военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации[1].

Согласно ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 2020 г. № 466-ФЗ «О территориальной юрисдикции гарнизонных военных судов» юрисдикция гарнизонных военных судов распространяется на воинские части, учреждения Вооруженных Сил Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, дислоцируемые на территории соответствующих административно-территориальных единиц Российской Федерации.

Также в силу ст. 61 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565, военно-врачебная экспертиза проводится военно-врачебными (врачебно-летными) комиссиями, в том числе в отношении военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии. Обжаловать решения (заключения) по итогам проведения медицинского освидетельствования в рамках военно-врачебной экспертизы возможно в вышестоящую военно-врачебную комиссию или в суд, в порядке, определенном гл. 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. В случае вынесения заключений (решений) военно-врачебными комиссиями медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации полагаем, что они могут быть обжалованы в гарнизонный военный

[1] Бабайцева Е.С., Холиков И.В. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2(60). С. 78—86.

суд, поскольку в данном случае обжалования подлежат действия (решения) воинских должностных лиц[1].

В качестве направлений совершенствования нормативных правовых актов в области подсудности гражданских дел военным судам полагаем, что необходимо внести изменения в ст. 25 ГПК РФ, которая именуется «Гражданские дела, подсудные военным судам и иным специализированным судам». Данной нормой установлено, что в случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, гражданские дела рассматриваются военными и иными специализированными судами. При этом в соответствии с Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» к специализированным судам относится только Суд по интеллектуальным правам, а в соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» военные суды относятся к федеральным судам общей юрисдикции. В связи с этим предписания ст. 25 ГПК РФ требуют приведения их в соответствие с действующим законодательством о военных судах.

Библиография

1. Асеев А.Г. О полномочиях Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по оказанию платных услуг: специфика нормативного правового регулирования / А.Г. Асеев, В.М. Большакова, О.В. Бабарыкин, П.Ю. Наумов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 52–57.

2. Бабайцева, Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / Е.С. Бабайцева, И.В. Холиков // Военное право. — 2020. — № 2(60). — С. 78—86.

3. Большакова, В.М. Отдельные аспекты организации и осуществления судебной защиты интересов медицинских организаций федеральных органов исполнительной власти, где федеральным законом предусмотрена военная служба / В.М. Большакова, Г.В. Енгибарян, П.Ю. Наумов // Вопросы российского и международного права. — 2020. — Т. 10. — № 12-1. — С. 49—56.

4. Большакова, В.М. Реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей: к проблеме правового регулирования соответствующих обязанностей федеральных судов общей юрисдикции / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Г.В. Енгибарян, А.А. Лаптев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 5 (286). — С. 83—91.

5. Дамаскин, О.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в России / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2018. — № 3 (162). — С. 10—13.

6. Землин, А.И. Ценности здравоохранения на языке права: критические размышления об этических и правовых основах стандартов медицинской сортировки в российской военно-медицинской службе / А.И. Землин, П.Ю. Наумов, Р.Н. Шепель // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. — 2024. — Т. 23, № 4. — С. 115—120. DOI 10.15829/1728-8800-2024-4023.

7. Корякин, В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8 (301). — С. 28—32.

8. Корякин, В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4 (297). — С. 85—93.

9. Наумов, П.Ю. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы / П.Ю. Наумов, В.М. Большакова, А.И. Землин, И.В. Холиков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2021. — Т. 13. — № 6. — С. 283—306. — DOI 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306.

10. Наумов, П.Ю. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации / П.Ю. Наумов, И.В. Холиков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2023. — Т. 15, № 1. — С. 474–493. — DOI 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493.

[1] Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283—306; Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15, № 1. С. 474—493; Наумов П.Ю., Холиков И.В., Солдатов С.К. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, № 1. С. 422—445.

11. Наумов, П.Ю. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте / П.Ю. Наумов, И.В. Холиков, С.К. Солдатов // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2024. — Т. 16, № 1. — С. 422—445. DOI 10.12731/2658-6649-2024-16-1-1071.

12. Смирнов, Д.В. Организационно-правовые основы управления профессиональным психологическим отбором в войсках национальной гвардии России / Д.В. Смирнов, П.Ю. Наумов // Психология и право. — 2024. — Т. 14, № 1. — С. 214—234. — DOI 10.17759/psylaw.2024140114.

13. Холиков, И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала / И.В. Холиков. —Москва: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002. — 160 с.

14. Холиков, И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. — 2022. — Т. 6, № 4(24). — С. 547—555. — DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555.

Уголовное право и криминология

К вопросу о понятии и классификации преступлений против военной службы

© **Борисов Андрей Викторович**,
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право» ФГКВОУ ВО «Военный университет им. князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье раскрывается понятие преступлений против военной службы и приводятся взгляды ученых на систему классификации данных видов преступлений, высказывается авторская позиция на этот счет, затрагиваются некоторые вопросы судебной практики по преступлениям против военной службы.

Ключевые слова: преступления против военной службы, понятие преступлений против военной службы, классификация преступлений против военной службы.

On the issue of the concept and classification of crimes against military service

© **Borisov A.V.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law at the Military University. The Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense Of the Russian Federation

Annotation. The article reveals the concept of crimes against military service and provides the views of scientists on the classification system of these types of crimes, expresses the author's position on this matter, touches upon some issues of judicial practice on crimes against military service.

Keywords: crimes against military service, the concept of crimes against military service, classification of crimes against military service.

Преступления против военной службы отражены в гл. 33 УК РФ. В данной главе кодифицированы 23 статьи, посвященные непосредственно преступлениям в сфере военной службы, общая характеристика которых изложена в ст. 331 УК РФ, а признаки и особенности которых учтены в ст. 332—352.1 УК РФ. Понятие преступления против военной службы основано на общем определении преступления, сформулированном в ст. 14 УК РФ.

Под преступлениями против военной службы понимаются предусмотренные гл. 33 УК РФ преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершаемые военнослужащими, проходящими в Вооружённых Силах Российской Федерации военную службу по призыву или по контракту, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, включая граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Все преступления против военной службы имеют общие признаки, а именно: степень общественной опасности, противоправность, виновность и наказуемость. В частности, вред здоровью потерпевшего военнослужащего причиняют следующие пре-

ступления против военной службы: насильственные действия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ); нарушение уставных правил воинских взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 5 УК РФ). Вред общественной безопасности наносят такие преступления против военной службы, как нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 351 УК РФ) или, например, нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 349 УК РФ).

В УК РФ преступления против военной службы обоснованно были структурированы и выделены в отдельный раздел, это 11-й раздел и его 33 глава; тем самым подчеркнута вся важность и необходимость предотвращения таких опасных, на наш взгляд, преступлений, как преступления против военной службы. Также правовой основой воинской обязанности и военной службы являются общепризнанные принципы и нормы международного права, Конституция Российской Федерации 1993 г., Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе», другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты в области обороны, воинской обязанности, военной службы и статуса военнослужащих. Так, в ст. 59 Конституции Российской Федерации провозглашается, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации.

В свете развития ситуации на Украине и проведения специальной военной операции по ее демилитаризации и денацификации (СВО, возникла необходимость новеллизации уголовного законодательства России. Новые нормы УК РФ предназначены для адаптации российского законодательства к особым условиям СВО, а также связаны с обострившейся в России социально-политической и экономической обстановкой. В результате изменений уголовного законодательства России были внесены ряд поправок в УК РФ. Они касаются следующих аспектов:

1) расширение понятия «терроризм» и уточнение критериев признания деяний террористическими;

2) ужесточение наказаний за совершение террористических актов или подготовку к ним;

3) введение ответственности за государственную измену и подрыв конституционного порядка;

4) ужесточение ответственности за незаконную торговлю и передвижение оружия.

Различные авторы предлагают различные классификации.

Так, Т.Н. Волкова выделяет четыре группы преступлений против военной службы[1]:

1. Преступления против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений между военнослужащими: неисполнение приказа (ст. 332 УК РФ); сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК РФ); насильственные действия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ); нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ); оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ).

2. Преступления против порядка прохождения военной службы: самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ); дезертирство (ст. 338 УК РФ); уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК РФ).

3. Преступления против порядка несения специальных служб: нарушение правил несения боевого дежурства (ст. 340 УК РФ); нарушение правил несения пограничной службы (ст. 341 УК РФ); нарушение уставных правил несения караульной службы (ст. 342 УК РФ); нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности

[1] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Волкова Т.Н. и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А. И. Чучаева. М.: Инфра-М: Контракт, 2006. С. 635.

(ст. 343 УК); нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне (ст. 344 УК РФ).

4. Преступления против порядка обращения с военным имуществом, оружием, источниками повышенной опасности, пользования и эксплуатации военной техники: оставление погибающего военного корабля (ст. 345 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение военного имущества (ст. 346 УК РФ); уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности (ст. 347 УК РФ); утрата военного имущества (ст. 348 УК РФ); нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 349 УК); нарушение правил вождения или эксплуатации машин (ст. 350 УК); нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 351 УК РФ); нарушение правил кораблевождения (ст. 352 УК РФ).

На наш взгляд, приведенная классификация в целом соответствует уголовному законодательству и отражает все элементы уголовно-правового режима военной службы. Однако авторы не в полной мере соблюдают единственный критерий классификации данных преступлений по субъектам, а именно установленный порядок прохождения военной службы.

Итак, под преступлениями против военной службы понимаются, предусмотренные гл. 33 УК РФ преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершаемые военнослужащими, проходящими в Вооружённых Силах Российской Федерации военную службу по призыву или по контракту, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, включая граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения ими военных сборов[1].

С вступлением в силу Федерального закона от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в статью 151 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» не только восстановлена историческая справедливость в условиях новой современной реальности, но и изменились критерии формирования системы преступлений против военной службы, наступил новый период развития.

Законодатель сделал шаг к логическому развитию системы преступлений против военной службы, устранив временной характер формирования этой системы с точки зрения объективной стороны преступления. Начал заполняться разрыв между правовой сферой и состоянием действительности[2].

В результате исключения данного критерия при формировании системы расширен состав некоторых преступлений против военной службы за счет особо квалифицирующих признаков военного времени, военного положения, мобилизации, вооружённого конфликта и боевых действий, введены новые составы преступлений — отказ от участия в военных или боевых действиях (ч. 2.1 ст. 332 УК РФ) и добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ). Таким образом, система преступлений против военной службы дополняется новой подсистемой государственной измены, но в ограниченном виде, поскольку она включает в себя только добровольный характер.

Отказ от участия в военных или боевых действиях относится к подсистеме преступлений против установленного порядка отношений между военнослужащими, которая также, как представляется, обладает признаками изменнического военного преступления[3].

В частности, принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». Постановление не только отвечает на вопрос о квалификации и определении некоторых терминов, но и вводит классификацию преступлений против военной службы, включив преступление добровольной сдачи военнопленного в категорию «преступления

[1] Уторова Т.Н., Шалегин С.П. Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. №. 4 (64). С. 391.

[2] Харитонов С.С., Смирнов Д.В. Об некоторых спорных вопросах военно-судебной практики по уголовным делам // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 51—65.

[3] Уторова Т.Н., Шалегин С.П. Указ. соч. С. 392.

против порядка прохождения военной службы в особый период времени».

Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» был внесен в Общую и Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации ряд принципиальных изменений и дополнений.

В соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ, обстоятельством, отягчающим наказание, признается «совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий». Согласно формулировке этой статьи, при назначении наказания за преступления, совершённые в указанные периоды, суд всегда должен рассматривать тот факт, что преступление было совершено в особый период, как отягчающее обстоятельство, независимо от намерений преступника, вида самого преступления и места, где оно было совершено.

На наш взгляд, данная формулировка требует корректировки, а именно, обозначения видов преступления, а также сужения круга лиц (субъектов преступления), на которых распространяется рассматриваемое отягчающее обстоятельство.

Необходимо отметить, что ряд статей УК РФ был дополнен аналогичным квалифицирующим признаком. Так, в ст. 333, 334, 337, 338, 339, 340, 341, 342 и 344 УК РФ появились новые части, в которых в качестве квалифицированных видов соответствующих преступлений против военной службы выделены «деяния, совершённые в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий»[1].

Одной из новелл в УК РФ является ст. 356.1. В этой статье, названной «Мародёрство», сформулированы основной и несколько квалифицированных составов данного преступления[2].

Законодатель определил мародёрство в части первой как «совершённые с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения)».

При применении данной статьи на практике возникает вопрос: каким образом разграничить составы мародёрства и хищения чужого имущества, совершённого в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий.

Отметим, что данная норма является новой для современного УК РФ, но не для истории уголовного права России в целом.

Еще одной новеллой является ст. 352.1 УК РФ, в которой установлена уголовная ответственность за добровольную сдачу в плен[3].

По нашему мнению, самые значительные изменения в УК РФ в период проведения СВО были внесены законодателем с принятием Федерального закона от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Следует отметить, что Верховный Суд Российской Федерации разъяснил в Постановлении Пленума от 18 мая 2023 г. № 11 важные аспекты практики рассмотрения судами уголовных дел, связанных с преступлениями против военной службы, в котором

[1] Моргуленко Е.А., Харитонов С.С., Шарапов С.Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13—17.

[2] Уторова Т.Н., Шалегин С.П. Указ. соч. С. 394.

[3] Власенко В.В. Добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2023. № 3. С. 39.

выделил значимость борьбы с этими преступлениями, так как они наносят ущерб безопасности государства и армии.

В Постановлении Пленум Верховного суда Российской Федерации особое внимание обратил на следующие моменты:

1) определение преступлений против военной службы: в Постановлении разъяснено определение таких преступлений и указано на основные статьи УК РФ, касающиеся этой категории преступлений;

2) учет специфики службы: в связи с особенностями выполнения военной службы, Постановление подчеркивает необходимость учета специфических обстоятельств, связанных с условиями службы, характером преступления и личностью виновного, при рассмотрении дел;

3) применение уголовно-правовых норм: важность соблюдения принципов уголовного права при рассмотрении дел о преступлениях против военной службы также подчеркивается в Постановлении;

4) рассмотрение обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание: в Постановлении отмечается необходимость тщательного анализа обстоятельств, влияющих на размер наказания, включая смягчающие и отягчающие обстоятельства;

5) предупреждение преступлений против военной службы: Постановление выделяет важность предупреждения таких преступлений и рекомендует применять профилактические меры для предотвращения их совершения.

Таким образом, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 позволяет усилить борьбу с преступными деяниями против военной службы, обеспечивая справедливое и эффективное проведение судебных процессов по таким делам.

В то же время вызывает некоторые сомнения недостаточно ясная формулировка п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ, в соответствии с которой обстоятельством, приводящим к отягощению наказания, считается «совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий».

В новый период развития система составов преступлений против военной службы, предусмотренных ст. 331 УК РФ, основывается исключительно на признаках объекта и субъекта преступления и включает в себя составы как мирного, так и военного времени. В основе системы лежит системный подход, что открывает возможности для совершенствования порядка ее применения и развития всей системы уголовного законодательства.

Библиография

1. Власенко, В.В. Добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее / В.В. Власенко // Уголовное право. — 2023. — № 3. — С. 38—45.

2. Моргуленко, Е.А. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов, С.Н. Шарапов // Военно-юридический журнал. — 2022. — № 11. — С. 13—17.

3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Волкова Т. Н. и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. — Москва: Инфра-М: Контракт, 2006. — 738 с.

4. Уторова, Т.Н. Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России / Т.Н. Уторова, С.П. Шалегин // Пенитенциарная наука. — 2023. — Т. 17. — №. 4 (64). — С. 390—397.

5. Харитонов, С.С. Об некоторых спорных вопросах военно-судебной практики по уголовным делам / С.С. Харитонов, Д.В. Смирнов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 4 (285). — С. 51—65.

Уголовно-правовая характеристика самовольного оставления части или места службы

© **Загубный Денис Юрьевич**,
старший преподаватель кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. В статье представлена уголовно-правовая характеристика самовольного оставления части или места службы. В статье раскрывается нормативная основа правового регулирования порядка прохождения военной службы в вооруженных силах Российской Федерации и раскрывается уголовно-правовая характеристика элементов данного состава преступления с представлением характеристики судебной практики.

Ключевые слова: воинские преступления, самовольное оставление части или места службы.

Criminal law characteristics of unauthorized abandonment of a unit or place of service

© **Zagubny D.Y.**,
Senior lecturer of the Department «Criminal law, criminal procedure and law enforcement» Law Institute Russian University of Transport

Annotation. The article presents the criminal law characteristics of unauthorized abandonment of a unit or place of service. The article reveals the normative basis of the legal regulation of the procedure for military service in the armed forces of the Russian Federation and reveals the criminal law characteristics of the elements of this corpus delicti with the presentation of the characteristics of judicial practice.

Keywords: military crimes, unauthorized abandonment of a unit or place of service.

Самовольное оставление части или места службы представляет собой убытие военнослужащего за пределы территории части, в которой он проходит военную службу, или уход с места службы, не совпадающего с расположением части (например, место нахождения военнослужащего в командировке или место его лечения).

Военнослужащий по призыву считается самовольно оставившим часть или место службы, если он сделал это без соответствующего разрешения командира (начальника). Военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, считается самовольно оставившим часть или место службы в случае ухода без соответствующего разрешения со службы в течение установленного регламентом служебного времени или установленного приказом (распоряжением) командира (начальника) времени, если этот уход не вызван служебной необходимостью.

Срок уголовного наказания за самовольное оставление части или места службы зависит от множества обстоятельств (например, от продолжительности отсутствия военнослужащего в части или места службы).

Между составами преступлений, предусмотренных ст. 337 и ст. 338 УК РФ, проходит тонкая грань, разграничивающая эти преступления между собой. Ответственность по ст. 337 УК РФ наступает лишь при наличии у лица намерения временно уклониться от исполнения обязанностей военной службы и по истечении определенного

срока возвратиться в часть (к месту службы) для последующего прохождения военной службы. Ключевым фактором является именно временное уклонение.

Объектом преступления по ст. 337 УК РФ, выступают общественные отношения, связанные с порядком прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Непосредственным объектом преступления выступает порядок пребывания на военной службе военнослужащих, проходящих военную службу как по призыву, так и по контракту.

Данный порядок регулируется Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», а также другими нормативными правовыми актами, среди которых особо выделяются Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации, «Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495.

Еще одним нормативно-правовым актом, регулирующим порядок прохождения военной службы, выступает Положение о порядке прохождения военной службы, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237. Согласно данному Положению контракт заключается между гражданином (иностранным гражданином) и от имени Российской Федерации — Министерством обороны Российской Федерации, иным федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в котором предусмотрена военная служба, письменно по типовой форме.

Контракт не может быть заключен с гражданином (иностранным гражданином), в отношении которого вынесен обвинительный приговор и которому назначено одно из видов наказания, предусмотренного УК РФ, в отношении которого ведется дознание либо предварительное следствие или уголовное дело в отношении которого передано в суд, с гражданином (иностранным гражданином), имеющим неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, отбывавшим наказание в виде лишения свободы, а также с гражданином (иностранным гражданином), подвергнутым административному наказанию за употребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. Контракт также не может быть заключен с гражданином, лишенным на определенный срок вступившим в законную силу решением суда права занимать воинскую должность, в течение этого срока.

Что касается военной службы по призыву, то в настоящее время призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет, состоящие на воинском учете или не состоящие, но обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе.

Призыв осуществляется на основании указов Президента Российской Федерации. На сегодняшний день действует Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2024 г. № 222 «О призыве в апреле — июле 2024 г. граждан Российской Федерации на военную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву».

Объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, является самовольное оставление части или места службы, а равно неявка без уважительных причин на службу продолжительностью более двух, но не более десяти суток.

Военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, имеют право свободно передвигаться внутри воинской части, но выезд за пределы местного гарнизона (за исключением случаев убытия в отпуск или командировку) категорически запрещен. Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, имеют право покинуть границы гарнизона, на территории которого они проходят военную службу,

только с согласия командира воинской части.

Каждая воинская часть дислоцируется в пределах определенной территории, установленной командованием. Соответственно, оставление воинской части является оставлением ее территории. Под территорией воинской части принято считать обособленную охраняемую территорию (как правило, на таких объектах установлен определенный режим в соответствии с уставами Вооруженных Сил), на которой расположены штабы, казармы, парки с военной техникой, хранилища, склады с оружием и иным имуществом, а также и иные объекты, непосредственно обеспечивающие деятельность воинской части. Поэтому, если военнослужащий уходит из казармы, но при этом казарма расположена в пределах территории воинской части, то это не является самовольным оставлением части.

Согласно п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» под оставлением части или места службы применительно к ст. 337 УК РФ следует понимать убытие военнослужащего за пределы территории части, в которой он проходит военную службу, или уход с места службы, не совпадающего с расположением части (например, место нахождения военнослужащего в командировке или место его лечения). В случае если подразделения одной части расположены обособленно, оставление военнослужащим подразделения следует признавать оставлением части, а не места службы.

Самовольным считается оставление части или места службы военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, с нарушением установленного порядка оставления расположения части или места службы (например, нарушение порядка убытия в отпуск или командировку, увольнения из расположения части).

Военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, считается самовольно оставившим часть или место службы в случае ухода без полученного в установленном порядке от уполномоченного командира (начальника) разрешения на уход со службы в течение установленного регламентом служебного времени или установленного приказом (распоряжением) командира (начальника) времени, если этот уход не вызван служебной необходимостью. При этом для квалификации содеянного по ст. 337 УК РФ необходимо установить наличие цели уклониться от исполнения обязанностей военной службы на определенный срок, предусмотренный указанной нормой.

Преступление, предусмотренное ст. 337 УК РФ, с точки зрения объективной стороны, может совершено не только путем самовольного оставление части, но и путем самовольного оставления места службы. Место службы иногда может быть за пределами воинской части, например, при нахождении военнослужащего в командировке. В данном случае, местом службы будет считаться территория части, указанная в командировочном предписании, а не воинская часть, куда военнослужащий зачислен для прохождения военной службы.

Если в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, местом службы принято считать непосредственно саму воинскую часть, т.к. им запрещено выезжать за пределы местного гарнизона (а если даже предоставлено право выезда, то только в строго определенном порядке на основании увольнительной записки — в пределах местного гарнизона и на основании отпускного билета, командировочного удостоверения — за пределами гарнизона), то с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту все намного сложнее.

В гл. 33 УК РФ к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, относятся офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты, сержанты, старшины, солдаты и матросы, заключившие контракт о прохождении военной службы (п. 1 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих»), лица, указанные в п. 6 ст. 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», а также граждане, призванные на военную службу по мобилизации, на кото-

рых в установленном порядке распространен статус военнослужащих, проходящих военную службу по контракту[1].

Местом службы признается также и место лечения военнослужащего, вне зависимости от того, является ли оно военным госпиталем или медицинским учреждением иной ведомственной принадлежности[2].

Необходимым признаком состава рассматриваемого преступления является самовольный характер оставления воинской части или места службы без разрешения начальника. Зачастую, на практике бывают случаи, когда начальник (например, командир воинской части) в курсе, что военнослужащий совершает деяние объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, но по причине вступления с ним в преступный сговор, покрывает военнослужащего. В таком случае необходимо ставить вопрос о привлечении к уголовной ответственности самого начальника (или иного должностного лица).

Под неявкой в срок без уважительных причин на службу военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, следует понимать неприбытие указанных лиц при увольнении из части, при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинской организации на службу в срок, установленный в соответствующих документах (например, в увольнительной записке, отпускном билете).

Как неявку в срок без уважительных причин на службу военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, следует понимать не только неявку при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинской организации, но и неприбытие указанных лиц на службу ко времени, установленному регламентом служебного времени или приказом (распоряжением) командира (начальника), в том числе и в случае проживания таких военнослужащих в общежитиях или жилых домах, находящихся на территории воинской части, в которой они проходят военную службу.

Отсутствие уважительных причин является необходимым условием уголовной ответственности за неявку в срок на военную службу. К уважительным причинам в этих случаях при условии их подтверждения в судебном заседании следует относить такие обстоятельства, которые не зависят от воли военнослужащего и объективно препятствуют ему явиться в срок на службу (например, заболевание или увечье военнослужащего, связанные с утратой трудоспособности, препятствие, возникшее в результате действия непреодолимой силы). В случае установления по делу уважительности причины неявки в срок на военную службу в деянии отсутствует состав преступления[3].

Началом самовольного оставления части принято считать момент оставления военнослужащим расположения воинской части или места службы, а концом — время явки военнослужащего в расположение воинской части или место службы либо время его задержания вне пределов расположения воинской части или места службы, если при этом у виновного не было намерения уклониться от военной службы на срок свыше десяти суток. Иногда, военнослужащий, совершив самовольное оставление части, может добровольно явиться не в свою воинскую часть, а в расположение другой воинской части или в военную комендатуру города (например, в воинскую часть соседнего города, в котором он проживает). Конечным моментом преступления в этих случаях будет считаться время явки военнослужащего в расположение другой части или в военную комендатуру. При неявке в срок без уважительных причин на службу начальным моментом преступления следует считать истечение срока явки военнослужащего в часть или место службы, указанного в соответствующем документе (командировочном предписании, отпускном билете, увольнительной записке).

Состав преступления по конструкции — формальный. Преступление считается

[1] П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11.

[2] Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 4 т. Том 4. Особенная часть. Разделы X—XII. М.: Юрайт, 2023. С. 194.

[3] П. 40 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 № 11.

оконченным по истечению двух суток с момента самовольного оставления или неявки в часть или к месту службы.

Субъект преступления — специальный, в лице военнослужащего (необходимо отметить и такой признак субъекта преступления, как вменяемость).

Субъект преступления зависит от инкриминируемой части ст. 337 УК РФ, и от категории военнослужащего. Так:

— по ч. 1 ст. 337 УК РФ, субъектом преступления является военнослужащий, проходящий военную службу только по призыву;

— по ч. 2 ст. 337 УК РФ, субъектом является военнослужащий, отбывающий наказание в дисциплинарной воинской части;

— по ч. 2.1 ст. 337 УК РФ, субъектом преступления признается военнослужащий, проходящий военную службу по призыву либо по контракту, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий;

— по ч. 3 ст. 337 УК РФ, субъектом преступления, помимо военнослужащего, приходящего военную службу по призыву, субъектом преступления выступает также военнослужащий, проходящий военную службу по контракту. Но, важно отметить, если контрактник отсутствовал менее десяти суток, он несет не уголовную, а дисциплинарную ответственность.

— по ч. 3.1 ст. 337 УК РФ, субъектом преступления признается военнослужащий, проходящий военную службу по призыву либо по контракту, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Не являются субъектами преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, лица, которые были призваны ошибочно (как происходило относительно недавно, когда была объявлена частичная мобилизация — известно, что повестки приходили даже инвалидам, студентам и др. категориям граждан, которые освобождены, согласно закону, от призыва на военную службу по мобилизации), т.к., это не соответствует требованиям действующего законодательства.

Субъективная сторона, преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, характеризируется виной в виде прямого умысла — т.е. лицо осознает, что оно самовольно, без разрешения командира (или другого начальника), оставляет расположение воинской части или места службы и таким образом уклоняется от несения обязанностей военной службы, и самое главное, желает этого.

При неявке в срок на службу виновный в лице военнослужащего осознает, что он находится вне расположения воинской части, и делает это без уважительных причин, желает или сознательно допускает продолжения своего незаконного пребывания вне части свыше двух, десяти суток или свыше одного месяца (зависит от категории военнослужащего).

Ответственность по ст. 337 УК РФ наступает только при наличии у лица намерения временно уклониться от исполнения обязанностей военной службы, и по истечению определенного срока возвратиться в часть или к месту службы для дальнейшего прохождения военной службы.

Отсутствие у виновного, именно цели вовсе уклониться от несения обязанностей военной службы отличает рассматриваемое преступление от дезертирства (ст. 338 УК РФ).

Разница в размерах назначения наказания существенная, поэтому при расследовании подобных преступлений, в обязательном порядке проводится судебно-психиатрическая экспертиза (без этого следователь, по сути, не сможет закончить дело и направить в суд с согласия прокурора).

Важно определить, что заставило военнослужащего самовольно оставить воинскую часть (место службы). Если, допустим, речь идет о военнослужащем, проходящем военную службу по призыву, то, например, причиной может послужить боязнь притеснений со стороны контрактников. Согласно ст. 14 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» судебно-психиатрическая экспертиза по уголовным, гражданским и административным делам производится по основаниям и в порядке, предусмотренным законодательством Российской Федерации».

В соответствии с приказом Минздрава России от 12 января 2017 г. № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы», основаниями производства судебно-психиатрической экспертизы являются определение суда, постановления судьи, лица, производящего дознание или постановления следователя.

Ответственность по ст. 337 УК РФ наступает за уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы, совершенное только указанными в диспозиции этой статьи способами (самовольное оставление части или места службы, неявка в срок без уважительных причин на службу).

Согласно ч. 1 ст. 337 УК РФ самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу при увольнении из части, при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинской организации продолжительностью свыше двух суток, но не более десяти суток, совершенные военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, наказываются арестом на срок до шести месяцев или содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года.

Согласно ч. 2 ст. 337 УК РФ деяния, указанные в ч. 1 ст. 337 УК РФ, совершенные военнослужащим, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части, наказываются лишением свободы на срок до двух лет. Военнослужащими, отбывающими наказание в дисциплинарной воинской части, являются военнослужащие, осужденные к содержанию в дисциплинарной воинской части и зачисленные в списки переменного состава дисциплинарного батальона (роты). В соответствии с п. 1 Положения о дисциплинарной воинской части, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июня 1997 г. № 669, дисциплинарные воинские части (отдельные дисциплинарные батальоны и отдельные дисциплинарные роты) предназначены для отбывания осужденными военнослужащими наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части.

Специальная военная операция по денацификации и демилитаризации Украины (СВО) потребовала от законодателя внести определенные изменения в уголовный закон нашего государства.

Одно из изменений — это дополнение ст. 337 УК РФ новым пунктом 2.1, согласно которому самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше двух суток, но не более десяти суток, совершенные военнослужащим, проходящим военную службу по призыву или по контракту, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

На наш взгляд, данное положение отражает современные реалии общества, в котором мы живем, учитывая тот факт, что националистический режим киевских властей всё чаще прибегает к различного рода провокациям (чаще всего распространяет фейковые ролики, которые не соответствуют действительности). В этой связи, государству необходим некий механизм регулирования складывающейся ситуации, который, как мы видим, нашел отражение и в УК РФ.

Отличительной особенностью ч. 2.1. ст. 337 УК РФ, в отличие от ч. 1 ст. 337 УК РФ, является неявка в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше двух суток, но не более десяти суток, совершенные военнослужащим, проходящим военную службу по призыву или по контракту, но только в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, в то время, как ч. 1 ст. 337 УК РФ, предусматривает уголовную ответственность за те же деяния, но в мирное время при увольнении из части, при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинской организации.

Согласно ч. 3 ст. 337 УК РФ, самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше десяти суток, но не более одного месяца, совершенные военнослужащим, проходящим

военную службу по призыву или по контракту, наказываются ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет. Специфика данной статьи выражается в том, что санкции в ней более серьезные, нежели чем в ч. 1, к тому же, данная часть предусматривает наказание за более продолжительный срок неявки без уважительных причин на службу.

Кроме этого, здесь также необходимо отметить две составляющие, такие как:

1. неявка в срок без уважительных причин на службу военнослужащих, проходящих военную службу по призыву;

2. неявка в срок без уважительных причин на службу военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

В первом случае (когда речь идет о военнослужащих, проходящих военную службу по призыву) под неявкой в срок без уважительных причин на службу, следует понимать неприбытие указанных лиц при увольнении из части, при назначении, переводе, из командировки, отпуска или лечебного учреждения на службу в срок, установленный в соответствующих документах (например, в увольнительной записке, или в отпускном билете). А во втором случае (относительно военнослужащих, проходящих военную службу по контракту) под неявкой в срок без уважительных причин на службу следует понимать не только неявку при назначении, переводе, из командировки, отпуска или лечебного учреждения, но и неприбытие указанных лиц на службу ко времени, установленному регламентом служебного времени или приказом (распоряжением) командира (начальника).

Приведем следующий пример из судебной практики.

Мусиченко признан виновным в неявках в срок на службу без уважительных причин свыше двух суток, но не более десяти суток, а также продолжительностью свыше одного месяца, совершенных им как военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в период мобилизации, при следующих установленных судом первой инстанции обстоятельствах.

После объявления в Российской Федерации частичной мобилизации Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647, Мусиченко, проходящий военную службу по контракту в войсковой части №..., дислоцированной в <адрес>, с целью временно уклониться от прохождения военной службы и желая отдохнуть, не явился в срок без уважительных причин на службу из отпуска и проводил время по своему усмотрению, когда добровольно прибыл в расположение воинской части и приступил к исполнению обязанностей военной службы.

Он же, с целью временно уклониться от прохождения военной службы и отдохнуть от исполнения обязанностей, без уважительных причин не явился на службу и стал проводить время по своему усмотрению. Незаконное нахождение Мусиченко вне сферы воинских правоотношений было прекращено в связи с доставлением его в военную комендатуру.

Мусиченко, проходящий военную службу по контракту, осужден за совершение преступлений, предусмотренных:

— ч. 2.1 ст. 337 УК РФ — к лишению свободы на срок 2 года;

— ч. 5 ст. 337 УК РФ — к лишению свободы на срок 5 лет.

В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности совершенных преступлений окончательное наказание Мусиченко назначено путем частичного сложения назначенных наказаний в виде 6 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Мусиченко признан виновным в неявках в срок на службу без уважительных причин свыше двух суток, но не более десяти суток, а также продолжительностью свыше одного месяца, совершенных им, как военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в период мобилизации[1].

В соответствии с ч. 4 ст. 337 УК РФ самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважи-

[1] Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 09.02.2024 № 22-78/2024.

тельных причин на службу продолжительностью свыше одного месяца, совершенные военнослужащим, проходящим военную службу по призыву или по контракту, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет. Говоря об одном календарном месяце, имеется ввиду, например, период с 20 июля по 21 августа. Под продолжительностью самовольного оставления части (места службы) или неявки в срок на службу, указанный в ст. 337 УК РФ, понимается фактическое время незаконного пребывания военнослужащего вне части (места службы), исчисляемое с момента самовольного оставления части (места службы) либо истечения установленного срока явки на службу и до момента прекращения такого пребывания по воле или вопреки воле лица (например, добровольная явка в часть (к месту службы) или в органы военного управления, задержание). Срок незаконного пребывания военнослужащего вне части (или места службы) исчисляется сутками и месяцами.

Необходимо отметить, что в случае самовольного оставления части (места службы) или неявки в срок на службу продолжительностью свыше двух суток, но не более десяти суток (ч. 1 и ч .2 ст. 337 УК РФ), свыше десяти суток, но менее одного календарного месяца (ч. 3 ст. 337 УК РФ), срок начинает исчисляться при самовольном оставлении части (места службы) с часа убытия, а при неявке в срок на службу — с часа, следующего за установленным временем явки (если час не установлен, то с ноля часов суток, следующих за датой явки), а оканчивается в час фактической явки либо задержания. Важно отметить, если при этом лицо находилось вне части (места службы) не свыше двух суток (для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, — не свыше десяти суток), содеянное не является уголовно наказуемым, а признается грубым дисциплинарным проступком.

Согласно ч. 5 ст. 337 УК РФ самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше одного месяца, совершенные военнослужащим, проходящим военную службу по призыву или по контракту, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет. Данная часть тоже была введена относительно недавно, т.к. этого требовали обстоятельства. Специфика данной статьи заключается в том, что она вменяется исключительно в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Это отграничивает данную часть от ч. 4, которая применяется в отношении военнослужащих только в мирное время.

В случае если в период незаконного пребывания военнослужащего вне части (места службы), командир (либо другой начальник) издает соответствующий приказ об исключении такого лица из списков личного состава воинской части, то при этом срок самовольного отсутствия не прерывается, поскольку законных оснований для издания этого приказа не имелось. В последующем военнослужащий подлежит розыску для привлечения к уголовной ответственности в процессуальном порядке (речь идет о военнослужащем, проходящем военную службу по контракту). На первоначальном этапе, розыск организуется командиром воинской части (или же другим лицом, занимающим руководящую должность). Если силами командования воинской части, в течении 10 суток, не удалось установить никаких сведений о месте нахождения военнослужащего, то в дальнейшем, все процессуальные действия производятся по поручению следователя (сотрудника военно-следственных органов), или же, по поручению военного прокурора.

Если же обнаруживается, что военнослужащий, проходящий военную службу по призыву, самовольно оставил часть (место службы), то в данном случае, по истечении 2 суток с момента совершения деяния, возбуждается уголовное дело (с вынесением соответствующего постановления), с обязательным уведомлением военного прокурора. Непосредственным розыском военнослужащих (как призывников, так и контрактников), занимаются органы внутренних дел в тесном взаимодействии с ФСБ России и Минобороны России.

Но, важно отметить, что в примечании к ст. 337 УК РФ установлено, что в случае, если военнослужащий, впервые совершивший деяния, предусмотренные ч. 1—4 рассматриваемой статьи, может быть освобожден от уголовной ответственности, если самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу явились следствием стечения тяжелых обстоятельств (например, смерть близкого человека). Поэтому, расследования должно быть полным, всесторонним, объективным и законным, для установления всех необходимых обстоятельств.

Также в примечании к указанной статье указано, что граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов несут уголовную ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст. 337 УК РФ, которая установлена для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

Как показывает анализ судебных решений по ст. 337 УК РФ, большинство преступлений совершается либо по ч. 3 ст. 337 УК РФ (т.е. самовольное оставление части (места службы) продолжительностью свыше 10 суток, но не более 1 месяца), либо же по ч. 4 ст. 337 УК РФ (т.е. самовольное оставление части (места службы) продолжительностью свыше 1 месяца).

Также в судебной практике есть приговоры по ч. 5 ст. 337 УК РФ. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Южного окружного военного суда рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного на приговор Крымского гарнизонного военного суда от 24 октября 2023 г., в соответствии с которым военнослужащий А., несудимый, призванный на военную службу по мобилизации, осужден по ч. 5 ст. 337 УК РФ к наказанию в виде лишения свободы на срок 5 лет 6 месяцев в исправительной колонии общего режима.

Таким образом, мы видим, что суды на данный момент назначают реальные сроки лишения свободы, как правило, сроком не ниже 5 лет.

Убийство с особой жестокостью: практические вопросы квалификации

© **Иванов Андрей Львович**,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени Я.Я. Сухарева»,
© **Ермолович Ярослав Николаевич**,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени Я.Я. Сухарева»

Аннотация. В статье обосновывается необходимость установления для вменения признака особой жестокости убийства дополнительного признака — длительности страданий и мучений. Также показано, что поджог домовладений с целью причинения смерти проживающим в них лицам практика не относит к особой жестокости. Смерть при данных обстоятельствах может наступить от отравления угарным газом, сердечного приступа, неосторожных действий потерпевшего, связанных с попыткой покинуть место пожара и других причин, и впрямую не связывается с причинением особых страданий.

Ключевые слова: убийство, особая жестокость, длительность периода причинения смерти, особые страдания.

Murder with extreme cruelty: practical issues of qualification

© **Ivanov A.L.**,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology FGKOU VO "Moscow Academy of the Investigative Committee" Russian Federation named after Ya.a. Sukharev",
© **Ermolovich Ya.N.**,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology FGKOU VO "Moscow Academy of the Investigative Committee" Russian Federation named after Ya.Ya. Sukharev",

Abstract. The article substantiates the need to establish an additional criterion for imputing the sign of special cruelty in murder - the duration of suffering and torment. It is also shown that the practice of setting fire to households with the aim of causing death to those living in them is not particularly cruel. Death under these circumstances can occur from carbon monoxide poisoning, heart attack, careless actions of the victim associated with an attempt to leave the scene of the fire and other reasons, and is not directly associated with the infliction of special suffering.

Key words: murder, special cruelty, duration of the period of causing death, special suffering.

Сложные вопросы квалификации умышленного причинения смерти человеку, сопряженного с особой жестокостью, достаточно подробно рассмотрены специальным органом Верховного Суда Россий-

ской Федерации, который в целях обеспечения правильного и единообразного применения законов дает правоприменителю разъяснения по вопросам судебной практики[1].

Доктринальные подходы и практические правила квалификации преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 195 УК РФ, обозначенные в п. 8 указанного судебного акта, во многом разрешили выявленные практикой на то время вопросы в вопросах состава убийства с особой жестокостью. Вместе с тем некоторые аспекты разъяснений (особенно это касается приведенных в качестве примера обобщенных случаев особой жестокости: нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д.) неоднозначно восприняты и поняты практикой. Это, в первую очередь, касается следователей Следственного комитета Российской Федерации (СК России), к подследственности которых относится расследование убийств прокуроров и судей.

В связи с этим приведем в качестве примера обстоятельства уголовного дела, возбужденного в одном из субъектов Российской Федерации по обвинению лица в совершении нескольких преступлений по совокупности, одним из которых стало совершенное с особой жестокостью убийство потерпевшего посредством поджога домовладения, в котором тот находился. Следует также уточнить, что указанные обстоятельства стали известны авторам статьи в рамках оказания правовой помощи сотрудниками Московской академии коллегам из следственных органов СК России, в производстве которых находится данное уголовное дело. Как следует из имеющейся в распоряжении авторов информации, подтвержденной установленными в ходе расследования фактическими данными, виновный, имея умысел на причинение смерти двум лицам, в связи с выполнением ими общественного долга, одно из которых заведомо находилось в беспомощном состоянии, избрав общеопасный способ совершения преступления, произвел поджог дома потерпевших. В результате указанных действий наступила смерть лица, находившегося в беспомощном состоянии, второму лицу удалось самостоятельно покинуть дом, смерть потерпевшего наступила в результате отравления угарным газом, имеющиеся на теле повреждения в виде термических ожогов образовались посмертно.

Как указано в обращении сотрудников следственного органа, первоначально виновному вменялось, наряду с иными квалифицирующими признаками, убийство потерпевшего, совершенное с особой жестокостью (п. «б», «в», «д», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Однако в ходе дальнейшего расследования признак особой жестокости следователем исключен из формулировки обвинения и в обвинительном заключении отсутствует. Указанная переквалификация обусловлена направленностью умысла обвиняемого на причинение потерпевшему смерти с особой жестокостью и недостижением указанного преступного результата вследствие наступления смерти при обстоятельствах, исключающих особые мучения и страдания. После направления уголовного дела прокурору в порядке ч. 6 ст. 220 УПК РФ, последним принято решение о его возвращении для производства дополнительного следствия. В частности, прокурор указал, что наступление смерти потерпевшего в результате отравления угарным газом и посмертный характер ожогов не исключают квалификацию действия обвиняемого по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку доказан умысел последнего на причинение особых страданий.

При тщательном анализе поступившей информации представляется в целом правильной позиция органа следствия, предъявившего окончательное обвинение виновному без вменения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ввиду отсутствия в его действиях признаков проявления им особой жестокости. Данный вывод, помимо доктринальных взглядов на признаки особой жестокости, основан на обязательных для судов разъяснениях Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г.

[1] П. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

№ 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)», а также Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» и Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а также постановлений и определений Верховного Суда Российской Федерации по конкретным уголовным делам.

Так, в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 раскрыто понятие особой жестокости, из которого следует, что данное понятие связывается как со способом убийства, так и другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости. К примерам особой жестокости Пленум относит нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительного действующего яда, сожжение заживо и др. Следует указать, что поджог домовладений с целью причинения смерти проживающим в них лицам Верховный Суд Российской Федерации не относит к особой жестокости, так как это не обязательно свидетельствует об умысле виновного на причинение потерпевшим особых страданий. Смерть при данных обстоятельствах может наступить от отравления угарным газом, сердечного приступа, неосторожных действий потерпевшего, связанных с попыткой покинуть место пожара и других причин, не связанных с особой жестокостью.

Это подтверждается и следственно-судебной практикой, в соответствии с которой признак особой жестокости, как правило, вменяется в случаях, когда смерть потерпевших наступает от непосредственного воздействия огня вследствие полученных ожогов. При этом последние испытывают особые, как длительные, так и скоротечные экстремальные болевые ощущения и физические страдания при непосредственном воздействии открытого пламени и высоких температур[1]. Например, П., когда супруги Н. легли спать, связал их и с целью убийства облил бензином и поджег. После того, как одежда потерпевших и предметы, которыми они были связаны, сгорели, Н. пыталась покинуть квартиру, но П. воспрепятствовал ей. Убедившись, что потерпевшие получили сильные ожоги, испытывая запредельные длительные (десятки минут) болевые ощущения, П. скрылся. В результате термических ожогов супруги Н. скончались[2].

В ином случае скоротечное горение тела человека, приведшее к смерти, также признано убийством с особой жестокостью. П., действуя по мотиву личной неприязни, с целью причинить мучительную смерть Т., облил последнего легковоспламеняющейся жидкостью и поднес источник открытого огня. Потерпевшему причинен тяжкий вред здоровью, повлекший его смерть. Как указал судебно-медицинский эксперт, телесные повреждения образовались прижизненно, в течение нескольких минут до наступления смерти в результате воздействия открытого пламени и вдыхания горячего воздуха с продуктами горения[3].

Вместе с тем Верховный Суд Российской Федерации в случаях, подобных указанным в обращении обстоятельствам (в т.ч. и при наступлении смерти от отравления угарным газом), независимо от доказанности умысла виновного на причинение особых страданий потерпевшему, во многих случаях не соглашался с квалификацией содеянного по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ и исключал признак особой жестокости как излишне вмененный. Так, по делу в отношении Н. орган следствия и суд первой инстанции указали, что потерпевший И. фактически был сожжен «заживо, испыты-

[1] См., напр., определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2007 г. № 224-П07, от 22 ноября 2022 г. № 9-УД22-30-А4, от 9 августа 2022 г. № 46-УД22-28-А4.

[2] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2007 г. № 244-П07 по делу П.

[3] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2019 г. № 5-АПУ19-9.

вая особые мучения и страдания под воздействием высокой температуры и пламени огня». Верховный Суд Российской Федерации не согласился с данным выводом и указал, ссылаясь на заключение судебно-медицинских экспертов, что причиной смерти потерпевшего явилось отравление окисью углерода (угарным газом), прижизненно последнему были причинены телесные повреждений различной тяжести, не связанные с наступлением смерти. А воздействию огня потерпевший подвергся уже посмертно, поэтому с выводом суда о том, что потерпевший испытывал особые мучения и страдания, нельзя согласиться. При таких обстоятельствах, когда в действиях осужденной Н. отсутствуют признаки проявления ею особой жестокости при совершении убийства потерпевшего, необходимо переквалифицировать ее действия с п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ[1]. Подобное решение Верховный Суд Российской Федерации, а также суды, рассматривавшие дела по первой инстанции, принимали и в других случаях при сходных обстоятельствах[2]. Таким образом, при решении вопроса о вменении данного квалифицирующего признака при поджоге домовладений с целью причинения смерти проживающим в них лицам, тяжесть причиненных потерпевшему страданий оценивалась следствием и судами с учетом фактических обстоятельств дела.

Аналогичные разъяснения даются Верховным Судом Российской Федерации, помимо вышеуказанного постановления, и в иных постановлениях Пленума: от 15 ноября 2022 г., от 4 декабря 2014 г., обзорах судебной практики, иных судебных актах. Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» особо жестокими признаются действия виновного, приводящие к тяжелым физическим либо нравственным страданиям потерпевшего или других лиц. В п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» определено, что тяжесть причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств дела, к которым могут быть отнесены любые обстоятельства, влияющие на степень и характер таких страданий, которые подлежат оценке с учетом способа их причинения.

Что же касается обозначенной прокурором позиции о необходимости вменения признака особой жестокости по приведенному нами выше уголовному делу, то она обусловлена противоречиями в следственно-судебной практике по уголовным делам данной категории. Так, по уголовному делу в отношении обвиняемого Т. Верховный Суд Российской Федерации прямо указал, что «непосредственной причиной смерти И. явилось отравление угарным газом, что не опровергает причинение последнему особых страданий и мучений, поскольку установленный способ причинения смерти И., избранный осужденной, свидетельствует о проявлении особой жестокости»[3].

Следует указать и об иных взглядах по обсуждаемому вопросу, так же представленных в доктрине уголовного права, которые расходятся с позицией авторов статьи. Так, П.С. Яни, говоря о квалификации убийства людей путем сожжения, подчеркивает, что избранный виновными способ

[1] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2011 г. № 31-011-17.

[2] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2013 г. № 49-АПУ13-44, Апелляционное определение Третьего апелляционного суда по делу № 55-632/2020.

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2019 г. № 88-АПУ19-5сп. Подобная позиция Верховного Суда отражена и в иных постановлениях и определениях Верховного Суда Российской Федерации: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 58-УД24-1-А5, Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 ноября 2020 г.).

причинения смерти предусматривает обязательное вменение п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Как подчёркивает ученый, «требующая вменения особой жестокости смерть в результате сожжения может наступить не только от применения такого способа в отношении человека непосредственно, но и когда виновный поджигает помещения, транспортные средства и т.п., в которых заведомо или предположительно находится человек»[1].

Представляется, что для исключения противоречий в правовой позиции органа следствия с одной стороны и прокуратуры и суда, с другой, при квалификации деяний обвиняемого по уголовным делам, связанным с причинением смерти потерпевшему путем поджогов домовладений, для выявления умысла необходимо в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона предпринять ряд дополнительных мер уголовно-правового характера. Например, назначить и провести специальные экспертные исследования, где в числе прочих поставить вопросы о выраженности, интенсивности, масштабе и длительности болевых ощущений, их соотнесении с понятием особых физически страданий, болевых ощущений и др., провести иные процессуальные действия с целью отграничения убийства с особой жестокостью от «простого» убийства.

Каждый нормальный человек осознает, что любое умышленное лишение жизни так или иначе является проявлением жестокости. Однако общественная опасность убийства повышается, если такая жестокость является явно избыточной, чрезмерной даже с учетом поставленной задачи — причинить человеку смерть. В практике такая избыточность имеет место, когда убийству человека предшествуют пытки, истязание потерпевшего или глумление над ним. Данные понятия, как составные элементы особой жестокости, будут иметь определяющее для квалификации значение только в случае, когда они непосредственно предшествуют лишению жизни либо проявляются непосредственно в процессе совершения убийства. Для квалификации совершенного с особой жестокостью убийства не имеет значения, наступила ли смерть от пыток, истязаний или глумления или убийца по их завершению нанес смертельный удар. В таких случаях содеянное охватывается п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 117 УК РФ не требуется.

Вместе с тем, говоря о фактических обстоятельствах «жестоких» убийств, сопряженных с пытками, истязанием потерпевшего или глумлением над ним, нельзя не сказать о дополнительных критериях таких преступлений, выработанных доктриной и практикой. Так, исходя из толкования особой жестокости, обозначенного в вышеуказанных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выделяются дополнительные критерии жестокости: множественность нанесения побоев и ранений потерпевшему, длительный характер их нанесения, последовательность причинения телесных повреждений, интенсивность, их масштаб при выявлении умысла лица на причинение мучений и страданий в процессе лишения жизни.

Например, в некоторых случаях потерпевшим причинялись множественные телесные повреждения в течение продолжительного периода времени, например, на протяжении часа, и их нанесение имело интенсивный характер. В таких случаях (например, по уголовному делу в отношении Р.) Верховный Суд отмечает, что особая жестокость проявляется в конкретном способе совершения убийства — длительном нанесении множества ударов[2]. Об этом же говорит и П.С. Яни, указывая на обязательные критерии особой жестокости при убийстве, к одному из которых следует отнести длительность болевых ощущений человека: «… обстоятельства с очевидностью предполагают настолько длительное умирание человека, что он вполне успевает испытать ощущения, названные "особыми страданиями", которые могут продолжаться и после совершения виновным последнего действия»[3].

Н.А. Лопашенко не вполне разделяет

[1] Яни П.С. Убийство, сопряженное с особой жестокостью: вопросы квалификации // Законность. 2022. № 10. С. 27— 32; № 11. С. 34— 39.

[2] Опубликовано в Обзоре судебной практики Верховного Суда РСФСР за 1975 г.

[3] Там же. С. 28.

эту точку зрения, полагая, что «этот признак не выделяется Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в качестве самостоятельной разновидности особо жестокого убийства», хотя в ряде случаев и заслуживает отнесения к такому убийству[1].

В связи с различными мнениями не можем не высказаться по данному вопросу, и не поддержать П.С. Яни, согласившись с ним о необходимости отнесения длительности страданий при убийстве к обязательному критерию или необходимому условию вменения особой жестокости как способа причинения смерти. Здесь, конечно, нельзя не сослаться на п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», который говорит о физических страданиях, как раз связывая их с интенсивностью, масштабом и длительностью физической боли. Представляется, что высшая судебная инстанция, называя ряд указанных условий особой жестокости, наличествующих как по отдельности, так и в совокупности, исходит из необходимости обнаружения у потерпевшего страданий, которые названы ею «особыми». Как разъясняет Верховный Суд Российской Федерации, соотношение быстротечности и длительности как раз и определяется во взаимосвязи, как указано в постановлении его Пленума, с интенсивностью и масштабом болевых ощущений, сопровождающих умирание человека.

В следственно-судебной практике при толковании признаков особой жестокости возникает ряд и иных спорных вопросов. Например, в доктрине многими учеными отмечалось, что само по себе причинение большого количества повреждений, при отсутствии иных признаков особой жестокости, в частности достаточной длительности, не может служить основанием для квалификации убийства по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ[2]. В практике подобная проблема также существует, и разрешается не единообразно. Один из авторов статьи (А.Л. Иванов) с указанной проблемой сталкивался в практической деятельности, будучи следователем военной прокуратуры Тюменского гарнизона и расследуя уголовное дело в отношении военнослужащего по призыву рядового В. Последний буквально разрубил более чем десятью ударами голову родной бабушке, однако страшные повреждения были причинены в период 5—7 минут, потерпевшая в момент начала преступного посягательства спала. Вмененный мной наряду с другими признаками убийства и иными преступлениями (В. самовольно оставил место службы и совершил корыстные преступления) по совокупности признак особой жестокости Военным трибуналом Тюменского гарнизона был исключен из обвинения и в обвинительном приговоре отсутствовал.

Практический интерес для авторов статьи представил и рассказ на курсах повышения квалификации слушателя-руководителя одного из следственных отделов о подобном преступлении, расследуемом подчиненным ему следователем. Как он пояснил, потерпевшему было причинено более 150 повреждений, повлекших смерть, однако суд не согласился с вменением следствием признака особой жестокости и квалифицировал содеянное как «простое» убийство, совершенное по мотиву личной неприязни.

Из практики известно, что при убийствах, сопряженных с разбоем, и некоторых иных корыстных убийствах виновные часто наносят потерпевшим десятки повреждений (удары ножом или тяжелыми предметами, множественные ранения с применением огнестрельного оружия и др.). Однако в ходе расследования выясняется, что целью преступников являлось не причинение жертве особых физических страданий или экстремальных болевых ощущений, а желание как можно быстрее сломить сопротивление потерпевшего, завладеть его имуществом и незамедлительно оставить место совершения преступления, чтобы избежать задержания правоохранительными органами.

Например, Ж. нанес потерпевшему У.

[1] Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика : моногр. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 373.

[2] См. напр.: Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 407—408.

удары ножом и кирпичом в голову, причинив тяжкий вред здоровью, опасный для жизни в момент причинения. Потерпевший от полученных повреждений скончался. Верховный Суд Российской Федерации переквалифицировал действия виновного с п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ и указал, что при решении вопроса о наличии в действиях виновного особой жестокости надлежит исходить из того, что это понятие связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении особой жестокости. Вывод суда о совершении Ж. убийства с особой жестокостью сделан на основании данных о множественности нанесенных потерпевшему ударов (11 — ножом и 6 — обломком кирпича). Однако причинение множества телесных повреждений при отсутствии других доказательств не может служить основанием для признания убийства совершенным с особой жестокостью. Кроме того, преступление совершалось в течение непродолжительного времени[1]. А по делу в отношении П. Верховный Суд Российской Федерации при квалификации содеянного прямо указал, что нанесение потерпевшей большого количества ранений, повлекших смерть, связывалось не с чрезмерным проявлением жестокости, а с необходимостью подавить ее сопротивление, и определил, что, исходя из фактических обстоятельств дела, нельзя признать, что способ убийства в данном случае был связан с причинением потерпевшей особых страданий и мучений[2].

Следует учитывать, что множественность нанесения побоев и ранений потерпевшему может свидетельствовать об особой жестокости не только при наличии длительности нанесения, но и, например, определенной последовательности причинения телесных повреждений. Верховный Суд Российской Федерации, не соглашаясь с квалификацией убийства по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ в ситуации с быстротечным нанесением множественных телесных повреждений, привел доводы, что «удары были нанесены за очень короткий промежуток времени», «все ранения были причинены практически мгновенно», «особая жестокость проявляется в конкретном способе совершения убийства — длительном нанесении множества ударов» [3].

Что же касается такого признака убийства с особой жестокостью, как определенная последовательность причинения телесных повреждений, то в связи с эти необходимо сказать о нижеследующем. В ряде судебных решений, исключивших из обвинения признак особой жестокости, указывалось на то, что после нанесения одного или нескольких первых ударов в очереди из десятков последующих, потерпевшие впадали в бессознательное состояние и не испытывали запредельных болевых ощущений. Также, как следует из заключений судебно-медицинских экспертов, особенно в случае истязаний и пыток наибольшие страдания и мучения потерпевшие испытывают при т.н. «нарастающей» схеме их причинения, когда болевые ощущения увеличиваются постепенно по мере увеличения количества причиняемых повреждений. И, напротив, при сильнейших первых ударах большое число последующих может не ощущаться столь же мучительно, «теряясь» на общем фоне возникших при первых телесных повреждениях сильнейших болевых ощущениях[4].

Особая жестокость может проявляться и в случае причинения потерпевшему одного ранения, опасного для жизни, но преступник увеличивает страдания и мучения тем, что препятствует оказанию ему медицинской помощи. В таких практических примерах мы видим, что вменение признака особой жестокости также невозможно без установления факта длительного умирания человека.

---

[1] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2006 г. № 611-п06.

[2] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2009 г. № 43-П09.

[3] См., например, БВС СССР. 1988. № 4; Обзор судебной практики Верховного суда РСФСР за 1975 г.

[4] См., например, Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 3-АПУ16-10; Апелляционное определение судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2015 г. № 201-АПУ15-3; Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 г..

Библиография

1. Лопашенко, Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика : монография / Н.А. Лопашенко. — Москва: Юрлитинформ, 2018. — 654 с.

2. Попов, А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. — 896 с.

3. Яни, П.С. Убийство, «сопряженное» с особой жестокостью: вопросы квалификации / П.С. Яни // Законность. — 2022. — № 10. — С. 27— 32; — № 11. — С. 34— 39.

Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами: анализ механизма преступления

© **Мозговой Ярослав Сергеевич,**
следователь по особо важным делам военного следственного отдела Следственного комитета России по Уфимскому гарнизону старший лейтенант юстиции

Аннотация. Механизм совершения уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами разнообразен с включением ряда взаимозависимых элементов, главным из которых является способ. Автором на основе анализа расследованных уголовных дел выявлены, изучены и обобщены типичные действия военнослужащих по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, предусмотренных ст. 339 УК РФ.

Ключевые слова: военнослужащий; механизм преступления; членовредительство; симуляция болезни; подлог документов; иной обман.

Evasion of military service duties by feigning illness or other means: analysis of the mechanism of the crime

© **Mozgovoy Y.S.**
investigator for particularly important cases military investigation department Investigative Committee of Russia for the Ufa garrison senior lieutenant of justice

Abstract. The mechanism for evading military service duties by feigning illness or other means is varied and includes a number of interdependent elements, the main one of which is the method. The author, based on an analysis of investigated criminal cases, has identified, studied and summarized typical actions of military personnel in the preparation, commission and concealment of crimes provided for in the article 339 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: serviceman; crime mechanism; self-harm; illness simulation; forgery of documents; another deception.

Функциональная сторона любого события, в том числе и криминального, — это совокупная череда действий, которые совершаются под влиянием определенных условий, времени, окружающей обстановки, личных качеств и характеристик субъекта. В этой связи применительно к криминалистической характеристике преступления необходимо рассматривать механизм, включающий в качестве основных структурных элементов действия преступника по его подготовке, совершению и сокрытию; взаимосвязи названных действий; их отражение в объективной реальности в виде следов[1]. Взяв за аксиому приведенное положение, исследование механизма уклонения от исполнения обязанностей военной службы, как череды различных по своему характеру и направленности взаимосвязанных криминальных действий по подготовке, совершению и сокрытию представляется оправданным.

Небезынтересно в нашем случае то, что действия по подготовке могут находиться в

[1] Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 24.

значительном временном разрыве с совершением преступления, а меры по его сокрытию зачастую предпринимаются военнослужащими еще на этапе подготовки или совершения, что дает нам повод говорить о переплетении этих структурных элементов механизма уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами.

Учитывая, что в основе всех способов изучаемого преступления лежит обман, подготовка к их реализации предполагает не только физические действия подозреваемого, но и его мыслительную деятельность, то в общем виде может включать следующие из них:

— расспросы сослуживцев, осведомленных о различных способах уклонения. Подобная информация зачастую передается «из уст в уста» в непринужденных беседах в среде военнослужащих;

— получение информации из сети Интернет о возможных способах совершения преступления, фактах имевших место и последствиях для военнослужащего;

— изучение личных качеств командиров, прогнозирование их реакции на преступление. Основные вопросы, которыми задаются военнослужащие, следующие: «Придадут ли огласке факт уклонения от исполнения обязанностей военной службы»? «Будет ли сообщение передано в военно-следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела»?

— анализ обстановки в воинской части и получение информации о существовавших ранее фактах совершения аналогичных преступлений;

— поиск лиц, готовых оказать содействие в совершении преступления и установление с ними договоренности о выполнении ими определенных действий;

— приобретение подложных документов, зачастую необходимых для осуществления такого способа как иной обман;

— создание условий и обстановки «безопасных» для реализации способа преступления;

— поиск или подбор соответствующих орудий и средств совершения преступления;

— «инструктаж» сослуживцев, родственников относительно того, что необходимо говорить об обстоятельствах произошедшего события во время возможного опроса (допроса).

Полученные нами данные позволяют констатировать то, что подготовка в одной из названных форм присутствовала в каждом случае совершения преступления и оказывала безусловное влияние на выбор военнослужащими момента совершения уклонения от исполнения обязанностей военной службы и способов, которые, как нам известно, существенно различаются между собой.

Самым опасным по характеру действий, непредсказуемости последствий для организма является членовредительство, которое определяется как умышленное нарушение анатомической целостности органов или тканей собственного тела с помощью огнестрельного, холодного оружия, других предметов, лекарственных, химических или биологических веществ и иных воздействий, а также вызывание искусственным путем различных заболеваний, обострение уже имеющегося заболевания, нарушение нормальной деятельности внутренних органов[1].

Действия военнослужащего по совершению членовредительства разнообразны, но все они сведены к двум формам: повреждения различных органов и тканей (самоповреждения) и искусственные болезни[2].

Положительным является то, что случаи самоповреждений в настоящее время не распространены, из изученных 118 уголовных дел и 112 приговоров они составили 9,3 % и их способы были сведены к следующему:

1) повреждения в виде инородного тела желудка (в каждом случае использовалась швейная игла);

2) повреждения орудиями колюще-режущего и режущего действия (установлено

[1] Ермолович Я.Н. Научно-практический комментарий к главе 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (постатейный, с судебной практикой). М.: Центр правовых коммуникаций, 2018. С. 90.

[2] Авдеев М.И. Судебная медицина / 5-е изд., перераб. и доп. М.: Госюриздат, 1960. С. 334.

применение ножей бытового назначения и лезвий);

3) повреждения взрывными устройствами (применялся запал ручной гранаты);

4) искусственное заболевание внутренних органов (использовалась разбавленная уксусная кислота).

Обстоятельства совершения членовредительства указывают на то, что в большинстве случаев военнослужащие используют в качестве орудий преступления предметы бытового назначения. Местом преступления избирается жилое помещение, лечебное учреждение, полевой лагерь в расчете на появление свидетелей посткриминального действий и своевременного оказания медицинской помощи. Об этом свидетельствует и характер нанесенных повреждений, которые либо не причиняют вред здоровью, либо причиняют вред тот, на который не рассчитывал военнослужащий.

Ранее по данным исследований С.М. Горелова[1] и В.В. Шаповалова[2] членовредительство относилось к самому распространенному способу уклонения от исполнения обязанностей военной службы. Авторы приводили показатели 43,57 % и 80 % соответственно от числа изученных ими уголовных дел.

К менее распространенному способу совершения преступлений относится симуляция, которая в медицинской практике по отношению к болезни обозначается как притворство. Оценка распространенности симуляции среди военнослужащих представляется проблемой из-за отсутствия достоверных статистических данных, связанных с моментом подозрения, возникающим, как правило, когда врач уже приступил к лечению и регистрация притворной болезни поставила бы под сомнение его компетентность[3]. Полагаем, что именно по этим причинам на практике случаи регистрируемых и расследованных уклонений от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни крайне редки.

Самостоятельным и в настоящее время распространенным способом уклонения от исполнения обязанностей военной службы является подлог документов. В исследуемый нами период с 2017 по 2023 г. встретился в 38 % расследованных уголовных дел. Ранее Б.А. Кожемякин, отмечал показатель 62 % за период с 1959 по1976 г.[4]

Рассмотрение способов подлога документов, к которым прибегают военнослужащие, позволяет объединить их в следующие группы:

1. Частичная подделка, при которой в первоначальное содержание подлинного документа вносились отдельные изменения путем подчистки, дописки[5]. Военнослужащими самостоятельно без привлечения третьих лиц совершаются подобные действия.

2. Полная подделка документов, включающая изготовление бланка и его реквизитов с внесением ложных сведений[6]. В этих целях военнослужащими использовалась копировально-множительная техника и интернет-ресурсы. Так, П. находясь у себя дома, нашел в сети «Интернет» бланк справки-вызова ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», распечатал его. Зная, что нигде не обучается, П. внес собственноручно ложные сведения о периоде промежуточной аттестации и вместе с рапортом представил командованию воинской части. По-

[1] Горелов С.М. Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (членовредительство) : уголовно-правовой и криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д. 2009. С. 88.

[2] Шаповалов В.В. Основы методики расследования преступлений, связанных с уклонением от военной службы путем симуляции болезни или иными способами : монография. Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2014. С. 47.

[3] Шапкин Е.В. Симуляция артериальной гипертензии и проблема ее выявления у военнослужащих // Медицинский вестник МВД. 2016. № 2 (81). С. 33.

[4] Кожемякин Б.А. Ответственность за уклонение от несения обязанностей военной службы путем членовредительства или иными способами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 1979. С. 12, 19.

[5] Воробьева И.Б. Техническая подделка документов: способы, признаки, криминалистическое исследование : монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 176—193.

[6] Бобовкин М.В., Проткин А.А. Криминалистика. Исследование документов: учебное пособие для вузов / 3-е изд., прераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. С. 113—119.

сле положительного рассмотрения поданного рапорта П., убыл к месту жительства, где проводил время по своему усмотрению, занимаясь решением личных вопросов[1].

Нередки случаи участия в противоправной деятельности по полной подделке документов третьих лиц.

3. Интеллектуальный подлог — это внесение заведомо недостоверной информации в подлинные бланки документов. Среди возможных вариантов совершения преступления можно выделить следующие: 1) ложная информация вносилась лицом, имеющим право издания документа в силу возложенных на него обязанностей; 2) издание документа лицом, не имеющим такого права, но использующим официальные (годные, правомерные) средства[2]. Нам встречались на практике случаи собственноручного внесения военнослужащими ложной информации о недостоверных фактах сдачи крови в незаполненные справки установленного образца. На основании таких справок, как следует из материалов дела, подсудимые освобождались от исполнения обязанностей военной службы в день сдачи крови или ее компонентов и имели дополнительный день отдыха. В остальных случаях документы, содержащие признаки интеллектуального подлога, приобретались военнослужащими у третьих лиц.

Изучение способов совершения подделки документов имеет большее практическое значение при рассмотрении в совокупности с предметом посягательства. Так, в 46,2 % уголовных дел частичной и полной подделке подвергались документы, дающие право на отпуск в связи с освоением учебной программы дисциплины; в 28,2 % — документы, свидетельствующие о наличии заболевания у военнослужащего; в 14,6% — документы, дающие право на досрочное увольнение с военной службы; в 11 % — документы о состоянии здоровья близких родственников военнослужащего и необходимости ухода за ними.

Почти тождественные данные приводил и С.С. Харитонов, изучавший уголовные дела более раннего периода (с 2013 по 2017 г.). Автор в числе документов, ставших предметом подлога, называл листки нетрудоспособности; справки об уходе за больным ребенком; справки о нахождении на лечении в «гражданской» больнице; удостоверения ветерана боевых действий, выданные на основании подложных документов; справки-вызовы; справки о неиспользовании основного отпуска за текущий год; документ, на основании которого военнослужащему командованием был предоставлен творческий отпуск для завершения написания диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук[3].

Связанный с подлогом документов, но выделенный законодателем в качестве самостоятельного способа преступления, является иной обман, который отмечен нами в 52,7 % расследованных уголовных дел. Зачастую военнослужащие совершают оба действия: изготавливают и представляют подложные документы, чтобы ложной информации придать свойство правдивой. При всем многообразии форм иного обмана нами установлен объединяющий характер таких действий и предложены следующие варианты:

1. Сообщение военнослужащим заведомо ложной информации соответствующим должностным лицам, которая воспринимается ими как достоверная ввиду объективных причин (56,4 %).

Рассмотрим пример. С. с целью углубленного медицинского обследования 31 декабря 2022 г. был направлен для получения медицинской консультации в военный госпиталь. В этот же день С., сообщил командиру взвода по телефону ложную информацию о своей госпитализации, однако сам проводил время со своей семьей. При последующих телефонных разговорах с командиром взвода С. продолжал сообщать недостоверную информацию о состоянии здоровья и нахождении на стационарном

[1] Уголовное дело 1-10/2019 архив Спасск-Дальнего гарнизонного военного суда.

[2] Ефремов Д.А. К вопросу о правовой и криминалистической сущности подлога // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1(120). С. 184.

[3] Харитонов С.С. Проблемные вопросы квалификации уклонений от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 11 (256). С. 76—86.

лечении. Когда командир взвода потребовал представить медицинские документы о прохождении стационарного лечения, С. перестал выходить на связь. 9 февраля 2023 г. С. прибыл в полевой лагерь войсковой части, тем самым прекратил незаконное нахождение вне сферы воинских правоотношений[1].

В приведенном примере военнослужащий сообщал ложную информацию, которая на фоне выявленного на тот момент у него заболевания воспринималась командиром как достоверная и не подвергалась сомнению.

2. Утаивание информации об изменении или устранении обстоятельств, в связи с которыми военнослужащий не исполнял обязанности военной службы (30,6 % уголовных дел). Это, например, может быть выписка из лечебного учреждения ввиду выздоровления, досрочное окончание обучения.

3. «Мнимое присутствие» — так нами предлагается обозначить форму иного обмана, при котором военнослужащий не находится в расположении воинской части, не исполняет обязанности военной службы, но при этом в документах, фиксирующих военно-служебную деятельность, эти факты не находят отражения.

В толковом словаре слово «мнимый» означает неистинный, неподлинный, призрачный и воображаемый, видимый и обманчивый[2]. Обман в такой форме возможен только с ведома и согласия должностных лиц. Наглядным будет следующий пример. П., являясь командиром взвода связи, предложил К. проводить время по своему усмотрению за пределами части, безвозмездно перечисляя ему 1 000 руб. за каждые сутки отдыха. П. обещал скрыть факт отсутствия К. на военной службе перед вышестоящим командованием. К., исходя из ранее достигнутой договоренности, убыл из расположения воинской части и, используя мобильное приложение своих телефонов, при помощи информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», осуществлял перевод денежных средств на банковскую карту П. Чтобы скрыть факт отсутствия К. на территории войсковой части, П. в некоторых случаях ставил в строй вместо него других военнослужащих из числа лиц наряда, а когда проводились проверки личного состава вышестоящим командованием, вызывал К. в часть, после чего он снова убывал к себе домой[3].

Способам совершения уклонения от исполнения обязанностей военной службы соответствуют способы их сокрытия. В механизме, изучаемого нами преступления, сокрытие выступает и как элемент способа, и как вариант посткриминального поведения[4]. Предпринимаемые военнослужащими действия разнообразны и сводятся к уничтожению следов, путем их затирания, замывания; оставлению ложных следов; уничтожению или сокрытию орудий причинения самоповреждений; уничтожению или утаиванию средств, применяемых при симуляции болезни; фальсификации служебной документации; передачи ложной информации об обстоятельствах получения повреждений; воздействию путем уговоров и угроз на свидетелей из числа сослуживцев с целью склонения их к даче ложных показаний; сговору военнослужащего с родственниками относительно их показаний.

Значимым элементом в структуре механизма преступления, предусмотренного ст. 339 УК РФ, является способ в единстве его составных частей: подготовки, совершения и сокрытия. В прямой зависимости от способа находится предмет преступления, при совершении уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем подлога документов и иного обмана такая зависимость была установлена.

Анализ механизма преступления позволил установить типичные следы и предложить наряду с материальными, цифровыми

---

[1] Уголовное дело № 1-138/ 2023 архив Крымского гарнизонного военного суда.

[2] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1-4. Т. 2. М.: Русский язык, 1979. С. 334.

[3] Уголовное дело № 1-62/2020 архив Воронежского гарнизонного военного суда.

[4] Карагодин В.Н. Формирование и развитие криминалистического учения о способе совершения преступления // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : межвузовский сборник научных трудов. Омск: Омская Академия МВД России, 2009. Вып. 7. С. 12—17.

и идеальными самостоятельную группу документальных следов. Их характер, способ возникновения и содержание позволяет установить значимые обстоятельства совершения уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами.

Библиография

1. Авдеев, М.И. Судебная медицина; 5-е изд., перераб. и доп. / М.И. Авдеев. — Москва: Госюриздат, 1960. — 539 с.

2. Бессонов, А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А.А. Бессонов. — Москва, 2017. — 45 с.

3. Бобовкин, М.В. Криминалистика. Исследование документов : учебное пособие; 3-е изд. перераб. и доп. / М.В. Бобовкин, А.А. Проткин. — Москва: Юрайт, 2024. — 289 с.

4. Воробьева, И.Б. Техническая подделка документов: способы, признаки, криминалистическое исследование : монография / И.Б. Воробьева. — Москва: Юрлитинформ, 2013. — 255 с.

5. Горелов, С.М. Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (членовредительство): уголовно-правовой и криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук / С.М. Горелов. — Ростов н/Д. 2009. — 246 с.

7. Ермолович, Я.Н. Научно-практический комментарий к главе 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (постатейный, с судебной практикой) / Я.Н. Ермолович. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2018. — 240 с.

8. Ефремов, Д.А. К вопросу о правовой и криминалистической сущности подлога / Д.А. Ефремов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 1(120). — С. 182—188.

9. Карагодин, В.Н. Формирование и развитие криминалистического учения о способе совершения преступления / В.Н. Карагодин // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : межвузовский сборник научных трудов. — Омск: Омская Академия МВД России, 2009. — Вып. 7. — С. 10—18.

10. Кожемякин, Б.А. Ответственность за уклонение от несения обязанностей военной службы путем членовредительства или иными способами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б.А. Кожемякин. — Москва, 1979. — 23 с.

11. Шаповалов, В.В. Основы методики расследования преступлений, связанных с уклонением от военной службы путем симуляции болезни или иными способами : монография / В.В. Шаповалов. — Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2014. — 166 с.

12. Шапкин, Е.В. Симуляция артериальной гипертензии и проблема ее выявления у военнослужащих / Е.В. Шапкин // Медицинский вестник МВД. — 2016. — № 2 (81). — С. 33—38.

Проблемы квалификации мародерства в условиях проведения специальной военной операции и чрезвычайного положения

© **Никонович Сергей Леонидович,**
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГКВОУ ВО «Военный университет им. князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
© **Тищенко Александр Олегович,**
соискатель по кафедре уголовного процесса ФГКВОУ ВО «Военный университет им. князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. *Статья* содержит сравнительный анализ современной диспозиции мародерства с диспозицией указанного преступления, предусмотренного уголовным законодательством СССР. Авторы рассматривают применение ст. 356.1 УК РФ в условиях проведения специальной военной операции, делают предложения по введению в действующий УК РФ ст. 356.2, касающейся уголовной ответственности за мародерство в условиях чрезвычайного положения.

Ключевые слова: мародерство, противоправное безвозмездное изъятие, поле боя, вооруженный конфликт, чрезвычайное положение.

The problems of the qualification of looting in the conditions of a special military operation and a state of emergency

© **Nikonovich S.L.**,
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation
© **Tishchenko A.O.**,
Candidate for the Department of Criminal Procedure of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article contains a comparative analysis of the modern disposition of looting with the disposition of the specified crime provided for by the criminal legislation of the USSR. The authors consider the application of Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in the context of a special military operation, make proposals for the introduction of Article 356.2 of the Criminal Code of the Russian Federation concerning criminal liability for looting in a state of emergency.

Keywords: looting, illegal gratuitous seizure, battlefield, armed conflict, state of emergency.

Мародёрство (от французского слова: marauder «грабить») — военное преступление, суть которого, согласно уголовному законодательству Союза ССР, заключалась в тайном или открытом хищении на поле сражения (в том числе — в районах, подвергнутых бомбардировкам и обстрелам) вещей, находящихся при убитых и раненых военнослужащих или гражданских лицах.

С древнейших времен сложились представления о том, что имущество побежденного «по праву войны» принадлежит победителю. Считалось, что победив, солдаты имели полное право присвоить себе понравившуюся вещь поверженного врага. Хищение в этом случае выступало своеобразной компенсацией за риск. На протяжении долгого времени мародерство признавалось легальным. Однако с течением времени военачальники поняли опасность данного деяния, так как разграбление и разорение поверженных городов способствовало разложению армии, подрыву воинской дисциплины, снижению боеспособности, что требовало принятия кардинальных мер по пресечению и запрету мародерства.

Так, в ст. 214 УК РСФСР 1922 г. мародерство определялось как противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости его отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей. При этом делалась ссылка на ст. 76 УК РСФСР 1922 г. об организации и участии в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождались, что каралось высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества[1].

В ст. 193.27 УК РСФСР 1926 г. мародерство определялось как похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых, со ссылкой на ст. 193.28 УК РСФСР 1926 г. о разбое, грабеже, противозаконном уничтожении имущества и насилии, а равно противозаконном отобрании имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий. За указанное деяние предусматривалась высшая мера наказания с конфискацией имущества.

В ст. 266 УК РСФСР 1960 г. мародерство определялось как «похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых», и в санкции данной нормы предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет либо смертная казнь. В отдельной статье УК РСФСР 1960 г. (ст. 267) предусматривалась повышенная ответственность за «разбой, противозаконное уничтожение имущества, насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий»[2].

Таким образом, в отечественном уголовном праве на всех этапах его развития мародерство всегда рассматривалось как воинское преступление, совершаемое, как правило, на поле боя (сражения) или в районе ведения военных действий, оно толковалось в узком смысле и сводилось лишь к похищению вещей, находящихся при убитых и раненых, оставшихся на поле сражения.

Вместе с тем, в современном толковом словаре даются следующие определения мародерства:

1) мародер — солдат-грабитель, самовольно отлучившийся для грабежа;

2) грабитель, разоряющий население в местах военных действий, снимающий вещи с убитых и раненых на поле сражения, занимающийся грабежом в местах катастроф, первоначально в армии[3].

Возникает вопрос, должен ли мародер являться исключительно военнослужащим? Из вышеизложенных толкований понятия мародерства возможно сделать вывод, что мародером (грабителем) может быть не только военнослужащий, но и частное лицо. Именно поэтому законодатель в современном изложении ст. 356.1 УК РФ расширил понятие субъекта преступления.

[1] Трунов И.Л. Мародерство — преступление международного характера // Адвокат. 2004. № 9. С. 27.

[2] Хрестоматия по истории государства и права России. Советский и постсоветский период : учебное пособие / Коллектив авторов-составителей под общ. ред. Шебалкина И.В. М.: Изд. «Новый формат», 2024.

[3] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 343.

Субъектом мародерства по ст. 356.1 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет. Не имеет правового значения, к какой стороне военного конфликта оно относится. Не важно, является ли оно гражданином Российской Федерации или гражданином (подданным) другой страны, является ли оно апатридом (лицом, не имеющим гражданства) либо бипатридом (лицом, имеющим несколько гражданств). Субъектом мародерства может быть, как военнослужащий, так и частное лицо, в том числе наемник.

Ст. 356.1 УК РФ рассматривает мародерство как действия совершенные с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения), и, в зависимости от тяжести совершённого преступления, наказывается лишением свободы на срок от трех до пятнадцати лет.

Возврат данной статьи в уголовный кодекс обусловлен современными вызовами правового и социально-объективного характера. Основными первопричинами установления уголовной ответственности за мародерство являются базовые положения Женевской конвенции 1949 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»[1].

В указанной конвенции закреплено положение, что стороны, находящиеся в конфликте, во всякое время и особенно после боя обязаны принять все возможные меры по ограждению раненых и больных от ограбления, а также разыскивать мертвых и воспрепятствовать их ограблению (ст. 15). Согласно этому международно-правовому акту незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе присвоение имущества, не вызываемое военной необходимостью, признается серьезным правонарушением (ст. 50). Данная конвенция была ратифицирована СССР еще в сентябре 1954 г.[2]

Кроме того, предыдущий опыт России, описанный выше, в законодательстве об уголовной ответственности и наказуемости хищения вещей на поле сражения, находящихся при убитых и раненых (ст. 260 УК РСФСР 1960 г. «Мародерство»), также дает хорошую основу для переработки и создания современного законодательства.

Наконец, анализ и обобщение объективных ситуаций, возникающих в период проведения специальной военной операции (СВО) по денацификации и демилитаризации Украины.

Рассматривая ст. 356.1 УК РФ, возможно выделить три способа его совершения: мародерство-кража, мародерство-грабеж и мародерство-разбой.

При любом из этих вариантов дополнительной квалификации по преступлениям против собственности не требуется. Содеянное полностью охватывается основным, квалифицированным и особо квалифицированным составами мародерства.

По части первой и второй ст. 356.1 УК РФ мародерство является тяжким преступлением, по части третьей и четвертой — особо тяжким преступным деянием.

В законодательном определении мародерства предусмотрены фактически все признаки хищения, закрепленные в примечании к ст. 158 УК РФ. Основным признаком мародерства является корыстная цель, направленная на хищение чужого имущества на безвозмездной основе, при прямом умысле на совершение противоправного деяния, изъятие и обращение имущества в пользу виновного или других лиц. Материальный ущерб определяется примечанием к ст. 158 УК РФ и в зависимости от его размера сопоставим с частями статьи ст. 356.1 УК РФ.

Например, к крупному размеру похищенного имущества относится стоимость

[1] Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Заключена в г. Женеве 12 августа 1949 г. (с изм. от 08.12.2005) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

[2] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами // Уголовно-правовые науки. 1957. № 67. Вып. XVI.

превышающая размер 250 тыс. руб., а хищение свыше одного миллиона рублей относится к особо крупному размеру[1].

Рассматривая новую формулировку понятия мародерства, понимаешь, что она несовершенна и на практике это затрудняет ее применение, особенно при квалификации рассматриваемого преступления[2]. Единственное отличие мародерства от классического хищения состоит лишь в том, что рассматриваемое преступление совершается в период военного времени или в военное время.

Также мародерство признается преступлением, если все его объективные действия и субъективное к ним отношение виновного не связаны с «вынужденной необходимостью». Соответственно, не считается уголовно наказуемым деяние, связанное с изъятием имущества по вынужденной необходимости, поскольку оно допускается международным гуманитарным правом (например, ст. 52, 53 Гаагского положения о законах и обычаях ведения сухопутной войны 1907 г.)[3].

При буквальном толковании объективных и субъективных признаков основного состава мародерства отличить его от хищения чужого имущества, совершенного в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, практически невозможно.

Понятие военного положения раскрывается в Федеральном конституционном законе от 30 января 2001 № 1-ФКЗ «О военном положении», это особый правовой режим, введенный на территории страны или в отдельных местностях в случаях агрессии или непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации. Сроки военного положения устанавливаются Указом Президента Российской Федерации.

Поставленные перед СВО задачи, ее само понятие охватывает любую категорию военного положения или военного времени, а также условия вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Поэтому следует отметить, что для установления оснований уголовной ответственности не имеет значения, является ли место совершения хищения освобожденной территорией от противника, или «контролируемой» противником, ведутся на данных территориях активные боевые действия или на этой территории протекает относительно мирная жизнь.

Нередки случаи, когда частное лицо, переждав в подвале своего дома активную фазу боев, решается на мародерство (разграбление) жилища своего соседа, вынужденно покинутого тем по причине боевых действий или погибшего в результате этих действий. Представляется, что его действия образуют состав преступления «мародерство». Вместе с тем, имеется и иная точка зрения, отличающаяся от предыдущей, что мародер — это обычный вор или грабитель, и судить его необходимо как вора и грабителя, а не как мародера. Однако, субъективный и объективный признаки состава данного преступления обязывают его квалифицировать именно как мародерство, так как умысел и желание легкой наживы у частного лица возникли именно в результате вынужденного оставления соседом своего жилища в условиях боевых действий, в другое — в мирное время такого умысла у того не возникало.

Как отмечалось выше, однозначного понятия того, что мародерство должно совершаться исключительно военнослужащим, нет, а исторически сложившаяся практика того, что по данному преступлению привлекались военнослужащие, не дает основания полагать, что мародерство присуще только военным. В дореволюционный и советский периоды большая часть населения страны находилась на государственной и военной службе, поэтому обособлено выделять частных лиц как субъектов преступления маро-

[1] Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Квалификация мародерства и его отграничение от иных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 39—44.

[2] Сенцов А.С., Волколупова В.А., Волколупов В.Г. Основные направления дальнейшего совершенствования нового уголовного законодательства, принятого в условиях проведения специальной военной операции на Украине // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 4 (63). С. 35—42.

[3] Вторая конференция мира 1907 г. СПб: Издательство Российского МИД, 1908 г. // СПС «Консультант Плюс».

дерства не было необходимости. Данный вопрос возник в новейшее время, и современные вызовы, в том числе проводимая СВО, обязали законодателя ввести более широкое понимание субъекта мародерства.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что диспозиция преступления, предусмотренного ст. 356.1 УК РФ, охватывает все хищения чужого имущества (независимо от способа их совершения), совершенные в период военного положения или в военное время, образует состав мародерства и подлежат квалификации по соответствующей части ст. 356.1 УК РФ. Значит, любое преступление, связанное с классическим хищением имущества на территориях ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожских областях, т.е. в районах, где введено военное положение, должно квалифицироваться по статье «Мародерство».

Полагаем, законодатель вряд ли преследовал цель привлекать всех воров, совершивших обычные кражи на указанных территориях, как совершивших мародерство, поэтому данная статья требует существенных изменений и дополнений некоторыми конкретными определениями, отграничивающими мародерство от «обычного» хищения.

В этой связи предлагаем в диспозицию ст. 356.1 УК РФ внести понятие о совершении преступления «*на поле боя, на линии непосредственного соприкосновения с противником*».

Непосредственное соприкосновение с противником — положение сухопутных войск (сил флота), при котором передовые соединения (части, подразделения) или первый эшелон главных сил осуществляют визуальное наблюдение за противником и ведут (могут вести) с ним бои основными штатными огневыми средствами. [1]

Также необходимо отметить, что наша страна в условиях проведения СВО сталкивается с естественными и природными вызовами, такими как наводнения, пожары, техногенные катастрофы. Данное положение определяется и вводится в соответствии с Федеральным конституционным законом от 30 мая 2021 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», а также Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» определяется характер и масштаб объявленного бедствия, которые подразделяются на: локальный (не выходит за пределы территории организации (объекта)); муниципальный (не выходит за пределы одного муниципального образования); межмуниципальный (затрагивает территорию двух и более муниципальных районов, округов, расположенных на территории одного субъекта Российской Федерации), регионального (не выходит за пределы территории одного субъекта Российской Федерации); межрегионального (затрагивают территорию двух и более субъектов Российской Федерации); федерального. В зависимости от последствий чрезвычайная ситуация устанавливается соответствующий уровень реагирования соответствующим этому уровню государственным органом.

В период опасных природных явлений, техногенных аварий и бедствий население регионов, в которых введено чрезвычайное положение, вынуждено покидать свои жилища, бросать свое имущество. К сожалению, отдельные лица решают, в этом бедственном для населения положении, обогатиться за счет хищения вынужденно оставленного ценного имущества.

Традиционно деяния таких лиц называют «мародерством» и фактически действия указанных лиц относятся к мародерству, поскольку чрезвычайная ситуация и эвакуация людей из зоны бедствия существенно облегчает доступ к их имуществу, однако действующее законодательство за подобные деяния предусматривает ответственность как за совершение обычных краж.

В связи с этим, полагаем дополнить УК

[1] Словарь военных терминов / сост. А.М. Плехов, С.Г. Шапкин. М.: Воениздат, 1988.

РФ статьей 356.2 «Мародерство в зоне чрезвычайной ситуации», где определить мародерство как «*тайное или открытое хищение чужого имущества граждан, совершенное с корыстной целью в зоне чрезвычайной ситуации в период чрезвычайного положения или в условиях техногенных бедствий, или природных катастроф, не связанных с вынужденной необходимостью противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при погибших или раненых, имущества гражданского населения)*», далее по тексту ст. 356.1 УК РФ.

Объект и субъект преступления, предусмотренного ст. 356.2 УК РФ аналогичен объекту и субъекту преступления, предусмотренного ст. 356.1 УК РФ.

Наказания за подобные преступления необходимо предусмотреть более строгие, чем за обычные хищения, так как условия совершения данного преступления являются отягчающими, действия представляют повышенную общественную опасность, поскольку совершаются лицом (лицами) в условиях чрезвычайной ситуации, и виновный умышленно использует для облегчения совершения данного деяния сложившуюся чрезвычайную ситуацию.

Библиография

1. Плешаков, А.М. Квалификация мародерства и его отграничение от иных преступлений / А.М. Плешаков, Г.С. Шкабин // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2023. — № 1 (64) — С. 39—44.

2. Сенцов, А.С. Основные направления дальнейшего совершенствования нового уголовного законодательства, принятого в условиях проведения специальной военной операции на Украине / А.С. Сенцов, В.А. Волколупова, В.Г. Волколупов // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2022. — № 4 (63). — С. 35—42.

3. Трунов, И.Л. Мародерство — преступление международного характера / И.Л. Трунов // Адвокат. — 2004. — № 9. — С. 27—32.

4. Хрестоматия по истории государства и права России. Советский и постсоветский период : учебное пособие / под общ. ред. Шебалкина И.В. — Москва: Издательство «Новый формат», 2024. — 806 с.

Некоторые вопросы военно-судебной практики применительно к квалификации преступлений

© **Смирнов Дмитрий Витальевич**,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права Военного университета
© **Харитонов Станислав Станиславович**,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье представлены некоторые судебные решения, показывающие недостатки при квалификации преступлений.

Ключевые слова: квалификация преступлений, военные суды, военно-судебная практика.

Some issues of military judicial practice in relation to the classification of crimes

© **Smirnov D.V.,**
Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Criminal Law of the Military University
© **Kharitonov S.S.,**
candidate of legal sciences, professor

Abstract. The article presents some court decisions showing shortcomings in the classification of crimes.

K**ey words**: qualification of crimes, military courts, military judicial practice.

Стыд и честь — как платье: чем больше потрепаны, тем беспечнее к ним относишься.

Апулей

Совершенствование практики квалификации преступлений, под которым традиционно понимается выявление соответствия между совершенным лицом общественно опасным деянием и признаками конкретного состава преступления, описанного в одной из статей Особенной части УК РФ, а в необходимых случаях — и Общей части уголовного закона, важно для обеспечения торжества Закона и достижения целей наказания. Весомость этого процесса велика, поскольку он определяет, в том числе, обоснованность и законность приговора суда, на что акцентировали внимание и военные юристы в научных публикациях[1]. Ведь точная квалификация преступления важна не только как правильная уголовно-правовая

[1] См., например: Заказнова А.Н., Харитонов С.С. Квалификационные ошибки: по материалам военно-судебной практики // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 73—84; Лобов Я.В. Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 181—184; Моргуленко Е.А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 195—198; Назаров А.А., Харитонов С.С. Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания: материалы судебной практики // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 193—198; Раков А.В., Харитонов С.С. К вопросу квалификации преступлений:

оценка деяния, но и как непременное условие справедливого назначения наказания. И теория квалификации преступлений является одной из весьма обстоятельно разработанной, свидетельством чему многочисленные научные исследования.

Вместе с тем важно опираться не только на теоретические выкладки ученых, анализирующих уголовно-правовые нормы, но и сформированные судебной практикой правовые позиции, в том числе изложенные далее.

1. *Квалификация действий осужденных по ч. 2^2 ст. 332 УК РФ по признаку «в условиях вооруженного конфликта» при проведении специальной военной операции, является излишней.*

По приговору гарнизонного военного суда четверо военнослужащих осуждены за совершение преступления, предусмотренного ч. 2^2 ст. 332 УК РФ.

Как установлено в приговоре, Д., И., Ж. и Н. признаны виновными в неисполнении подчиненными приказа начальника, отданного в установленном порядке, группой лиц в период военного положения, в условиях вооруженного конфликта и ведения боевых действий, чем причинили существенный вред интересам службы.

При рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке окружной военный суд указал, что согласно разъяснениям, данными в абз. пятом п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» под вооруженным конфликтом следует понимать вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт), в ходе которого осуществляется применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и органов без перехода государства в состояние войны.

Режим военного положения определяется Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», согласно которому под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии (п. 1 ст. 1).

Боевые действия представляют собой организованное применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и органов в военном конфликте, охватывающем все виды вооруженного противоборства, включая войны и вооруженные конфликты, а также в иных случаях в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (например, участие в операциях по поддержанию (восстановлению) международного мира и безопасности, принятие мер для предотвращения (устранения) угрозы миру, подавление актов агрессии (нарушения мира) на основании решений органов, уполномоченных их принимать в соответствии с международными договорами, участие в проведении контртеррористической операции, специальной военной операции либо защита Государственной границы Российской Федерации). Боевые действия ведутся в определенном рай-

---

некоторые аспекты с позиции военных судов // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 188—193; Смирнов Д.В., Власов С.Ю. О некоторых спорных вопросах квалификации мошенничества в практике военных судов // Военное право. 2022. № 3 (73). С. 191—199; Смирнов Д.В., Сотникова В.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283^2УК РФ // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 199—208; Шарапов С.Н., Харитонов С. С. Квалификация преступлений в практике военных судов: обоснованность, точность, полнота // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 10 (315). С. 89—94; Харитонов В.С. О некоторых общих вопросах сущности вигилантизма // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 46-48; Харитонов В.С. О возможностях проявления вигилантизма в армии: нормативный и криминологический аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 126—128 и др.

оне и в определенный период при выполнении поставленных боевых (оперативных) задач.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 на территориях субъектов Российской Федерации — ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с 20 октября 2022 г. введено военное положение.

Ввиду изложенного, суд апелляционной инстанции исключил из квалификации преступных деяний осужденных квалифицирующий признак, как совершение преступления «в условиях вооруженного конфликта», как излишне вмененный, что не повлияло на вид и размер назначенного каждому осужденному наказания[1].

2. *В соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение осужденного, обратной силы не имеет. Действие положений ч. 5 ст. 337 УК РФ распространяется на деяния, совершенные с 00 часов 25 сентября 2022 г.*

По приговору гарнизонного военного суда Ц. осужден по ч. 5 ст. 337 УК РФ к реальному лишению свободы.

Судом первой инстанции Ц. признан виновным в совершении им, как военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в период мобилизации самовольного оставления места службы с 24 сентября 2022 г. по 30 марта 2023 г., то есть продолжительностью свыше одного месяца.

При этом судом оставлено без внимания, что изменения, внесенные в ст. 337 УК РФ Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», вступили в законную силу 24 сентября 2022 г., и деяние, предусмотренное ч. 5 ст. 337 УК РФ, подлежало уголовно-правовой оценке с 00 часов 25 сентября 2022 г.

С учетом изложенного вмененный в вину Ц. период уклонения от прохождения военной службы с 24 сентября 2022 г. подлежал исключению, поскольку лицо не могло нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось преступлением.

Апелляционным определением окружного военного суда приговор изменен, Ц. определено считать осужденным за неявку в срок без уважительных причин на службу в период с 25 сентября 2022 г. до 30 марта 2023 г., со смягчением назначенного наказания[2].

3. *Квалификация действий виновного, не основанная на фактических обстоятельствах содеянного и материалах уголовного дела, явилась основанием для изменения приговора.*

По приговору гарнизонного военного суда С. осужден по ч. 5 ст. 337 УК РФ к реальному лишению свободы.

Согласно приговору 14 декабря 2022 г. С. с целью временно уклониться от военной службы и отдохнуть от исполнения служебных обязанностей, в период мобилизации, без уважительных причин самовольно оставил воинскую часть в г. К. и убыл в г. Р., где стал проводить время по своему усмотрению до своего задержания 16 января 2023 г.

Между тем судом первой инстанции не было принято во внимание, что С. отсутствовал в воинской части с 14 по 16 декабря 2022 г. с разрешения командования и, являясь военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, без уважительных причин не прибыл на службу в воинскую часть 17 декабря 2022 г.

При таких обстоятельствах С. совершена неявка в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше десяти суток, но не более одного месяца, как военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в период мобилизации, и квалификация его деяния судом пер-

[1] См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западному окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за второе полугодие 2023 г. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=79 (дата обращения 27.06.2024).

[2] См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за 2023 г., утв. постановлением президиума Южного окружного военного суда 18.01.2024 г. № 2. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&rid=62 (дата обращения 28.06.2024).

вой инстанции по ч. 5 ст. 337 УК РФ основана на неправильном применении уголовного закона и противоречила материалам дела.

Апелляционным определением окружного военного суда приговор изменен, содеянное С. переквалифицировано с ч. 5 ст. 337 УК РФ на ч. 3^1 ст. 337 УК РФ, а назначенное наказание смягчено[1].

4. *Квалификация действий осужденных по ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 222^1 УК РФ как «незаконное приобретение» взрывных устройств и боеприпасов является излишней.*

По приговору гарнизонного военного суда Б. и Г., каждый в отдельности, признаны виновными и осуждены за незаконное приобретение, хранение и перевозку взрывных устройств, а также боеприпасов к огнестрельному оружию.

При рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке по апелляционным жалобам защитников окружной военный суд указал, что в соответствии с п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» под приобретением оружия следует понимать: покупку, получение в дар или уплату долга в обмен на товары и вещи, присвоение найденного и т.п.

Судом первой инстанции установлено, что взрывные устройства, а также боеприпасы были найдены Б. и Г., каждым в отдельности, в дневное время в первых числах января 2023 г. на территории заброшенного дома в районе н.п. Нижняя Крынка ДНР — в зоне проведения специальной военной операции.

Из материалов дела следует, что в указанный период они выполняли боевые задачи, а найденные каждым взрывные устройства и боеприпасы к огнестрельному оружию являлись военным имуществом, брошенным противником и обнаруженным непосредственно при освобождении территории, занятой противником. При этом стороной обвинения не оспаривался довод защиты о возможности использования трофейного вооружения и имущества, подобранного в процессе освобождении территории, для непосредственного использования его против врага.

Ввиду этого суд апелляционной инстанции исключил из приговора указание об осуждении Б. и Г. по признаку ч. 1 ст. 222^1 и ч. 1 ст. 222 УК РФ — «незаконное приобретение» взрывных устройств и боеприпасов, а также смягчил каждому наказание, как по указанным статьям, так и по совокупности преступлений[2].

5. *В соответствии с п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, направленные против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода. Если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение, лицо не подлежит ответственности за совершение в отношении такого потерпевшего преступления из хулиганских побуждений.*

По приговору гарнизонного военного суда Ч. осужден по п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ к одному году лишения свободы в колонии-поселении.

Согласно приговору Ч., находясь в общественном месте — на берегу озера в г. К., используя незначительный повод, спровоцировал конфликт с потерпевшим, а затем нанес последнему удар рукой в челюсть, причинив средней тяжести вред здоровью.

[1] См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за 2023 г., утв. постановлением президиума Южного окружного военного суда 18.01.2024 г. № 2. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&rid=62 (дата обращения 28.06.2024).

[2] См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западному окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за второе полугодие 2023 г. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=79 (дата обращения 27.06.2024).

После того, как потерпевший упал, Ч. стал его удерживать и попытался нанести ему еще один удар по лицу, чему помешали иные лица.

Между тем из положенных судом в основу обвинительного приговора показаний осужденного следовало, что причиной нанесения потерпевшему удара стали ранее сложившиеся между ними личные неприязненные отношения.

При этом потерпевший в суде показал, что действительно был знаком с осужденным около 7 лет. На берегу озера он первым подошел к осужденному и предложил ему «разобраться спокойно» по поводу имевшегося между ними неразрешенного конфликта. Также потерпевший подтвердил, что ранее задерживался сотрудниками правоохранительных органов и доставлялся в отдел полиции по заявлению матери осужденного, обвинившей его в оскорблениях.

В судебном заседании свидетели-очевидцы происшедшего подтвердили, что потерпевший первым подошел к осужденному, после чего между ними произошел словесный конфликт, обусловленный ранее имевшимися между ними разногласиями.

Таким образом, приведенные доказательства свидетельствовали о том, что Ч., нанеся удар рукой потерпевшему в лицо, действовал на почве личной неприязни, а само по себе совершение преступления в общественном месте не указывало на наличие в действиях осужденного хулиганского мотива.

С учетом приведенных данных, суд первой инстанции необоснованно отверг доводы Ч. о неприязненном мотиве своих действий и пришел к неправильному выводу о том, что действия в отношении потерпевшего совершены из хулиганских побуждений.

Апелляционным постановлением окружного военного суда приговор изменен, действия Ч. переквалифицированы с п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ на ч. 1 ст. 112 УК РФ, на основании которой осужденному назначено наказание в виде штрафа в размере 30 000 руб.[1]

6. *Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам.*

По приговору гарнизонного военного суда Н. осужден по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ к 7 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Согласно приговору, Н. на почве личных неприязненных отношений, возникших на фоне словесного конфликта с сослуживцем, желая освободиться от обхвата последним рукой его головы и с целью лишения жизни, нанес хозяйственно-бытовым ножом несколько ударов в грудь и живот потерпевшего, причинив одним из них колото-резаную рану груди, расцениваемую как тяжкий вред здоровью. При этом смерть потерпевшего не наступила в связи с оказанием медицинской помощи.

Полно и правильно установив фактические обстоятельства содеянного, суд первой инстанции дал неверную юридическую оценку действиям осужденного.

При решении вопроса об умышленном характере действий Н., направленных на лишение жизни потерпевшего, суд первой инстанции исходил лишь из того, что осужденный нанес множество ножевых ударов в жизненно важные части тела потерпевшего (живот и грудь).

Между тем причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего путем нанесения ударов ножом в область жизненно важных органов может свидетельствовать о наличии

[1] См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за 2023 г., утв. постановлением президиума Южного окружного военного суда 18.01.2024 г. № 2. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&rid=62 (дата обращения 28.06.2024).

умысла на покушение на убийство только в том случае, если имеются другие доказательства, подтверждающие данный вывод.

Однако таких доказательств, указывающих на наличие у Н. прямого умысла на лишение жизни потерпевшего, из материалов дела не усматривалось.

Так, из уголовного дела, в том числе показаний осужденного и потерпевшего, следовало, что до произошедшего они состояли в товарищеских отношениях, конфликтов между ними не было. Причинение Н. телесных повреждений произошло на фоне личной ссоры между сослуживцами, в условиях нахождения обоих в состоянии сильного алкогольного опьянения, когда потерпевший стал допускать высказывания и совершать действия, вызвавшие у осужденного чувство обиды и личной неприязни, ввиду чего он решил наказать потерпевшего («проучить за высказанные слова»). При нанесении ударов Н. использовал имевшийся у него нож хозяйственно-бытового назначения, не относящийся к категории холодного оружия, который он всегда носил при себе и использовал исключительно в бытовых целях. После нанесенных ударов ножом и падения в связи с этим потерпевшего на землю Н. прекратил совершение каких-либо насильственных действий, сообщил о случившемся и позвал сослуживцев на помощь. Из общего количества нанесенных ножом ударов лишь один из них причинил колото-резаную рану, расцениваемую как тяжкий вред здоровью, тогда как остальные повреждения не были проникающими. До конфликта и во время него намерений убить потерпевшего Н. не высказывал. В ходе предварительного следствия и в суде Н. последовательно указывал, что удары ножом наносил спонтанно, находясь в состоянии гнева, и не думал, куда именно их наносит.

При таких обстоятельствах изложенные в приговоре суда первой инстанции выводы о юридической оценке действий осужденного не могли быть признаны соответствующими фактическим обстоятельствам дела.

В связи изложенным апелляционным определением окружного военного суда приговор изменен, действия Н. переквалифицированы на п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, на основании которой назначено наказание в виде 5 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

По итогам анализа изложенных примеров из практики военных судов можно подтвердить известное общее утверждение о том, что квалификация преступных деяний, указанных в УК РФ, является важнейшей частью уголовного судопроизводства.

Библиография

1. Заказнова, А.Н. Квалификационные ошибки: по материалам военно-судебной практики / А.Н. Заказнова, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 4 (309). — С. 73—84.

2. Лобов, Я.В. Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции / Я.В. Лобов // Военное право. — 2023. — № 4 (80). — С. 181—184.

3. Моргуленко, Е.А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе / Е.А. Моргуленко // Военное право. — 2023. — № 3 (79). — С. 195—198.

4. Назаров, А.А. Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания: материалы судебной практики / А.А. Назаров, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 4 (80). С. 193—198.

5. Раков, А.В. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов / А.В. Раков, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 188—193.

6. Смирнов, Д.В. О некоторых спорных вопросах квалификации мошенничества в практике военных судов / Д.В. Смирнов, С.Ю. Власов // Военное право. — 2022. — № 3(73). — С. 191—199.

7. Смирнов, Д.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283^2 УК РФ / Д.В. Смирнов, В.В. Сотникова // Военное право. — 2023. — № 3 (79). — С. 199—208.

8. Шарапов, С.Н. Квалификация преступлений в практике военных судов: обоснованность, точность, полнота / С.Н. Шарапов, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 10 (315). — С. 89—94.

9. Харитонов, В.С. О некоторых общих вопросах сущности вигилантизма / В.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 46—48.

10. Харитонов, В.С. О возможностях проявления вигилантизма в армии: нормативный и криминологический аспект / В.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 11 (316). — С. 126—128.

Нарушение обязанностей по несению караульной службы как должностное преступление

© **Чукин Дмитрий Сергеевич**,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, подполковник юстиции
© **Фартуков Дмитрий Николаевич**,
кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, подполковник юстиции

Аннотация. Уголовно-правовая доктрина и практика применения уголовного закона квалифицируют нарушения уставных правил несения караульной службы, повлекшие причинение вреда охраняемым объектам, как преступление, ответственность за которое предусмотрена нормами статьи 342 УК РФ. Между тем, военнослужащие, выполняющие обязанности караульной службы, в соответствии с Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации, наделяются полномочиями, которые придают им статус должностных лиц. В данном исследовании рассматриваются примеры того, как действия должностных лица караула, нарушивших нормы Устава гарнизонной и караульной службы, образуют признаки составов преступлений, предусмотренных главой 30 УК РФ.

Ключевые слова: военная служба, несение караульной службы, нарушение уставных правил караульной службы, должностное лицо, должностные преступления, организационно-распорядительные функции, функции представителя власти.

Violation of duties on guard duty as an official offense

© **Chukin D.S.**,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, Lieutenant Colonel of the Institute,
© **Fartukov D.N.**,
Candidate of Social Sciences, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, Lieutenant Colonel of Justice

Summary. The criminal law doctrine and practice of applying the criminal law classify violations of the rules of guard duty that caused harm to protected objects as a crime, responsibility for which is provided for by the norms of Article 342 of the Criminal Code of the Russian Federation. Meanwhile,

military personnel performing the duties of the guard service, in accordance with the Charter of the garrison and guard services of the Armed Forces of the Russian Federation, are given powers that give them the status of officials. This study examines examples of how the actions of guard officials who violated the norms of the Charter of the garrison and guard service form signs of the elements of crimes provided for in Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: military service, guard duty, violation of the statutory rules of guard duty, official, official crimes, organizational and administrative functions, functions of a representative of the authorities.

Несение караульной службы как выполнение боевой задачи является неотъемлемым элементом служебной деятельности каждой воинской части (подразделения), от которой зависит поддержание ее боевой готовности. Если решение этой задачи дает сбой, то последствия неминуемо сказываются на всем механизме деятельности военной организации в целом. Нарушения порядка несения караульной службы, которые причинили вред интересам военной службы, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 342 УК РФ. Особенности квалификации этих нарушений постоянно находятся в предметном поле уголовно-правовой науки, при этом в первую очередь акцент сделан на условиях правомерности применения оружия, которые пересекаются с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, а также конкурируют со смежными составами преступлений, что предопределяет актуальность проводимых в связи с этим исследований[1]. При этом многие авторы сходятся во мнении, что правомерное причинение вреда личности и иным охраняемым уголовным законом общественным отношениям при несении караульной службы не образует ни одно из обстоятельств, находящихся в гл. 8 УК РФ, что требует ее дополнение специальным условием, исключающим преступность деяния при исполнении служебных обязанностей[2].

Подтверждением высокой степени общественной опасности преступных нарушений правил несения караульной службы являются изменения, внесенные в гл. 33 УК РФ Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», который обошел стороной многие преступления против военной службы, однако дополнил ст. 342 УК РФ квалифицирующими признаками в ч. 4 и 5, предусматривающими ответственность за нарушение уставных правил караульной службы в особых условиях:

— в период мобилизации или военного положения;

— в военное время;

— в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Таким образом законодатель показывает, что совершение преступления в этих условиях обладает большей вредоносностью для военной безопасности государства как объекта преступлений против военной службы в общем и уставных правил караульной службы, в частности.

За нарушение функциональных обязанностей лиц караула, исходя из положений

[1] Иванов А.Л. Вопросы квалификации преступлений против порядка несения специальных видов военной службы // Уголовное право. 2018. № 4. С. 63—72; Зателепин О.К. Актуальные вопросы квалификации преступлений против военной службы, совершенных с применением насилия // Судья. 2019. № 2. С. 49—53; Фартуков Д.Н., Чукин Д.С. Отдельные аспекты правомерности применения оружия при исполнении специальных обязанностей военной службы // Военное право. 2022. № 2(72). С. 129—133.

[2] Чукин Д.С. О некоторых особенностях правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния в сфере военно-служебных отношений // Военное право. 2023. № 2(78). С. 196—203; Щербак С.И. О новых обстоятельствах, исключающих преступность деяния военнослужащих // Военное право. 2020. № 3(61). С. 271—280; Попов К.И. Правомерное причинение вреда при исполнении обязанностей военной службы // Военное право. 2020. № 2. С. 187—190.

ст. 26 УВС ВС РФ, военнослужащие могут привлекаться к дисциплинарной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности в зависимости от характера и тяжести совершенного ими правонарушения.

Между тем, в большинстве случаев сущность заложенной в ст. 342 УК РФ ответственности отождествляется только с причинением лицами, входящими в состав караула, вреда охраняемому караулом объекту. Однако, в настоящем исследовании мы выдвинем и обоснуем тезис о том, что при несении караульной службы военнослужащие, входящие в состав караула, могут выступать в качестве должностных лиц, а невыполнение ими обязанностей, закрепленных в Уставе гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации (УГиКС ВС РФ), может являться основанием привлечения их к уголовной ответственности по нормам гл. 30 УК РФ, что находит свое подтверждение в проводимых сегодня исследованиях[1].

Примечание к ст. 285 УК РФ дает определение должностного лица. Мы ограничим данное определение спецификой нашего исследования, которой выступает военная служба: это лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Теперь на конкретных примерах разберем типичные ситуации, когда должностные лица караула будут допускать нарушения правил несения караульной службы. Как было отмечено выше, выполнение обязанностей караульной службы регламентируется УГиКС ВС РФ. В соответствии со ст. 257 УГиКС ВС РФ смена часовых осуществляется разводящим через каждые два часа. Согласно ст. 247 УГиКС ВС РФ движение смен на посты и с постов совершается в колонне по одному, на установленных разводящим дистанциях. Таким образом, только за разводящим закрепляется право регулировать дистанцию между военнослужащими во время движения смены караула. В соответствии с п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее — «Постановление № 19», под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством находящимися в его служебном подчинении лицами. Следовательно, в данном случае разводящий как должностное лицо выполняет организационно-распорядительные функции. Теперь представим себе вполне, на наш взгляд, типичную ситуацию, при которой разводящий во время движения не регулировал (забыл, или легкомысленно не посчитал это нужным) дистанцию между караульными и в результате, например, гололеда, караульный поскальзывается и натыкается глазом на штык-нож впереди идущего караульного, в результате чего глаз утрачивает свою функцию.

Анализ ситуации позволяет констатировать следующее:

1. Разводящий в момент движения смены выполнял организационно-распорядительные функции.

2. Причинение вреда здоровью караульного произошло в результате невыполнения разводящим обязанностей, предусмотренных ст. 247 УГиКС ВС РФ.

3. Последствием стало утрата глазом своей функции, что квалифицируется как тяжкий вред здоровью[2].

[1] Мекеня А.А. Специальные составы превышения должностных полномочий в условиях военной службы // Юридический мир. 2010. № 3. С. 61—64.

[2] П. 4 постановления Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

4. Субъективное отношение разводящего будет характеризоваться предвидением возможности наступления общественно опасных последствий, но самонадеянным их непредотвращением (легкомыслие), а также непредвидением (когда разводящий забыл установить дистанцию), но обязанностью и возможностью их предвидения (небрежность).

5. Таким образом, в действиях разводящего содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 293 УК РФ.

Поскольку ст. 247 УГиКС ВС РФ императивно определяет только разводящего правомочным устанавливать дистанцию при движении караульных в составе смены на посты, нам думается, что если дистанцию установит начальник караула, и это приведет к последствиям, описанным выше, то в его действиях будут содержаться признаки превышения должностных полномочий, поскольку он совершает действия, которые относятся к компетенции другого (нижестоящего) должностного лица (п. 19 Постановления № 19).

Смоделируем следующую ситуацию, когда в нарушение ст. 159 УГиКС ВС РФ начальник караула забыл произвести боевой расчет или не посчитал нужным это сделать, рассчитывая на то, что ничего не произойдет, и в результате пожара, возникшего в караульном помещении, караульные, не разобравшись в своих действиях, действовали неслаженно, в результате чего сгорел, к примеру, боезапас караула. В этом случае содеянное следует квалифицировать как халатность (ч. 1 ст. 293 УК РФ).

В другом случае, в нарушение ст. 124 УГиКС ВС РФ начальник караула (помощник начальника караула или разводящий) после прибытия смены с постов разряжание оружие произвел не в установленном месте, а в караульном помещении, с нарушением требований ст. 245 УГиКС ВС РФ, в результате чего у одного из караульных патрон оказался в канале ствола, после чего произошел случайный выстрел, повлекший гибель военнослужащего. Действия должностного лица подлежат квалификации по ч. 2 ст. 293 УК РФ.

Ст. 171 УГиКС запрещает начальнику караула отпускать кого-либо из состава караула без разрешения дежурного по воинской части. Начальник караула отпускает одного из караульных, который на личном автотранспорте попадает в аварию и получает тяжкий вред здоровью. Действия начальника караула в данном случае следует квалифицировать по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Положения ст. 204 УГиКС ВС РФ определяют суть неприкосновенности часового. Так, в частности, согласно п. 3 данной статьи неприкосновенность часового заключается в обязанности всех лиц беспрекословно выполнять требования часового, определяемые его службой. Следует отметить, что аналогичные положения, касающиеся обязанности неопределенного круга граждан выполнять требования должностных лиц, содержатся в нормах УК РФ. Так, согласно примечанию к ст. 318 УК РФ, должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, является представителем власти. Следовательно, часовой на посту для лиц, которые нарушают границу поста и не выполняют его требования, является представителем власти и в силу п. 4 ст. 204 УГиКС ВС РФ ему предоставляется право применять по ним оружие в соответствии со ст. 211 и 212 УГиКС ВС РФ. Данные статьи содержат исчерпывающий перечень действий, которые должен произвести часовой перед применением оружия. Теперь представим себе ситуацию, если часовой не выполнил установленного указанными статьями УГиКС ВС РФ алгоритма и применил оружие на поражение, в результате чего здоровью нарушителя причинен тяжкий вред.

Анализ ситуации позволяет сделать следующие выводы:

1. В силу ст. 204 УГиКС ВС РФ часовой является должностным лицом, который выполняет на посту функции представителя власти.

2. Часовым применено оружие в нарушение требований, например, ст. 212 УГиКС ВС РФ, то есть в соответствии с п. 19 Постановления № 19 совершены действия, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте.

3. В результате неправомерного применения оружия был причинен тяжкий вред здоровью нарушителя.

Таким образом в действиях часового содержатся признаки преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

В соответствии со ст. 285 УГиКС ВС РФ запрещается проверять несение службы часовыми путем скрытного приближения к посту, попытками отобрать у часового оружие и другими способами, которые могут привести к несчастным случаям. Тем не менее, армейская реальность иногда идет вразрез с требованиями закона, а командиры зачастую, стремясь проучить нерадивых подчиненных и самонадеянно рассчитывая на русский «авось», при воспитании применяют запрещенные средства и методы. Например, начальник караула в ночное время, проверяя с разводящим несение службы, приблизившись к посту, обнаружил, что часовой спит. Тогда, чтобы «повоспитывать» его, он дает команду разводящему незаметно забрать у часового оружие. Однако, в тот момент, когда разводящий начинает забирать автомат, часовой просыпается, и, не разобрав, кто перед ним, полагая, что происходит нападение, прикладом автомата (ст. 213 УГиКС ВС РФ) наносит удар разводящему в голову, причинив тяжкий вред здоровью. Поскольку вред охраняемым объектам не причинен, квалифицировать данные действия по ст. 342 УК РФ не представляется возможным. В соответствии с п. 19 Постановления № 19 превышение должностных полномочий может выражаться, например, в совершении должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать. Поэтому данная ситуация, как нам видится, содержит признаки преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, поскольку начальник караула, выполняя организационно-распорядительные функции, явно вышел за пределы своих должностных полномочий, что повлекло последствия в виде тяжкого вреда здоровью. Сон, который в нарушение ст. 209 УГиКС ВС РФ допустил часовой на посту, будет в соответствии с п. 2 ст. 28.5 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» отнесен к грубому дисциплинарному проступку. В то же время, поскольку часовой является лицом неприкосновенным, а в соответствии со ст. 207 УГиКС ВС РФ он обязан не выпускать из рук оружия и никому не отдавать его, включая лиц, которым он подчинен, применение физической силы в данном случае следует признать правомерным.

И примеров подобных нарушений может быть много.

Во всех приведенных случаях составообразующим признаком превышения должностных полномочий будет являться исполнение обязанностей военной службы, к которому в соответствии с п «в» ч. 1 ст. 37 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» относится исполнение обязанностей в составе суточного наряда, куда, согласно ст. 257 УВС ВС РФ, входит караул.

По смыслу п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», если военнослужащий находится на военной службе в нарушение закона (призывник имеет отсрочку или не годен по состоянию здоровья, а военнослужащий по контракту подделал документы о необходимом уровне образования или справку об отсутствии судимости), то в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренного гл. 33 УК РФ. Но в данном случае именно нахождение на военной службе и в составе караула наделяет его функциями должностного лица. Поэтому, если военнослужащий находится на военной службе в нарушение закона, его действия не будут квалифицироваться по нормам гл. 30 УК

РФ, а при наличии соответствующих последствий будут образовывать составы преступлений против личности.

Итоги проведенного исследования позволяют резюмировать, что, если должностные лица караула при выполнении специальных обязанностей допускают нарушения установленного порядка и правил несения караульной службы, в результате которых вред причиняется не охраняемым караулом объектам, а иным охраняемым уголовным законом ценностям, их действия следует квалифицировать по соответствующей статье гл. 30 УК РФ, как должностные преступления.

Библиография

1. Зателепин, О.К. Актуальные вопросы квалификации преступлений против военной службы, совершенных с применением насилия / О.К. Зателепин // Судья. — 2019. — № 2. — С. 49—53.

2. Иванов, А.Л. Вопросы квалификации преступлений против порядка несения специальных видов военной службы / А.Л. Иванов // Уголовное право. — 2018. — № 4. — С. 63—72.

3. Мекеня, А.А. Специальные составы превышения должностных полномочий в условиях военной службы / А.А. Мекеня // Юридический мир. — 2010. — № 3. — С. 61—64.

4. Попов, К.И. Правомерное причинение вреда при исполнении обязанностей военной службы / К.И. Попов // Военное право. — 2020. — № 2. — С. 187—190.

5. Фартуков, Д.Н. Исполнение обязанностей военной службы как составообразующий признак превышения должностных полномочий / Д.Н. Фартуков, Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 1(318). — С. 75—82.

6. Фартуков, Д.Н. Отдельные аспекты правомерности применения оружия при исполнении специальных обязанностей военной службы / Д.Н. Фартуков, Д.С. Чукин // Военное право. — 2022. — № 2(72). — С. 129—133.

7. Чукин, Д.С. О некоторых особенностях правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния в сфере военно-служебных отношений / Д.С. Чукин // Военное право. — 2023. — № 2(78). — С. 196—203.

8. Щербак, С.И. О новых обстоятельствах, исключающих преступность деяния военнослужащих / С.И. Щербак // Военное право. — 2020. — № 3(61). — С. 271—280.

Уголовный процесс и криминалистика

Роль и значение различных учетов в раскрытии и расследовании преступлений

© **Гирько Сергей Иванович,**
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор ФГБУН «Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук»,
© **Харченко Сергей Владимирович,**
доктор юридических наук, профессор, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования способов поиска, получения, сбора, накопления, фиксации информации, ее систематизации и использования заинтересованными субъектами. Делается вывод, что автоматизированные информационные системы являются важнейшим элементом организации деятельности правоохранительных органов по выявлению, предупреждению, раскрытию, расследованию и решению иных задач оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностей. Информационное обеспечение в этой сфере является фундаментом для прогнозирования, планирования, принятия оптимальных управленческих решений и контроля за их выполнением.

Ключевые слова: правоохранительные органы, борьба с преступностью, раскрытие, расследования преступлений, учеты, ИБД-Ф, ИБД-Р, АИПС, АБД оперативные подразделения, следственные действия.

The role and importance of various accounting in the detection and investigation of crimes

© **Girko S.I.**,
Director of the FSBI Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation,
© **Kharchenko S.V.**,
Dean of the Faculty of Training scientific and Pedagogical Personnel St. Petersburg Academy The Investigative Committee Doctor of Law, Professor

Annotation. The article discusses the issues of improving the methods of searching, obtaining, collecting, accumulating, fixing information, systematizing it and using it by interested actors. It is concluded that automated information systems are an essential element of organizing the activities of law enforcement agencies to identify, prevent, disclose, investigate and solve other tasks of operational investigative and criminal procedural activities. Information support in this area is the foundation for forecasting, planning, making optimal management decisions and monitoring their implementation.

Keywords: law enforcement agencies, crime fighting, disclosure, crime investigations, records, IBD-F, IBD-R, AIPS, ABD operational units, investigative actions.

Все виды человеческой деятельности, в особенности, когда она носит организационно-управленческий и организационно-тактический характер, как известно, немыслимы без обмена информацией, ее накопления, систематизации, анализа, оценки и т.п.[1] Это в полной мере относится и к сфере борьбы с преступностью. Особое же значение имеет информация для организации и эффективного решения задач оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностей, касающихся выявления, предупреждения, раскрытия, расследования преступлений, розыска различной категории лиц, установления личности неопознанных трупов и т.д. Эта информация может быть получена как сотрудником оперативного подразделения правоохранительного органа, так и сотрудником их любого другого подразделения[2].

В настоящее время на практике сложилась сложная система объектов и источников сосредоточения различного вида сведений, которые могут быть использованы в целях информационного обеспечения деятельности по борьбе с преступностью.

В этих целях используется информация, сосредоточенная в различных видах учетов ведущихся, в специализированных подразделениях различных правоохранительных органов. Так, в органах внутренних дел — информационных центрах, экспертно-криминалистических подразделениях, а также оперативных подразделениях МВД России, территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях в виде автоматизированных поисковых систем, банков данных, картотек, коллекций, различного вида дел, журналов и т.п.

Прообразом существующей системы различных видов учетов явилась так называемая криминалистическая, ранее именовалась как уголовная, регистрация, под которой понимается научно-разработанная система учета лиц, предметов, иных объектов и сведений о них, имеющих криминалистическое значение[3].

В общих чертах в ее задачу входит обеспечение соответствующих органов и должностных лиц, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений, информацией для их успешной работы.

Создание и развитие существующей системы учетов, используемых для решения задач информационного обеспечения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, происходило под влиянием потребностей практики, способов поиска, получения, сбора, накопления, фиксации информации, развития средств механизации и автоматизации обработки собранных данных, изыскания оптимальных возможностей по получению требуемых сведений, их систематизации, быстрого отыскания и использования заинтересованными субъектами.

Основной массив учетно-регистрационной информации, используемой различными подразделениями правоохранительных органов, сосредоточен в сформированных интегрированных банков данных (ИБД-Ф, ИБД-Р, АИПС и АБД) на федеральном уровне в ГИАЦ МВД России и на региональном уровне в информационных центрах (ИЦ). Наряду с этим значительная часть учетов ведется экспертно-криминалистическими подразделениями (ЭКП) ОВД, включая экспертно-криминалистический центр МВД России (ФКУ ЭКЦ МВД России).

В системе криминалистической регистрации органов внутренних дел насчитывается более 30 видов учетов, которые раз-

[1] Харченко С.В., Яковец Е.Н. Проблемы информационного взаимодействия в сфере оперативно-розыскной деятельности таможенных служб государств — участников содружества независимых государств // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 4. С. 68—76.

[2] Харченко С.В. Особенности первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по раскрытию и расследованию криминального автобизнеса // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 166—70.

[3] См.: Криминалистика : учебник / под ред. И.Ф. Пантелеева Н.А. Селиванова. М.: Юрид. лит., 1993.

деляются на группы в зависимости от специфики объектов регистрации и характеризующих их признаков. Всю необходимую информацию подразделения правоохранительных органов могут получить в региональных ИЦ и ЭКП, а также в федеральных ГИАЦ и ЭКЦ. Порядок получения информации, в том числе и в экстренных случаях, установлен в соответствующих Наставлениях и Инструкциях.

Массивы ИЦ активно используются и правоохранительными органами государств — участников СНГ. Возможность обмена учетно-регистрационной информацией в целях борьбы с преступлениями в рамках СНГ предусмотрена Соглашением об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью (Астана, 22 мая 2009 г.). В рамках этого соглашения Правительства государств-участников Содружества Независимых Государств согласились в целях предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений на безвозмездной основе предоставлять по запросам сведения, имеющиеся в оперативно-справочных, розыскных, криминалистических и иных учетах, архивах, а также осуществлять обмен имеющимися в их распоряжении научно-техническими, информационно-аналитическими материалами и нормативными правовыми актами в сфере борьбы с преступностью. В соответствии с соглашением, в целях информационной поддержки правоохранительных органов на всех направлениях деятельности, от установления личности гражданина до задержания преступников, находящихся в розыске, в том числе недопущения выезда его за пределы не только государства-инициатора, но всего пространства Содружества, на базе ФКУ «ГИАЦ МВД России» создан Межгосударственный информационный банк (МИБ). Общий объем МИБ составляет более 115 млн. объектов учета[1].

Анализ следственной, оперативно-розыскной практик и действующих нормативных актов свидетельствует, что для информационного обеспечения деятельности по борьбе с преступностью сотрудниками правоохранительных органов используются следующие виды учетов:

1) учеты ГИАЦ и ИЦ, которые ведутся путем формирования и ведения пофамильных картотек и автоматизированных банков данных (АБД). Автоматизированные пофамильные оперативно-справочные картотеки ведутся путем формирования активного и архивного фондов;

2) централизованные криминалистические и розыскные учеты, которые содержат установочные данные об объектах учета, описания их индивидуальных особенностей, а также краткое изложение обстоятельств преступления. Эти учеты ведутся на федеральном и региональном уровнях, совместно с нормативно-справочными актами они являются составной частью МИБ стран СНГ;

3) экспертно-криминалистические учеты, коллекции, картотеки, функционирующие преимущественно в экспертно-криминалистических подразделениях (ЭКП) органов внутренних дел. Основу этих учетов составляют:

— справочно-информационные фонды (предназначены для получения сведений, необходимых для выдвижения версий о событии преступления и разыскиваемых лицах, определения направлений поиска преступников и т.д.). Эти фонды формируются в виде коллекций натурных объектов, их копий (фототек, фонотек, видеофонограмм, слепков, оттисков), а также служат для фиксации и хранения информации в картотеках, альбомах, журналах, планшетах, атласах, каталогах, АИПС и т.п.);

— дактилоскопические учеты, предназначенные для идентификации лиц с помощью дактилоскопической информации и информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, установлению личности лиц, скрывающихся от органов следствия, дознания, неопознанных трупов и т.д.;

— картотеки субъективных портретов неустановленных преступников;

[1] https://мвд.рф/news/item/16599932/?ysclid=lwf11178ig801473738

— пулегильзотеки со следами оружия (в том числе утраченного (похищенного));

— картотеки поддельных денег и ценных бумаг;

— картотеки поддельных документов;

— фонотеки голоса и речи лиц, представляющих оперативный интерес;

4) автоматизированные учеты. Дают возможность оперативным подразделениям в любых условиях деятельности успешно решать задачи раскрытия и расследования преступлений, установления и розыска преступников и иных категорий лиц. Указанные учеты состоят из следующих видов:

а) централизованный криминалистический учет подозреваемых, обвиняемых, осужденных лиц и преступлений. Он предназначен для информационного обеспечения оперативно-розыскных мероприятий в различных условиях функционирования оперативных подразделений ОВД, а также обеспечения следственных действий. Учет ведется в ИЦ и ГИАЦ по базе АИПС «АБД-Республика, область» и АИПС «АБД-Центр». Сотрудники оперативных подразделений, выполняющие задачи в сложных условиях, с помощью этих учетов могут получить информацию о наличии тяжких и особо тяжких преступлений; о лицах, подозреваемых и обвиняемых в их совершении; об осужденных за указанные преступления; об организаторах, руководителях сообществ; о лицах, судимых за совершение преступлений серийной и межрегиональной направленности;

б) централизованный учет похищенных и изъятых документов и номерных вещей;

в) централизованный учет хищений ценностей из металлических хранилищ. Он реализуется на основе АИС «Сейф»;

г) централизованный учет лиц, пропавших без вести, неопознанных трупов, лиц, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные своей личности. Этот учет осуществляется путем ведения карточек и данных на базе АИПС «Опознание»;

д) централизованный учет лиц, объявленных в федеральный и межгосударственный розыск. Учет способствует решению задач по обеспечению мероприятий федерального розыска лиц, скрывающихся от правоохранительных органов; пропавших без вести. Его возможности довольно часто используются оперативными подразделениями ОВД, функционирующими как в обычных, так и особых условиях. Учет разыскиваемых лиц осуществляется с помощью автоматизированной информационной системы (АИС) «ФР-Оповещение»;

е) централизованный учет утраченного и выявленного огнестрельного оружия, и другого вооружения. Учет способствует оперативным подразделениям в раскрытии различных преступлений, совершенных с применением оружия. Он осуществляется путем формирования и ведения АИПС «Оружие»;

ж) централизованный учет разыскиваемых транспортных средств — АИПС «Автопоиск». Этот учет взаимодействует с оперативным учетом АИПС «Розыск» ГИБДД МВД России. В эту систему включается информация о розыске транспортных средств, зарегистрированных в странах ближнего зарубежья;

з) централизованный учет похищенных предметов, имеющих историческую, научную, художественную или культурную ценность. В ГИАЦ МВД России он реализуется на базе АИПС «Антиквариат» и содействует в раскрытии различных преступлений, связанных с хищением этих предметов;

и) централизованный учет преступлений и иных правонарушений, совершенных на территории Российской Федерации иностранцами, лицами без гражданства и в отношении их. Данный учет реализуется с помощью АИС «Криминал-И», в составе которой функционируют подсистемы «Административная практика», «Преступление», «Наказание»;

к) централизованные автоматизированные учеты дактилоскопической информации. На региональном уровне создана система «АДИС-ИЦ», а на федеральном — «АДИС — ГИАЦ «Папилон». Системы обеспечивают раскрытие преступлений на основе комплексной автоматизации дактилоскопических картотек.

Особым видом учета, сосредоточенная в котором информация целиком направлена на обеспечение решения задач непосредственно оперативно-розыскной деятельности, является оперативный.

Общее понятие оперативного учета, порядок его формирования и использования регламентируется секретными и совершенно секретными нормативными правовыми актами. В свое содержание, в общем виде, он включает массив сведений, собираемых и систематизируемых в автоматизированных банках данных, картотеках, делах органов внутренних дел в целях обеспечения оперативно-розыскной деятельности их оперативных подразделений.

Следует отметить, что действенность использования возможностей различных информационных систем в раскрытии, расследовании преступлений и решении других задач оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностей зависит от конкретных усилий сотрудников различных подразделений правоохранительных органов[1], которые в пределах своей компетенции должны формировать вышеуказанные банки.

Кроме того, помимо информационных систем информация, необходимая для решения конкретных задач в сфере борьбы с преступностью, систематизируется и в делах оперативного учета (ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Эти дела заводятся оперативными подразделениями, субъектов ОРД в случаях, предусмотренных п. 1—6 ч. 1 ст. 7 и частично ч. 2 ст. 8 упомянутого закона. Конкретные меры и действия оперативных подразделений при заведении дел оперативного учета и ведении регламентируются ведомственными нормативными правовыми актами. Эти дела являются накопителями информации и инструментом осуществления систематизации документов, содержащих данные о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес[2], сведений (материалов), отражающих основания, условия, планы, организацию, тактику и результаты проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий[3] в целях решения различных задач оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностей.

Таким образом, автоматизированные информационные системы являются важнейшим элементом организации деятельности правоохранительных органов по выявлению, предупреждению, раскрытию, расследованию и решению иных задач оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностей. Информационное обеспечение в этой сфере является фундаментом для прогнозирования, планирования, принятия оптимальных управленческих решений и контроля за их выполнением.

Библиография

1. Кислый, О.А. К вопросу об организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / О.А. Кислый, С.В. Харченко // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 2 (42). — С. 78—81.

2. Криминалистика : учебник / под ред. И.Ф. Пантелеева Н.А. Селиванова. — Москва: Юрид. лит., 1993. — 308 с.

3. Харченко, С.В. К вопросу о структуре частной криминалистической методики расследования преступлений / С.В. Харченко // Советская и российская криминалистика: традиции и перспективы : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Москва, 2023. — С. 144—151.

4. Харченко, С.В. Некоторые особенности выявления преступлений, совершаемых в условиях пандемии / С.В. Харченко // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 3. — С. 282—285.

5. Харченко, С.В. Особенности первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по раскрытию и расследованию криминального автобизнеса / С.В. Харченко // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 4. — С. 166—170.

[1] Харченко С.В. К вопросу о структуре частной криминалистической методики расследования преступлений // Советская и российская криминалистика: традиции и перспективы : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2023. С. 144—151.

[2] Кислый О.А., Харченко С.В. К вопросу об организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42). С. 78—81.

[3] Харченко С.В. Некоторые особенности выявления преступлений, совершаемых в условиях пандемии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 282—285.

6. Харченко, С.В. Проблемы информационного взаимодействия в сфере оперативно-розыскной деятельности таможенных служб государств - участников содружества независимых государств / С.В. Харченко, Е.Н. Яковец // Вестник Российской таможенной академии. — 2019. — № 4. — С. 68—76.

Перспективы внедрения электронного уголовного дела в уголовное судопроизводство

© **Шестак Виктор Анатольевич,**
доктор юридических наук, доцент, профессор 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права), ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
© **Шудегова Юлия Ювеналиевна,**
бакалавр права, соискатель магистерской степени, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»

Аннотация. В современных условиях совершенствование уголовного судопроизводства прочно связано с процессом цифровизации нашего общества. Этот процесс предполагает переход от уголовного дело на бумажном носителе к электронному уголовному делу. Использование такого электронного уголовного дела упростит работу следственных органов.

Ключевые слова: цифровизация, электронное уголовное дело, электронный носитель уголовного дела, уголовное судопроизводство.

Prospects for the introduction of an electronic criminal case in criminal proceedings

© **Shestak V.A.,**
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the 25th Department (Military Administration, Administrative and Financial Law), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
© **Shudegova Yu.Yu.,**
LLB, a first-year master-student, Moscow Academy of the Investigative Committee Of the Russian Federation

Annotation. In modern conditions, the improvement of criminal proceedings is firmly connected with the process of digitalization of our society. This process involves the transition from a paper criminal case to an electronic criminal case. The use of such an electronic criminal case will simplify the work of investigative bodies.

Keywords: digitalization, electronic criminal case, electronic carrier of a criminal case, criminal proceedings.

Современные цифровые технологии и процесс их проникновения во все сферы жизни общества называют «четвертой промышленной революцией». Этот процесс в значительной степени меняет общество и пути его развития. Цифровизация — это и есть двигатель глобального социального развития, который полностью меняет прежние технологии, подталкивает общество к их развитию, что неизбежно влечет повышение их эффективности.

Как и другие страны, Российская Федерация стремится к усовершенствованию технологий. Так, в рамках утвержденной

Правительством Российской Федерации программы цифровой экономики реализуется проект «государства как платформы», направленный на модернизацию технологий с целью формирования безопасной среды для развития общества и внедрения современных технологий для более удобного взаимодействия с гражданами и организациями. Несмотря на то, что уголовное судопроизводство весьма консервативно, но ему необходимо подстраиваться и адаптироваться к быстрым изменениям в современном мире.

Уголовное судопроизводство — особая сфера, относящаяся к деятельности государства. Процессуальное законодательство, которое регулирует данную деятельность, содержит ряд правил, в соответствии с которыми должны бить оформлены процессуальные документы, такие как протоколы, постановления, решения и другие документы. Из таких документов и состоит уголовное дело. В настоящее время процессуальные документы оформляются в письменном виде. Ознакомление участников уголовного судопроизводства требует их очного присутствия для заверения протокола ознакомления с документом их подписью. Соответственно все документы предоставляются в бумажном виде.

Однако активно внедряющийся в нашу жизнь процесс цифровизации требует существенного изменения всего уголовного процесса, в частности, содержания и формы существования уголовного дела. Так, появление и трансформация передовых информационных технологий привели к тому, что некоторые аспекты работы правоохранительных органов начали переходить на цифровой уровень. Вопрос внедрения данных технологий в уголовное судопроизводство стоит достаточно остро.

Как отмечал А.Ф. Абдулвалиев, электронное уголовное дело представляет собой электронный вид хранения информации, электронную среду для сохранения цифровых данных — материалов уголовного дела, которая является заменой бумажного способа ведения уголовного дела, позволяющего использовать его вместе с портативным компьютером для сбора доказательств в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела[1].

Р.В. Пенез определяет следующие особенности уголовного дела: существует в электронном виде; ведется надлежащим субъектом, то есть лицом, обладающим соответствующими полномочиями согласно уголовно-процессуальному законодательству; включает информацию о фактах и обстоятельствах, которые необходимо установить по уголовному делу, то есть данных, по которым можно определить, имеются или нет признаки совершения преступления; содержание электронного уголовного дела должно позволять точно определить и проверить подлинность информации в цифровом документе; внесение сведений осуществляется со следованием всем необходимым процессуальным нормам и аналогично принятому электронному формату.

Исходя из понятия, которое дает Р.В. Пенез, электронное уголовное дело можно определить как информацию, которая закреплена в электронном виде, получена с помощью технических устройств и программного обеспечения и представлена в установленном формате, которая отражает какое-либо событие или факт, связанный с уголовным делом и оформлена уполномоченным должностным лицом для проведения расследования уголовного дела[2].

Вместе с тем для внедрения в уголовное производство электронного уголовного дела необходимо обеспечить защиту прав и свобод граждан, определить достоверность сведений, документов, содержащихся в деле. Этому может послужить защищенное программное обеспечение и цифровые электронные подписи лиц, вовлекаемых в процесс расследования. Так, согласно ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г.

[1] Абдулвалиев А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Право и политика. 2013. № 1. С. 58—65.

[2] Пенез Р.В. Содержание понятия «электронное уголовное дело» в уголовном судопроизводстве // Право Донецкой Народной Республики. 2019. № 4. С. 52—55.

№ 63-ФЗ «Об электронной подписи» электронные документы, подписанные электронной подписью, равнозначны документам на бумажном носителе, подписанным собственноручно. Однако в настоящее время не все участники уголовного судопроизводства могут воспользоваться данной возможностью и подписывать процессуальные документы с помощью электронной цифровой подписи. Представляется, что пока законодатель не закрепит необходимость иметь электронную подпись всем участникам уголовного судопроизводства, то развитие и функционирование электронного уголовного дела так и останется в перспективе.

Л.Н. Масленникова подчеркивает, что электронное уголовное дело позволяет размещать информацию с возможностью ее пополнения в режиме реального времени при осуществлении новых следственных и иных процессуальных действий. Такая система может предусматривать разные уровни доступа участников для ознакомления с материалами уголовного дела, осуществлению контрольно-надзорных функций (когда прокурор или начальник органа дознания и руководитель следственного органа могут отслеживать каждый этап расследования уголовного дела), создать условия для более эффективного и быстрого взаимодействия органа дознания со следователем[1]. Также, по нашему мнению, в режиме реального времени могут знакомиться с ходом расследования и с процессуальными документами, затрагивающими их права, и другие участники уголовного судопроизводства — свидетели, потерпевшие, эксперты и другие лица, участвующие деле. Уведомление участников уголовного судопроизводства с помощью средств технических коммуникаций тоже нам видится эффективной формой взаимодействия, чем в письменной форме направлять процессуальные документы, такие, как повестка, постановление о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении.

Попытка модернизации уголовного судопроизводства была сделана путем принятия Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти». Ст. 474.1 УПК РФ определила возможность подавать ходатайства, заявления, жалобы или представления, не содержащие сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, в форме электронного документа и подписывать их лицом, направившим такой документ, усиленной квалифицированной электронной подписью. Считаем, что данный опыт можно перенести на стадию предварительно следствия.

Как отмечает О.В. Макарова, на сегодняшний день процесс изменения уголовного судопроизводства, усовершенствование уголовно-процессуальных норм связано с применением современных информационных технологий посредством перехода от использования бумажной документации к электронным документам. Это предполагает внедрение уголовного дела в электронном формате[2]. Необходимо отметить, что успешная реализация идеи перехода на электронный формат ведения и существования уголовных дел зависит в равной мере от поддержки как со стороны законодателя, так и Правительства Российской Федерации.

25 декабря 2023 г. опубликован Федеральный закон № 672-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который предоставил возможность вручения обвиняемому копии обвинительного заключения с приложениями, в том числе изготовленную в форме электронного документа,

[1] Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий: монография / Масленникова Л.Н., Вилкова Т.Ю., Собенин А.А. и др. М.: Норма, 2024.

[2] Макарова О.В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 159—168.

заверенную усиленной квалифицированной электронной подписью, а также защитнику и потерпевшему, если об этом они ходатайствовали. Кроме того, по поручению прокурора при предоставлении органом, осуществляющим предварительное расследование, технического устройства без выхода в сеть «Интернет» и без возможности аудио- и видеофиксации при наличии технической возможности обвиняемому, содержащемуся под стражей, вручается копия обвинительного заключения с приложениями.

Также предоставлена возможность подачи ходатайств, заявлений, жалоб, представлений, требований, не содержащих охраняемую федеральным законом тайну, при наличии технических средств и ресурсов, прокурору, следователю, руководителю следственного органа, в орган дознания, дознавателю в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Такие документы подлежат подписанию лицом, направившим такой документ, усиленной квалифицированной электронной подписью. Реализовать такую возможность можно через федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», либо систему электронного документооборота участников уголовного судопроизводства с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Кроме того, данный закон определил право подписания ходатайств об ознакомлении с материалами уголовного дела, о получении копий процессуальных документов, об участии в следственных и иных процессуальных действиях простой электронной подписью.

На наш взгляд, благодаря таким изменениям законодательства, мы стали на шаг ближе к электронному уголовному делу. Да, на данный момент направление процессуальных документов на бумажных носителях сопровождается получением адресатом копий с задержкой. Данная проблема затрагивает право граждан на обжалование решений и на наш взгляд, электронное уголовное дело может решить данную проблему. Так, преимущество уголовного дела в электронной форме, полагаем, будет заключаться и в том, что уведомление участников уголовного судопроизводства будет осуществляться строго в сроки, установленные законом. Следует отметить, что процесс цифровизации активно проникает в нашу жизнь и способствует появлению новых перспектив обработки и хранения доказательств. Предполагается, что в будущем документы, которые представляют интерес для следствия, могут быть «оцифрованы» и приложены в электронном виде, что облегчит доступ к ним и повысит эффективность работы.

На современном этапе существования уголовного судопроизводства мы можем сказать, что одной из основных причин громоздкости расследований является тот факт, что должностные лица вынуждены составлять объемные уголовные дела, которые могут содержать несколько десятков томов. На практике это обусловлено такими факторами, как многоэпизодность, большое количество участников расследования.

Одним из главных факторов, которые определяют необходимость перехода на электронную форму уголовного дела, является тот факт, что этот процесс, во-первых, уменьшит объем документооборота, а во-вторых, позволит повысить качество обеспечения сохранности уголовных дел. Это облегчит работу органов, проводящих предварительное расследование, повысит качество расследования уголовных дел и в итоге будет способствовать достижению целей уголовного судопроизводства.

Существование материалов дела в электронном формате позволит облегчить осуществление требований ст. 158.1. УПК РФ, в соответствии с которой восстановление утраченного уголовного дела либо его материалов производится по постановлению руководителя следственного органа, начальника органа дознания, а в случае утраты уголовного дела или материалов в ходе судебного производства — по решению суда, направляемому руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для исполнения. При нали-

чии электронного уголовного дела не истечет предельный срок содержания по стражей, а это означает, что не будет применяться ч. 4 ст. 158.1 УПК РФ.

Также следует обратить внимание на то, что анализ опыта Казахстана и созданную там автоматизированную базу, получившую название «Единый реестр досудебных расследований», позволяет сделать вывод о том, что возможно создать в Российской Федерации базу, которая будет включать документы, полученные как на досудебных, так и на судебных стадиях уголовного судопроизводства. Благодаря электронному уголовному делу обвиняемый и защитник не смогут затягивать время ознакомления с материалами уголовного дела.

Безусловно, переход от бумажного уголовного дела к электронному будет осуществляться планомерно и займет время. Законодателю на первом этапе необходимо определиться, как можно процессуальные документы, существующие на данном этапе исключительно в бумажном формате, например, протокол осмотра места происшествия, который оформляется на месте происшествия, где отсутствует доступ к техническим средствам, перевести в электронный вид. Кроме того, такие процессуальные документы, как протоколы допросов, протоколы очных ставок требуют их заверения подписями не только следователя, но и участвующих лиц.

Если следователь уже обладает правом заверять документы электронной квалифицированной подписью, то допрашиваемые лица и лица, участвующие в очной ставке, могут не иметь электронную подпись. Как можно решить данную проблему? По нашему мнению, такие документы необходимо оцифровать путем их сканирования и заверения этого электронного документа электронной квалифицированной подписью следователя. Однако перед нами встают новые проблемы так называемой «двойной работы» следователя, а также как хранить данные оригиналы документов и как данные проблемы необходимо решать в будущем.

Таким образом, замена бумажного уголовного дела электронным — это весьма перспективная идея развития уголовного судопроизводства. При наличии электронного уголовного дела следственные органы не допустят незаконного освобождения обвиняемого из-под стражи, электронное уголовное дело значительно упростит и сократит временные затраты следователя на ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Учитывая активно развивающийся научно-технический прогресс, по нашему мнению, это лишь вопрос времени, когда данная форма существования уголовного дела будет окончательно внедрена в Российской Федерации.

Библиография

1. Абдулвалиев, А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов / А.Ф. Абдулвалиев // Право и политика. — 2013. — № 1. — С. 58—65.

2. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий : монография / Масленникова Л.Н., Вилкова Т.Ю., Собенин А.А. и др. — Москва: Норма, 2024. — 664 с.

3. Макарова, О.В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела / О.В. Макарова // Журнал российского права. — 2019. — № 2. — С. 159—168.

4. Пенез, Р.В. Содержание понятия «электронное уголовное дело» в уголовном судопроизводстве / Р.В. Пенез // Право Донецкой Народной Республики. — 2019. — № 4. — С. 52—55.

Военные проблемы международного права

Об особенностях формирования института международно-правовой ответственности международных организаций в современных условиях

© **Баймышев Владимир Геннадьевич**,
соискатель 25 кафедры ФГКОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье обосновывается важность отрасли международно-правовой ответственности субъектов международного права для прогрессивного развития международных отношений. Рассматриваются проблемы формирования данного института международного права. Показывается необходимость кодификации норм правового регулирования ответственности международных организаций, особенно военно-политических союзов, в условиях проведения специальной военной операции на Украине.

Ключевые слова: международное право, международно-правовая ответственность, международные организации, военно-политические союзы.

On the peculiarities of the formation of the institute of international legal responsibility of international organizations in modern conditions

© **Baymyshev V.G.,**
applicant of Military University

Abstract. The article substantiates the importance of the branch of international legal responsibility of subjects of the international law for the progressive development of international relations. It considers the problems of the formation of this institute of the international law. It shows the need to codify the norms of the legal regulation of the responsibility of international organizations, especially military and political alliances, in the context of the special military operation in Ukraine.

Keywords: international law, international legal responsibility, international organizations, military and political alliances.

Институт международно-правовой ответственности международных организаций в настоящее время проходит важнейший этап своего становления. Одним из ключевых элементов, определяющих направленность его текущего формирования, является специальная военная операция, которая уже внесла существенные коррективы в действующую систему международных отношений[1].

Беспрецедентное по характеру и масштабам политическое, экономическое и военное давление, оказываемое на Россию странами коллективного Запада, а также рядом международных межгосударствен-

[1] Кудашкин А.В., Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1(64). С. 31—47.

ных организаций, прежде всего Европейским Союзом (ЕС) и Североатлантическим союзом (НАТО), вскрыло целый комплекс проблем в нормах международного права[1]. Особому испытанию в этих условиях подвергается институт международно-правовой ответственности, который должен регулировать ответственность за деяния, признанные мировым сообществом в качестве правонарушений. В практику вошли и уже стали рутинными такие достаточно жесткие по форме воздействия на членов международного сообщества инструменты, как навязывание в нарушение норм международного права своих правил, внедрение средств недобросовестной конкуренции, применение в одностороннем порядке ограничительных мер (санкции), открытое вмешательство во внутренние дела суверенных государств, стимулирование преступности[2].

Нарушения норм международного гуманитарного права (МГП) в отечественной доктрине рассматриваются в основном как ответственность индивидов, что входит в сферу действия международного уголовного права[3]. В то же время проблемы международной ответственности государств в целом и международных организаций в частности за нарушения МГП изучены относительно мало. Ключевым сохраняется вопрос о применимости норм международного гуманитарного права к действиям международных организаций с учетом того, что международные организации не выступают в качестве подписантов документов по МГП[4].

По мнению юриста-международника П.М. Куриса, институт международно-правовой ответственности является «юридическим средством обеспечения международного права, более того — это важнейший элемент сущности международного права, один из его устоев, поскольку право вообще немыслимо без ответственности за нарушение его норм»[5]. Австрийский ученый А. Фердросс полагает, что отрицание принципа ответственности «привело бы к гибели международного права, так как с отказом от ответственности за совершенный неправомерный акт отпали бы также обязательства соблюдать нормы международного права»[6]. Французский юрист А. Пелле сформулировал суть данной ситуации достаточно лаконично: «нет ответственности — нет права»[7].

Теоретико-правовые вопросы международной ответственности международных организаций сложны по целому ряду причин.

Во-первых, кодификация норм, касающихся ответственности международных организаций за нарушения международного права, не завершена. Проект статей об ответственности международных организаций, разработанный Комиссией международного права (КМП) ООН и принятый в 2011 г. качестве приложения к резолюции Генассамблеи ООН № 66/10[8], был принят к сведению, но не получил такого же юридического статуса, как кодифицированные документы других отраслей международного права. Положения данного проекта не

[1] Капустин А.Я., Авхадеев В.Р., Азнагулова Г.М. [и др.]. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права. М.: Издательский Дом «Инфра-М», 2023.

[2] Батурин Ю.М., Батюкова В.Е., Белоцерковский С.Д. [и др.] Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия. М.: «Юнити-Дана», 2020.

[3] Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. ICRC. 2011. С. 681.

[4] Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102—111.

[5] Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс, 1973. С. 10.

[6] Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 353.

[7] Pellet A. The Definition of Responsibility in International Law. In J. Crawford (ed.) The Law of International Responsibility. 2010. P. 4.

[8] Проект статей об ответственности международных организаций. (International Law Commission's Draft Articles on the Responsibility of International Organizations, 2011). Принят в качестве приложения к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 66/10 от 9 декабря 2011 г. Официальный сайт ООН; URL: https://www.un.org /ru/documents/decl_conv/ conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf.

являются нормами императивного характера и предназначены в основном для выработки рекомендаций, проведения консультаций и установления общих принципов деятельности международных организаций.

Во-вторых, данный институт недостаточно глубоко изучен представителями как отечественной, так и зарубежной доктрины международного права[1]. Основные научные изыскания были проведены в период 60—90-х годов прошлого века. Побудительным фактором для этого явления послужило принятие в декабре 1953 г. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций резолюции 799(VIII), в которой предложено Комиссии международного права ООН «приступить, как только она сочтет это целесообразным, к кодификации принципов международного права, которыми определяется ответственность государств»[2]. Большая их часть ограничилась общим исследованием проблемы международно-правовой ответственности. Отдельные труды по международно-правовой ответственности международных организаций опубликованы после принятия Генассамблеей ООН в 2001 году резолюции с окончательной редакцией проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния[3]. Вместе с тем проблема так и не получила достаточно детальной проработки, сохранив спорными целый ряд утвержденных в проекте статей моментов, и продолжает быть предметом активных обсуждений и консультаций в международном научном сообществе. Данный факт не позволяет использовать в полной мере научную базу для разработки и внедрения в международную практику договорных норм, а также решения правовых вопросов, регулирующих деятельность субъектов международного права.

В-третьих, правительства государств не имеют полного консенсуса по содержанию разрабатываемых кодификационных актов. Несмотря на общую поддержку процесса кодификации принципов ответственности международных организаций, отдельные субъекты международного права выступают за взвешенный подход к этой работе, призывая уточнить формулировки и положения статей документа, который в форме конвенции должен стать юридически обязательным источником международного права. Наибольшие сложности вызывает согласование вопросов применения принципов ответственности международных организаций, в том числе определение баланса между ответственностью международных организаций и сохранением их иммунитета, необходимого для эффективного функционирования на международной арене.

Принятие Генассамблеей ООН проектов статей об ответственности государств и международных организаций заложило основу кодификации международно-правовой ответственности и может рассматриваться в качестве начала формирования принципа ответственности в международном праве. По мнению И.И. Лукашука[4], подготовленные Комиссией международного права ООН статьи об ответственности в значительной мере представляют собой кодификацию существующих обычных норм, разумеется, с уточнением их содержания и со значительными элементами прогрессивного развития. Вместе с тем ни один из официальных документов, являющихся основой формирования принципа международной ответственности, не содержит самого определения международно-правовой ответственности.

Внимание к данной проблеме в науке уделялось многими отечественными и за-

[1] уликов Е.А. К вопросу о понятии основания юридической ответственности // Юридические исследования. 2015. № 1. С. 39—46; Сазонова К.Л. Международно-правовая ответственность международных организаций: проблемы и перспективы // Международное право. 2012. № 1. С. 16—25.

[2] Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Восьмая сессия. Доп. № 17(А/2630).

[3] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/589 от 12 декабря 2001 г. «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН; URL: http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/.

[4] Лукашук И.И. Кодификация права международной ответственности // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 6.

рубежными юристами-международниками, однако до настоящего времени феномен «международно-правовая ответственность» не получил в доктрине международного права общепризнанного определения и формулируется в научной литературе с различных позиций. В частности, в теории международного права международно-правовая ответственность рассматривается в виде: обязанности, обусловленной неправомерным поведением[1]; комплекса правоотношений, возникающих между потерпевшим и правонарушителем[2]; негативных последствий, представляющих собой различные формы принуждения и возмещения ущерба[3].

Так, В.А. Мазов определял международно-правовую ответственность как «совокупность международных отношений, которые возникают в современном международном праве в связи с правонарушением, совершенным любым государством или другим субъектом международного права, или в связи с ущербом, причиненным государством другим государствам в результате правомерной деятельности»[4].

Международная ответственность, по мнению П.М. Куриса, заключается в «реализации в рамках международных охранительных правоотношений, порожденных нарушением международно-правовой нормы, обязательства государства-правонарушителя претерпевать государственное принуждение в виде определенных ограничений материального и нематериального характера и права потерпевшего государства, других государств или международных организаций применять эти ограничения с целью обеспечения соблюдения норм международного права»[5].

Д.Б. Левин характеризовал международную ответственность как политическую, поскольку ответственность государства является «коллективной ответственностью политических организмов за противоправное поведение его органов, должностных лиц и даже находящихся под их властью частных лиц». По мнению ученого, международно-правовая ответственность – это «ответственность, воплощающая в себе политические отношения государств, хотя ее последствием могут быть как международные санкции и политическое удовлетворение, так и возмещение материального ущерба»[6]. В качестве основного содержания международной ответственности государства он соответственно определял то, что «государство обязано исправить ущерб, причиненный ему международно-противоправным поведением, и к нему могут быть применены международные санкции за это поведение»[7].

Российский юрист Ф.Ф. Мартенс считал, что основанием юридических норм, определяющих международные отношения, служит единственное осознание цивилизованными государствами необходимости международного правового порядка и вытекающие отсюда добровольное согласие их на признание его обязательности[8].

Основная идея международной ответственности, по взглядам представителей западной школы международного права, заключается в том, что государства и международные организации совершают нарушение международного права, когда они действуют или бездействуют в нарушение международно-правового обязательства, которое им присваивается. Любое такое поведение влечет за собой международную ответственность[9].

---

[1] Международное право : учебник для вузов / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. — 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 186.

[2] Лукашук И.И. Право международной ответственности. М., 2004. С. 64.

[3] Хачатуров Р.Л. Ответственность в современном международном праве // Право и политика. 2005. № 8. С. 16.

[4] Мазов В.А. Ответственность в международном праве (Проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности). М., 1979. С. 10.

[5] Курис П.М. Указ. соч. С. 96.

[6] Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 37.

[7] Там же. С. 11.

[8] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1898. С. 189—190.

[9] Pellet, Alain, “The Definition of Responsibility in International Law”, in Crawford, James/Pellet, Alain/Olleson, Simon (eds.), The Law of International Responsibility, Oxford University Press, 2010, pp. 3—

Таким образом, в интересах однозначного толкования данного термина всеми субъектами международного права закрепление понятия международной ответственности необходимо, учитывая неуклонно возрастающую роль института международной ответственности в регулировании международных отношений.

Наряду с этим, сама специфика международного права накладывает свои особенности на институт международно-правовой ответственности. В частности, в сфере международных отношений отсутствует единый источник верховной власти, который бы устанавливал для всех участников единые правила поведения. Более того, действующие органы международного правосудия не принимают иски в отношении международных межправительственных организаций[1]. Механизм реализации международной ответственности проявляется исключительно через добровольное исполнения норм международного права его субъектами[2] и решается, как правило, в прецедентом порядке[3]. Тем самым основания и процедуры применения принудительных мер к субъекту, нарушившему нормы международного права, в том числе принятые в проектах статей об ответственности государств и международных организаций КМП ООН, в определенной мере лишены какой-либо действенности.

Важно отметить, что актуальность вопроса об имплементации международно-правовой ответственности международных организаций, уже в настоящее время играющих ключевую роль в поддержании международного правопорядка и безопасности, с каждым годом только возрастает.

Создание в 1927 г. Административного трибунала Лиги Наций, который рассматривал споры в области международной гражданской службы, рассматривается специалистами-международниками в качестве первого проявления международно-правовой ответственности международных организаций[4]. Лига, признанная субъектом международного права со своими правами и обязанностями, имела собственную международную правосубъектность, что позволяло ей вступать в международные договоры и принимать решения, обязательные для своих членов. С основанием в 1945 г. Организации Объединенных Наций, принявшей на себя функции центральной международной организации и наделенной международной правосубъектностью, международные организации стали полноценными субъектами международного права, получив большое влияние на решение ключевых вопросов развития общества[5].

По данным союза международных ассоциаций (The Union of International Associations — UIA), число международных организаций неуклонно увеличивается. Так, в

16. Saganek, Przemysław. (2017). International Responsibility and the Systemic Character of International Law. Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. pp. 229—245. Crawford, James, “Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts”, United Nations Audiovisual Library of International Law, 2012, p. 3.

[1] Сазонова К.Л. Вопросы международно-правовой ответственности организации Североатлантического договора (НАТО): теоретико-концептуальные аспекты и ключевые юридические коллизии по итогам осуществлённых операций // Национальная безопасность / Nota Bene. 2016. № 2(43). С. 183—190.

[2] Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2(42). С. 214—221.

[3] Холиков И.В., Сазонова К.Л. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336, № 8. С. 51—57; Sazonova, K. L. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility / K. L. Sazonova, I. Kholikov // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. New York: Routledge, 2018. P. 38—51.

[4] Гуласарян А.С. Международно-правовая имплементация норм об ответственности международных организаций : монография / под ред. К.А. Бекяшева. М.: Статут, 2015.

[5] Большакова В.М., ХоликовИ.В., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова "Нюрнберг: Приговор во имя Мира" (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51—62.

1909 г. их насчитывалось 37, в 1956 г. — 132, в 1976 г. — 252, в 1992 г. — 4809, в 2005 г. — 7350[1]. Темп появления международных организаций и сегодня сохраняется на высоком уровне. В 2024 г. союзом зарегистрировано около 41 000 различных объединений (международных межправительственных и международных неправительственных организаций)[2], из которых в базу данных UIA только в 2023 г. добавлено 1 400 новых записи.

Наряду с количеством расширяются и сферы деятельности международных организаций, повышается их активность, а также значимость в регулировании международных отношений. Член-корреспондент Польской академии наук К. Скубишевский еще в середине 60-х гг. XX в. отмечал, что «осталось немного областей, в которых осуществляется сотрудничество государств, регулируемое нормами права, где в то же время не существовало бы международной организации, направляющей это сотрудничество»[3].

Инициированный Западом конфликт на Украине продемонстрировал существенное возрастание значения военной силы как средства достижения субъектами международных отношений своих геополитических целей. В борьбе за сохранение мирового лидерства руководство англосаксонских стран стирает границы между военными и невоенными средствами межгосударственного противоборства, последовательно внедряя во внутреннее национальное законодательство практику использования военных инструментов, что зачастую сопровождается нарушением международного права[4]. К реализации намеченных целей коллективный Запад все интенсивнее и чаще привлекает международные (межгосударственные) организации, в первую очередь те из них, которые имеют силовую составляющую для разрешения возникающих противоречий.

В стратегии национальной безопасности США[5] закреплен военно-политический курс на сдерживание России и Китая в попытке сохранения глобального лидерства и построения «международного порядка, основанного на правилах»[6]. При создании военно-политических союзов и экономических коалиций особое внимание уделяется развитию системы альянсов, основу которых составляют Североатлантический союз (НАТО), трехстороннее партнёрство в области безопасности АУКУС, «четырехсторонний диалог по безопасности» КУАД, разведсообщество «Пять глаз»[7].

Содержание новой стратегической концепции НАТО[8], утверждённой на саммите Североатлантического союза в г. Мадрид 29—30 июня 2022 г., свидетельствует о стремлении стран-членов блока обеспечить доминирующие позиции альянса в системе международной безопасности. Одновременно НАТО намерено укреплять связи с Евросоюзом, в том числе благодаря поддержке процессов развития военных возможностей ЕС, которые должны дополнять соответствующий коалиционный потенциал.

---

[1] Yearbook of International Organizations (2005/2006), Union of International Associations. München, 2005. P. 2966.

[2] The Yearbook of International Organizations [Электронный ресурс] URL: https://uia.org/yearbook.

[3] Skubiszewski K. Uchwaly prawotworcze organizacji miedzynarodowych. Posnan, 1965. S. 11.

[4] Наумов П.Ю. Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64—72.

[5] The Biden-Harris Administration's National Security Strategy, October, 2022 URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf.

[6] Холиков И.В., Конуров А.И. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4(53). С. 7—18.

[7] Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.] // Том III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022.

[8] NATO 2022 Strategic Concept URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/ assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf.

В свою очередь доктринальный документ Евросоюза «Стратегический компас»[1] вводит в практику формирование «коалиций заинтересованных государств», которым будут передаваться полномочия на проведение военных операций от имени ЕС с целью «упростить принятие решений в горячих точках».

Великобритания в обновленной в 2023 г. стратегии национальной безопасности «Обновление комплексного обзора: ответ на рост изменений и противоборства в мире»[2] главной целью внешней политики декларирует «противодействие усилиям России нарушить безопасность Великобритании, Евро-Атлантического региона и мирового порядка». Основной задачей на среднесрочную перспективу Лондон определяет «формирование совместно с государствами-союзниками и странами-партнерами глобальных альянсов с целью оказания влияния на общемировые процессы».

Практика создания с различными по целям, задачам масштабу и характеру военно-политических союзов, блоков и коалиций получила в XXI в. широкий охват и распространилась далеко за пределы Евро-Атлантической зоны. В этот процесс во многих случаях под руководством или при непосредственном участии США вовлечены страны различных регионов, в том числе в Индо-Тихоокеанском и Латиноамериканском, на Ближнем Востоке и в Африке. Тем самым наметилась устойчивая тенденция к расшатыванию общепризнанных «ооноцентричных» принципов и норм международного права, ослаблению существующих инструментов международно-правового регулирования, дальнейшему обострению военно-политической обстановки.

К сожалению, можно констатировать тот факт, что международное гуманитарное право уверенно лидирует по количеству нарушений по сравнению с другими отраслями права. При условии сохранения в ближайшей перспективе текущей тенденции всей системе международного права в целом будет нанесен колоссальный урон[3]. Неурегулированность вопроса международно-правовой ответственности международных организаций в современных международных отношениях также усугубляет ситуацию и провоцирует целый спектр проблем. При этом важно понимать, что ущерб, причиняемый действием (или бездействием) международных организаций с учетом их широких полномочий и глобального распространения, может быть даже более серьёзным, чем наносимый государствами. Этим обстоятельством активно пользуются как минимум две организации — НАТО и ЕС, которые при ведущей роли Соединенных Штатов последовательно пытаются навязать всему миру свое доминирование и интересы. Международно-правовые ограничители в подобного рода амбициозных и противоправных действиях этих двух блоков крайне необходимы. С их принятием можно будет говорить о наступлении нового этапа развития международного права и общества в целом. С этой целью целесообразно активизировать усилия всего мирового сообщества по разработке и внесению изменений в механизмы регулирования международной ответственности международных организаций, что в свою очередь требует значительных корректив парадигмы современного международного права и международных отношений[4]. Данный процесс должен обеспечиваться укреплением роли

[1] A Strategic Compass for Security and Defence URL: https://data.consilium. europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf.

[2] Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of His Majesty March 2023 ISBN: 978-1-5286-3962-0. E-Number: E02876763. URL: https://www.gov.uk/government/ publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world.

[3] Сазонова К.Л. Перспективы привлечения государств к международной ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 1. С. 39—45.

[4] Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102—111.

Организации Объединенных Наций, расширением взаимодействия ведущих экспертов в области международного права из разных стран, выработкой прогрессивных подходов к вопросу международно-правовой ответственности[1].

В целом современное состояние системы международных отношений характеризуется относительно низкой управляемостью и частыми нарушениями норм международного права. В условиях нивелирования странами коллективного Запада роли ООН как универсальной системообразующей организации на фоне проблем, с которыми сталкивается институт международно-правовой ответственности международных организаций на данном этапе своего становления, особую актуальность приобретает вопрос поиска эффективных механизмов регулирования деятельности указанного института.

Библиография

1. Батурин, Ю.М. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Ю.М. Батурин, В.Е. Батюкова, С.Д. Белоцерковский [и др.]; Институт государства и права РАН. — Москва: «Юнити-Дана», 2020. — 559 с.
2. Большакова, В.М. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) / В.М. Большакова, И.В. Холиков, П.Ю. Наумов, Р.В. Зелепукин // Государство и право. — 2022. — № 10. — С. 51—62. — DOI 10.31857/S102694520021788-7.
3. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.] // Том III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. — Москва. Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с.
4. Гуласарян, А.С. Международно-правовая имплементация норм об ответственности международных организаций : монография / под ред. К.А. Бекяшева. — М.: Статут, 2015. — 224 с.
5. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций : перевод с французского / Э. Давид; 2-е рус. изд., основанное на 4-м фр. изд., с доп. авт. — Москва : МККК, 2011. — 1141 с.
6. Дамаскин, О.В. Военные аспекты международного гуманитарного права / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Военное право. — 2017. — № 2(42). — С. 214—221.
7. Капустин, А.Я. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / А.Я. Капустин, В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова [и др.]. — Москва: Издательский Дом "Инфра-М", 2023. — 336 с. — DOI 10.12737/1926386.
8. Кудашкин, А.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве / А. Кудашкин, И. Холиков // Пути к миру и безопасности. — 2023. — № 1(64). — С. 31—47. — DOI 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47.
9. Куликов, Е.А. К вопросу о понятии основания юридической ответственности / Е.А. Куликов // Юридические исследования. — 2015. — № 1. — С. 39—46. — DOI: 10.7256/2409-7136.2015.1.13658.
10. Курис, П.М. Международные правонарушения и ответственность государств / П.М. Курис. — Вильнюс, 1973. — 279 с.
11. Левин, Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве / Д.Б. Левин. — М., 1966. — 152 с.
12. Лукашук, И.И. Кодификация права международной ответственности / И.И. Лукашук // Московский журнал международного права. — 2002. — № 3. — С. 3—15.
13. Лукашук И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук. — Москва : Волтерс Клувер, 2004. — 404 с.
14. Мазов, В.А. Ответственность в международном праве: проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности / В.А. Мазов. — Москва, 1979. — 151 с.
15. Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1 / Ф.Ф. Мартенс. — Санкт-Петербург, 1898.
16. Международное право : учебник для вузов / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма — Инфра-М, 2003. — 783 с.
17. Наумов, П.Ю. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») / П.Ю. Наумов, С.И. Захарцев, И.В. Холиков, В.М. Большакова // Государство и право. — 2023. — № 9. — С. 64—72. — DOI 10.31857/S102694520024304-5.
18. Сазонова, К.Л. Вопросы международно-правовой ответственности организации Североатлантического договора (НАТО): теоретико-концептуальные аспекты и ключевые юридические коллизии по итогам осуществлённых операций / К.Л. Сазонова // Национальная безопасность / Nota Bene. — 2016. — № 2(43). — С. 183—190. — DOI 10.7256/2073-8560.2016.2.15527.
19. Сазонова, К.Л. Институт ответственности государств за применение силы: современное состояние и перспективы развития / К.Л. Сазонова // NB: Вопросы права и политики. — 2012. — № 3. — С. 78—91.

[1] Сазонова К.Л. Институт ответственности государств за применение силы: современное состояние и перспективы развития // NB: Вопросы права и политики. 2012. № 3. С. 78—91.

20. Сазонова, К.Л. Международно-правовая ответственность международных организаций: проблемы и перспективы / К.Л. Сазонова // Международное право. — 2012. — № 1. — С. 16—25.

21. Сазонова, К.Л. Перспективы привлечения государств к международной ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права / К.Л. Сазонова // Правовая парадигма. — 2018. — Т. 17, № 1. — С. 39—45. — DOI 10.15688/lc.jvolsu.2018.1.6.

22. Фердросс, А. Международное право / пер. с нем. Ф.А. Кублицкого и Р.Л. Нарышкиной; Под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук Г.И. Тункина. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1959. — 652 с.

23. Хачатуров, Р.Л. Ответственность в современном международном праве / Р.Л. Хачатуров // Право и политика. — 2005. — № 8. — С. 24—43.

24. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // Военно-медицинский журнал. — 2015. — Т. 336, № 8. — С. 51—57.

25. Холиков, И.В. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства / И. В. Холиков, А. И. Конуров // Вестник Академии военных наук. — 2015. — № 4(53). — С. 7—18.

26. Холиков, И.В. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4 (297). — С. 102—111.

27. Crawford, James, “Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts”, United Nations Audiovisual Library of International Law, 2012, p. 3.

28. Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of His Majesty March 2023 ISBN: 978-1-5286-3962-0. E-Number: E02876763.

29. Pellet, Alain, “The Definition of Responsibility in International Law”, in Crawford, James/Pellet, Alain/Olleson, Simon (eds.), The Law of International Responsibility, Oxford University Press, 2010, pp. 3-16.

30. Saganek, Przemysław. (2017). International Responsibility and the Systemic Character of International Law. Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. pp. 229—245.

31. Sazonova K.L. The Ebola Response Team Deployment in the Guinea Republic: Organizational, Ethical, Legal Issues and a Problem of Responsibility / K.L. Sazonova, I. Kholikov // Ethical Challenges for Military Health Care Personnel. Edited by Daniel Messelken and David Winkler. — New York: Routledge, 2018. — P. 38—51.

32. Skubiszewski K. Uchwaly prawotworcze organizacji miedzynarodowych. Posnan, 1965.

Понятие и признаки комбатантов

© **Белый Павел Филиппович,**
старший помощник военного прокурора 72 военной прокуратуры гарнизона, капитан юстиции

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию понятия «комбатант» с точки зрения теоретических, правовых и организационных аспектов, а также определению признаков комбатантов. Рассматриваются основные отличительные особенности комбатантов, их признаки в соответствии с международными конвенциями. Анализируются виды комбатантов, а также оправданность их отнесения к данной категории.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, вооруженные конфликты, законные комбатанты, незаконные комбатанты, военнослужащие.

The concept and characteristics of combatants

© **Belyi P.F.,**
Senior Assistant to the Military Prosecutor 72 Military Prosecutor's Office of the garrison, Captain of Justice

Abstract. This article is devoted to the study of the concept of "combatant", from the point of view of theoretical, legal and organizational aspects, as well as the definition of signs of combatants. The main distinguishing features of combatants and their characteristics in accordance with international conventions are considered. The types of combatants are analyzed, as well as the justification for their assignment to this category.

Keywords: international humanitarian law, armed conflicts, legitimate combatants, illegal combatants, military personnel.

Международное гуманитарное право устанавливает разный объем прав и обязанностей в зависимости от категории лиц, участвующих в вооруженном конфликте. Для правильного определения принадлежности лица к той или иной категории необходимо иметь ясные критерии их разграничения. Участников вооруженных конфликтов можно разделить на комбатантов и некомбатантов в зависимости от характера их участия.

Комбатант обычно определяется как лицо, непосредственно участвующее в боевых действиях во время вооруженного конфликта. Это определение было впервые разработано в Гаагских конвенциях 1907 г. и с тех пор получило развитие в последующих документах международного гуманитарного права. Например, Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. конкретно определяют комбатантов и устанавливают их правовой статус.

Комбатантом называют лицо, которое состоит в вооруженных силах одной из сторон конфликта и принимает непосредственное участие в боевых действиях. Кроме того, для квалификации в качестве комбатанта необходимо, чтобы такое лицо имело право на прямое участие в военных действиях и выполнение задач, связанных с ведением боевых действий.

Важно отметить, что военные действия могут быть проведены только против вооруженных противников. Понятие «непосредственные участники военных действий» или «главные участники конфликта» обозначает лиц, которые непосредственно принимают участие в военных действиях. Сюда входят не только комбатанты, но и гражданские лица, непосредственно участвующие в боевых действиях, например, осуществляющие диверсионные

или шпионские действия. Термин «основные участники конфликта» дополнительно подчеркивает важность этих лиц в контексте вооруженного конфликта, поскольку они могут играть значительную роль в планировании, подготовке или ведении боевых действий.

Часто пользуются международным гуманитарным правом для проведения различия между теми, кто непосредственно участвует в боевых действиях, и теми, кто не участвует. Например, Международный комитет Красного Креста (МККК) определяет лиц, активно участвующих в боевых действиях, как тех, кто участвует в боевых действиях или реализует постоянную боевую функцию, независимо от их статуса или звания. Классификация лиц как активно участвующих в боевых действиях важна для определения их правового статуса и защиты в соответствии с международным гуманитарным правом, включая их право на получение статуса военнопленных, защиту от прямых нападений и право на справедливое судебное разбирательство.

Независимо от значения, категория лиц, участвующих в вооруженных конфликтах, обозначается понятием «комбатанты», и их правовой статус остается неизменным[1]. Однако важно понимать, что определение комбатантов и их правовой статус регулируются международным правом, которое определяет условия и ограничения, связанные с применением военной силы и защитой гражданского населения во время вооруженных конфликтов.

При анализе национального законодательства разных стран можно увидеть различия в трактовке понятия «комбатант».

В законодательстве России, Швеции и некоторых других стран этот термин трактуется согласно п. 2 ст. 43 Дополнительного протокола I 1977 г.

В Германии, согласно требованиям законодательства и военного устава, вооруженные силы разделяются на две категории: комбатантов и некомбатантов. Комбатантами считаются лица, которые принимают активное участие в военных конфликтах.

В Нидерландах наиболее широко трактуется понятие «комбатант», которое включает не только лиц, прямо участвующих в боевых действиях, но и лиц, предоставляющих им поддержку. Законодательство Нидерландов предоставляет каждой стране возможность самостоятельно определить, кто может быть признан комбатантом.

Правовой статус комбатантов имеет важное значение, так как он влияет на обращение с ними в случае их захвата противником[2]. В соответствии с международным гуманитарным правом комбатанты, попавшие в плен, имеют право на статус военнопленных, что дает им определенные права и защиту. К ним относятся право на гуманное обращение, право на переписку со своими семьями и получение посылок, а также право на справедливое судебное разбирательство, если их обвиняют в военном преступлении[3].

В дополнение к своим правам и обязанностям по международному гуманитарному праву комбатанты могут также иметь правовую защиту в соответствии с другими отраслями права, такими, как право прав человека и национальное право. Например, Международный пакт о гражданских и политических правах предусматривает право на жизнь и запрет пыток, в то время как внутреннее законодательство может предусматривать судебное преследование за военные преступления и другие нарушения законов войны.

Раскрывая понятие «комбатант», полагаем необходимым также определить и его признаки. К таковым можно отнести:

а) членство в признанных вооруженных силах или группах (для того, чтобы считаться комбатантом, человек должен быть членом организованных вооруженных

[1] Conference of Government Experts on the Reaffirmation and Development of International Humanitarian Law Applicable in Armed Conflicts. Geneva, 24 May-12 June, 1971. Rules Applicable in Guerilla Warfare Submitted by the International Commitee of the Red Cross. -Geneva, 1971. P. 6

[2] Meron, T. (2011). The humanization of humanitarian law. American Journal of International Law, 105(2), 225-251.

[3] Schmitt, M. N., & Pejic, J. (Eds.). (2013). International law and armed conflict: Exploring the faultlines. Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers.

сил или групп, являющихся стороной в вооруженном конфликте[1]);

б) непосредственное участие в боевых действиях (это означает, что они должны совершать военные действия, такие как использование оружия или участие в военных операциях. Непосредственное участие в боевых действиях может быть как активным, так и пассивным[2]);

в) ношение отличительного знака (комбатанты обязаны отличать себя от гражданского населения ношением отличительного знака, который можно распознать на расстоянии. Это необходимо для того, чтобы гражданские лица не становились непреднамеренными мишенями во время военных операций.);

г) открытое ношение оружия (комбатанты должны открыто носить свое оружие и не должны использовать гражданскую одежду, чтобы скрыть свой боевой статус[3]);

д) соблюдение правил и обычаев войны, установленных международным гуманитарным правом, также является характеристикой комбатанта (это включает в себя соблюдение принципов различения, соразмерности и необходимости при ведении боевых действий, а также уважение прав гражданских лиц и других некомбатантов. Комбатанты, нарушающие эти правила, могут быть привлечены к ответственности за военные преступления[4]);

е) действия под командованием ответственного органа (комбатанты должны действовать под командованием ответственного органа и подчиняться законам и обычаям войны. Это включает в себя соблюдение прав гражданских лиц и военнопленных, а также недопущение нападений на невоенные цели[5]);

Согласно международному гуманитарному праву, комбатанты имеют право на защиту и помощь, а также на гуманитарную помощь. В свою очередь, государства обязаны защищать своих граждан-комбатантов и обеспечивать им правовую защиту. Ввиду того, что комбатанты являются субъектами международного гуманитарного права и на них распространяются соответствующие нормы и принципы. В качестве участников вооруженного конфликта комбатанты могут применять насилие и силу, однако их действия должны соответствовать международным правилам и принципам гуманности. Комбатанты обязаны выполнять действия в соответствии с нормами международного права, которые определяются их правовым статусом, а также их индивидуальными обязанностями.

Помимо этого, комбатанты подлежат уголовной ответственности за нарушения международного гуманитарного права. Военные преступления, такие как преднамеренное нанесение ударов по гражданским лицам или использование запрещенного оружия, могут повлечь за собой судебное преследование в международных или национальных судах. Международный уголовный суд обладает юрисдикцией в отношении военных преступлений, совершенных отдельными лицами, в том числе комбатантами, в ходе вооруженных конфликтов[6]. Комплекс правил поведения комбатантов направлен на уменьшение страданий, причиняемых вооруженными конфликтами, и защиту наиболее уязвимых лиц, таких как гражданские лица и военнопленные.

В этой связи полагаем возможным сделать вывод, что право на непосредственное участие в военных действиях является определяющим фактором в определении

[1] International Committee of the Red Cross. (2009). Customary International Humanitarian Law. Geneva, Switzerland: Author.

[2] International Committee of the Red Cross. (2016). Direct Participation in Hostilities. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.icrc.org/en/document/direct-participation-hostilities

[3] Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War, Aug. 12, 1949, 6 U.S.T. 3316, 75 U.N.T.S. 135.

[4] Interpretive guidance on the notion of Direct Participation in Hostilities under international humanitarian law. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc-002-0996.pdf]

[5] Additional Protocol I to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts, 1125 U.N.T.S. 3, entered into force Dec. 7, 1978.

[6] International Criminal Court. (n.d.). War Crimes. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/war-crimes

правового статуса комбатантов. Только те лица, которые признаны комбатантами, имеют право на использование силы и на убийство врага, не неся за это персональной юридической ответственности. Если комбатант будет взят в плен, он не будет преследоваться за насилие, которое он совершил в рамках проведения боевых действий. В отличие от сражающихся, некомбатанты не могут непосредственно участвовать в боевых действиях и оказывают вооруженным силам помощь. И хотя понятие «некомбатант» не имеет нормативного закрепления, Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям уточняет критерии, по которым можно отличить комбатантов от некомбатантов. Наличие права на непосредственное участие в военных действиях в составе вооруженных сил является определяющим фактором, это не просто причастность к процессу ведения войны. Полагаем, если на человека не возложена функция принимать непосредственное участие в боевых действиях, он не является комбатантом, даже если входит в состав вооруженных сил. Однако военные юристы и другие не боевые члены воинских формирований могут быть признаны комбатантами, если на них возложена задача ведения боевых действий. Исключением являются только медицинский и духовный персонал, которые не могут быть признаны комбатантами по определению. Согласно ст. 43 Дополнительного протокола I, все члены вооруженных сил, кроме медицинского и духовного персонала, могут быть признаны комбатантами. Сторонником такого подхода, в частности, является В.В. Алешин[1].

Исследователи Г.В. Игнатенко и др. считают, что законными участниками войны являются только сражающиеся комбатанты[2], но они ошибочно исходят из того, что медицинский персонал и духовенство не могут быть комбатантами. Ст. 43 Дополнительного протокола I не упоминает в определении «комбатант» только медицинский и духовный персонал, что не исключает их участия в вооруженном конфликте как законных участников. Ч. Хайд, американский юрист, отмечает, что «несражающийся участник вооруженных сил» также может считаться прямым участником конфликта, даже если не участвует в военных действиях[3].

Согласно ст. XIII Гаагского положения о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., некомбатантами считаются интендантский, военно-юридический персонал, духовенство, военные корреспонденты и другие гражданские лица[4], не являющиеся членами вооруженных сил. Г.М. Мелков расширяет это определение на гражданских лиц, обеспечивающих бытовое обслуживание вооруженных сил, а также на медицинский и санитарный персонал, духовенство всех религий, госпитальные и санитарные суды, транспорты и летательные аппараты[5]. Такую точку зрения разделяет А.Г. Григорьев[6].

Такие авторы как Д.Д. Остапенко и Л.А. Лазутин, равно как и некоторые другие исследователи, опираются на Гаагское положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными 1949 года, чтобы определить, кто может считаться некомбатантом[7]. Так как понятие «некомбатант» не имеет нормативного закрепления, то все мнения на эту тему остаются спор-

[1] Алешин В.В. Правовое регулирование вооруженного конфликта немеждународного характера // Московский журнал международного права. 1998. № 2. С 134—143.

[2] Международное право : учебник для вузов / Г.В. Игнатенко, В.Я. Суворова, О.И. Тиунов и др. М.: Высшая школа, 1995. С. 318. Аналогичной позиции придерживался Л. Оппенгейм. См.: Оппенгейм Л. Международное право. Пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом. Под ред. С.А. Голунского. М.: ИЛ, 1949. Т. II. С. 270.

[3] Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки / Пер. с англ. С.М. Рапопорта под ред. С.Б. Крылова. М.: ИЛ, 1953. Т. 5.

[4] Международное право : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. Ф.И. Кожевников. М.: Международные отношения, 1987. С. 537.

[5] Международное публичное право : учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. К.А. Бекяшева. М.: Проспект, 1999. С. 573.

[6] Григорьев А.Г. Международное право в период вооруженных конфликтов. М.: Воениздат, 1992. С. 9.

[7] Международное право / Под ред. проф. Г.В. Игнатенко. М.: Высшая школа, 1995.

ными и не имеют четкого ответа в международном праве. Согласно ст. 33 Женевской конвенции, некомбатанты не признаются военнопленными в случае их задержания противником, но они могут оказывать медицинскую и духовную помощь военнопленным.

В соответствии со ст. 4 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, лица, которые не являются членами вооруженных сил, но принимают участие в военных действиях, могут быть признаны комбатантами, если они удовлетворяют определенным критериям. Среди таких критериев — наличие у них определенных видов вооружения и участие в военных операциях под руководством командира. Гражданские лица, которые обеспечивают бытовое обслуживание вооруженных сил, также могут считаться комбатантами, если они участвуют в боевых действиях. В то же время гражданские журналисты, которые следуют за вооруженными силами, не могут считаться комбатантами и относятся к гражданскому населению. Также существует категория «незаконных комбатантов», в которую входят люди, не имеющие законного права на участие в боевых действиях. Это могут быть члены народного ополчения, добровольные формирования и граждане, входящие в состав организованных движений сопротивления, не являющихся частью регулярных вооруженных сил государств, участвующих в вооруженном конфликте. Однако если они следуют требованиям, содержащимся в Женевской конвенции III, то они не могут быть классифицированы как незаконные комбатанты.

Вопрос о правовом статусе «незаконных комбатантов» был предметом многочисленных дискуссий в последние годы, особенно в связи с войной США с терроризмом. Правительство США утверждало, что лица, захваченные в ходе войны с терроризмом, например, содержащиеся в бухте Гуантанамо, не имеют права на получение статуса военнопленных в соответствии с Женевскими конвенциями, поскольку они не являются законными комбатантами. Этот аргумент оспаривался многими учеными-правоведами и правозащитниками, утверждающими, что такие лица имеют право на основные права человека и защиту в соответствии с международным правом.

Хотя ранее было определено, что лица, не имеющие законного права на участие в боевых действиях, не могут быть классифицированы как комбатанты, в Акте Конгресса США 2006 г. (Military Commission Order No. I) было введено определение «незаконного комбатанта». Согласно гл. 47 данного Акта, незаконный комбатант — это лицо, которое незаконно участвует в вооруженных действиях или поддерживает войну против США. Кроме того, в Акте говорится, что признание лица незаконным комбатантом возможно только после рассмотрения специализированным трибуналом. Существование концепции «незаконных комбатантов» подчеркивает важность проведения различия между законными и незаконными комбатантами в вооруженных конфликтах, а также необходимость обеспечения того, чтобы всем лицам были предоставлены основные права человека и защита в соответствии с международным правом.

Согласно Гаагскому положению и Женевским конвенциям, в современных условиях комбатантами признаются следующие группы людей:

1) члены регулярных вооруженных сил, такие как армии, авиации и флота;

2) члены ополчений и добровольческих отрядов, которые входят в состав вооруженных сил некоторых государств, а также граждане нейтральных и других невоюющих государств, которые добровольно вступили в вооруженные силы воюющего государства;

3) члены других ополчений, добровольческих отрядов, организованных движений сопротивления, действующих на своей территории или за ее пределами, даже если эта территория находится под оккупацией, а также партизаны;

4) члены экипажей судов торгового флота, включая капитанов, лоцманов и юнг, и экипажей гражданской авиации воюющих государств, если они не пользуются иными льготными положениями международного права;

5) население неоккупированной территории, которое защищает свою землю и

вступает в борьбу с вторгающимися войсками;

6) участники национально-освободительных движений.

Что же касается военных советников и инструкторов, то ввиду того, что он здесь их признаки не определены, мы предлагаем отнести этих участников к категории иностранных граждан, находящихся в вооруженных силах одной из воюющих сторон в период конфликта. Правовой же статус таких лиц может быть определен в соответствии с Четвертой Женевской конвенцией.

Таким образом, определение комбатанта является важнейшим элементом международного гуманитарного права, поскольку раскрывает существенные признаки рассматриваемой категории лиц, участвующей в вооруженных конфликтах. Определение понятия комбатанта необходимо для обеспечения соблюдения законов войны и гуманного обращения с комбатантами в случае их захвата.

Библиография

1. Алешин, В.В. Правовое регулирование вооруженного конфликта немеждународного характера / В.В. Алешин // Московский журнал международного права. — 2021. — №. 2. — С. 134—143.

2. Григорьев, А.Г. Международное право в период вооруженных конфликтов / А.Г. Григорьев. — Москва: Воениздат, 1992. — 31 с.

3. Международное право : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. Ф.И. Кожевников. — Москва: Международные отношения, 1987. — 537 с.

4. Международное право / под ред. проф. Г.В. Игнатенко. — Москва : Высшая школа, 1995. — 398 с.

5. Международное публичное право : учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. К.А. Бекяшева. — Москва: Проспект, 1999. — 573 с.

6. Хайд, Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки / Пер. с англ. С.М. Рапопорта, под ред. С.Б. Крылова. — Москва: ИЛ, 1953. Т. 5. — 618 с.

7. Meron, T. (2011). The humanization of humanitarian law. American Journal of International Law, 105(2), 225-251.

8. Schmitt, M. N., & Pejic, J. (Eds.). (2013). International law and armed conflict: Exploring the faultlines. Leiden, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers.

Правовой режим буферной зоны как средства защиты гражданского населения от применения военной силы и предупреждения вооруженного конфликта между сопредельными государствами: зарубежный опыт

© **Свининых Евгений Анатольевич**,
доктор юридических наук, доцент
© **Яковлев Максим Анатольевич**,
юрист

Аннотация. Авторы статьи на основе анализа зарубежной и отечественной научной литературы, практики государств, документов ООН и правозащитных организаций описывают правовой режим буферных зон между КНДР и Республикой Корея, а также установленных Израилем на палестинских территориях. Раскрыты правовые основания и цели установления буферных зон, глубина зон, основные ограничения прав и свобод человека, составляющие содержание правового режима буферных зон. В статье также рассмотрены виды ограничительных и запретных зон, установленных в пределах буферных зон или прилегающих к ним.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, буферная зона, демилитаризованная зона, закрытая военная зона, приграничная территория, разделительный барьер.

The legal regime of the buffer zone as a means of protecting civilians from the use of military force and preventing armed conflict between neighboring states: foreign experience

© **Svininyh E.A.**,
doctor of legal sciences, associate professor
© **Yakovlev M.A.**,
lawyer

Abstract. The authors of the article, based on the analysis of foreign and Russian scientific literature, state practice, UN and human rights organizations' documents, describe the legal regime of buffer zones between the Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Korea, as well as those established by Israel in the Palestinian territories. The legal grounds and objectives of establishing buffer zones, the depth of the zones, the main restrictions on human rights and freedoms that make up the content of the legal regime of buffer zones are disclosed. The article also discusses the types of restrictive and prohibited zones established within or adjacent to buffer zones.

Keywords: armed conflict; buffer zone; demilitarized zone; closed military area; border area; separation barrier.

18 марта 2024 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил о вероятности создания Россией санитарной зоны на украинской территории из-за атак на приграничные регионы. Это будет зона безопасности, которую сложно преодолеть, применяя имеющиеся у противника средства поражения. При этом вопрос глубины

зоны был указан как вопрос, требующий отдельного решения[1]. Ранее идею установления санитарной зоны Президент Российской Федерации предлагал 13 июня 2023 г.[2]

По всей видимости, речь идет о буферной демилитаризованной зоне, так как 31 января 2024 г. глава Российского государства подчеркнул необходимость создания именно демилитаризованной зоны[3]. Что касается санитарной или безопасной зоны, то в отношении таких зон международно-правовые нормы предусматривают: необходимость заключения соглашения между сторонами, находящимися в конфликте; запрет осуществлять в таких зонах определенную деятельность; ограничение допустимой площади зон[4].

Слова Президента Российской Федерации заставляют обратиться к анализу уже существующего зарубежного опыта создания буферных зон, а также их правового режима. Под буферной зоной нами понимается часть территории государства, на которой в соответствии с нормами международного права ограничены его суверенные права в целях деэскалации вооруженного конфликта с другим государством или предупреждения его начала, защиты гражданского населения от применения военной силы[5].

В качестве предмета нашего анализа мы выбрали наиболее известные из действующих в настоящее время правовых режимов буферных зон: во-первых, между Израилем и палестинскими территориями, во-вторых, между КНДР и Республикой Корея.

Правовой режим буферной и иных ограничительных зон, установленных Израилем на палестинских территориях. Особенности израильского опыта состоят в том, что Израиль установил буферную и иные ограничительные зоны:

1) в одностороннем порядке;

2) не на своей, а на палестинских территориях.

Напомним, что до настоящего времени вопрос о постоянных границах государства Израиль остается открытым. Существует так называемая Зеленая линия, отграничившая территорию Израиля от территории сопредельных арабских государств и совпадающая с линией прекращения огня после окончания первого арабо-израильского конфликта 1948—1949 гг. (см. рис. 1).

Правовой режим буферной зоны на Западном берегу р. Иордан. Первоначально отметим, что на оккупированных Израилем территориях Западного берега установлены две правовые системы, в соответствии с которыми правовой статус человека определяется его национальной принадлежностью. Одна система, предназначенная для населения еврейских поселений, наделяет представителей этого сообщества не только всеми правами, которыми пользуются граждане Израиля за Зеленой линией, но даже гарантирует им дополнительные финансовые и социальные льготы. Другая система, рассчитанная для арабского населения оккупированных территорий, представляет собой режим изоляции, сегрегации и дискриминации[6].

---

[1] См.: Замахина Т. Путин: Россия может создать санитарную зону на подконтрольных Киеву территориях. URL: https://rg.ru/2024/03/18/reg-cfo/putin-rossiia-mozhet-sozdat-sanitarnuiu-zonu-na-podkontrolnyh-kievu-territoriiah.html (дата обращения: 08.05.2024).

[2] См.: Герейханова А. Владимир Путин более трех часов беседовал с военными корреспондентами. Итоги разговора // Российская газета. 2023. 14 июня. С. 3.

[3] См.: Ильина В. Владимир Путин сказал, как должна проходить демилитаризованная линия на Украине. – URL: https://rg.ru/2024/01/31/vladimir-putin-skazal-kak-dolzhna-prohodit-demilitarizovannaia-liniia-na-ukraine.html (дата обращения: 08.05.2024).

[4] См.: Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны : заключена в г. Женеве 12 авг. 1949 г. : ст. 14, прил. 1 // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957.

[5] См. подробнее: Свининых Е.А., Яковлев М.А. Буферные зоны, создаваемые в период вооруженных конфликтов и после их окончания: понятие, виды, правовой режим // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 3. С. 24—32.

[6] См.: Крылов А.В. Израильские поселения на оккупированных арабских территориях (1967—2007 гг.). М.: МГИМО—Университет, 2011. С. 14.

Рис. 1. Территория Западного берега р. Иордан и сектора Газа с указанием прохождения Зеленой линии, израильского разделительного барьера безопасности и расположением израильских поселений на палестинских территориях[1]

Согласно Израильско-палестинскому временному соглашению по Западному берегу и сектору Газа от 28 сентября 1995 г. (далее — Соглашение «Осло-2») оккупированный Израилем Западный берег разделен на три административные единицы: палестинские анклавы (зоны A и B) и остальную

[1] См.: Ben-Rafael E., Ben-Rafael Galanti S. Israel-Palestine: Concrete Fences and Fluid Borders // The Walls between Conflict and Peace / Ed. by Alberto Gasparini. Leiden — Boston: Brill, 2016. P. 223.

часть, включая израильские поселения (зона С) (см. рис. 2). Границы этих зон могут проходить по территории буферной зоны, установленной Израилем, и, как следствие, их правовой режим может дополнять режим буферной зоны.

.

Рис. 2. Разделение территории Западного берега р. Иордан на зоны согласно Соглашению «Осло-2»[1]

Гражданам Израиля запрещен въезд в зону А (полностью контролируется Палестинской национальной администрацией (далее — ПНА) (см. рис. 3) и им не рекомендуется въезжать в зону В (находится под гражданским контролем ПНА и военным контролем Израиля. При этом данным гражданам разрешается свобода передвижения в зоне С (составляет 61 % Западного берега и управляется Израилем) и по всем основным дорогам Западного берега, которые соединяют израильские поселения друг с другом и с Израилем

[1] URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IL%20PS_950928_InterimAgreementWestBankGazaStrip%28OsloII%29%28ru%29.pdf (дата обращения: 08.05.2024).

Рис. 3. Граница въезда в зону А с информацией о запрете гражданам Израиля въезжать в нее[1]

К буферной зоне между Израилем и Западным берегом р. Иордан мы относим территорию, расположенную между Зеленой линией и разделительным барьером безопасности, возведенным Израилем на Западном берегу. Этот барьер на протяжении свыше 700 км включает ров, контрольно-следовую полосу, заграждения из колючей проволоки, дорогу для патрулирования, стену из металлобетонных плит с камерами слежения и датчиками движения, сторожевые вышки через каждые 2 км, оснащенные дистанционно управляемыми пулеметами, военные контрольно-пропускные пункты. По обе стороны стены установлена 70-метровая запретная зона[2] (см. рис. 4).

Что касается цели возведения барьера безопасности и, следовательно, установления буферной зоны, то, по заверениям МИД Израиля, это было сделано исключительно для защиты населения страны от террористических атак [3]. Однако, по мнению палестинцев, истинная цель заключается в вытеснении коренного палестинского населения со своей земли, так как Израиль фактически захватил часть палестинской территории: только 15 % траектории стены проходит вдоль Зеленой линии, а 9,4 % Западного берега, включая Восточный Иерусалим, размещены на «израильской» стороне стены[4].

[1] См.: Bishara A. Driving while Palestinian in Israel and the West Bank: The politics of disorientation and the routes of a subaltern knowledge // American Ethnologist. 2015. Vol. 42. № 1. P. 37.
[2] См.: Dolphin R. The West Bank Wall: Unmaking Palestine. Zed Press, 2006. P. 38–39.
[3] См.: Saving Lives: Israel's anti-terrorist fence. Answers to Questions / Israel Ministry of Foreign Affairs, 2004. URL: http://web.archive.org/web/20220319220957/https://mfa.gov.il/MFA_Graphics/MFA%20Gallery/Documents/saving-lives.pdf (дата обращения: 08.05.2024).
[4] См.: The separation barrier / B'Tselem, 2017. URL: https://www.btselem.org/separation_barrier (дата обращения: 08.05.2024).

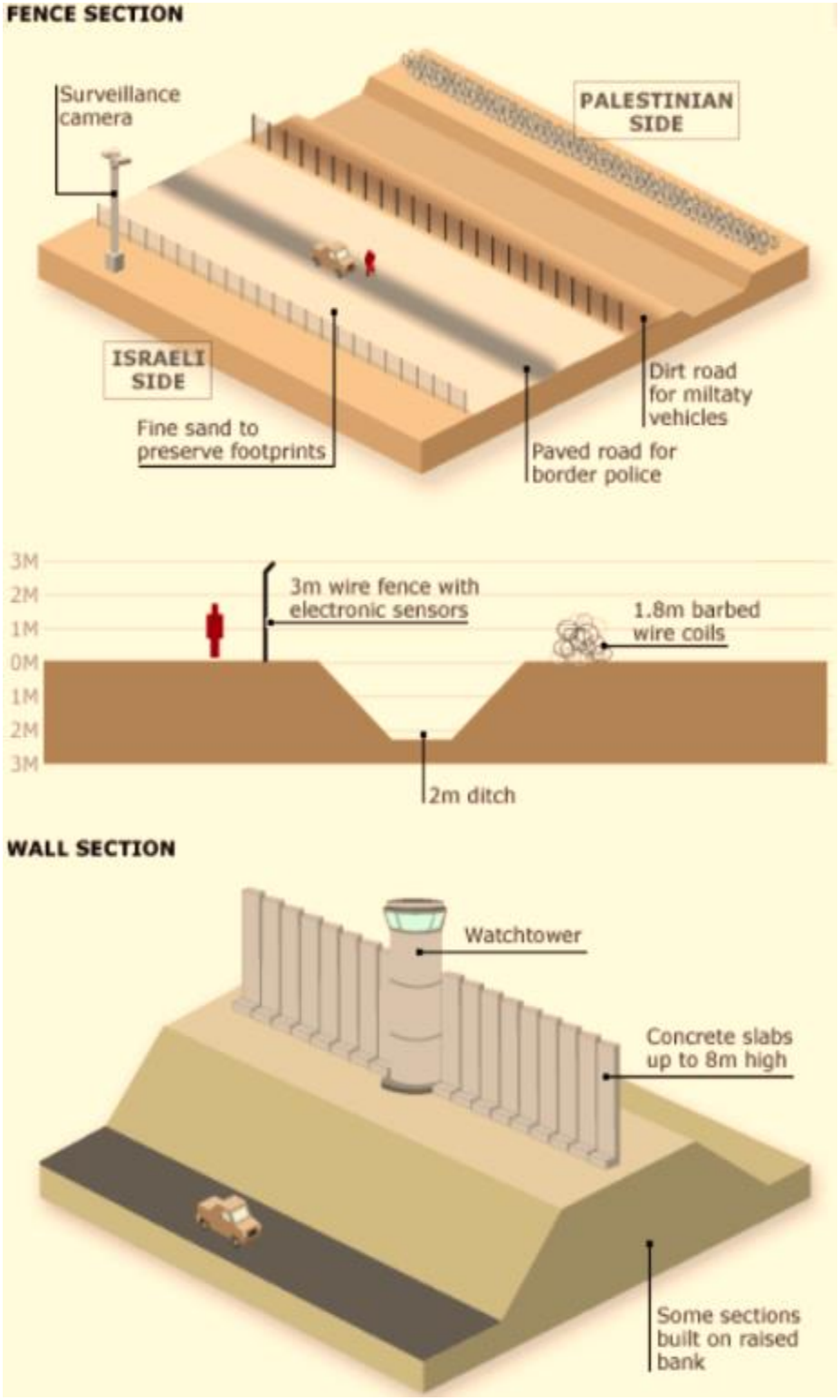

Рис. 4. Инженерные сооружения и заграждения, образующие разделительный забор безопасности[1]

Маршрут барьера не совпадает и с делением Западного берега на три вышеупомянутые зоны A, B и C. В постановлении правительства Израиля от 23 июня 2002 г. № 2077[2] устанавливалось, что «точный и окончательный маршрут будет определен премьер-министром и министром обо-

[1] См.: URL: www.bbc.com (дата обращения: 08.05.2024).

[2] См.: מספר החלטה 2077 מיום הממשלה של 23.06.2002. – URL: https://www.gov.il/he/pages/2002-jun2077 (дата обращения: 08.05.2024).

роны», предоставляя этим лицам беспрецедентную степень свободы в определении траектории разделительного барьера. При строительстве барьера были безвозмездно экспроприированы тысячи гектаров земли (подавляющее большинство из которых являлось частной собственностью), разрушена палестинская социально-экономическая инфраструктура[1].

В июле 2004 г. Международный Суд в своем консультативном заключении постановил, что возведение стены незаконно. Суд «не убежден в том, что конкретный курс, выбранный Израилем для строительства стены, был необходим для достижения его целей безопасности»[2]. Отвергая это решение, израильтяне апеллировали к международному праву, признающему неотъемлемое право каждого государства защищать своих граждан перед лицом вооруженного нападения[3].

Как указывает А.В. Крылов, основная политическая цель возведения разделительного барьера — отторжение от Западного берега закрытых военных зон[4] и наиболее плотно заселенных израильтянами поселений, а также Восточного Иерусалима[5]. Израиль проводит политику заселения Западного берега своими гражданами. Около 38 % территории Западного берега занимают еврейские поселения, израильские блокпосты, военные базы, закрытые военные зоны и подъездные пути к ним[6]. Однако существование израильских поселений на оккупированной в ходе военных действий территории противоречит положениям ст. 49 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, запрещающим оккупирующему государству переселять гражданское население на оккупированную территорию, так как подобные действия значительно затрудняют сам процесс прекращения оккупации.

Вытеснению палестинского населения способствует и правовой режим буферной и иных ограничительных зон. Так, израильские военные приказы запрещают палестинцам осуществлять строительство в пределах полосы шириной 150—300 м от разделительного барьера безопасности и израильских поселений на Западном берегу. Почти 40 % всей территории Западного берега заняты израильской инфраструктурой, связанной с поселениями, включая дороги, разделительный барьер безопасности, буферные зоны и военные базы[7].

Возведение барьера повлекло возникновение трех изолированных анклавов:

1) зона стыка (seam zone) (включает деревни и сельскохозяйственные угодья, расположенные между барьером и Зеленой линией; большая часть зоны стыка признана Израилем закрытой военной зоной)[8];

---

[1] См.: Mohaghan L., Careccia G. The Annexation Wall and its Associated Regime. – URL: https://www.alhaq.org/cached_uploads/download/alhaq_files/publications/Annexation_Wall_english.pdf (дата обращения: 08.05.2024).

[2] См.: International Court of Justice. Legal consequences of the construction of a wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion of 9 July 2004. P. 63. URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/131/131-20040709-ADV-01-00-EN.pdf (дата обращения: 08.05.2024).

[3] См.: Blank Y. Legalizing the barrier: The legality and materiality of the Israel/Palestine separation barrier // Texas International Law Journal. 2011. Vol. 46. № 2. P. 332.

[4] На территории Западного берега, в том числе на участках вокруг Иерусалима, к 2007 г. насчитывалось 48 израильских военных баз, которые занимают площадь, равную 1 919 га (почти 25 % всей территории Западного берега). Большинство военных объектов ЦАХАЛ на палестинских территориях базируются в Иорданской долине. Обширные районы вокруг баз образуют так называемые закрытые военные зоны. Граница Западного берега с Иорданией представляет сплошную военную зону, полностью закрытую для посещения палестинцами (См.: Крылов А. В. Израильские поселения на оккупированных арабских территориях (1967—2007 гг.). С. 16).

[5] См.: Крылов А. Израильская заградительная стена на Западном берегу // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. 2008. № 1. С. 3.

[6] См.: The Humanitarian Impact on Palestinians of Israeli Settlements and Other Infrastructure in the West Bank / UN Office for the Coordination of the Humanitarian Affairs. N.Y., 2007. P. 53.

[7] См.: Крылов А. В. Израильские поселения на оккупированных арабских территориях (1967—2007 гг.). С. 15.

[8] Зона стыка — это территория между разделительным барьером и границей Иудеи и Самарии. Районы, где барьер расположен внутри Иудеи и Самарии. В этой зоне установлен разрешительный режим, то есть для въезда в зону лица, не являющегося

2) деревни, расположенные на палестинской стороне барьера, но окруженные с трех или более сторон либо извилистым маршрутом барьера, либо дорогами, предназначенными только для израильских поселенцев, и/или физическими препятствиями, соединенными с барьером;

3) район Иерусалима, где барьер отделил город от остальной территории[1].

Наиболее острой является ситуация в зоне стыка, фактически представляющей собой буферную зону. Израиль вытесняет палестинское население из зоны стыка путем жестких ограничений их свободы передвижения. Кроме того, согласно израильскому законодательству земельные участки, которые не обрабатывались в течение трех лет подряд, могут быть конфискованы и объявлены «государственными землями». По данным Управления ООН по координации гуманитарных вопросов, большая часть земель в зоне стыка уже объявлена «государственной землей»[2].

Палестинцы, проживающие в зоне стыка, фактически изолированы внутри этого анклава. С одной стороны их окружает барьер, а с другой — Зеленая линия. Доступ к общине анклава жестко ограничен. Для въезда/выезда в зону стыка и из нее палестинским жителям этого района требуется получить разрешение у израильских властей. Перемещение осуществляется через ограниченное количество ворот в барьере, ряд которых открывается лишь в определенные часы. Специальные временные разрешения требуются для доступа к сельскохозяйственным угодьям, местам работы, получения медицинской помощи, образовательных и иных услуг, для посещения семьи и друзей, находящих за пределами барьера на палестинской стороне[3]. Заявки на получение разрешений регулярно отклоняются по соображениям безопасности и/или на том основании, что фермеры «не смогли доказать свою «связь с землей». Что касается еврейских поселенцев анклава, то они могут свободно жить и передвигаться внутри него и за его пределами[4], однако израильский военный комендант на палестинских территориях может объявить определенные районы анклава закрытыми военными зонами и запретить поселенцам находиться в них[5]. Это ограничение направлено на исключение возможных столкновений на этнической почве и сдерживает еврейское население от приобретения недвижимости в палестинских населенных пунктах анклава.

В целях профилирования рисков пункты пропуска через разделительный барьер делятся на виды в зависимости от национальной принадлежности лиц, пересекающих барьер: одни пункты предназначены для пропуска израильтян, другие — палестинцев [6]. Проход палестинцев через

ее резидентом, требуется наличие разрешения. Определение зоны стыка как закрытой военной зоны, вход в которую контролируется и требует разрешения (за исключением постоянных жителей), позволяет армии Израиля бороться с угрозами безопасности из региона (в частности, с проникновением на территорию Израиля террористов и нелегальных мигрантов) (См.: Israeli Defense Forces Order Concerning Security Directives (Judea and Samaria) (number 378), 1970 Declaration Concerning the Closure of Area Number s/2/03 (Seam Area). URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-195380/ (дата обращения: 08.05.2024)).

[1] См.: Brockhill A. The wall of violence: Understanding the structural violence of the West Bank wall and the politics of terminology // Mediterranean Politics. 2021. Vol. 26. № 4. P. 458.

[2] См.: URL: http://web.archive.org/web/20180420143922/https://www.pchrgaza.org/Interventions/ICJ%20AO%20intervention%208%20July%202006.pdf (дата обращения: 08.05.2024).

[3] См.: Israeli Defense Forces Order Concerning Security Directives (Judea and Samaria) (number 378), 1970 Declaration Concerning the Closure of Area Number s/2/03 (Seam Area); The Israeli High Court of Justice refuses Palestinians' petition for Permits to access lands. – URL: http://poica.org/2011/04/the-israeli-high-court-of-justice-refuses-palestinians-petition-for-permits-to-access-lands/ (дата обращения: 08.05.2024).

[4] См.: Arieli S., Sfard M. Homah U'Mehdal. Tel-Aviv, 2008. P. 178–181.

[5] См.: B'Tselem: The Israeli Info. Ctr. for Human Rights in the Occupied Territories, Free Reign: Vigilante Settlers and Israel's Non-Enforcement of the Law. 2001. P. 20—21. — URL: http://btselem.org/Download/200110_Free_Rein_Eng.pdf (дата обращения: 08.05.2024).

[6] См.: Braverman I. Civilized Borders: A Study of Israel's New Border Regime // Antipode. 2011. Vol. 43. № 2. P. 270.

ворота в разделительном барьере осуществляется исключительно пешком.

Палестинцы, незаконно проникающие в Израиль, подвергаются незамедлительному административному выдворению с установлением постоянного запрета на их въезд в Израиль.

Израильские транспортные средств могут свободно въезжать на Западный берег[1]. Палестинцам и транспортным средствам с палестинскими номерами запрещено въезжать в Иерусалим и Израиль без специального разрешения. В течение последнего десятилетия это ограничение смягчалось[2], но после теракта, совершенного боевиками ХАМАС 7 октября 2023 г., израильские власти из соображений безопасности запретили въезд с Западного берега проживающим там палестинцам, в том числе более чем 100 тысячам палестинских рабочих[3].

Более того, Израиль установил запрет на передвижение палестинских автомобилей по определенным дорогам Западного берега р. Иордан[4]. На Западном берегу дороги подразделяются на три категории: дороги с движением, полностью или частично закрытым для палестинцев, и с ограниченным движением. Около 20 транспортных магистралей регионального значения, относятся к дорогам с полностью закрытым для палестинцев движением[5]. Доступ к дорогам также повсеместно перекрывают так называемые физические препятствия: земляные насыпи, рвы, металлические заборы и шлагбаумы, бетонные кубы и т.п. В зависимости от обстоятельств (чаще всего по субботам и еврейским праздникам), на дорогах устанавливаются дополнительные временные блокпосты.

Что касается эффективности установления буферной зоны и строительства разделительного барьера, то с момента возведения последнего число террористических атак сократилось в среднем с 26 до почти нуля в год[6]. Однако многие, в том числе ШАБАК (служба государственной безопасности Израиля), подчеркивают, что барьер сыграл незначительную роль в уменьшении числа вооруженных нападений. Настоящей причиной снижения, по мнению бывшего главы ШАБАК Ами Аялона, было сотрудничество в сфере безопасности с Палестинской автономией[7].

Заметим, что буферная зона между Израилем и Западным берегом существует не только в районе разделительного барьера. Роль буферной зоны между израильскими военными объектами на Западном берегу и палестинцами выполняют также закрытые военные зоны. На территории Западного берега насчитывалось 48 израильских военных баз, которые занимали площадь, равную 19,19 га[8]. Большинство военных объектов ЦАХАЛ на палестинских территориях концентрируются в долине р. Иордан. Обширные районы вокруг баз, как правило,

---

[1] См.: Movement and access restrictions in the West Bank – Uncertainty and inefficiency in the Palestinian economy : World Bank Report, 2007. – URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-209464/ (дата обращения: 08.05.2024); URL: https://www.worldtravelguide.net/guides/middle-east/palestinian-national-authority/getting-around/ (дата обращения: 08.05.2024).

[2] См.: Miller E. Israel eases entry criteria for West Bank Palestinians // The Times of Israel. 2015. March, 15. URL: https://www.timesofisrael.com/israel-eases-entry-criteria-for-west-bank-palestinians/ (дата обращения: 08.05.2024); Rasgon A. For first time in 17 years, some Palestinian business people can enter Israel in their own cars // The Jerusalem Post. – 2017. – April, 11. – URL: https://www.jpost.com/arab-israeli-conflict/first-palestinian-business-people-can-enter-israel-in-own-cars-since-2000-486731 (дата обращения: 08.05.2024).

[3] См.: Ravid B. Under U.S. pressure, Israel allows Palestinian-Americans to travel from West Bank. – URL: https://www.axios.com/2023/12/11/israel-palestinian-americans-visa-waiver-west-bank (дата обращения: 08.05.2024).

[4] См.: West Bank roads on which Israel forbids Palestinian vehicles. – URL: https://www.btselem.org/freedom_of_movement/forbidden_roads (дата обращения: 08.05.2024).

[5] См.: Forbidden Roads: Israel's Discriminatory Road Regime in the West Bank : B'Tselem Information Sheet. August 2004. P. 14.

[6] См.: Cohen-Almagor R. The failed Palestinian–Israeli peace process 1993–2011: An Israeli perspective // Israel Affairs. 2012. Vol. 18. № 4. P. 571.

[7] См.: Del Sarto, R. A. Israel under Siege: The politics of insecurity and the rise of the Israeli neo-revisionist. Georgetown University Press, 2017. P. 52.

[8] См.: The Humanitarian Impact on Palestinians of Israeli Settlements and other Infrastructure in the West Bank / The UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA). East Jerusalem : July 2007. P. 42.

являются закрытыми зонами. Граница Западного берега с Иорданией представляет сплошную военную зону, полностью закрытую для посещения палестинцами. Такое положение чрезвычайно выгодно для израильских поселенцев, которые под прикрытием военных фактически обладают монопольным правом на пользование водными ресурсами р. Иордан. По оценкам ООН, в действительности система военных баз и закрытых зон перекрывает палестинскому населению доступ к территории, равной 1150,34 кв. км (пятая часть всей площади Западного берега). Чтобы палестинцам использовать землю и естественные водные ресурсы в хозяйственных нуждах, им нужно пройти сложную процедуру получения специальных разрешений от израильской военной администрации. Под развитие поселений земель, которые ранее были объявлены закрытыми зонами и находились под контролем военной администрации. Так, в долине р. Иордан восемь поселений еще недавно были базами НАХАЛ[1].

Правовой режим буферной зоны между Израилем и сектором Газа. В соответствии с Соглашением «Осло-2» Израиль освободил в 1995 г. около 55 % территории сектора Газа, оставив за собой право полного контроля над границами сектора, его воздушным и морским пространствами, а также местами проживания еврейских поселенцев. 24,5 кв. км (6,5 % территории Газы) занимали поселения и 85,5 кв. км (23,5%) — военные базы и закрытые военные зоны[2]. В 2005 г. Израиль в одностороннем порядке эвакуировал все свои гражданские поселения и военные силы из сектора[3]. Однако даже после размежевания Израиль сохранил контроль над наземными, морскими и воздушными границами сектора Газа, строго контролируя потоки людей и товаров в сектор и из него, а также поставки основных благ, включая электричество, водные ресурсы, топливо и газ. В 2007 г., после того как ХАМАС захватил контроль над сектором Газа, Израиль резко ужесточил ограничения на эти потоки, превратив блокаду сектора Газа в полноценную осаду[4].

По сравнению с Западным берегом, блокада сектора Газа является примером более герметичного «закрытия границ». Препятствуя почти любому перемещению палестинцев за пределы сектора Газа, блокада отрезала жителей Газы от их родственников, социальных связей и сообществ на Западном Берегу, внутри Израиля, в Восточном Иерусалиме и палестинской диаспоре[5]. Блокада лишила больных и инвалидов доступа к адекватной медицинской помощи[6]. Израильским транспортным средствам запрещен въезд в сектор Газа[7]. Для пропуска в сектор Газа через Зеленую линию требуется специальное разрешение, которое выдается израильскими властями в крайне редких случаях. Израильские военные заблокировали морские границы сектора Газа. В целях борьбы с контрабандой

[1] НАХАЛ — название особых регулярных подразделений ЦАХАЛ. Служба в частях НАХАЛ длится четыре года и сочетает интенсивную военную подготовку с сельскохозяйственной и поселенческой деятельностью. Солдаты подразделений НАХАЛ проходят на протяжении действительной службы специальный курс обучения, целью которого является создание из группы после демобилизации ядра нового коллективного поселения или включение группы в одно из существующих поселений НАХАЛ.

[2] См.: To Pullout from Gaza. A Daring Step or Just a Tactical One? / Applied Research Institute of Jerusalem. – URL: http://poica.org/2004/02/to-pullout-from-gaza-a-daring-step-or-just-a-tactical-one/ (дата обращения: 08.05.2024).

[3] См.: Amir M. Post-occupation Gaza: Israel's war on Palestinian futures // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2021. Vol. 103. № 4. P. 283.

[4] См.: Ibid. P. 283—284.

[5] См.: Sari B., Diamond E. Separating Land, Separating People: Legal Analysis of Access Restrictions between Gaza and the West Bank. Tel Aviv : Gisha ; Legal Center for Freedom of Movement, 2015. P. 1—28.

[6] См.: Country Cooperation Strategy for WHO and the Occupied Palestinian Territory 2017–2020 / World Health Organization. Regional Office for the Eastern Mediterranean. 2017. P. 50.

[7] См.: Movement and access restrictions in the West Bank — Uncertainty and inefficiency in the Palestinian economy : World Bank Report, 2007; URL: https://www.worldtravelguide.net/guides/middle-east/palestinian-national-authority/getting-around/ (дата обращения: 08.05.2024).

оружия на рыбацких лодках Израиль ограничил размеры рыболовной зоны в водах Газы. Жители Газы имеют доступ к береговой полосе, однако Израиль ограничил места выхода их плавательных средств в море. Выход из сектора через море запрещен.

Израиль осуществляет прямой контроль над всем импортом в сектор, направляя его через свою собственную территорию (либо через контрольно-пропускной пункт Карни, либо через Керем-Шалом, расположенный в точке пересечения границ Израиля, Египта и Газы)[1]. После конфликта 2014 г. Израиль в рамках так называемого Механизма восстановления Газы усилил контроль за ввозом в сектор строительных материалов в целях противодействия строительству ХАМАС «туннелей террора». В 2015 г. Израиль расширил список товаров двойного назначения, требующих разрешения на ввоз в сектор, включив в него 61 дополнительную позицию, включая деревянные доски и тяжелое подъемное оборудование[2].

Израиль часто указывает, что блокада сектора Газа, установление буферной зоны и возведение разделительного барьера — это временные меры безопасности, разработанную для прекращения ракетных обстрелов боевиков Газы. Однако разделительный барьер и буферная зона — слабые препятствия на пути ракет боевиков ХАМАС. Большая часть территории Израиля находится в зоне досягаемости при ракетных обстрелах из сектора Газа[3].

Еще одна цель политики Израиля — делегитимация режима ХАМАС. Между тем действия Израиля не привели к ослаблению ХАМАС ни в политическом, ни в военном отношении. Напротив, изоляция Газы еще больше укрепила роль и влияние ХАМАС на экономику Газы, одновременно нанося вред частному сектору и делая гражданское население более зависимым от правительственной и международной помощи. Блокада Газы способствовала развитию так называемой туннельной экономики на границе Газы и Египта, что позволило ХАМАС получать доходы как для своего правительства, так и для своего военного крыла[4].

Буферная зона (*No-Go Zone*) в секторе Газа также, как и на Западном берегу р. Иордан, установлена Израилем в одностороннем порядке на палестинской территории. Однако в отличие от Западного берега буферная зона в секторе Газа находится не внутри, а за пределами 60-ти километрового разделительного барьера, возведенного Израилем вдоль Зеленой линии в 1996 г. После проведения дополнительных работ в 2000 г. барьер безопасности вокруг Газы полностью совпадает по своей форме и элементам с барьером на Западном берегу Иордана[5].

Ширина буферной зоны составляет до 300 м от разделительного барьера и включает в себя значительную часть сельскохозяйственных угодий Газы. До недавнего времени буферная зона, находящаяся под полным контролем израильских военнослужащих, занимала 55 кв. км или 15 % территории сектора Газа[6].

Д. Алмог, который в качестве начальника южного командования израильских вооруженных сил был главным архитектором политики в секторе Газа с 2000 по 2003 г., придерживался двух «ключевых элементов» буферной зоны: масштабного уничто-

[1] См.: Li D. The Gaza Strip as Laboratory: Notes in the Wake of Disengagement // Journal of Palestine Studies. 2006. – Vol. 35. № 2. P. 38—55

[2] См.: Information Sheet: Dark-Gray Lists. – URL: https://gisha.org/UserFiles/File/LegalDocuments/procedures/merchandise/170_2.pdf (дата обращения: 08.05.2024).

[3] См.: Доренко П., Логинов В., Бойков С. Боевые в действии: каков военный потенциал ЦАХАЛ и ХАМАС. – URL: https://iz.ru/1597674/prokhor-dorenko-valentin-loginov-semen-boikov/boevye-v-deistvii-kakov-voennyi-potentcial-tcakhal-i-khamas (дата обращения: 08.05.2024).

[4] См.: Berti B., Tsurkov E. Human Security and Humanitarian Trends in Gaza: Looking at the Past Decade // The Crisis of the Gaza Strip: A Way Out / Ed. by A. Kurz, U. Dekel, B. Berti. Tel Aviv: INSS, 2017. P. 70.

[5] См.: Крылов А.В. Израильские поселения на оккупированных арабских территориях (1967—2007 гг.). С. 229.

[6] См.: To Pullout from Gaza. A Daring Step or Just a Tactical One?

жения собственности палестинцев и агрессивных правил ведения стрельбы[1]. Например, при расчистке территории для буферной зоны в период с 2000 по 2005 г. в секторе Газа было уничтожено 22 сельскохозяйственных района и жилых микрорайона.

Нахождение в буферной зоне запрещено. Израильская армия сдерживает проникновение в буферную зону огнем на поражение. Так, 30 марта 2018 г. толпа численностью около 30 тыс. чел. собралась в секторе Газа и начала так называемый Великий марш возвращения. Однако массовость выступления не сдержало израильских военнослужащих от применения оружия. К концу дня 59 палестинцев были убиты и более 1 400 получили ранения[2]. Это не остановило протестующих. Массовые акции протеста продолжались на протяжении почти 18 месяцев. К моменту их завершения среди демонстрантов погибло 214 человек и более 35 тыс. чел. получили ранения в результате стрельбы израильских снайперов, широко применявших то, что Д. Пуар назвал «правом на увечье»[3]. После расчистки территории буферные зоны фактически стали зонами «свободного ведения огня», в которые могут попасть палестинцы. В качестве примера можно привести печально известное убийство в Рафахе в 2004 г. 12-летней Иман аль-Хамс, случайно забредшей в буферную зону[4].

Помимо буферной зоны Израиль в одностороннем порядке создал запретные зоны. Запретные зоны простираются на расстоянии от одного до полутора километров от разделительного барьера, меняясь в зависимости от военной стратегии Израиля (см. рис. 5). Израиль определяет эти земли как территории высокого риска (*High Risk Area*)[5]. В 2009 г. запретные зоны, введенные израильскими военными, занимали 35 % от общей площади пахотных земель в Газе[6]. Во время израильского вторжения в Газу в 2014 г. запретные зоны были временно расширены до трех километров, что привело к тому, что район Шаджайя и город Бейт-Ханун были полностью включены в зону и, как следствие, фактически уничтожены. Израильские военнослужащие часто ведут стрельбу на поражение в отношении любых людей или животных, попадающих в запретную зону без предварительного разрешения. Проживание в пределах зоны запрещено, и фермеры рискуют жизнью, въезжая на территорию даже при наличии соответствующих разрешений.

Палестинские фермеры пытаются выращивать на приграничной территории низкорослые культуры, максимальная высота которых определена израильским указом в зависимости от расстояния от буферной зоны[7].

[1] См.: Almog D. The West Bank Fence: A Vital Component in Israel's Strategy of Defense // Policy Focus (Washington Institute for Near East Policy). 2004. № 47.

[2] См.: Six Months On: Gaza's Great March of Return / Amnesty International. – URL: https://www.amnesty.org/en/latest/campaigns/2018/10/gaza-great-march-of-return/ (дата обращения: 08.05.2024).

[3] См.: Puar Jasbir K. The Right to Maim: Debility, Capacity, Disability, Anima. Durham: Duke University Press, 2017.

[4] См.: Evidence: In the Zone // Harper's. May 2005. P. 19.

[5] См.: Between the Fence and a Hard Place. The Humanitarian Impact of Israeli-imposed Restrictions on Access to Land and Sea in the Gaza Strip : Special Report / UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs; World Food Programme. East Jerusalem, 2010. P. 8.

[6] См.: Ibid. P. 10.

[7] См.: Between the Fence and a Hard Place. P. 16.

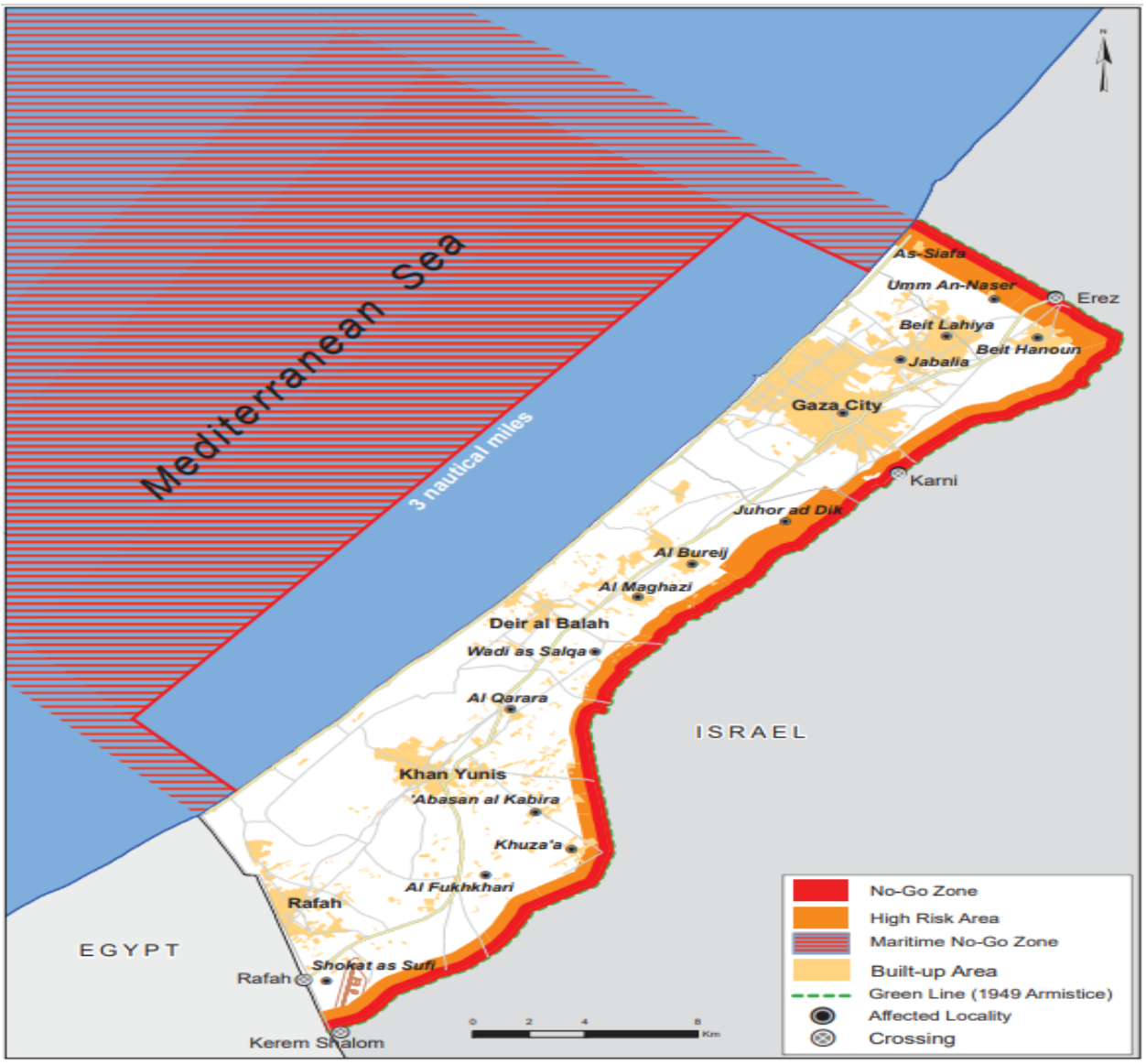

Рис. 5. Расположение буферной и запретной зон в секторе Газа[1]

При этом для расчистки местности перед разделительным барьером израильские военные уничтожают посевы палестинских фермеров по всей приграничной зоне, распыляя при помощи самолетов ядохимикаты. Распыление гербицидов осуществляется даже в тех районах, где фермеры получили разрешение на ведение сельского хозяйства на расстоянии от 450 метров до одного километра от границы[2].

Отметим, что после террористического акта, совершенного ХАМАС 7 октября 2023 г., и начала Израилем военной операции в секторе Газа руководство Израиля заявило о необходимости установления буферной зоны на территории сектора и преступило к сносу палестинских зданий вдоль Зеленой линии[3]. Судя по всему, указанные действия Израиля направлены на такое

[1] См.: Between the Fence and a Hard Place. P. 9.
[2] См.: Omer-Man M. S. IDF Admits Spraying Herbicides Inside the Gaza Strip // +972 Magazine. – December 28, 2015. – URL: http://972mag.com/idf-admits-spraying-herbicides-inside-the-gaza-strip/115290/ (дата обращения: 08.05.2024).
[3] См.: Lieber D., Cloud D. S. Israel Builds Buffer Zone along Gaza Border // Wall Street Journal. 2004. January 25. URL: https://www.wsj.com/world/middle-east/israel-border-gazabuffer-zone-4131020d (дата обращения: 08.05.2024); Byman D., McCabe R., Palmer A. Six Options for Israel in Gaza // The Washington Quarterly. 2024. Vol. 47. № 1. P. 7—23.

юридическое оформление уже существующей буферной и запретной зон, которое было бы признано международным сообществом. Ведь ранее вышеописанные зоны уже были установлены Израилем, но в одностороннем порядке.

Демилитаризованная зона на Корейском полуострове. Демилитаризованная зона на Корейском полуострове (ДМЗ) — буферная зона между южной и северной линиями военного разграничения.

Осью ДМЗ является военная демаркационная линия (ВДЛ), официально зафиксированная Соглашением о перемирии 27 июля 1953 г. ДМЗ представляет собой полосу земли шириной четыре километра и длиной 238 км, простирающуюся на два километра к северу и югу от ВДЛ[1].

В ДМЗ запрещено ношение оружия (кроме легкого стрелкового), размещение войск, вооружений и военных объектов. Однако стороны периодически нарушают этот запрет и ДМЗ значительно сужается[2]. Кроме того, в ДМЗ размещены опорные пункты вооруженных сил КНДР и Республики Корея. В 2018 г. в соответствии с достигнутыми договоренностями эти пункты были ликвидированы с целью разрядки напряженности[3], однако в 2023 г. КНДР приступила к их восстановлению[4].

В 1953 г. КНДР и Республика Корея договорились о создании гражданских поселений в ДМЗ, и в соответствии с соглашением на стороне Республики Корея была создана деревня Тэсондон, известная также как «деревня Свободы», а на территории КНДР — «деревня мира» Кичжондон. Расстояние между двумя деревнями составляет всего 800 м. Выход на полевые работы невозможен без подачи заявления военному командованию за два-три дня. Солдаты сопровождают фермеров на участки в непосредственной близости от ВДЛ и охраняют их во время работы [5].

Охрана ДМЗ с южнокорейской стороны относится к юрисдикции командования войск ООН, являющегося одновременно группировкой вооруженных сил США в Республике Корея [6], а с северокорейской — вооруженных сил КНДР.

На территории Республики Корея также установлена зона гражданского контроля (ЗГК), которая контролируется вооруженными силами этого государства. Эта зона представляет собой земельную полосу, расположенную между ДМЗ и линией гражданского контроля (ЛГК). ЛГК — это линия, установленная министром обороны Республики Корея и предназначенная для ограничения доступа населения в районы, прилегающие к ВДЛ и необходимые для защиты военных объектов и обеспечения безопасности военных операций (п. 7 ст. 2 Закона о защите военных баз и военных объектов[7]).

Первоначально ЛКГ была установлена в феврале 1954 г. с разрешения командующего Восьмой армией армии США для ограничения возвращения гражданского населения на свои сельскохозяйственные угодья и ведения сельского хозяйства в районах, прилегающих к ДМЗ. ЛКГ получила

[1] См.: Хам Гванбок. ДМЗ: земля, где зреет мечта об объединении // Koreana. 2016. Осень. URL: https://www.koreana.or.kr/koreana/an/arn/selectArNttInfo.do?bbsId=1109&nttSn=50368 (дата обращения: 08.05.2024).

[2] См.: Кирьянов О. Разделяющая две Кореи демилитаризованная зона прекратила существование // Рос. газ. 2016. 10 июля.

[3] См.: Кирьянов О. Южная и Северная Кореи начали уничтожать свои блок-посты на ДМЗ // Рос. газ. 2018. 12 нояб.

[4] См.: Kim Eun-jung. N. Korea restoring guard posts, bringing heavy firearms along inter-Korean border. – URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20231127003952315 (дата обращения: 08.05.2024).

[5] См.: Ким Хаксун. Тэсондон: «деревня Свободы» // Koreana. 2015. Осень. С. 40. – URL: https://issuu.com/the_korea_foundation/docs/2015 (дата обращения: 08.05.2024).

[6] См.: Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В. А. Небензи на открытом заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на Корейском полуострове (17.09.2018). – URL: https://russiaun.ru/ru/news/dprk_170918 (дата обращения: 08.05.2024); Исаенко А. Незаконный флаг, непонятный мандат. «Командование ООН в Корее»: исторический реликт и юридический нонсенс // Независимое военное обозрение. 2022. 31 марта.

[7] См.: 군사기지 및 군사시설 보호법 (Protection of Military Bases and Installations Act). – URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=53973&type=sogan&key=3 (дата обращения: 08.05.2024).

название Gwinongseon. После перехода в июне 1958 г. функции защиты ВДЛ Национальной армии Республики Корея линия Gwinongseon была переименована в ЛКГ. Вдоль ЛГК установлены заборы из колючей проволоки и посты военной охраны с личным составом.

С июня 1958 г. в ЗКГ было разрешено использовать землю для сельскохозяйственных работ в районах, где такие работы не создавали угрозы безопасности государства и помех проведению военных операций[1]. Помимо ограничения свободного доступа и ведения хозяйственной деятельности в ЗКГ, правовой режим ЗКГ включает ограничение права собственности на земельные участки, расположенные в этой зоне[2]. С тех пор она три раза переносилась ближе к ВДЛ с целью устранения нарушений права частной собственности на земельные участки и сокращения площади ЗКГ[3]. В настоящее время ЛКГ проведена в пределах 10 км к югу от границы ДМЗ (п. 2 ст. 5 Закона о защите военных баз и военных объектов). В морских пространствах ЗКГ не устанавливается.

Внутри ЗГК устанавливаются два вида зон защиты военных баз и объектов: контролируемая охранная зона (районы, прилегающие к ВДЛ и в которых требуется высокий уровень безопасности военных действий, и районы, необходимые для обеспечения функционирования важных военных баз и объектов) и зоны ограниченной охраны (зоны, необходимые для беспрепятственного проведения военных операций, и зоны, необходимые для защиты военных баз и объектов или обеспечения безопасности местного населения).

Контролируемая охранная зона — это, во-первых, район к северу от ЛГК (территории, необходимые для продвижения политики объединения, районы поселений или зоны охранного туризма могут быть отнесены в соответствии с президентским указом к зонам ограниченной охраны), а во-вторых, территория в пределах 300 м от внешнего периметра важных военных баз и военных объектов.

К зонам ограниченной охраны отнесены, в частности, территория к югу от ЛГК в пределах 25 км к югу от ВДЛ (за исключением районов, в которых не расположены важные военные базы или военные объекты), территория в пределах 500 м от внешнего периметра военных баз и военных объектов.

Режим контролируемой охранной зоны более жесткий по сравнению с режимом зоны ограниченной охраны, так как предусматривает больше ограничений и запретов: запреты на вход (въезд) в зону, строительство в зоне любый зданий, добычу биологических ресурсов. Общими запретами являются, например, запреты на видеосъемку, фотографирование и иную фиксацию изображений военных баз или объектов, их измерение, опубликование документов или книг, связанных с военными базами или объектами. Запрещается перемещать и повреждать информационные знаки на границе зон защиты военных баз и военных объектов. Выдаче уполномоченным государственным органом разрешения на осуществление каким-либо лицом хозяйственной деятельности в зоне защиты военных баз и военных объектов предшествует согласование этого вопроса с министром обороны или иным уполномоченным должностным лицом.

Выводы. Проведенный анализ зарубежной практики свидетельствует о существовании нескольких вариантов установления буферной зоны: в одностороннем порядке и на основе соглашения сопредельных государств. Установление зоны в одностороннем порядке осуществляется государством, доминирующим с военной точки зрения. Однако такой подход, равно как и

[1] См.: Keun-Sik Jung. The Construction of the Cold War Landscape and Tourism: the Possibilities and Limitations of its Peaceful Use // Journal of Asian Sociology. 2019. Vol. 48. № 3. P. 292.

[2] См.: Restricted civilian area. URL: https://www.dmz.go.kr/english/wantknow/restricted_area (дата обращения: 08.05.2024).

[3] См.: Korean War and the DMZ. – URL: http://nationalatlas.ngii.go.kr/pages/page_3084.php#:~:text=The%20Civilian%20Control%20Zone%20(CCZ,of%20the%20military%20is%20required (дата обращения: 08.05.2024).

установление буферной зоны исключительно на территории более слабого в военном отношении государства, создают предпосылки для будущих вооруженных конфликтов и могут являться нарушением международного права.

Правовой режим буферной зоны составляют ограничения права на жизнь, свободы передвижения и экономической деятельности.

Обеспечение правового режима буферной зоны достигается контролем за его соблюдением и установлением вспомогательных зон (зона высокого риска в секторе Газа, зона гражданского контроля в Республике Корея), прилегающих к буферной.

Библиография

1. Ким Хаксун. Тэсондон: «деревня Свободы» / Ким Хаксун // Koreana. — 2015. — Осень.

2. Крылов, А. Израильская заградительная стена на Западном берегу / А. Крылов // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. — 2008. —№ 1. — С. 3—36.

3. Крылов, А.В. Израильские поселения на оккупированных арабских территориях (1967—2007 гг.) : монография / А.В. Крылов. – Москва: МГИМО—Университет, 2011. — 340 с.

4. Свининых, Е.А. Буферные зоны, создаваемые в период вооруженных конфликтов и после их окончания: понятие, виды, правовой режим / Е.А. Свининых, М.А. Яковлев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 3. — С. 24—32.

Расширение НАТО в Северной Европе: перспективы обеспечения региональной безопасности

© **Шаковец Олег Васильевич,**
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой конституционного (государственного) и международного права ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России
© **Ломакина Татьяна Вячеславовна,**
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного (государственного) и международного права ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье рассматриваются расширение НАТО в Северной Европе, и перспективы обеспечения региональной безопасности. Проведен анализ правовых аспектов (с точки зрения международного права) вступления Швеции и Финляндии в НАТО. Рассмотрены проблемы отказа обеих стран от политики нейтралитета. Обозначены возможные военные и военно-политические последствия приёма в Альянс двух новых членов. аспект международного права, как статус Арктики.

Ключевые слова: НАТО; Финляндия; Швеция; гарантии безопасности; альянс; нейтралитет; статус Арктики.

NATO expansion in Northern Europe: prospects for regional security

© **Shakovets O.V.,**
Candidate of Law, Head of the Department of Constitutional (State) and International Law of the MilitaryUniversity
© **Lomakina T.V.,**
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law at the Military University

Annotation. The article examines the expansion of NATO in Northern Europe, and the prospects for ensuring regional security. The analysis of the legal aspects (from the point of view of international law) of Sweden and Finland's accession to NATO is carried out. The problems of the rejection of the policy of neutrality by both countries are considered. The possible military and military-political consequences of the admission of two new members to the Alliance are outlined. an aspect of international law, such as the status of the Arctic.

Keywords: NATO; Finland; Sweden; security guarantees; alliance; neutrality; status of the Arctic.

Как известно, Финляндия на протяжении почти 80, а Швеция — более чем 200 лет придерживались традиционного нейтралитета и политики неприсоединения. Однако на протяжении послевоенного (после Второй мировой войны) периода этот нейтралитет у двух стран носил разный характер. Финляндии удалось, несмотря на географическую близость СССР, избежать участи стать частью «социалистического лагеря», однако ей пришлось проводить в жизнь так

называемую «линию Паасикиви — Кекконена» (на Западе для обозначения такого положения страны, то есть превращения в сферу политического влияния СССР без установления коммунистической власти, употреблялся термин «финляндизация»). Швеция же более тесно политически сотрудничала с Западом (но не вступая в военные блоки), но и с СССР она активно сотрудничала экономически (хотя не без осложнений — например, инцидентов с подводными лодками), а также выдвигала (в 1980-х гг.) проекты по всеобщей безопасности и разоружению[1].

Как результат, регион вокруг Балтийского моря в течение трёх четвертей века после Второй мировой войны был едва ли не самым безопасным на планете. Ситуация изменилась в 2022 г., после начала известных событий, связанных с Украиной[2]. Некоторые авторы, правда, отмечают, что окончание «холодной войны», воспринятое в том числе и Швецией, и Финляндией как окончательная и бесповоротная победа Запада, привело к серьёзному внешнеполитическому сдвигу обеих стран в сторону последнего. В частности, они в 1994 г. присоединились к программе НАТО «Партнёрство во имя мира» (1994), а в 1995 г. вошли и в Евросоюз[3].

Однако, что касается программы «Партнёрство во имя мира», то кто в Европе в те годы (Россия в том числе) к ней не присоединился? После присоединения Крыма к России в 2014 г., как отмечают некоторые авторы, в Финляндии и Швеции значительно вырос запрос на усиление интеграции и сотрудничества с НАТО[4], но и тогда вопрос о членстве не стоял. 19 января 2022 г. премьер-министр Финляндии заявила, что её страна введёт максимально возможный объём санкций против России в случае, если та перейдёт к непосредственному вооружённому противостоянию с Украиной, однако о вступлении в НАТО речь и тогда не шла, по крайней мере «в ближайшем будущем»[5].

Но уже в мае, после того, как такое противостояние стало фактом, Швеция и Финляндия официально обратились с просьбой о приёме в Альянс. Финляндия вступила в Альянс 4 апреля 2023 г., Швеция — из-за возражений Турции, недовольной позицией Стокгольма по ряду важных для неё вопросов — почти на год позже, 7 марта 2024 г.

Это событие резко усилило позиции Альянса в Балтийском регионе. Ещё более неблагоприятным для России стало соотношение сил как в чисто военном смысле, так и в плане геополитического дисбаланса. Блок НАТО получил, так сказать, полное завершение на северном направлении: нейтральных стран между Россией и НАТО не осталось. Компетентные лица (эксперты, политики, журналисты), и не только западные, говорят о превращении после такого расширения Балтийского моря в «НАТОвское озеро», хотя не все считают эту точку зрения бесспорной[6]. Полёты самолётов-разведчиков США и НАТО вдоль границы с Россией (например, 23 марта 2023 г.), поставки F-35, наконец, сам факт увеличения более чем вдвое границы России со странами НАТО (с 1215 до 2555 км)[7] наводят в этом плане на мысли вполне определённые. Помимо угрозы размещения баз и других объектов НАТО в этих странах, и сами Швеция и Финляндия обладают неплохими армиями (об этом ниже), при этом, как отмечают авторы из журнала «Foreign Policy», политика Швеции стали значительно менее нейтральной и не просто значительно более прозападной, но одной из самых «ястребиных» на

[1] Андреев С. Пути разошлись: как Швеция и Финляндия в НАТО вступали // РСМД. 7 апреля 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/puti-razoshlis-kak-shvetsiya-i-finlyandiya-v-nato-vstupali/ (дата обращения: 18.04.2024).

[2] Вступление Швеции и Финляндии в НАТО: арктический аспект. Мнения // Россия в глобальной политике. 11 июля 2023. URL: https://globalaffairs.ru/articles/shvecziya-finlyandiya-nato/ (дата обращения: 18.04.2024).

[3] Андреев С. Указ. соч.

[4] Чеков А., Воротников В., Чечевишников А., Якутова У. Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России // Международная экономика и международные отношения. 2023. Т.67. № 10. С. 22—23.

[5] Данилов Д.А. Финляндия и Швеция на пути в НАТО // Обозреватель. 2022. № 5-6. С.29.

[6] Смирнов П.Е. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2023. Т.15. № 4. С.42.

[7] Андреев С. Указ. соч.

фоне большинства других западных стран[1]. Что, бесспорно, не сможет не вызвать ответных военных и политических мер со стороны России, анализ которых, однако, — отдельная тема.

Главная же задача настоящей статьи — рассмотреть правовые аспекты (с точки зрения международного права) вступления Швеции и Финляндии в НАТО. Начать представляется целесообразным с проблемы отказа обеих стран от политики нейтралитета.

Собственно, нейтралитет обеих стран носит не договорной (как, например, у Австрии, Швейцарии или до Второй мировой войны у Бельгии), а традиционный характер. В ситуациях, когда возникала вероятность вступления Швеции в войну, например, в Крымскую в 1854—1856 гг., это никого не удивляло. Характерно, что среди работ, посвящённых проблемам нейтралитета, попадались работы по нейтралитету австрийскому или швейцарскому[2], но не по шведскому. Так что здесь никакого нарушения международного права нет.

Следующий важный международно-правовой вопрос — проблема «нерасширения НАТО». Как известно, в 1990 г. территория бывшей ГДР вошла в состав единой Германии, став соответственно частью НАТО. При этом в ходе переговоров по объединению Германии от имени НАТО было дано обещание воздерживаться от военного присутствия (кроме германского, конечно) на новых землях, ранее входивших в состав ГДР. Однако довольно широко распространена версия о том, что тогдашний президент США Дж. Буш-старший пообещал главе СССР М.С. Горбачёву не расширять НАТО на восток. Что такая договоренность имела место, и что, таким образом, «коллективный Запад» нарушил свои обязательства, неоднократно утверждалось российской стороной, в том числе и на высшем уровне[3], но опровергалось политиками и СМИ ряда стран Альянса[4]. Сам М.С. Горбачёв высказывался по данному поводу весьма непоследовательно, то подтверждая наличие такой договорённости, то опровергая этот факт. Как бы там ни было, никаких письменных обязательств указанного характера не зафиксировано, а в международном праве имеют силу только они.

Следующий важный аспект, имеющий, впрочем, скорее внутреннее (для новых членов Альянса), чем международное значение, — это то, как воспринимает членство в НАТО общественное мнение. Выше говорилось, что с 2014 г. в Финляндии и Швеции значительно вырос запрос на усиление интеграции и сотрудничества с НАТО, но вопрос о членстве не стоял. И действительно, ещё по состоянию на конец 2010-х гг. в обеих странах лишь порядка 25 % опрошенных выступало за членство в НАТО, причём до того этот показатель не менялся десятилетиями[5], и лишь в 2022 г. ситуация изменилась. В Финляндии больше половины населения выступило за членство в Альянсе уже 28 февраля 2022 г., в Швеции — 1 апреля[6]. К маю, когда обе страны подали заявку в НАТО, поддержка этого решения населением Финляндии составляла уже 75 %, Швеции — около 60 %[7].

Но, как известно, для вступления страны в НАТО нужно согласие всех членов последней. С Финляндией этот вопрос решился сравнительно быстро: к 31 марта 2023 г. все страны Альянса, включая затянувшие принятие решения Венгрию и Турцию, ратифицировали вступление Финляндии в НАТО, и 4 апреля страна стала 31-м членом организации.

Что же касается Швеции, то на эту дату её вступление в НАТО ратифицировали все,

[1] Parsi T., Stranne F. Sweden Is the Land of Ikea, ABBA – and China Hawks // Foreign Policy. – 24.07.2023.

[2] Напр.: Кондаков А.В. Постоянный нейтралитет — анализ прошлого и перспективы на будущее (на примере Австрии и Швейцарии). М.: Анкил, 2002; Кружков В.А. Нейтралитет Австрии. Становление — практика — перспективы. М.: Аспект Пресс, 2022.

[3] Напр.: Прямая линия с Владимиром Путиным // Президент России. 17 апреля 2014. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/20796 (дата обращения 21.04.2024).

[4] Напр.: Путину никто не обещал не идти на восток // BBC News Русская служба. 18 апреля 2014. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2014/04/140418_nato_putin_reaction (дата обращения 21.04.2024).

[5] Wieslander A. What Makes an Ally? Sweden and Finland as NATO's Closest Partners // Journal of Transatlantic Studies. 2019. Vol.17. P. 203.

[6] Данилов Д.А. Указ. соч. С.35.

[7] Чеков А. и др. Указ. соч. С. 21; Lynch L. Joining the West // International Politics and Society. 16.06.2022.

кроме Турции и Венгрии. Позиция Турции была вызвана поддержкой Швецией курдов и сожжением Корана в Стокгольме в начале 2023 г. Лишь 10 июля 2023 г. Турция устами президента Р.Т. Эрдогана изменила свою позицию, отложив, однако, решение до октября из-за парламентских каникул. После этого сняла свои возражения и Венгрия.

С этим аспектом принятия в НАТО переплетается ещё один. Оба государства соответствовали экономическим, политическим и военным стандартам НАТО и соответственно критериям членства, их политика была направлена на сотрудничество с НАТО, включая унификацию своих вооружённых сил в соответствии с НАТОвскими стандартами[1], в связи с чем некоторые авторы предполагали, что Швеция и Финляндия могут быть приняты без прохождения «Плана действий по членству» (обычно такая процедура занимает несколько лет), быстро и практически беспрепятственно[2]. Предполагалось, что на Финляндии и Швеции будет испытана схема ускоренного (правильнее — суперускоренного) принятия. Для сравнения, при приёме в 2004 г. семи новых членов (три страны Балтии, три балканских государства и Словакия) на решение всех проблемных вопросов, связанных с ратификацией приёма, потребовалось год-полтора. Срок по обычным меркам приёма в Альянс небольшой, но теперь планировалось потратить на аналогичные процедуры чуть ли не несколько дней[3]. Процедура ускоренного вступления, помимо всего прочего, позволила бы распространить на новых членов действие ст. 5 Устава НАТО ещё до того, как данные страны станут полноправными членами Альянса[4]; до подачи заявки в НАТО действие этой статьи на них, естественно, не распространялось[5]. И лишь позиция Турции и явно связанная с ней позиция Венгрии растянули процесс примерно на такой же срок, как и с вышеназванными семью странами.

Теперь от международных в широком смысле мы переходим к правовым документам самих стран НАТО. И отмечаем, что в программных документах как Швеции, так и Финляндии имеются достаточно многочисленные и важные совпадения с официальными целями, например, такого рабочего документа, как NATO-2030[6], сформулированного ещё в 2021 г., когда, напомним, ни Швеция, ни Финляндия вопрос о членстве в Альянсе ещё не ставили. Оба государства выражали солидарность с НАТО в намерении защищать сложившийся миропорядок, что, разумеется, подразумевало и готовность противостоять тем государствам, которые на этот миропорядок посягают или намереваются посягать. Понятно и то, что в качестве одной из таких держав понималась и понимается Россия. Здесь опять налицо совпадение американской «Стратегии национальной безопасности» и официальной позиции Стокгольма и Хельсинки. Это обстоятельство также делало диалог между Швецией и Финляндией, с одной стороны, и НАТО, с другой «удобным», а государственные, военные и др. институты – легко унифицируемыми[7].

Своего рода «мостом» для вступления обоих интересующих нас государств в НАТО — как в плане практической подготовки к участию, так и в международно-правовом аспекте — стало их участие в «Северном оборонительном сотрудничестве» (англ. аббревиатура NORDEFCO) — региональном военном альянсе стран Скандинавии (считая скандинавским государством также и Финляндию), созданном в 2009 г. и предполагающем сотрудничество в различных отраслях, имеющих то или иное военное значение:

[1] Андреев С. Указ. соч.

[2] NATO 2030 factsheet // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/6/pdf/2106-factsheet-nato2030-en.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

[3] Листов Я. Блок ада России. Чем уникально грядущее вступление Финляндии и Швеции в НАТО // RTVI. Новости. 18.05.2022. URL: https://rtvi.com/news/blokada-rossii-chem-unikalno-vstuplenie-finlyandii-i-shvetsii-v-nato/ (дата обращения 19.04.2024).

[4] Данилов Д.А. Указ. соч. С.37.

[5] Андреев С. Указ. соч.

[6] NATO 2030 factsheet // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/6/pdf/2106-factsheet-nato2030-en.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

[7] Вступление Швеции и Финляндии в НАТО: арктический аспект.

технической, информационной, политической и некоторых других[1]. Помимо двух интересующих нас государств, другими участниками NORDEFCO являются, как уже понятно, остальные скандинавские государства — Дания, Исландия и Норвегия, являющиеся членами НАТО; при этом Норвегия, помимо собственно членства в Альянсе, разрешает своим партнёрам по Альянсу (в первую очередь США) использовать свои военные объекты для пребывания, в том числе на постоянной основе, их военно-воздушных и военно-морских соединений[2].

Поэтому имеется точка зрения, что это объединение, как и другие подобные форматы сотрудничества, независимо даже от первоначальных целей его создания, объективно способствовало сближению с НАТО не входивших в него государств — членов и созданию в регионе системы безопасности с «атлантической» ориентацией, независимо от вхождения или невхождения всех его участников в военные блоки[3]. Как бы то ни было, например, некоторые авторы уже в момент подачи заявки Швеции и Финляндии на членство в Альянсе констатировали, что эти две страны и до того сотрудничали с НАТО активнее, чем многие страны, являвшиеся членами этой организации[4].

Выше говорилось, что реакция России на вхождение в Альянс двух указанных государств требует отдельного исследования. Однако некоторые вопросы такой реакции, имеющие отношение к международно-правовым нормам, заслуживают рассмотрения в данной статье. Речь идёт об участии России в ДОВСЕ — Договоре, касающемся ограничения обычных вооружённых сил на Европейском континенте.

Этот Договор действовал с ноября 1990 г., подписанный тогда ещё существовавшим СССР. В 2007 г. Россия наложила на его действие мораторий, в качестве одной из причин которого было отмечалось неучастие в ДОВСЕ стран Балтии (вступивших в Альянс, как уже сказано, в 2004 г.), считавших себя соответственно свободными от его соблюдения и претендовавших поэтому на право на неограниченное размещений на своей территории обычных вооружений, то есть (с учётом малочисленности их собственных вооружённых сил) вооружений других членов НАТО[5].

10 мая 2023 г. Президент России В.В. Путин поручил окончательно денонсировать указанный Договор, назначив при этом даже специального представителя президента в российском парламенте при рассмотрении палатами Федерального собрания данного вопроса — заместителя главы МИД России С.А. Рябкова. Уже 16 мая Госдума на заседании проголосовала за денонсацию Договора, констатировав при этом одновременное автоматическое прекращение действия ряда других международных договоров, имеющих отношение к ДОВСЕ[6].

В начале июня последовало официальное объявление МИД России о денонсации Договора, с уведомлением об этом других государств — участников. При этом МИД России подчеркнуло, что причиной денонсации (вернее, финальным толчком к такому шагу) стал именно факт присоединения к

[1] Nordic Defense Cooperation Vision 2025 // Nordic Defense Cooperation. URL: https://www.nordefco.org/Files/nordefco-vision-2025-signed.pdf (дата обращения: 18.04.2022).

[2] Sweden's strategy for the Arctic region // Government Offices of Sweden. URL: https://www.government.se/4aaec5/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf (дата обращения: 18.04.2024); Finland's Strategy for the Arctic Region 2013 // Ministry for Foreign Affairs of Finland. URL: https://vnk.fi/documents/10616/334509/Arktinen+strategia+2013+en.pdf/6b6fb723-40ec-4c17-b286-5b5910fbecf4 (дата обращения: 18.04.2024).

[3] Смирнов П.Е. Указ. соч. С. 43.

[4] Поплавская О. Чужое море. Как вступление Швеции и Финляндии в НАТО повлияет на безопасность России // Известия. 17 мая 2022. [Электронная версия]. URL: https://iz.ru/1335251/olga-poplavskaia/chuzhoe-more-kak-vstuplenie-shvetcii-i-finliandii-v-nato-povliiaet-na-bezopasnost-rossii (дата обращения 18.04.2024).

[5] Справка к Указу «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров» // МИД РФ. 15 июля 2007. URL: https://mid.ru/obycnye-vooruzenia/-/asset_publisher/mljdot56nkik/content/id/367930/ (дата обращения 18.04.2024).

[6] Госдума денонсировала Договор об обычных вооружённых силах в Европе // Известия. 16 мая 2023 г.

НАТО Финляндии и перспектива присоединения в ближайшем будущем и Швеции. Как и в случае со странами Балтии, было указано, что нераспространение на оба государства участия в ДОВСЕ, при том, что на пограничные с Финляндией российские территории действие Договора распространяется (можно было бы добавить, что членство Финляндии в Альянсе ведёт к увеличению более чем вдвое протяжённости сухопутных границ России со странами — членами НАТО), и соответственно перспектива размещения на их территориях вооружений и военных объектов других членов НАТО вынудили Россию к такому внешнеполитическому шагу[1].

Чтобы понять, почему именно вступление Швеции и Финляндии в НАТО подтолкнуло Россию к данному шагу, необходимо рассмотреть возможные военные и военно-политические последствия приёма в Альянс этих двух новых членов.

А. Чеков с соавторами выдвигает три «контура» (очевидно, правильнее сказать — три этапа) военного сотрудничества Швеции и Финляндии с НАТО. При этом оговаривается, что для реализации каждого следующего этапа нужно предварительно полностью оформить предшествующий.

На первом этапе должно последовать распространение со стороны НАТО гарантий безопасности на оба вновь вступивших в Альянс государства (ну, это сам собой разумеется, поскольку 5-я статья Устава НАТО, как уже говорилось, автоматически такую безопасность гарантирует; выше мы видели, что Альянс допускал распространение её действия на две страны ещё до их официального вступления в НАТО). Финляндия (в цитируемой статье речь главным образом ней) интенсифицирует военные учения, станет укреплять восточные границы, но масштабных военных развертываний и создания постоянных военных баз (других стран НАТО) не будет, за исключением разве что распространения на воздушное пространство Финляндии патрулирования воздушного пространства стран Балтии[2].

Некоторые авторы пишут, что распространение на эти страны 5-й статьи Устава Североатлантического договора не имеет смысла, поскольку Россия не намерена на них нападать. Однако при этом отмечается, что российско-финляндская граница является одним из самых демилитаризованных районов нашей страны: на ней нет не только больших контингентов войск, но и необходимой для их быстрого развёртывания военной инфраструктуры[3].

Далее, реализация «первого контура» может привести к небезопасным для России последствиям в виде размещения на территориях обеих стран систем противоракетной обороны их союзников по Альянсу (в первую очередь США), что можно сделать и без массового развёртывания войск и баз. А прежде того возможна интеграция систем ПРО двух стран с ПРО их соседей, уже давно входящих в НАТО.

«Второй контур» подразумевает возможность ограниченных развёртываний воинских сил, что будет направлено в основном против Балтийского флота и военных объектов на территории Калининградской области (в случае с Финляндией — скорее против пограничных с нею регионов России, хотя и против Балтийского флота тоже), включая высокоточные ударные системы, направленные против Балтийского флота.

Что же касается «третьего контура», то тут речь идёт уже явно полномасштабном членстве не просто в НАТО, но в его военной организации (например, Франция в ней не состояла с 1966 по 2009 гг.), то есть о размещении на территории страны крупных воинских формирований, постоянных военных баз. Речь может идти и о размещении ядерного оружия. Между тем, Финляндия находится в непосредственной близости от «второй столицы» России — Санкт-Петербурга, да и до многих других крупных городов России расстояние для НАТО с вступлением двух новых членов существенно сократится. Иными словами, сложившаяся стратегическая ситуация на Балтике и не только подвергнется радикальной трансформации в пользу Альянса, который достигнет на этих направлениях бесспорного стратегического превосходства.

[1] Смирнов П.Е. Указ. соч. С.54.
[2] Чеков А. и др. Указ. соч. С.24.
[3] Поплавская О. Указ. соч.

Правда, в настоящее время, по мнению А. Чекова и его соавторов, участие двух стран в НАТО не идет дальше «первого контура», при этом каждый следующий «контур» будет достигнут с меньшей вероятностью, чем предшествующий[1], и действительно, при подаче заявки в НАТО правящая партия Швеции заявила, что военные базы Альянса и ядерное оружие не будут развёртываться на территории страны[2]. Но будет ли так всегда? Год спустя тот же А. Чеков констатирует отсутствие каких-либо оговорок со стороны как Финляндии, так и Швеции, касающихся их участия в НАТО, в том числе и по поводу членства в Комитете ядерного планирования, куда как Стокгольм, так и Хельсинки тоже намерены войти[3].

Далее, ДОВСЕ вводились лимиты на количество боевой техники на флангах НАТО и существовавшего ещё тогда Варшавского договора, при этом южным флангом считались Балканы, Кавказ и Причерноморье (включая Турцию для Альянса), северным — Скандинавские страны для НАТО и Ленинградский военный округ для СССР. На этих «флангах» сторонам разрешалось иметь ограниченное число танков, иной бронетехники и артиллерии — не свыше 4 700, 5 900 и 6 000 соответственно. А в мае 1996 г. в Вене по инициативе России было принято Приложение к ДОВСЕ, по которому России можно было иметь в Ленинградском и Северокавказском военных округах совокупно 700 танков, 580 бронемашин и 1 280 артсистем[4].

О. Поплавская считает, что сами по себе Швеция и Финляндия в военном отношении не представляют значительной угрозы, опасность в том, что на их территориях появится военная инфраструктура Альянса, позволяющая быстро перебросить войска других стран-членов[5]. Однако так ли слабы армии Швеции и Финляндии?

ВВС четырёх скандинавских стран (также Дании и Норвегии — Исландия армии не имеет) включают примерно 250 боевых машин (столько же, сколько Британия и Франция по отдельности), 150 из них из них приходятся на долю Швеции и Финляндии[6], при этом последняя к 2025 г. предполагает закупить 64 истребителя F-35 вместо F-18, что превратит их (совместно с «братьями-скандинавами») в серьёзную силу[7]. Далее, Швеция имеет морские суда (включая подводные лодки), часть которых построена по технологии «Стелс».

Финляндия, со своей стороны, может располагает артиллерией, превосходящей таковую у ведущих европейских стран НАТО. Две страны располагают 220 танками «Леопард» (Германия — 245). ПВО и ракетное вооружение обеих стран тоже на достаточно высоком уровне: например, у Швеции — ЗРК «Patriot» (с 2021 г.), Финляндия же, уже располагающая, помимо всего прочего, крылатыми ракетами американского производства класса «воздух — земля» AGM-158 JASSM, собирается приобрести усовершенствованный вариант таких ракет, с возможностью поражать цели на расстоянии до 980 км с истребителей F-35[8], то есть способный достичь не только Санкт-Петербурга и других близлежащих российских городов.

Всё это не может не беспокоить Россию и если не целиком, то в значительной мере оправдывает её выход из ДОВСЕ.

Наконец, необходимо отметить и такой аспект международного права, как статус Арктики. В пошлом как Финляндия, так (в годы «перестройки») и СССР предлагали сделать Арктику безъядерной и даже полностью демилитаризованной зоной[9]. Между тем, сегодня некоторые эксперты считают, что основная цель приёма двух новых членов

[1] Чеков А. и др. Указ. соч. С. 24—25.
[2] Поплавская О. Указ. соч.
[3] Чеков А. и др. Указ. соч. С.26.
[4] Заречнева Е.С., Ривас Кампос М.А. Европейская безопасность и адаптация договора ДОВСЕ // Материалы Международного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012». М.: МАКС Пресс, 2012.
[5] Поплавская О. Указ. соч.
[6] Смирнов П.Е. Указ. соч. С.49.
[7] Андреев С. Указ. соч.
[8] Смирнов П.Е. Указ. соч. С.49.
[9] Комлева Е.В. и др. Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения. Новосибирск: Изд-во «Параллель», Ин-т истории СО РАН, 2017. С.346—347; Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Россия и Китай в Арктике. М.: Изд-во «Весь мир», 2022. С. 57.

НАТО — это именно активизация Альянса в Арктике[1].

Таким образом, мы видим, что при всех негативных последствиях расширения НАТО за счёт Швеции и Финляндии, формально все международные нормы (договоры, Устав НАТО, учёт общественного мнения и др.) были соблюдены как со стороны Альянса при приёме этих новых членов, так и со стороны России в плане реакции на это событие. Сложнее ситуация с арктическим аспектом расширения НАТО, но предложения по демилитаризации (финские ли, советские или чьи-либо ещё) — это не акты международного права, так что нарушений последнего нет. Арктический же аспект расширения Альянса заслуживает отдельного рассмотрения.

Библиография

1. Данилов, Д.А. Финляндия и Швеция на пути в НАТО / Д.А. Данилов // Обозреватель. — 2022. — № 5-6. — С. 27—39.

2. Заречнева, Е.С. Европейская безопасность и адаптация договора ДОВСЕ / Е.С. Заречнева, М.А. Ривас Кампос // Материалы Международного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012». — Москва: МАКС Пресс, 2012.

3. Комлева, Е.В. и др. Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения / Е.В. Комлева и др. — Новосибирск: Изд-во «Параллель», 2017. — 494 с.

4. Кондаков, А.В. Постоянный нейтралитет — анализ прошлого и перспективы на будущее (на примере Австрии и Швейцарии) / А.В. Кондаков. — М.: Анкил, 2002. — 56 с.

5. Кружков, В.А. Нейтралитет Австрии. Становление — практика — перспективы. — Москва: Аспект Пресс, 2022. — 208 с.

6. Петровский, В.Е. Россия и Китай в Арктике / В.Е. Петровский, Л.В. Филиппова. — Москва: Изд-во «Весь мир», 2022. — 168 с.

7. Смирнов, П.Е. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО: геополитические последствия для позиционирования России в Балтийском регионе / П.Е. Смирнов // Балтийский регион. — 2023. — Т. 15. — № 4. — С.42—61.

8. Чеков, А. Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России / А. Чеков, В. Воротников, А. Чечевишников, У. Якутова // Международная экономика и международные отношения. — 2023. — Т. 67. — № 10. — С. 19—29.

9. Lynch L. Joining the West // International Politics and Society. — 16.06.2022.

10. Parsi T., Stranne F. Sweden Is the Land of Ikea, ABBA — and China Hawks // Foreign Policy. — 24.07.2023.

11. Wieslander A.What Makes an Ally? Sweden and Finland as NATO's Closest Partners // Journal of Transatlantic Studies. — 2019. — Vol.17. — P. 194—222.

[1] Сокирко В. «Цель вступления Финляндии и Швеции в НАТО – контроль за российской Арктикой // Газета.ru. – 13 мая 2022. URL: https://www.gazeta.ru/army/2022/05/13/14851754.shtml (дата обращения 26.04.2024).

Рецензии на военно-правовые издания

Социальные гарантии участникам специальной военной операции: первый общедоступный учебник для широкого круга читателей

© **Иванов Владимир Юрьевич,**
кандидат юридических наук, доцент 25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Публикация представляет собой рецензию на учебник и практикум «Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции», вышедший в столичном издательстве «Русайнс». В учебном издании раскрывается содержание законодательства о социальных гарантиях, предоставляемых участникам специальной военной операции, осуществляемой Российской Федерацией с 24 февраля 2022 г. в целях денацификации и демилитаризации Украины. Рассмотрены вопросы денежного довольствия и дополнительных выплат, материального обеспечения, гарантии в сфере медицинского обеспечения, страховые гарантии, пенсионное обеспечение участников специальной военной операции. Проанализированы законодательные меры социальной поддержки семей участников специальной военной операции, в том числе членов семей погибших. Отдельно раскрываются вопросы социальных гарантий участников специальной военной операции из числа граждан, пребывающих в добровольческих формированиях.

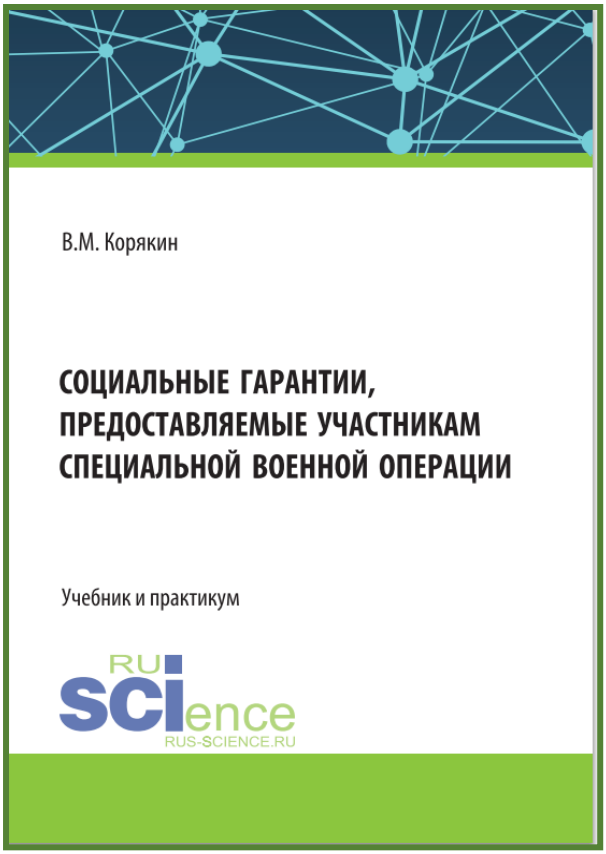
Ключевые слова: специальная военная операция; социальные гарантии участникам специальной военной операции; меры социальной поддержки семей участников специальной военной операции; добровольческие формирования.

Social guarantees for participants in a special military operation: the first publicly available textbook for a wide range of readers

© **Ivanov V.Yu.**,
Candidate of Law, Associate Professor of the 25th Department of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The publication is a review of the textbook and workshop "Social guarantees provided to participants in a special military operation", published in the Moscow publishing house "Rusains". The educational publication reveals the content of legislation on social guarantees provided to participants in a special military operation carried out by the Russian Federation since February 24, 2022 in order to denazify and demilitarize Ukraine. The issues of monetary allowances and additional payments, material security, guarantees in the field of medical care, insurance guarantees, pension provision for participants in a special military operation are considered. Legislative measures of social support for families of participants in a special military operation, including family members of the victims, have been analyzed. The issues of social guarantees for participants in a special military operation from among citizens staying in volunteer formations are separately disclosed.

Keywords: special military operation; social guarantees for participants in a special military operation; measures of social support for families of participants in a special military operation; volunteer formations.

Практика специальной военной операции (СВО), которую Россия проводит с 24 февраля 2022 г. в целях денацификации и демилитаризации Украины, убедительно доказала, что обязательным условием успешного решения военных задач является надежное социальное обеспечение военнослужащих и иных участников СВО, а также их семей. После февраля 2022 г. высшим законодательным органом нашей страны принято не менее 70 новых законодательных актов, направленных на правовое обеспечение СВО, в том числе в части, касающейся дополнительных социальных гарантий, предоставляемым военнослужащим, добровольцам, а также их семьям.

Для достижения реальной социальной защищенности указанных лиц необходимо налаживание постоянной, целенаправленной военно-социальной работы, связанной с реализацией норм военно-социального законодательства. Должностные лица органов военного управления, занимающиеся данной работой, а также работники органов социальной защиты населения, социальных служб, для того, чтобы качественно и эффективно выполнять свои обязанности по социальной поддержке и оказанию социальной помощи участникам СВО и их семьям, должны обладать твердыми знаниями в области военно-социального права. В целях повышения уровня правовых знаний указанных лиц известным специалистом в области военно-социального права доктором юридических наук, профессором В.М. Корякиным разработана учебная программа повышения квалификации «Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции», а также одноименный учебник с практикумом[1]. Предметом изучения названной учебной дисциплины является действующая система законодательства Российской Федерации, посредством которого осуществляется комплексное регулирование общественных отношений, возникающих в сфере социальной защиты участников СВО.

Учебник состоит из восьми глав.

В первой главе рассмотрены **теоретико-методологические и правовые основы предоставления социальных гарантий участникам специальной военной операции**. Автор обосновывает важную мысль о том, что военно-социальное право представляет собой относительно самостоятельную подотрасль военного права, объединяющую правовые нормы, регулирующие общественные отношения, связанные с производством военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей денежных выплат (денежного довольствия, пенсий, пособий, компенсаций, иных выплат), обеспечением натуральными видами довольствия (вещевым, продовольственным), их жилищным, медицинским, торгово-бытовым обеспечением, предоставлением мер социальной поддержки, а также оказанием помощи в защите и восстановлении нарушенных социальных прав. Кроме того, в данной главе проанализированы теоретические аспекты

[1] Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: РУСАЙНС, 2024.

военно-социальное законодательство военного времени, а также определен круг лиц, на которых распространяются социальные гарантии, установленные для участников СВО.

Вторая глава учебника посвящена рассмотрению вопросов **денежного довольствия и дополнительных денежных выплат, предоставляемых участникам СВО**. Здесь показана структура денежного довольствия военнослужащих, проанализированы дополнительные периодические денежные выплаты участникам СВО, а также единовременные и иные дополнительные денежные выплаты. В целях повышения наглядности материала данная глава снабжена соответствующими таблицами, раскрывающими структуру и размеры денежных выплат.

Отдельной разновидностью денежных выплат, на которые вправе рассчитывать участники СВО, являются выплаты, связанные с реализацией **страховых гарантий участников специальной военной операции и их семей**. Этому посвящена *третья глава* рецензируемого учебного издания. В данной главе показаны структура и размеры страховых выплат по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих при наступлении предусмотренных законом страховых случаев. Здесь же дан анализ единовременных пособий и ежемесячных компенсаций, выплачиваемых в случае повреждения здоровья или гибели военнослужащих. Отдельно и подробно раскрыто содержание гарантий по погребению погибших (умерших) военнослужащих.

Важное место в системе социальной защиты участников СВО и их семей занимает их **пенсионное обеспечение.** Об этом идет речь в *четвертой главе* учебника. В ней рассмотрены виды пенсий, назначаемых гражданам, проходившим военную службу по контракту, и их семьям, раскрывается порядок исчисления размеров пенсий, право на получение отдельными категориями граждан нескольких пенсий. Отдельно рассмотрены вопросы пенсионное обеспечение военных пенсионеров, проживающих на территории новых субъектов Российской Федерации (Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей).

В *пятой главе* учебного издания рассмотрены **гарантии участников СВО** в сфере медицинского обеспечения, образования, труда и занятости, налогообложения, кредитования, оказания бесплатной юридической помощи, землепользования и др.

Шестая глава книги именуется «**Социальная поддержка ветеранов боевых действий и семей погибших участников специальной военной операции**». Здесь подробно рассмотрены условия присвоения гражданам звания «ветеран боевых действий» и выдачи удостоверения ветерана, дано описание мер социальной поддержки ветеранов боевых действий и семей погибших военнослужащих, а также проанализирован упрощенный порядок признания военнослужащих безвестно отсутствующими и погибшими.

В рамках СВО в структуре субъектов, активно вовлеченных в боевые действия, появилась такая ранее неизвестная военному праву категория граждан, как члены добровольческих формирований, создаваемых в особый период для оказания содействия Вооруженным Силам Российской Федерации и войскам национальной гвардии в решении возложенных на них задач. Поэтому вполне правомерно, что в структуре рецензируемого учебного издания имеется *седьмая глава,* в которой раскрывается **правовое положение граждан, пребывающих в добровольческих формированиях**. В данной главе подробно рассмотрены такие вопросы, как правовое положение добровольческих формирований и обеспечение их деятельности, правовой статус граждан, пребывающих в указанных формированиях, а также дано подробное описание социальных гарантий, предоставляемых гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях.

Вопросам **организации работы по социальной поддержке участников СВО и их семей** посвящена *восьмая глава* учебника. В данной главе рассмотрены система и полномочия органов, осуществляющих реализацию военно-социальной политики в

отношении участников СВО и членов их семей, подробно проанализированы полномочия Государственного фонда поддержки участников СВО «Защитники Отечества», а также представлен обзор регионального законодательства, устанавливающего дополнительные меры социальной поддержки участников СВО.

Каждая глава учебника сопровождается соответствующими учебно-методическими материалами, включающими:

— контрольные вопросы и задания;

— планы семинарских и практических занятий;

— ситуационные задачи;

— тестовые задания к теме;

— перечень нормативных правовых актов и литературы для самостоятельного изучения.

В приложении к учебному изданию представлена авторская рабочая программа курса «Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции». Главной задачей изучения данной дисциплины является вооружение обучаемых необходимыми знаниями в области применения норм военно-социального законодательства в целях обеспечения законности в сфере социальной защиты военнослужащих, а также повышения уровня их правовой воспитанности и правовой культуры.

Основными задачами изучения основ военно-социального права, применяемого в особый период (военное время, военное положение, мобилизация, вооруженный конфликт), являются:

— получение глубоких и систематизированных знаний об основных институтах военно-социального права — социальные гарантии, социальное обеспечение, социальная поддержка и др.;

— изучение нормативных правовых актов Российской Федерации, Минобороны России, иных государственных органов, необходимых для осуществления служебной деятельности по реализации прав и свобод военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, граждан, пребывающих в добровольческих формированиях.

В результате изучения курса обучаемые должны:

1) *знать*:

— конституционные основы социальной защиты и социального обеспечения граждан Российской Федерации;

— правовые основы социальной защиты военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей;

— общие положения военно-социального права, действующего в особые периоды, и порядок их применения в отношении военнослужащих и членов их семей;

— основные законодательные акты, содержащие нормы военно-социального права;

— основы законодательства о различных видах материального обеспечения военнослужащих;

— правовые основы социальной поддержки ветеранов боевых действий, инвалидов, семей погибших военнослужащих;

2) *уметь*:

— уверенно ориентироваться в нормах законодательства Российской Федерации, регламентирующего вопросы социальной защиты и социальной поддержки военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей;

— оперативно находить нужную правовую информацию и использовать ее в практической профессиональной деятельности;

— организовывать и осуществлять отдельные мероприятия по правовому обучению (воспитанию) участников СВО;

— принимать на правовой основе решения при рассмотрении вопросов, возникающих в процессе реализации социальных гарантий участников СВО и членов их семей;

в) *владеть*:

— юридической терминологией основных нормативных актов, содержащих нормы о социальных гарантиях участников СВО;

— навыками составления (оформления) основных служебных документов, связанных с предоставлением социальных гарантий участникам СВО.

Учебник «Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции» может оказать помощь в изучении основ военно-социального

права курсантам, слушателям, адъюнктам и докторантам военных образовательных организаций высшего профессионального образования, а также всем, кто интересуется современными проблемами права социального обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. Материалы книги могут быть использованы при проведении занятий в системе военно-политической подготовки различных категорий военнослужащих, а также в системе профессиональной переподготовки и повышения квалификации должностных лиц органов военного управления.

Кроме того, книга может быть полезна работникам органов социальной защиты населения, в обязанности которых входит социальное обеспечение и социальная поддержка участников СВО и их семей, а также для социальных работников Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества».

Библиография

Корякин, В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум / В.М. Корякин. — Москва : РУСАЙНС, 2024. — 294 с. ISBN 978-5-466-07130-6

Формирование правовой культуры военнослужащих на основе традиционных духовно-нравственных ценностей

© **Сынков Николай Викторович**,
преподаватель 25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте формирования правовой культуры военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: социально-философский и системно-правовой аспекты». Книга содержит результаты комплексного исследования проблем формирования правовой культуры военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации на основе сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей в интересах воспитания качеств воина как патриота и гражданина, необходимых для решения задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Полученные результаты могут способствовать выработке системных, научно обоснованных политико-правовых мер по формированию правовой культуры военнослужащих на основе развития и сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей с учетом особенностей деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях специальной военной операции.

Ключевые слова: правовая культура, правовое воспитание, традиционные духовно-нравственные ценности, угрозы национальной безопасности, общество, военнослужащие.

Formation of the legal culture of military personnel based on traditional spiritual and moral values

© **Synkov N.V.**,
lecturer of the 25th Department of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article is a review of the collective monograph "Traditional Russian spiritual and moral values in the context of the formation of the legal culture of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation: socio-philosophical and systemic legal aspects". The book contains the results of a comprehensive study of the problems of forming the legal culture of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation on the basis of preserving and developing traditional Russian spiritual and moral values in the interests of educating the qualities of a warrior as a patriot and citizen necessary to solve the tasks of ensuring national security of the Russian Federation. The results obtained can contribute to the development of systematic, scientifically based political and legal measures to form the legal culture of military personnel based on the development and preservation of traditional Russian spiritual and moral values, taking into account the specifics of the activities of the Armed Forces of the Russian Federation in a special military operation.

Keywords: legal culture, legal education, traditional spiritual and moral values, threats to national security, society, military personnel.

В 2024 г. в столичном издательстве «Кнорус» вышла книга, посвященная весьма актуальной для сегодняшнего исторического этапа развития России теме —

формированию правовой культуры военнослужащих, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях российского социума. Работа выполнена авторским коллективом, представляющим две ведущие научные школы ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России: военной философии и военного права. Симбиоз философии и права позволил авторам представить волне оригинальное видение путей формирования правовой культуры военнослужащих в условиях современных угроз военной безопасности Российской Федерации

Военно-теоретический труд, исполненный в форме монографии[1], содержит результаты комплексного исследования проблем формирования правовой культуры военнослужащих на основе сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей в интересах воспитания качеств воина как патриота и гражданина, необходимых для решения задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. С помощью инструментария социально-философского и системно-правового анализа в книге обоснован вывод о том, что недостаточная степень научной разработанности проблем формирования правовой культуры военнослужащих является фактором, препятствующим выработке политических, правовых и духовно-нравственных основ регулирования вопросов, связанных с организацией и осуществлением военно-политической и правовой работы по военно-патриотическому и правовому воспитанию военнослужащих, значение которых в условиях проведения специальной военной операции еще более возросло.

Представленные авторским коллективом выводы о наиболее эффективных направлениях совершенствования данной деятельности, имеющей целью формирование профессиональной правовой культуры военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации на основе сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей, придания этой работе системного характера свидетельствуют о необходимости дальнейшей комплексной проработки обозначенной научной проблемы. В военно-теоретическом труде предложены концептуальные основы системы формирования правовой культуры военнослужащих Вооруженных Сил на основе сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Полученные результаты могут способствовать выработке системных, научно обоснованных политико-правовых мер по формированию правовой культуры военнослужащих на основе развития и сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей с учетом особенностей деятельности Вооруженных Сил и иных воинских формирований России в условиях специальной военной операции, решения поставленных перед ними боевых задач.

[1] Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте формирования правовой культуры военнослужащих: социально-философский и системно-правовой аспекты : монография / П.В. Петрий, А.И. Землин, О.М. Землина [и др.]. М.: КНОРУС, 2024.

Научное издание предназначено для преподавателей, научных и практических работников, адъюнктов, слушателей, курсантов и студентов, изучающих вопросы социально-философского и правового регулирования воинской деятельности, а также всех тех, кто интересуется вопросами патриотического и правового воспитания.

Всестороннему рассмотрению избранной темы научной работы способствует избранная авторами структура монографии, которая включает два раздела, объединяющих семь глав.

Первый раздел книги, состоящий из трех глав, посвящен научному анализу состояния и соотношения традиционных российских духовно-нравственных ценностей и армии.

В *первой главе* данного раздела представлено авторское видение аксиологического измерения социальной жизни и воинской деятельности. Здесь раскрываются природа ценностей и духовность, система духовно-нравственных ценностей российского общества и армии, а также показана ценностная детерминация воинской деятельности современной России

Вторая глава монографии раскрывает ценностные основания воинской деятельности современной России. Дано научное описание духовно-нравственных ценностей воинской деятельности, показана, преемственность духовно-нравственных ценностей воинской деятельности России, а также раскрываются особенности ценностного измерения воинской деятельности современной России.

В *третьей, завершающей главе* первого раздела книги идет речь о защите ценностных основ воинской деятельности современной России. Данный вопрос раскрывается через описание духовных ресурсов и перспектив ценностного самоопределения российских военнослужащих, выявление основных направлений противодействия разрушению духовно-нравственного ядра воинской деятельности, раскрытие инновационного подхода к сохранению и развитию духовно-нравственных ценностей воинской деятельности современной России.

Второй раздел монографии, логически развивая проблематику, поднятую в первом разделе, представляет результаты исследования традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе правовой культуры российских военнослужащих. Данный раздел объединяет семь глав.

В *четвертой главе* комплексно рассматривается понятие правовой культуры личности в контексте современного правопонимания. В этих целях в главе раскрываются методологические основания и подходы к исследованию правовой культуры личности, проанализированы понятие и система правовых ценностей как основа правовой культуры, а также представлены результаты системного анализа правовой культуры личности.

Глава пятая рецензируемого научного издания называется «Правовая культура военнослужащего как явление социально-правовой действительности». Здесь выявлена специфика и сущность правовой культуры военнослужащего, сформулированы ценностно-правовые основания военной службы в Российской Федерации. Проанализировано правовое закрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей в конституционном праве и военном законодательстве, а также раскрывается содержание и типология правовой культуры военнослужащего в контексте ценностного подхода.

В *шестой главе* представлена концепция функционирующей системы правовой культуры военнослужащего. Правовая культура российского военнослужащего рассматривается в данной главе как системное образование. Здесь же описываются противоречия функционирования правовой культуры российского военнослужащего.

Седьмая глава монографии носит явно выраженный практический характер. В ней обосновываются основные направления формирования правовой культуры военнослужащего на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Авторы раскрывают условия оптимизации правовой культуры российского военнослужащего, а также выявляют ценностные

основания формирования правовой культуры российского военнослужащего.

В *восьмой, заключительной главе* книги показаны концептуальные и организационно-правовые основы управления формированием правовой культуры военнослужащего в контексте развития традиционных духовно-нравственных ценностей. Для всестороннего рассмотрения данного вопроса в главе раскрываются теоретико-правовые основы управления формированием правовой культуры военнослужащего, а также описываются направления, формы и методы работы по развитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей в контексте формирования правовой культуры военнослужащего.

Подводя итог, можно сказать, что представленные в рецензируемом научном труде результаты комплексного социально-философского и системно-правового исследования важной научной проблемы, могут послужить основой для осознания направлений, средств, форм и методов формирования правовой культуры военнослужащего в контексте сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, необходимого для разработки мер государственной политики в указанной сфере, определения концептуальных положений для разработки органами публичной власти планов мероприятий по реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809), методик воспитательной и правовой работы с военнослужащими Вооруженных Сил, имеющих значимый прикладной характер.

Библиография

Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте формирования правовой культуры военнослужащих: социально-философский и системно-правовой аспекты : монография / П.В. Петрий, А.И. Землин, О.М. Землина [и др.]. — Москва : КНОРУС, 2024. — 432 с. ISBN 978-5-406-13145-9